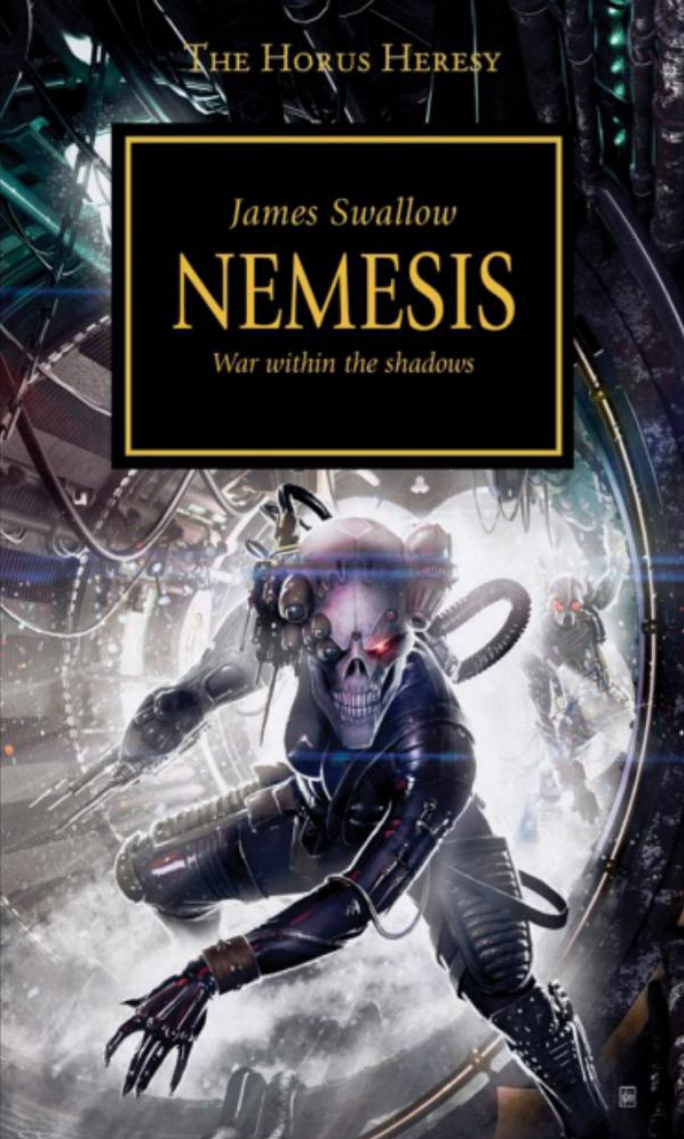
THE HORUS HERESY

James Swallow

NEMESIS

War within the shadows



Annotation

После резни на Исстваане V Хорус провозгласил открытую войну против Империума.

В тайном зале Императорского Дворца собирается могущественный совет, члены которого никогда не видели лиц друг друга. Совет собирается после очередной провальной попытки устранить Архипредателя усилиями подосланного профессионального ассасина. Официо Ассасинорум решает отправить целую команду агентов, чтобы все-таки достичь цели и остановить гражданскую войну в Империуме Человечества. И очень скоро все маски будут сброшены...

- Джеймс Сваллоу
  - Действующие лица
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2

        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
    - Часть вторая
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16

Джеймс Сваллоу
НЕМЕЗИДА
Война в тенях

Это легендарное время.

Могущественные герои сражаются за право управлять Вселенной. В результате Великого Крестового Похода Император Человечества покорил Галактику, миллиарды чуждых рас были смяты лучшими воинами Империума и стерты с лица истории.

Встает рассвет новой эры господства человеческой расы. О победах Императора свидетельствуют сверкающие цитадели из мрамора и золота. В миллионах миров звучат триумфальные восхваления его могущественных и непобедимых воинов.

Самые выдающиеся из них — примархи — героические существа, ведущие Легионы космодесантников Императора от одной победы к другой. Появившиеся на свет в результате блестящего генетического эксперимента Императора, примархи непобедимы и не ведают преград. Космический Десант состоит из самых сильных представителей человеческой расы Галактики, и каждый из них в бою способен одолеть сотню и даже больше обычных солдат.

Космодесантники образуют огромные армии в десятки тысяч воинов и под руководством своих предводителей-примархов сражаются по всей Вселенной во имя Императора.

Главный среди примархов — Хорус, прозванный

Великолепным, Сияющей Звездой, любимец Императора, почти что сын. Он великий Воитель, главнокомандующий имперских военных сил, покоритель тысяч и тысяч миров, завоеватель Галактики. Это воин, равного которому нет в мире, превосходный дипломат с безграничным честолюбием. И пока пламя войны распространяется по всему Империуму, всем лидерам человечества предстоят суровые испытания.

Действующие лица

Карательный отряд

Эристид Келл — полномочный ассасин, круг Виндикар

Дженникер Соалм — затворница, круг Вененум

Гарантин — уничтожитель, круг Эверсор

Фон Тариил — инфоцит, круг Ванус

Койн — призрак, круг Каллидус

Йота — протовирус, круг Кулексус

Официо Ассасинорум

Магистр ассасинов — Верховный Лорд Терры

Сир Виндикар — магистр и директор-примас, круг Виндикар

Сиресса Вененум — магистр и директор-примас, круг Вененум

Сир Эверсор — магистр и директор-

примас, круг Эверсор

Сир Ванус — магистр и директор-примас, круг Ванус

Сиресса Каллидус — магистр и директор-примас, круг Каллидус

Сир Кулексус — магистр и директор-примас, круг Кулексус

ЛЕГИО КУСТОДЕС

Константин Вальдор — капитан-генерал и командир Кустодианской гвардии

ЛЕГИОН ИМПЕРСКИХ КУЛАКОВ

Рогал Дорн — примарх Имперских Кулаков

Эфрид — третий капитан

СЫНЫ ХОРУСА

Хорус Луперкаль — примарх Сынов Хоруса, Воитель

Малогарст — советник Хоруса

Люк Седирэ — капитан Тринадцатой роты

Деврам Корда — ветеран-сержант, Тринадцатая рота

Легион Несущих Слово

Эреб — первый капеллан Несущих Слово

Другие деятели Империума

Малькадор Сиггиллит — регент Терры

Йозеф Сабрат — смотритель Йесты Веракрукс, дознаватель

Дайг Сеган — смотритель Йесты Веракрукс, дознаватель

Бертс Лаймнер — старшина смотрителей Йесты Веракрукс

Ката Телемах — верховный смотритель Йесты Веракрукс

Эрно Сигг — гражданин Империума

Мерриксун Эврот — войд-барон Нарваджи, агент-нунций Таэбианского сектора Гиссос — оперативник службы безопасности торгового консорциума «Эврот»

Перриг — псайкер, служащая в торговом консорциуме «Эврот»

Капра — житель Дагонета

Террик Грол — житель Дагонета

Лийя Бейя — житель Дагонета

Леди Астрид Синоп — жительница Дагонета

Только Император может осудить преступления тех, кто не повинуется Империуму.

И приговор Императора будет вынесен только после твоей смерти.

Из правил Официо Ассасинорум

Монстр похвалялся тем, что он сделает, когда захватит дом бога и повелителя, не зная, что Немезида услышала его слова и запомнила их.

Из произведения древнего терранского поэта Нонна[1]

Мы живем в мире и обманываем самих себя. А на самом деле вокруг нас всегда бушуют невидимые войны, даже если они и не попадают в поле нашего зрения. И как глупо, что ни один человек не желает знать правду. Люди живут своей жизнью, несмотря на то что безмолвные орудия раскалывают небо у них над головами.

Приписывается летописцу Игнацию

Каркази

Часть первая
ЭКЗЕКУЦИЯ

Глава 1
НАГЛЯДНЫЙ УРОК ТАКТИКА ОБМАНА ЗВЕЗДА

Мир Гигс Прайм был уничтожен и окончательно умер, превратившись в скопление догорающих углей. Ноздреватые черные скалы вокруг лагеря скрылись под пеленой низко стелющегося тумана из радиоактивной пыли, оставшейся от городов после продолжительной орбитальной бомбардировки. Обстрел ядерными снарядами швырнул планету на плаху палача, и теперь ее остывающий труп плотно окутал смертный саван — безмолвный и смертоносный покров радиации, уничтожавшей остатки жизни.

Здесь, в глубоком каньоне, где на поверхность высадились завоеватели, высокие каменные стены защищали долину от большей части огненных смерчей, хлеставших планету. Люди, даже если бы не сгорели, как бумага, и пережили

страшный кошмар, все равно погибли бы в течение часа. Однако завоеватели были не настолько слабы.

Гибель целого мира была для них лишь незначительным эпизодом. Как только воины закончат здесь свои дела, они вернутся на боевые корабли и смоют зловоние мертвой планеты со своей брони, как человек смывает с обуви прилипшую грязь. Они покончат с этим и больше ни разу не вспомнят об этом мире. Не вспомнят о том, что воздух, поступающий в их легкие, насыщен распыленными останками всех мужчин, женщин и детей, называвших Гигс Прайм своим домом.

Планета умерла и своей смертью послужила достижению главной цели. С дюжины других миров системы Гигс, более ценных и многолюдных, чем этот, люди в свои мнемоноскопы будут смотреть на затухающие угли убитого мира. Почему был атакован именно этот мир, а не какой-то другой? Этот вопрос возник в тот момент, когда военные корабли прошли мимо них. Но теперь ответ был ясен: ради наглядного урока.

Тобельд не задумывался над этим. Он пробирался вдоль временных навесов, устроенных под крыльями стоявших на земле «Грозовых птиц», и прислушивался к разговорам воинов, прерываемым хлопаньем растяжек и раздуваемых ветром полотнищ. С оставшихся на орбите кораблей уже поступали донесения. Остальные миры этой системы, орбитальные платформы, система планетарной обороны — все отказались от своей свободы без каких-либо условий. Урок усвоен.

Овладение системой Гигс прошло быстро и без осложнений. Спустя несколько десятилетий это событие едва ли удостоится большего внимания, чем пара строк в анналах истории войны. Военная флотилия не понесла сколько-нибудь значительных потерь, ничего, что могло бы привлечь внимание автора грандиозного конфликта, частью которого стала эта небольшая операция. Система Гигс была еще одним камнем на извилистой тропе, начавшейся в системе Исствааи и ведущей на другой конец

Галактики к Терре. Смерть Гигс Прайм отметила еще один шаг, за которым осталась незамеченной кровь миллионов людей. Согласно традиционной логике войны, у завоевателей не было ни малейшего повода даже просто высаживаться на поверхность этой планеты, но они все же спустились с орбиты небольшой группой, и о причинах этого поступка можно было только догадываться.

Тобельд поднял руку и закрыл рот тканью капюшона, чтобы приглушить кашель. Во рту остались мокрота и медный привкус. Радиация уже убила его в тот момент, когда он вышел из шаттла вместе с другими рабами, которых привезли с корабля, чтобы прислуживать завоевателям. Все они умрут еще до захода солнца. Он знал, что разделит общую участь, но достижение цели того стоило. На корабле, в сумраке спальной капсулы, Тобельд использовал четверть своего запаса, чтобы изготовить радиопротектор; все остальное он употребил для создания вещества, которое

теперь помещалось в стеклянном сосуде величиной с палец, закрепленном на внутренней стороне его запястья. Он приложил немало усилий, чтобы избавиться от остатков своего снаряжения, но все еще опасался, что какой-то след его выдаст. И радиопротекторы действовали довольно слабо. Времени у него очень мало.

Тобельд прошел мимо закрытого кожухом двигателя десантного судна и сквозь темную пелену дыма отыскал взглядом самый большой шатер — приземистую палатку из камуфлирующего материала. Порыв ветра на секунду приподнял входное полотнище и дал ему возможность заглянуть внутрь. Он увидел нечто вроде отблесков огня, пляшущих на полированных пластинах керамитовой брони, и влажные разводы, похожие на ожившие струи крови. Через мгновение ветер сменился, и видение исчезло. Но и этой малости было достаточно, чтобы вызвать у него дрожь.

Тобельд нерешительно замер. От «Грозовой птицы» до шатра ему

предстояло пересечь открытое пространство, и он не мог позволить себе быть задержанным. После длительной подготовки его миссия вступает в завершающую стадию. Нельзя допустить ни единой ошибки. Еще никому не удавалось так близко подобраться к цели. Он не вправе потерпеть неудачу.

Тобельд судорожно втянул воздух. Этой операции он посвятил целый солнечный год своей жизни, пожертвовав отличным прикрытием после десяти лет, проведенных в образе мелкого функционера несуществующего клана. Новая цель настолько увлекла его, что он добровольно отказался от этой тщательно выстроенной маскировки. Ради этой миссии он осторожно, при помощи многочисленных доз самых разнообразных ядов добился назначения на боевую баржу «Дух мщения», флагман Хоруса Луперкаля.

После предательства на Исстваане, положившего начало восстанию Хоруса против Империума и своего отца, Императора Человечества, прошло уже два года. За этот период он добился

значительных успехов в покорении Галактики. Как и в данном случае, каждая солнечная система, попадавшаяся на пути военных кораблей Хоруса, либо переходила на его сторону, либо подвергалась жестокому уничтожению. Множество миров, объединенных во время Великого Крестового Похода, теперь разрывались между верностью либо далекой Терре и отсутствующему Императору, либо победоносному Хорусу и армии его полководцев. Из обрывков информации, доходивших до нижней палубы, где обретался Тобельд, становилось ясно, что армада мятежников с каждым днем становилась все сильнее. Железная хватка Хоруса сжимала один сектор Галактики за другим. Не надо было иметь особых тактических знаний, чтобы понять: Хорус накапливает энергию для решительного броска — атаки на Терру и Императорский Дворец.

Нельзя позволить Хорусу сделать этот последний шаг.

Поначалу он казался недостижимым объектом. Сам Воитель, примарх, полубог

и прославленный воин, и Тобельд, обычный смертный. Очень опытный и искусный убийца, но все же только человек. Пытаться нанести удар по Воителю на борту «Духа мщения» было бы полным безумием. Тобельд пять долгих месяцев трудился на корабле, прежде чем смог хотя бы издали взглянуть на Воителя, а когда увидел это могущественное создание, не мог не задать себе вопрос: «Как же я его убью?»

Обычные яды для физиологии Астартес были совершенно бесполезны, эти воины могли их пить с той же легкостью, с какой Тобельд мог выпить вино. Но Тобельд взялся за эту проблему именно по той причине, что яды были его излюбленным оружием. Яды могли действовать быстро, могли долго ожидать своего часа, могли рассасываться без следа. Тобельд был одним из лучших мастеров токсикологии круга Вененум. Еще во время ученичества он создавал яды из самых примитивных материалов, он устранил десятки целей и не оставил следов. И мало-помалу он стал верить,

что способен на это, если только судьба предоставит ему хоть малейший шанс.

Оружие хранилось во флаконе. Тобельд создал вещество комбинированного действия: смесь суспензий молекулярных катализаторов, временно приостанавливающих жизнедеятельность генномодифицированного вируса поглотителя воды — страшного организма, который способен за считанные секунды лишить живое существо всех запасов влаги. И когда Хорус объявил, что возглавит наземную операцию на Гиго Прайм, Тобельд услышал в его словах звон колоколов судьбы. Это его шанс. Его единственный шанс.

На нижних палубах «Духа мщения», где обитали слуги и сервиторы, ходили самые разнообразные слухи и домыслы. Люди говорили о странных событиях, имевших место на верхнем уровне, где жили Астартес, о переменах, о призраках и загадочных явлениях в разных частях судна. Тобельд слышал разговоры и о так называемых ложах, где происходили эти

странные события. Доходили до него слухи о ритуалах, проводимых на поверхности завоеванных миров, своей жестокостью и бесчеловечностью до тошноты похожих на обряды идолопоклонников. Люди, разносившие эти слухи, как правило, быстро исчезали, и после них не оставалось ничего, кроме неопределенных страхов.

Ветер немного утих, и Тобельд сосредоточился на своем оружии. Хорус был совсем близко, не далее как в десяти шагах, внутри шатра, где вместе со своими приближенными — Малогарстом, Аваддоном и остальными — участвовал в очередном ритуале. Уже близко, близко, как никогда. Тобельд постарался отвлечься от боли в горле и суставах. Войдя в шатер, он вольет яд в кувшин вина, стоящий рядом с Хорусом, и наполнит кубки Воителя и его ближайших боевых братьев. Одного глотка будет достаточно, чтобы яд проник в организм, и... Тобельд надеялся, что этого хватит, чтобы их убить. Сам он уже не доживет до окончания своей миссии, с него достаточно

и веры в собственное искусство.

Пора. Он шагнул из тени крыла «Грозовой птицы», и тотчас раздался голос:

— Это он?

Из сумрака дымовой завесы, где-то совсем рядом прозвучал леденящий ответ:

— Да.

Тобельд попытался развернуться на месте, но его ноги уже оторвались от земли. Сначала он увидел руку, схватившую его за одежду, а затем проявился огромный темный силуэт в броне серо-стального цвета. Наконец из мрака вынырнуло и мрачное лицо, состоявшее, казалось, из одних углов и неприкрытой угрозы. На нем выделялись широко посаженные черные глаза, сверкавшие злобной радостью.

— Куда ты направляешься, маленький человечек?

Тобельд не мог не удивиться, что такой огромный воин смог подобраться к нему без единого звука.

— Господин, я...

Говорить было очень трудно. В горле

Тобельда пересохло, как в пустыне, а одежда, схваченная рукой Астартес, сильно врезалась в шею. Он попытался сделать вдох, но не слишком резкий, опасаясь, что мятежник сочтет это за отчаянную попытку сопротивления и отреагирует соответствующим образом.

— Тихо, тихо, — прозвучал еще один голос.

Из пелены дыма появилась новая фигура, еще более массивная и грозная. Тобельду бросились в глаза замысловатые гравировки и медальоны из драгоценных камней, украшавшие грудь второго Астартес, а также знаки отличия, свидетельствовавшие о высоком ранге воина из Легиона Сынов Хоруса. Но даже и без этих символов он тотчас узнал смеющееся лицо и очень светлые волосы Люка Седирэ, капитана Тринадцатой роты.

— Давай не будем устраивать из этого спектакль, — продолжил Седирэ.

Его правая рука непроизвольно согнулась; он не носил на ней латную рукавицу, демонстрируя полированную

бронзу и анодированную черную сталь аугментического механизма на месте утраченной кисти. Седирэ потерял руку на Исстваане, сражаясь против Гвардии Ворона, и гордился своей раной, словно почетной наградой.

Взгляд Тобельда переместился на державшего его воина, и на его доспехах он тоже отыскал символы Тринадцатой роты, а затем узнал в нем Деврата Корду, одного из заместителей Седирэ. Но это не сулило ему ничего хорошего. Он снова попытался заговорить:

— Господа, я только выполняю свой долг...

Но слова застряли в горле, и Тобельд закашлялся, закончив фразу судорожным вдохом.

Из-за спины Корды, с той же дорожки, по которой только что прошел Тобельд, появился третий Астартес. Этого воина ассасин тоже отлично знал. Доспехи цвета высохшей крови, лицо, под кожей которого бушует ураган, и взгляд, который невозможно выдержать. Эреб.

— Свой долг, — повторил первый

капеллан Несущих Слово, обдумывая его оправдания. — Это не ложь.

Голос Эреба звучал сдержанно, почти мягко, лишь слегка перекрывая шум ветров Гигса.

Тобельд моргнул, ощущая, как в его груди разрастается ужас, рожденный леденящим сознанием неотвратимости. Эреб знал, кто он такой. Каким-то образом это было ему известно с самого начала. Весь вид приближавшегося Астартес говорил о том, что все осторожные ухищрения, все безукоризненное мастерство ассасина — все это было напрасно.

— Мой долг служить Воителю! — выпалил Тобельд, отчаянно стараясь выиграть еще несколько мгновений жизни.

— Тихо! — приказал ему Несущий Слово, прежде чем ассасин успел сказать что-нибудь еще. Эреб оглянулся на шатер командующего. — Нельзя беспокоить Великого Хоруса. Он будет... недоволен.

Корда тряхнул Тобельда, как рыбак встряхивает ничтожный улов, прежде чем бросить его обратно в море.

— Такой слабый, — произнес он. — Он умирает прямо на глазах. Радиация пожирает его изнутри.

Седирэ скрестил руки на груди.

— Ну? — нетерпеливо обратился он к Эребу. — Это какая-то игра Несущих Слово, или у нас имеется реальная причина, чтобы мучить этого раба? — Он брезгливо поджал губы. — Мне становится скучно.

— Это убийца, — пояснил Эреб. — Своего рода оружие.

Тобельд только сейчас понял, что они поджидали именно его.

— Я... простой слуга, — прохрипел он.

От крепкой хватки Корды руки и ноги у него уже начали неметь, а перед глазами все расплывалось.

— Ложь, — бросил Несущий Слово, и обвинение прозвучало ударом хлыста.

Паника прорвала остатки сдерживающих барьеров в мозгу Тобельда, и он ощутил, как ужас захлестнул его с головой. Вся логика немедленно испарилась, оставив лишь чувство животного страха. Все приемы сохранения

хладнокровия, которым он обучался в школе с самого детства, оказались бесполезными под холодным, очень холодным взглядом Эреба.

Тобельд согнул руку в запястье, и флакон оказался в его пальцах. Он резко дернулся в руке Корды и отчасти застал Астартес врасплох, так что ему удалось резко опустить стеклянный цилиндр вниз. Кристаллическая структура флакона, реагирующая на интенсивное движение, открыла в широкой части крошечное отверстие, через которое высунулись монолекулярные иглы. Эти тонкие проволочки, не намного превосходящие толщиной человеческий волос, тем не менее могли легко проникнуть сквозь грубый эпидермис Адептус Астартес. Тобельд потянулся к покрытому шрамами лицу Корды, промахнулся и снова изогнулся, пытаясь убить державшего его Астартес. Он действовал совершенно бездумно, как механизм, в котором сбилась заложенная программа.

Корда решил утихомирить ассасина и шлепнул его по голове тыльной стороной

ладони свободной руки, но удар получился таким сильным, что сломалась челюсть и едва не раскололся череп. Кроме того, Корда выбил ему один глаз. Тобельд на мгновение лишился сознания, а очнулся уже на земле. Кровь из разбитого рта и носа уже собралась в небольшую лужицу.

— Эреб прав, мой лорд, — сказал Корда, и его голос показался очень далеким и приглушенным.

Рука Тобельда заскребла согнутыми пальцами песок и срытый под ним камень. Оставшимся здоровым глазом он увидел, что флакон не разбился и до сих пор лежит там, где упал. Ассасин осторожно попытался до него дотянуться.

— Да, прав, — услышал Тобельд, как Седирэ, вздохнув, согласился со своим сержантом. — Кажется, это входит у него в привычку.

Ассасин взглянул вверх. Это простое движение вызвало почти непереносимую боль, а силуэты Астартес расплывались перед ним в кровавом тумане. Холодные глаза смотрели на него с осуждением и презрением.

— Покончи с ним, — сказал Эреб.

— Мой лорд? — переспросил Корда.

— Сделай, как он говорит, брат-сержант, — вмешался Седирэ. — Мне все это надоело.

Один из силуэтов приблизился, стал еще больше, и Тобельд увидел, как флакон исчезает в закрытой сталью руке.

— Интересно, что это такое?

А потом стекло блеснуло в руках Астартес, и иглы впились в разбитую руку Тобельда.

Седирэ с холодным равнодушием человека, повидавшего немало смертей, наблюдал, как умирает слуга. Он без особого любопытства ждал, не проявится ли в этом убийстве какое-нибудь отличие от всех остальных методов умерщвления, и в некоторой степени его ожидание оправдалось.

Когда тело человека задергалось и начало съеживаться, Корда закрыл ему рот, чтобы приглушить вопли. Во время Великого Крестового Похода капитану Тринадцатой роты на спутнике Каслона

пришлось утопить мутанта в замерзающем озере. Он держал отвратительное существо под поверхностью мутной воды до тех пор, пока тот не умер.

И сейчас, глядя на умиравшего от яда раба, он вспомнил о том случае. Одетый в балахон с капюшоном прислужник тонул на суше, если только такое возможно. Там, где одежда не прикрывала его тело, можно было видеть, как кожа, обожженная радиацией, бледнела и становилась землисто-серой, а затем стремительно сокращалась, обтягивая кости и мышцы, которые, в свою очередь, тоже быстро атрофировались. Даже кровь, пролившаяся на землю, мгновенно испарилась, оставив легкие коричневые хлопья, полностью лишенные влаги. Наконец Корда отвел руку и стряхнул с ладони сухую пыль.

— Болезненная смерть, — заметил сержант, осмотрев рукавицу. — Видишь? — Он показал крошечную царапину на керамитовой рукавице. — Он так страдал, что даже укусил меня. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Седирэ оглянулся на командный шатер. Никто не вышел оттуда, чтобы поинтересоваться происходящим. Хорус и его морнивальцы вряд ли даже знали, что рядом произошло убийство. В конце концов, им и без того было чем заняться. Предстояло составить и воплотить столько новых планов...

— Я доложу Воителю, — вдруг услышал он свой собственный голос.

Эреб шагнул ближе:

— Ты считаешь, что это необходимо?

Седирэ взглянул на капеллана. Несущий Слово обладал особым даром привлекать внимание окружающих именно в те моменты, когда это было ему нужно. В таких случаях он притягивал к себе взгляды, как черное солнце притягивает свет и материю, чтобы поглотить их. Но порой он добивался противоположного эффекта: в наполненной людьми комнате он становился настоящим призраком, и взгляды скользили по нему, словно по пустому месту. В редкие моменты откровенности Люк Седирэ признавал, что присутствие Эреба вызывает у него

замешательство. Каждый раз, когда Несущий Слово собирался что-то сказать, капитан Тринадцатой роты не мог избавиться от беспокойства, возникавшего в его мыслях. И уже не в первый раз, несмотря на присягу, принесенную Лунным Волкам — а теперь Сынам Хоруса по названию и знамени, — Седирэ спрашивал себя, почему Воитель после вступления на путь мятежа против Императора удерживает при себе Эреба. И это была лишь одна из проблем, беспокоивших его в последнее время. Груз сомнений становился тяжелее с каждым месяцем, проведенным в этой глуши, когда главная цель — Терра — оставалась вне пределов досягаемости.

Он коротко усмехнулся и показал на труп:

— Кто-то пытался его убить. Да, братец, я считаю, что это может представлять интерес для Хоруса Луперкаля.

— Но ты же не настолько наивен, чтобы полагать, будто эта жалкая попытка стала первым покушением на жизнь Воителя?

На его беспечные, почти презрительные слова Седирэ сердито прищурился.

— Но могу поручиться, что она первая, которая оказалась так близка к завершению, — сказал он.

— Еще несколько шагов, и убийца проник бы в шатер, — пробормотал Корда.

— Расстояние не имеет значения, — отмахнулся Эреб. — Ключевым фактором является реальная опасность.

— Было бы интересно узнать, кто его послал, — настаивал на своем Корда.

— Отец Воителя, — немедленно ответил Эреб. — Даже если приказ отдавал и не сам Император, значит, это сделал кто-то из его лакеев.

— Ты, кажется, полностью в этом уверен, — заметил Седирэ. — Но у Воителя уже немало врагов.

Несущий Слово слегка улыбнулся и покачал головой.

— На сегодняшний день о них не стоит беспокоиться. — Он перевел дыхание. — Мы втроем ликвидировали угрозу до того, как она стала реальной,

так что и говорить больше не о чем. — Эреб кивнул в сторону шатра. — Воителю предстоит покорить Галактику. У него и без этого много проблем. Неужели ты захочешь попусту отвлекать своего примарха, Седирэ?

Эреб пренебрежительно ткнул труп носком ботинка.

— Я уверен, что Воитель сам должен решить. — В голосе Седирэ и в изгибе его губ отчетливо проявилось раздражение. — Возможно...

Он спохватился и умолк, едва мысль успела оформиться.

— Возможно? — повторил Эреб, немедленно ухватившись за слово, как будто он догадывался, что должно за ним последовать. — Договаривай, капитан. Мы все здесь единомышленники. Все братья ложи.

Седирэ какое-то время молча обдумывал свои слова, прежде чем позволить им слететь с губ.

— Возможно, если бы такие происшествия не утаивались от Хоруса, Несущий Слово, он бы решил действовать

быстрее. Возможно, если бы от него не скрывали существующих угроз нашей кампании, он бы...

— Он бы ускорил поход к сегменту Солар, к Земле? — Эреб придвинулся почти вплотную, хотя, казалось, даже не двигался. — Так вот в чем дело? Тебе кажется, что размеренная поступь нашего похода слишком медлительна. Тебе бы хотелось уже завтра начать осаду Императорского Дворца.

— Мой капитан не одинок в своем мнении, — многозначительно заметил Корда.

— Нам хватило бы и одного месяца, — блеснув зубами, ответил Седирэ. — И все было бы кончено. Ты и сам это знаешь.

Улыбка Эреба стала шире.

— Я не сомневаюсь, что, с точки зрения воинов Тринадцатой роты, все выглядит достаточно просто. Но позволь тебя заверить, это не совсем так. Нам еще многое предстоит сделать, Люк Седирэ. Надо составить немало кусочков мозаики, и еще не все обстоятельства сложились так, как нам хотелось бы.

Капитан сердито фыркнул:

— О чем ты толкуешь? Неужели мы должны дожидаться благоприятного расположения звезд?

Улыбка покинула лицо Несущего Слово.

— Совершенно верно, братец. Совершенно верно.

Неожиданная холодность ответа Эреба вызвала небольшую паузу.

— Похоже, мне недостает твоего дара предвидения, — сказал Седирэ после недолгого молчания. — И я не вижу преимуществ в этом промедлении.

— Пока мы следуем за Воителем, все будет в порядке, — сказал ему Эреб. — В скором будущем нас ждет победа. — Он задержался перед трупом, который под порывами ветра уже начал рассыпаться в пыль. — Возможно, даже скорее, чем можно было бы ожидать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Корда.

— Трюизм военных действий. — Эреб не сводил глаз с тела убитого ассасина. — Если по отношению к нам применяют

какую-то тактику, значит, этой тактикой может воспользоваться и мы.

Вместе с рассветом появились облака, и яркие звезды системы Таэб начали таять в янтарном сиянии солнца, а чистая голубизна постепенно смывала темноту уходящей ночи. Прижатый к одному из окон тесной кабины колеоптера, Йозеф Сабрат воспользовался моментом и застегнул воротник кителя. Долгий летний сезон на Йесте Веракрукс бесповоротно закончился, и наступило время очередной осезимы, уже приближавшейся неспешными шажками. Здесь, высоко в утреннем небе, можно было без труда ощутить ее близость. Через пару недель зарядят бесконечные дожди, сейчас им самое время. Говорят, нынешний урожай будет достоин занесения в книгу рекордов.

Самолет нырнул, попав в зону турбулентности, и Йозеф подпрыгнул на своей скамье. Как и большинство машин, принадлежащих Защите, колеоптер был старым, но ухоженным, это был один из

тех механизмов, которые вели отсчет своего возраста от Второго Основания и великого колониального исхода. Пилот приступил к плавному повороту на левый борт, и гудение роторных винтов в цилиндрическом корпусе позади пассажирского отсека изменило тон. Йозеф не стал сопротивляться силе инерции, его голова повернулась, и он посмотрел наружу через гладкий купол обзорного иллюминатора поверх голов двух стрелков, которые, не считая его, были единственными пассажирами самолета.

Редкие полосы белых облаков разошлись, открывая ему отличный обзор. Колеоптер пролетал над каньоном Брегхут с его отвесными стенами из красного камня, уходящими далеко вниз, куда редко заглядывало даже полуденное солнце. Навстречу рассвету раскинулись террасы виноградников, и солнечные батареи раскрывались и поворачивались, словно черные паруса какой-то океанской шхуны. Вдали к растянувшимся на целые километры шпалерам прильнули зеленые волны растительности, напоминавшие

застывшие в падении водопады изумрудов. Будь они ближе, Йозеф смог бы рассмотреть и силуэты сборщиков вместе с автоматонами в керамических корпусах, которые двигались между шпалерами, срезая с паутины лоз поспевшие грозди.

Двигатель колеоптера снова взревел, когда машина поймала восходящий поток и вошла в плавный разворот, выравнивая курс на жилые башни, поднимавшиеся с вершины скалы к светлеющему небу. Стены высоких стройных сооружений покрывали целые акры белой штукатурки, а нарушавшие ее монотонность ставни окон почти везде еще были закрыты. Новый день только начинался. Большинство жителей столицы в этот предрассветный час еще спали в своих постелях, и Йозеф откровенно им завидовал. Выпитая в спешке чашка рекафа, составлявшая весь его завтрак, только раздразнила желудок. Он плохо спал предыдущей ночью — в последнее время это случалось нередко, — и когда сигнал вокса прогнал остатки тяжелой дремоты, он почти обрадовался. Почти.

Гул двигателя поднялся до протяжного воя. Колеоптер увеличил скорость и снизился, пролетая над лесным массивом, окаймлявшим главные аэродоки столицы. Йозеф засмотрелся на ковер мелькающих зеленых и коричневых пятен и постарался забыть обо всем на свете.

Неожиданно в негромком разговоре двух егерей его насторожило одно слово. Йозеф нахмурился и постарался не обращать на него внимания, не слушать чужих разговоров, а сосредоточиться на звуке двигателя, но это ему не удалось. Это слово, имя, произнесенное шепотом из страха перед могуществом его носителя.

Хорус.

Всякий раз, когда Йозеф слышал это имя, оно звучало проклятием. Каждый, кто осмеливался его произносить, опасался повысить голос, словно страшась навлечь на себя гнев неведомых сил. Или, возможно, из страха, что эта комбинация звуков, произнесенная во весь голос, может вызвать сильный приступ тошноты. Это имя тревожило его. Слишком долго оно олицетворяло благородство и героизм, а

теперь его значение изменилось на противоположное, и это никак не укладывалось в аналитическом разуме Йозефа.

Некоторое время он колебался, не предостеречь ли сидящих рядом попутчиков, но в конце концов отказался от этой мысли. При всем обилии солнечного света над процветающим обществом Йесты Веракрукс в этом мире существуют мрачные тени, о которых не каждый хотел бы знать. И в последнее время тени стали длиннее и гуще, чем обычно, а людей охватили страхи и сомнения. Этого следовало ожидать.

Колеоптер еще раз поднялся, чтобы перевалить через последний барьер из горных сосен, а затем стал спускаться к остроконечным башням, посадочным площадкам и блокгаузам, составлявшим главный порт столицы.

У транспорта Защиты имелось особое разрешение, и потому колеоптеру не требовалось запрашивать наземные службы для определения посадочной

площадки. Вместо этого пилот ловко проскользнул между двумя наполовину заполненными газом воздушными шарами и опустил машину на клочок феррокрита размером не больше самого самолета. Йозеф и двое егерей только успели спуститься по трапу, как поток воздуха от винтов снова превратился в яростный вихрь, и колеоптер взмыл к голубому небу. Прикрыв глаза ладонью от пыли и поднятых ветром листьев, Йозеф проводил его взглядом.

Затем он засунул руку под китель и, потянув за цепочку, вытащил висевший на шее тонкий серебристый стержень. Йозеф огляделся по сторонам и большим пальцем рассеянно провел по всей длине стержня, по гравировке и встроенным символам, удостоверяющим его ранг и полномочия смотрителя. В отличие от егерей, носивших во время дежурства на улицах латунные бляхи, смотритель с таким стержнем имел статус офицера-дознавателя.

Пассажиры колеоптера присоединились к другим служащим,

которые тщательно осматривали всю прилегающую территорию. Позади них Йозеф заметил автоматизированный установщик заграждений, за которым тянулся толстый кабель с предупредительными флажками.

Его взгляд остановился на знакомом лице.

— Сэр!

Высокий и худой Скелта, как утверждали злые языки, своим внешним видом напоминал грызуна-переростка. Егерь, слегка сутулясь, хотя колеоптер давно улетел, поспешно устремился к Йозефу. Он был бледен, сосредоточен и часто мигал. Молодой человек мечтал перейти из уличных постовых Защиты в отдел расследований и потому в присутствии дознавателей всегда старался проявить себя серьезным и вдумчивым сотрудником, но у Йозефа никак не хватало духа сказать ему, что для такого повышения ему недостает сообразительности. Скелта был неплохим парнем, но порой проявлял такое невежество, что у Йозефа так и чесались

руки дать ему затрещину.

— Егерь, — кивнув, произнес он, — что ты мне можешь доложить?

По лицу Скелты промелькнула тень, что было ему совсем не свойственно, и Йозеф не преминул это отметить. Смотритель летел сюда, ожидая принять участие в расследовании обычного преступления, но поведение Скелты его насторожило, и впервые за это утро Сабрат спросил себя, во что он впутывается на этот раз.

— Это, гм... — Егерь умолк и тяжело сглотнул, а его взгляд стал рассеянным, словно он думал о чем-то постороннем. — Будет лучше, если вы сами все увидите, сэр.

— Ладно. Показывай.

Скелта повел его мимо аккуратных рядов контейнеров, представлявших собой восьмиугольные капсулы величиной с обычный автомобиль. Здесь повсюду царил запах выдержанного эстуфагемийского вина, впитавшегося в массивные поддоны и пролитого на каменные плиты площадок стоянки. Теплый, успокаивающий аромат

сегодня казался особенно сильным и обволакивающим, словно он пытался скрыть другой, не столь приятный запах.

Где-то рядом залаяли собаки, потом раздался чей-то гневный окрик, сопровождаемый звуками ударов и визгом.

— Бездомные псы, живущие вокруг порта, — пояснил Скелта. — Их привлек запах. Отгоняем стаю с самого рассвета. — Эта мысль явно не радовала парня, и он поспешил сменить тему. — Похоже, нам удалось идентифицировать личность жертвы. Рядом с местом преступления лежали документы, бумаги и кое-что еще. По ним мы определили имя: Джааред Нортэ. Работал на буксировке лихтеров.

— Похоже, — повторил Йозеф. — Но ты не уверен?

Скелта приподнял оградительный канат, и они оказались на территории, где произошло преступление.

— Окончательное заключение пока не готово, сэр, — продолжил он. — Врачи еще проверяют снимки зубов и делают анализ крови. — Егерь смущенно кашлянул. — Дело в том, что у него не было лица, сэр. И мы

нашли несколько выбитых зубов... Но не уверены, что они принадлежали жертве.

Йозеф не стал комментировать эту информацию:

— Продолжай.

— Бригадир Нортэ дал показания. Получается, что Нортэ ушел с работы вчера вечером в обычное время и должен был отправиться к жене и сыну. Но там он не появлялся.

— Жена сделала заявление?

Скелта покачал головой:

— Нет, сэр. У них, похоже, были семейные проблемы. До истечения срока брачного контракта оставалось несколько месяцев, и это вызвало трения между супругами. Она, вероятно, решила, что муж пропивает свое жалованье.

— Эти сведения тоже от бригадира?

Егерь кивнул:

— За ним посылали машину, и он все еще здесь, сэр.

— Нортэ был пьян во время убийства?

На этот раз Скелта не удержался и вздрогнул.

— Надеюсь, что так. Это было бы

милосердием по отношению к несчастному.

В его словах Йозеф ощутил страх. Убийство на Йесте Веракрукс не было редкостью; в конце концов, это относительно процветающий мир, основным производством которого является виноделие. А когда человек выпьет — или нуждается в деньгах, — он часто совершает ошибки, ведущие к кровопролитию. Смотритель повидал немало убийств, жестоких, отвратительных, но всегда в какой-то степени трагичных, и все они были ему понятны. Йозеф знал, что стоит за преступлением слабость характера. И он знал, какие факторы могут его спровоцировать: ревность, безумие, горе... Но самым сильным мотивом был страх.

А на Йесте Веракрукс в последнее время страх был очень силен. Здесь, на окраине сегмента Ультима, на противоположном от Трона Терры конце Галактики, жители планеты чувствовали себя заброшенными и беззащитными, когда разгоралась новая война, и на картах, где

их родной мир не был даже отмечен, возникали новые линии фронта. Император и его Совет казались страшно далекими, а надвигающаяся буря мятежа уже бушевала в соседних звездных системах, отбрасывая на все вокруг тень страшных предчувствий. В каждом темном углу людям мерещились призраки неизвестности.

Они были напуганы, а напуганные люди легко впадают в ярость и выплескивают свой страх по любому поводу, реальному или вымышленному. Сегодняшнее убийство было лишь очередным из многих, что совершились на Шесте Веракрукс в течение последних месяцев наряду со множеством самоубийств и приступов паники перед иллюзорными угрозами. На первый взгляд жизнь совершенно не изменилась, но где-то в глубине появилась темнота, охватившая все население планеты, хоть люди этого и не признавали. Был ли Джаред Нортэ очередной жертвой страха? Йозеф считал, что это вполне возможно.

Они обогнули высокий штабель

контейнеров и оказались в маленьком дворике, огороженном рядами ящиков. Над головой медленно проплыл грузовой дирижабль, и его овальная тень бесшумно скользнула по земле. Несколько егерей были заняты сбором отпечатков пальцев, еще двое из отдела криминалистики производили детальную съемку при помощи громоздких пиктеров и зондов, а один что-то диктовал в микрофон вокс-приемника, снабженного длинной тонкой антенной. Скелта встретился взглядом с одной из служащих отдела криминалистики, и женщина печально кивнула. Дальше за егерями виднелся узкий высокий складской ангар, зиявший широко распахнутыми металлическими дверями.

Йозеф хмуро оглянулся, видя вокруг только рыжевато-коричневую форму и остроконечные колпаки служащих Защиты.

— А что Арбитрес, все работают внутри? — спросил он, кивая в сторону ангара.

Скелта презрительно хмыкнул:

— Арбитрес здесь нет, сэр. Мы

пытались их вызвать, как и положено, но кабинет маршала не отвечал. Их дежурный сказал, чтобы мы держали их в курсе происходящего.

— Это они умеют.

Йозеф поморщился. При всех громких заявлениях и высоких идеалах, декларируемых Адептус Арбитрес, чиновники с Терры, по крайней мере на Йесте Веракрукс, были заняты не поддержанием порядка, а созданием видимости своей работы. Офицеры Защиты еще со дня образования колонии во время Первого Основания были для йестинского населения представителями закона и блюстителями порядка, и учреждение органов Адептус Арбитрес во время Великого Крестового Похода почти ничего не изменило. Лорд-маршал и его подчиненные были рады оставаться в своей роскошной башне, позволяя Защите продолжать свою деятельность, передав им все «местные» дела. Но что они подразумевали под остальными, не местными проблемами, Йозеф Сабрат за двадцать лет так и не смог понять.

Похоже, что они возникали на недостижимом для смотрителя уровне.

Он повернулся к Скелте:

— Есть сведения об орудии убийства?

Егерь оглянулся на старшего офицера доков, словно спрашивая разрешения говорить.

— Точных сведений нет. Режущее оружие. По крайней мере, на начальной стадии. Возможно, применялись и другие... ем, инструменты.

Каким бы ни было бледным лицо егеря, после этих слов оно лишилось оставшихся красок.

Йозеф остановился на пороге ангара. В ноздри ударил сильный запах крови и фекалий, и он непроизвольно поморщился.

— Свидетели?

Скелта показал на осветительную мачту:

— На фонарях имеются камеры слежения, но угол обзора оказался слишком неудачным, и оптика никого не засекла.

Смотритель отложил эту информацию в память. Кто бы ни совершил это убийство, он хорошо знал

планировку доков.

— Собери все записи камер в радиусе полукилометра и посади кого-нибудь из рекрутов их просматривать. Возможно, нам повезет. — Он сделал глубокий вдох, не забыв о том, чтобы набирать воздух через рот. — Ну а теперь давай посмотрим.

Он вошел внутрь, и Скелта неохотно перешагнул порог вслед за ним. В ангаре было сумрачно; свет поступал через низкие оконца в стенах и от резко бьющих в глаза жужжащих переносных дуговых фонарей. По углам почти пустого помещения на неуклюжих треногах стояли четыре излучателя, связанные между собой слабыми желтоватыми лучами. Проницаемый энергетический барьер беспрепятственно пропускал объекты, обладающие достаточно большой массой и кинетической энергией, тогда как все пылинки и микроскопические частицы удерживались на месте, в границах ангара, пока криминалисты не закончат свою работу.

Приблизившись к месту преступления, Йозеф трачно изогнул

брови. С первого взгляда все пространство темного пола между излучателями казалось пустым. Он пересек энергетический барьер, и запах крови заметно усилился. Оглянувшись через плечо, Йозеф увидел, что Скелта не пошел за ним, а остался у входа, всем своим видом выдавая сильнейшее напряжение и стараясь не смотреть на ужасную картину убийства.

Каменный пол был полностью покрыт потемневшей кровью, и кое-где в этом багряном озере виднелись разбросанные остатки плоти — клубок кишок, блестящие комки внутренних органов и еще какие-то белесые части, забрызганные кровью. Полный набор внутренностей, разложенный без всякой спешки, словно на прилавке мясника.

Смотритель ощутил одновременно отвращение и замешательство, но постарался обуздать эмоции и хладнокровно оценить обстановку. Он попытался представить, как все происходило. Убийство осуществлялось с величайшей точностью и аккуратностью.

Никакой страсти или благоприятной возможности. Спокойно, хладнокровно, не опасаясь никаких помех. Йозеф продолжал вглядываться в сумрак, а в его голове уже сформировались первые вопросы.

Как можно было такое проделать в полном молчании, так что никто ничего не услышал? При таком обилии крови не попали ли брызги и на убийцу? И где?.. Где?..

Йозеф озадаченно моргнул. Кровавое озеро постоянно было в движении, по нему расходились мелкие волны. Прислушавшись, он уловил тихие всплески.

— Эти останки, — заговорил он, оглянувшись к Скелте. — Этого мало. Где же тело Нортэ?

Егерь, прижав одну руку ко рту, второй показал наверх. Йозеф перевел взгляд на потолок и обнаружил тело Джареда Нортэ.

Похожее рассечение тела смотритель видел только в моргах или, что бывало еще реже, в лаборатории, когда требовались дополнительные посмертные исследования. На потолке

тело Нортэ удерживалось стальными стержнями вроде тех, которые используются строителями, когда требуется прикрепить конструкцию к голой скале. Два таких болта пробили ему лодыжки, по одному торчали из предплечий. Конечности были разведены, так что образовалась буква X. Мало этого, убийца сделал несколько срезов под косым углом на животе, голове и шее, так что образовались полоски кожи, которые тоже были тщательно размещены: одна вправо, вторая влево, третья вниз, поперек промежности, и последняя, четвертая, поверх окровавленного черепа была закреплена над головой несчастного. Эти влажно-красные лоскуты тоже были прибиты к потолку массивными болтами. Из открытой полости свисали мелкие обрезки мышц и обломки костей, с которых до сих пор капала кровь.

— Вы когда-нибудь видели что-то подобное? — сдерживая тошноту, спросил Скелта. — Какой ужас!

Первое, что пришло в голову Йозефу, это сравнение с произведением искусства.

На фоне темных плит крыши ангара несчастный рабочий превратился в восьмиконечную звезду.

— Не знаю, — прошептал смотритель.

Глава 2
УБЕЖИЩЕ МАСКИ ОБЫЧНОЕ ЛЕЗВИЕ

Императорский Дворец на Терре был скорее целым городом, а не крепостью. Огромные и прекрасные в своем величии, его башни, шпили и колоссальные монолитные сооружения простирались от одного края изломанного горами горизонта до другого. Мозаика государств различных наций, занимавшая тысячелетие назад эти пространства, исчезла с лица земли, уступив место грандиозному союзу Империи Человечества и его величайшему монументу. На территории дворца, раскинувшейся от Города Просителей до подножия Куполов Элизиума и от крупнейшего в Солнечной системе космопорта до Врат Вечности, располагались целые города с поселениями-спутниками. Миллионы людей жили в его стенах и работали на благо Империума, в

течение всей своей жизни не покидая пределов серебристых сводов дворцового комплекса, где они рождались и умирали.

Это сооружение стало сверкающим и живым сердцем высочайших стремлений человечества, троном и колыбелью нации, стоявшей у руля Галактики, и ни у кого не хватило бы слов, чтобы описать его великолепие.

Однако в этом огромном городе, занимавшем целый континент, имелось множество секретных комнат и потайных уголков. Там были помещения, куда никогда не попадал дневной свет, — и некоторые из них строились именно с этой целью.

Одним из таких мест было Убежище. Этот зал располагался в пределах Внутреннего Дворца, но если бы кто-нибудь смог заглянуть в планы и схемы отважных мастеров, заложивших первые камни этого колоссального города-государства, он не нашел бы ни следов Убежища, ни переходов, ведущих к нему. Фактически этого зала не было вовсе, и даже те, кому полагалось знать о его

существовании, не могли отыскать его в планах. А если кто-то не мог отыскать Убежище, значит, ему не следовало и пытаться.

В этот зал вело много путей, и те, кто там встречался, могли иметь представление об одном или двух маршрутах — тайных переходах, скрытых за произведениями искусства, выполненными в технике тромплей[2], и в Сводчатых Галереях: вертикальной шахте позади великолепного водопада у Врат Аннапурны; тупиковом коридорчике поблизости от Большого Планетария; Павильоне Соломона, невидимом переключателе в сапфировом лифте Западной Высоты и других, которыми долгие столетия никто не пользовался. Тот, кого призывали в Убежище, углублялся в лабиринт постоянно меняющихся переходов, что исключало любые попытки составить их схему, а провожатый с искусственным интеллектом никогда не пользовался дважды одним и тем же путем. С

некоторой уверенностью можно было сказать, что зал находится на верхнем ярусе башни, одной из тысяч, что рядами часовых высились над внутренними укреплениями Дворца. Но даже это было лишь предположением, основанным на слабых отсветах дневного света, которым позволялось пробиться сквозь толстые, словно морские паруса, шторы, всегда задернутые на больших овальных окнах зала. Кое-кто подозревал, что это обстоятельство являлось очередной уловкой, что свет проходил через специальные фильтры или был полностью искусственным. Вполне вероятно, что комната находилась в глубоком подземелье или их было несколько — десятки идентичных помещений, настолько похожих, что не представлялось возможным отличить их друг от друга.

Зато на всей земле не было места безопаснее, чем это помещение, за исключением лишь Тронного Зала. Никто не мог подслушать разговоры, которые велись в несуществующем зале. За тетными стенами красного дерева,

украшенными лишь несколькими картинами и люмосферами, скрывались многочисленные устройства, которые полностью экранировали весь зал от глаз и ушей случайных наблюдателей. Специальные приборы подавляли сигналы всех диапазонов радиочастот, поглощали свет, звук и тепло, а наряду с ними была установлена аппаратура с частицами живой нервной ткани, излучающей телепатический эквивалент белого шума во всех психических спектрах. Ходили слухи, что вокруг зала существует дестабилизирующее поле, смещающее соотношение пространства и времени, что обеспечивало помещению возможность переноситься на долю секунды в будущее и таким образом становиться недосягаемым для остальной Вселенной.

Внутри Убежища стоял длинный восьмиугольный стол розового дерева, а на нем — простой голопроектор, освещавший своими холодными лучами собравшихся мужчин и женщин. Шестеро членов собрания удобно устроились в глубоких креслах с одного конца стола, тогда как

седьмой занял место во главе. Восьмой из присутствующих остался стоять за пределами освещенной зоны, так что можно было различить лишь высокий силуэт, образованный острыми углами и темными провалами.

Все семеро людей, сидящие за столом, были в масках из фарфора и драгоценных металлов. Маски закрывали их лица от линии бровей до самой шеи и, как и эта комната, представляли собой не просто защитные экраны. Каждая маска была изготовлена с применением последних технологических достижений, включая в себя хранилища памяти, сенсорные датчики, даже микрооружие, и все маски выглядели по-разному, отражая некоторые черты характера владельца. Только маска седьмого члена собрания, сидевшего во главе стола, была совсем простой — из серебра, похожего на полированную сталь, и с едва заметными намеками на брови, глаза, нос и рот. Воспроизводимая голопроектором информация отражалась на почти гладкой поверхности маски, давая

возможность прочитать данные всем, кто находился в комнате.

Но эти сведения в равной мере вызывали крайнее недовольство и разочарование.

— Значит, он мертв, — раздался женский голос, пропущенный через рекурсивный дефлектор, что полностью лишало его индивидуальности. Черная маска так плотно прилегала к коже женщины, что казалось, будто голова обтянута шелковым капюшоном, и только большие овальные рубины, заменявшие глаза, нарушали это впечатление. — Донесение предельно ясно говорит о гибели.

— Ты, как всегда, торопишься с выводом, — раздался в ответ шепот, тоже профильтрованный неподвижной маской, похожей на раздутый череп гидроцефала. — Мы должны быть твердо в этом уверены, сиресса Каллидус.

Над столом сверкнули рубиновые глаза.

— Мой уважаемый сир Кулексус, — последовал напряженный ответ, — как

долго нам придется ждать полной уверенности? До тех пор, пока мятеж не подойдет к нашим дверям? — Взгляд драгоценных камней переместился на еще одну женщину, сидевшую у стола, чье лицо закрывала элегантная маска из зеленого бархата с отделкой из золота, жемчуга и темных изумрудов. — Агент нашей сестры потерпел неудачу. Как я и предсказывала.

Женщина в зеленой маске напряглась, а затем откинулась вглубь кресла, отстраняясь от раздражения сиресы Каллидус. Ее отповедь была холодной и жесткой.

— Должна заметить, что еще никому из вас не удавалось подвести своего агента так близко к Воителю, как это сделал оперативник круга Вененум. Тобельд был одним из лучших моих учеников, и его силы соответствовали масштабу возложенной миссии...

Ее слова вызвали настешливое ворчание со стороны массивного мужчины в маске со смеющимся зубастым ртом, выполненной из кости и оружейной стали.

— Если его силы соответствовали

заданию, почему же этот изменник еще не убит? Потрачено столько времени, и ради чего? Чтобы положить к порогу Хоруса еще один труп?

Мужчина сердито фыркнул.

Глаза сиссры Вененут под маской злобно прищурились.

— Какого бы низкого мнения ты ни был о моем круге, сир Эверсор, тебе самому нечем похвалиться. — Она напряженно выпрямилась. — Чем вы помогли нашей миссии, кроме нескольких бесполезных и громких смертей?

Оскаленная маска повернулась в ее сторону, и от мужчины почти осязаемыми волнами распространились флюиды гнева.

— Мои агенты посеяли страх! — выпалил он. — Каждый взрыв унес жизнь одной из ключевых фигур мятежа!

— Не говоря уже о бесчисленных случайных прохожих, — добавил сухой невыразительный голос.

Комментарий раздался из-под стандартной маски, какие носит каждый действующий снайпер круга Виндикар.

— Чтобы избавиться от

архипредателя, требуется хирургическое вмешательство. Здесь нужен снайпер, а не зажигательная бомба.

Сир Эверсор издал глухое рычание.

— Когда изобретут винтовку, при помощи которой можно будет убить Хоруса на другом конце Галактики, не вставая с мягкого кресла, тогда вы нас всех спасете. А до тех пор скройтесь за своими прицелами и помалкивайте!

Человек, сидящий за дальним концом стола, прочистил горло и слегка наклонил голову. В сумраке блеснула его маска, изготовленная из слоистого зеркального материала; она отражала, дробила и перемешивала образы собравшихся.

— Могу я обратиться к сиру Кулексус и сиресс Каллидус? — произнес сир Ванус. — Аналитические машины и самые способные инфоциты моего круга, основываясь на доступной информации и принципах прогностического моделирования, пришли к заключению, что вероятность выживания Тобельда составляет ноль целых две десятых процента. Погрешность незначительная.

Тем не менее показатель приближения к цели на настоящее время самый высокий по сравнению со всеми другими протоколами Официо Ассасинорум.

— Какая разница, дюйм или миля, — прошипел Кулексус, — если убийство все равно не удалось.

Сиресса Каллидус через стол посмотрела на мужчину в серебряной маске.

— Я бы хотела ввести в дело нового оперативника, — начала она. — Ее зовут М'Шен, она одна из лучших специалистов нашего круга, и я...

— Тобельд был лучшим в круге Вененум! — неожиданно резко прервал ее сир Виндикар. — Так же как Хосвальт был лучшим в моем круге, и Эверсор поручил это дело своему лучшему агенту, и так далее! Мы бросаем в эту мясорубку своих лучших учеников, посылая их вслепую и плохо подготовленными! Ни один удар не достигает цели, и Хоруса ничуть не беспокоят наши усилия! — Он мрачно покачал головой. — До чего мы докатились? Собирается здесь и каждый

раз выслушиваем отчеты о наших неудачах? — Человек в маске развел руки, словно обнимая пятерых своих собратьев. — Мы все помним тот день на горе Мщения. И договор, заключенный на время Великого Крестового Похода, и клятву, которая положила начало Официо Ассасинорум. Десятки лет мы со всей осторожностью выслеживали врагов Императора. Мы показали им, что нет такого места, где они могли бы укрыться. — Сир Виндикар остановил взгляд на сире Ванусе. — Что он сказал в тот день?

Голос Вануса без промедления раздался из-под мерцающей маски:

— «Ни один мир не должен ускользнуть от моей власти. Ни один враг не должен избежать моей ярости».

Сир Кулексус мрачно кивнул.

— Ни один враг... — повторил он. — Ни один враг за исключением Хоруса, по крайней мере пока.

— Нет! — возмутилась сиресса Каллидус. — Я смогу его уничтожить. — Человек в серебряной маске промолчал, и женщина продолжила: — Я уничтожу его,

если только вы позволите мне действовать!

— И ты тоже потерпишь неудачу! — отрезал Эверсор. — Лишить Воителя жизни под силу только моему кругу!

На мгновение показалось, что все присутствующие сиры и сирессы готовы произнести те же заявления, но они не успели вымолвить ни звука, как из-под серебряной маски раздался короткий приказ:

— Замолчите.

В зале установилась тишина, и магистр ассасинов, перед тем как заговорить, сделал глубокий вдох.

— Нет никакого смысла продолжать браниться и соперничать друг с другом, — твердо и решительно заявил он. — За всю историю существования этой группы не было ни одного объекта, для уничтожения которого не хватило бы одной миссии. К настоящему времени проблема Хоруса стоила шести основным кругам восьми оперативников. Здесь собрались лучшие из лучших, основатели кругов... Но вместо того, чтобы организовать убийство, так

необходимое всем нам, вы сидите и спорите о превосходстве! Я требую решения, которое избавило бы нас от непокорного и заблудшего сына Императора.

Первым заговорил сир Эверсор:

— Я задействую всех активных агентов своего круга. Всех сразу. Если для уничтожения Хоруса потребуются жизни всех эверсоров, пусть будет так.

Впервые с начала собрания безмолвная фигура, все это время оставававшаяся в сумраке, заявила о своем присутствии низким недовольным ворчанием.

— Наш гость хочет что-то добавить, — сказал сир Ванус.

Магистр ассасинов повернулся.

— Это так? — спросил он.

Человек в плаще с капюшоном слегка подвинулся, так что его облик стал более отчетливым, но не настолько, чтобы в складках ткани можно было рассмотреть его лицо.

— Сразу видно, что вы не военные. — Его низкий голос раскатился по всему

залу. — Вы так привыкли работать поодиночке, как того требуют ваши методы, что забываете об основном правиле всех конфликтов. Сила двоих — это учетверенная сила.

— Разве я говорил не то же самое?! — воскликнул сир Эверсор.

Человек в плаще проигнорировал его вмешательство.

— Я слышал все, что вы говорили. Я видел планы ваших миссий. Их нельзя назвать плохими. Их просто недостаточно. — Он кивнул собственным мыслям. — Ни один ассасин, каким бы опытным он ни был, к какому бы кругу ни принадлежал, не в состоянии уничтожить архипредателя в одиночку. А вот группа ваших киллеров... — Он снова кивнул. — Это может сработать.

— Ударная команда, — пробормотал сир Виндикар.

— Карательный отряд, — поправил его магистр. — Элитное подразделение, организованное специально для решения этой задачи.

— Интересное предложение... —

заметил сир Ванус. — Ничего подобного в нашей истории не было. Император этого не одобрит.

— Ты так думаешь? — спросила Каллидус. — А почему ты в этом уверен?

Магистр круга Ванус резко подался вперед, отчего изображения на его маске интенсивно задвигались.

— Завеса секретности окутывает все наши действия, — сказал он. — Долгие десятилетия мы работали в Империуме под покровом тайны, не отчитываясь даже Императору, и тому имелись веские причины. Он не должен знать о том, как именно мы ему служим, чтобы сохранить благородную непорочность, и потому мы всегда соблюдали некоторые условия. — Он метнул взгляд в сторону стоявшего в тени человека. — Этический кодекс. Правила ведения войны.

— Согласна, — подхватила сиресса Вененум. — Активизация ассасина — дело непростое и требует особой деликатности. В прошлом, если складывались чрезвычайные обстоятельства и только после

напряженного обдумывания, мы порой поручали одну миссию двум, а то и трем оперативникам, но все они принадлежали к одному кругу.

Ванус задумчиво кивнул:

— Сразу шесть агентов, по одному от каждого круга? Нечего и надеяться, что Император санкционирует подобную операцию. Это просто... немыслимо.

Магистр ассасинов долго молчал, затем свел перед собой пальцы рук и кончиками коснулся губ серебряной маски.

— Я очень надеюсь, что каждый директор-примас выполнит мой приказ, не задавая вопросов. А что касается правил, о которых говорил Ванус... Скажите, разве Хорус Луперкаль так же неуклонно следует им, как это делаем мы? — Магистр не повысил голоса, но его тон исключал любые возражения. — Неужели вы думаете, что архипредатель откажется от своей тактики только потому, что она противоречит правилам? Потому что это немыслимо?

— Он подверг смертоносной бомбардировке своих собратьев, — заметил

сир Виндикар. — И я не сомневаюсь, что он способен на все.

Магистр кивнул.

— Если мы намерены уничтожить этого противника, мы не можем ограничивать себя моральными требованиями, каким подчинялись в прошлом. Придется через них переступить. — Он помолчал. — И мы это сделаем.

— Мой лорд... — заговорил сир Ванус, протестующе подняв руку.

— Приказ отдан, — решительно произнес человек в серебряной маске. — Дискуссия окончена.

Как только все участники встречи покинули Убежище, а псибер-орлы, незаметно сидевшие под самым потолком, проверили, не появились ли в помещении новые подслушивающие устройства, магистр ассасинов позволил себе глубоко вздохнуть. А затем, подняв руки, осторожно снял серебряную маску, разомкнув контакты, соединявшие ее с плотью. Затем он тряхнул головой, и

густые седые волосы свободно рассыпались по плечам поверх ничем не примечательной одежды.

— Думаю, мне не помешало бы чего-нибудь попить, — пробормотал он.

Его голос звучал совсем иначе, чем тот, что выходил из-под маски, но этого и следовало ожидать. Магистр ассасинов был призраком среди призраков, и даже лидеры кругов знали его только как одного из Верховных Лордов Терры, но кто именно из членов Совета Императора скрывался под этой маской, оставалось только догадываться. Личность главы Официо Ассасинорум была известна лишь пяти живым существам, и двое из них сейчас находились в этой комнате.

Механический слуга склонился перед креслом, предлагая золоченый бокал с крепким черным чаем.

— А ты не составишь мне компанию, друг мой? — спросил магистр.

— Если Сигиллит не возражает, я воздержусь, — ответил человек в плаще.

— Как пожелаешь.

На мгновение взгляд человека,

бывшего правой рукой Императора, задержался на собственном отражении в изогнутой поверхности стекла. Малькадор опять стал самим собой, а мантия магистра ассасинов упала с его плеч и рассеялась, как и сам образ — до тех пор, пока в нем снова не возникнет необходимость.

Он сделал большой глоток чая, оценил его вкус и вздохнул. Эффект защиты от псионических атак был не настолько сильным, чтобы причинить ему серьезное беспокойство, но барьер все время жужжал, словно назойливое насекомое, раздражающее боковое зрение своей неуловимостью. Как нередко бывало в подобных случаях, Малькадор ненадолго задумался, знает ли кто-нибудь из лидеров кругов, кто он такой на самом деле. Сам он при желании мог бы установить личности каждого из них, но никогда не преследовал этой цели. Неустойчивое положение, в котором оставались лидеры Официо Ассасинорум, служило некоторой гарантией их честности: ни один сир или сиресса не могли быть уверены, что под

масками за этим столом не скрываются их коллеги, подчиненные или любовники. Эта группа зарождалась во тьме и тайне, и она могла сохраниться только до тех пор, пока не нарушались принятые правила.

Правила, которые только что нарушил Малькадор.

Его компаньон наконец смирился со светом и широкими решительными шагами обогнул стол. Этот закутанный в плащ человек обладал огромным ростом и намного превышал сидевшего в кресле Малькадора. Его фигура почти ни в чем не уступала фигурам Адептус Астартес и в неярком свете казалась воплощением угрозы, а двигался он с такой грацией, что одеяние цвета ржавчины колыхалось, словно морские волны. Загорелая, покрытая шрамами рука сбросила капюшон с выбритой головы, на которой оставалась тонкая косичка темных волос на затылке.

— Высказывайся, капитан-генерал, — предложил Малькадор, прочитав его ауру. — Я вижу твое беспокойство, оно вьется словно дым над костровой ямой.

Константин Вальдор, глава Легио

Кустодес, окинул его мрачным взглядом, от которого поежился бы любой другой человек.

— Все, что я хотел сказать, я уже сказал, — отозвался Вальдор. — Не знаю, хорошо это или плохо.

Воин уронил руку на стол и рассеянно провел пальцами по узорам дерева. Затем он оглянулся по сторонам. Малькадор ничуть не сомневался, что кустодий почти все время пытался понять, где же находится этот зал.

Появившуюся усмешку Сигиллит утопил в очередном глотке горьковато-сладкого чая.

— Могу признаться, я и не ожидал от тебя ничего другого, кроме молчаливого присутствия, — заговорил он. — Но ты предпочел вмешаться и нарушил обычный для таких собраний обмен колкостями.

Вальдор помолчал, глядя мимо своего собеседника.

— Зачем ты позвал меня сюда, мой лорд?

— Чтобы наблюдать, — ответил Малькадор. — Я хотел спросить твоего

совета, после того как...

Кустодес резко повернулся и не дал ему договорить:

— Не лги. Ты предложил мне присоединиться к этому собранию не ради моего молчания. — Вальдор уставился на Малькадора испытующим взглядом. — Ты заранее знал, что я скажу.

Малькадор наконец позволил себе улыбнуться:

— Я... я подозревал.

— Надеюсь, ты доволен результатом, — заметил Вальдор, поджав губы.

Сигиллит почувствовал, что воин готов уйти, и торопливо заговорил, чтобы задержать его:

— Я не могу не признать, что отчасти удивлен. В конце концов, ты же воплощение имперской силы и благородства. Ты личный телохранитель Повелителя Земли, настоящий воин, какого только можно себе представить. Учитывая все это, я бы не удивился, если бы тактика Ассасинорума показалась тебе... — он помешкал, выбирая подходящее

слово, — коварной. Возможно, даже бесчестной?

Выражение лица Вальдора изменилось, но не вспыхнуло раздражением, как того ожидал Малькадор. Вместо этого кустодес невесело усмехнулся.

— Если все это было инсценировкой, чтобы меня испытать, Сигиллит, то ты промахнулся. Я ожидал от тебя большего мастерства.

— День выдался нелегким, — признал Малькадор.

— Кустодес совершили немало такого, о чем твои ассасины и не мечтали. Не только сирам и сирессам позволено предпринимать особые меры, когда того требуют обстоятельства.

— На твоем Легио лежит весьма специфическая ответственность.

Малькадор почувствовал раздражение. Разговор неожиданно пошел не так, как он планировал.

— Как скажешь, — с притворной легкостью сказал Вальдор. — Мой долг — в первую очередь охранять жизнь Императора Человечества. А это порой

влечет за собой самые неожиданные проблемы. И уничтожение сына-предателя Хоруса, а также и опасности, которую он собой представляет, входит в круг моих обязанностей, вне зависимости от способов, которыми будет достигнута цель.

— Так ты действительно веришь, что оперативная группа сумеет это сделать?

Вальдор пожал огромными плечами:

— Я думаю, у них есть шанс, если они сумеют преодолеть разногласия между кругами.

— Вот видишь, генерал-капитан? — улыбнулся Малькадор. — Я не лгал. Я хотел услышать твое мнение, и ты его высказал.

— Я еще не закончил, — сказал воин. — Ванус был прав. Эта миссия не порадует Императора, если он о ней узнает. А он узнает, когда я повторю ему каждое слово, которое сегодня прозвучало в этой комнате.

Улыбка Сигиллита исчезла.

— Это было бы ошибкой, кустодий. Жестокой ошибкой с твоей стороны.

— Неужели ты настолько самоуверен, полагая, что лучше, чем Император, знаешь, как следует поступить? — спросил Вальдор, и его голос зазвучал намного жестче.

— Конечно нет! — бросил в ответ Малькадор, едва сдерживая гнев. — Но тебе должно быть известно, что я иду на это, чтобы сохранить святость Терры и нашего повелителя. Некоторых вещей не должен коснуться никакой трак. Империум весьма хрупкое сооружение, и нам обоим это прекрасно известно. Все наши достижения в процессе Великого Крестового Похода, все труды Императора, все это подвергается огромной опасности из-за мятежа Хоруса. Конфликты сейчас разгораются не в далеких мирах, не в темноте космоса, а в головах и сердцах людей и в других, менее материальных царствах. Но здесь и сейчас есть шанс сразиться в тени, без лишних свидетелей. Надо осуществить это кровавое деяние так, чтобы впоследствии пожар не охватил всю Галактику! Надо действовать быстро. Голову змеи можно

отрубить одним ударом. — Он перевел дыхание. — Но кое-кто считает подобные действия постыдными. И применит такую же тактику против нас. А чего стоит отцу санкционировать убийство собственного сына... Возможно, это за пределами допустимого. Вот почему о некоторых вещах нельзя упоминать за порогом этого зала.

Вальдор скрестил на груди мускулистые руки и сверху вниз посмотрел на Малькадора.

— Последнее заявление имеет все признаки приказа, — сказал он. — Вот только кто его отдает? Магистр ассасинов или регент Терры?

Глаза Сигиллита сверкнули в полумраке зала.

— Решай сам, — сказал он.

Здание, занимаемое Защитой, до начала просвещения было местом служения идолам и поклонения умершим предкам. В давние времена тела самых богатых и самых достойных горожан хоронили в склепах в подземелье под

главным залом, а все остальное здание делилось на многочисленные ниши и часовни, посвященные каждому из богов, привезенных людьми Древней Терры во времена Первого Основания. Все уголки, альковы и ниши заполняли аляповатые статуи и прочая яркая мишура. Теперь в подземелье были оборудованы камеры заключения, хранилище архива, оружейные комнаты и кладовые. В часовнях появились новые хозяева, вместо икон были повешены плакаты, призывающие к бдительности и секретности, а статуи идолов и прочие украшения были уничтожены, и лишь немногие предметы удостоились места в музеях, где свидетельствовали о заблуждениях прошлого. Но все это происходило задолго до рождения Йозефа Сабрата. На Йесте Веракрукс сохранилась лишь горстка стариков, способных вспомнить последние дни уходящей эпохи, в которой присутствовала религия.

Вторая жизнь храма в качестве полицейского участка ничуть ему не повредила, и здание оставалось таким же

внушительным домом для Защиты, каким оно было ранее пристанищем давно умерших жрецов. Сабрат пересек главный холл, пройдя мимо четырех поставленных квадратом конторок, за которыми несчастные егеря, дежурившие сегодня на приеме, выслушивали жалобы раздраженных горожан. На пропускном пункте бдительный и бесстрастный стрелок-сервитор осветил его лицо зеленым лучом лазера и пропустил вглубь здания. По пути Йозеф кивком поприветствовал группу смотрителей из Западного Региона, которые столпились вокруг доски с результатами игр и призывно махали ему своими талонами, приглашая присоединиться к игре. Но Сабрат направился к винтовой лесенке, ведущей на второй уровень. Верхняя часть представляла собой здание в здании, поскольку над громадным главным холлом было возведено несколько этажей, поделенных на помещения в соответствии с новыми требованиями. В зале, куда вошел Сабрат, царил обычный, едва сдерживаемый в рамках беспорядок, и кипы

резких черно-белых пиктов лежали пачками в каком-то подобии порядка, хотя вряд ли кто-то мог с ходу понять его принцип. В центре комнаты стоял столб, усеянный латунными гнездами коммуникационных клемм, откуда тянулись извивающиеся прорезиненные кабели, которые заканчивались либо в наушниках, либо в гололитических проекторах. Один из этих кабелей был подключен к наушникам на голове сотрудника Йозефа, сидевшего с закрытыми глазами в кресле и рассеянно перебиравшего пальцами цепочку с золотым орлом, обвивавшую его запястье.

— Дайг. — Йозеф остановился перед своим помощником, но тот не откликнулся, и тогда смотритель громко щелкнул пальцами. — Проснись!

Смотритель Дайг Сеган открыл глаза и вздохнул:

— Это не сон, Йозеф. Это глубокая задумчивость. Тебе хоть известно, что это такое?

Он снял с головы наушники и поднял голову. Из динамиков до Йозефа донесся

механический голос, монотонно читавший сводки о происшествиях.

Внешность Дайга составляла разительный контраст с обликом его товарища. Если Сабрат был чуть выше среднего роста, узкоплечим, гладко выбритым и с коротко подстриженными волосами песочного цвета, то Сеган обладал приземистой и довольно плотной фигурой, а его вьющиеся темные волосы беспорядочно падали на сохранившее меланхоличное выражение лицо. Он снова тяжело вздохнул, словно ощущал на своих плечах груз целого мира.

— Нет никакого смысла слушать все это во второй раз, — произнес он и резким рывком выдернул штекер наушников из коммутационного разъема на столбе. — Рапорты Скелты так же скучно слушать в интерпретации машины, как и в его собственном исполнении.

Йозеф нахмурился:

— То, что я видел, способно прогнать всякую скуку.

Опустив взгляд, он заметил россыпь пиктов, сделанных на месте преступления.

Даже эти контрастные черно-белые изображения ничуть не уменьшали ужас произошедшего. На каждом из снимков поблескивала поверхность жидкости, и в голове смотрителя мгновенно всплыли жуткие воспоминания. Он заморгал, прогоняя ужасные картины.

Его мгновенное замешательство не укрылось от Дайга.

— Ты в порядке? — озабоченно спросил он. — Не хочешь передохнуть?

— Нет, — твердо ответил Йозеф. — Ты говорил, что появилось что-то новенькое?

Дайг опустил голову:

— Не такое уж новенькое. Скорее, подтверждение тому, о чем мы подозревали.

Он пошарил среди снимков и отыскал листок с распечатанной таблицей.

— Анализ порезов привел к заключению, что раны были нанесены орудием промышленного образца.

— Медицинский инструмент?

Йозеф вспомнил о невероятной точности имевшихся на теле разрезов, но

Дайг покачал головой.

— Инструмент виноградарей. — Смотритель засунул руку в стоявшую у ног коробку и вытащил оттуда пластиковый футляр. Откинув крышку, он извлек круто изогнутый нож с рифленой рукояткой. — Я позаимствовал похожий из хранилища улик, чтобы можно было его рассмотреть.

Йозеф мгновенно узнал орудие и уже протянул руку, чтобы его взять, но передумал. Это был нож сборщика винограда, одно из самых распространенных на планете орудий, применяемое миллионами сельскохозяйственных рабочих Йесты Веракрукс. Точно такие же ножи использовались на каждом винограднике, и они так же походили друг на друга, как и срезаемые ими кисти ягод. В силу своей популярности эти ножи были также самым распространенным орудием убийства на Йесте, но Йозефу еще ни разу не приходилось сталкиваться с таким затейливым преступлением, какое произошло в доке. Множество точных и

аккуратных порезов говорило не только о недюжинном опыте владения оружием, но и о значительном промежутке времени, которое потребовалось для казни.

— Великая Терра, с чем же мы столкнулись на этот раз? — пробормотал Йозеф.

— Это ритуал, — с непонятной убежденностью заявил Дайг. — Ничем другим этого объяснить нельзя.

Отложив нож, он показал на разбросанные пикты. Кроме множества пиктов из аэродока, здесь имелись пачки микроснимков и других материалов, автоматически отобранных во всех соседних участках и присланных по секретному каналу всепланетной сети. Во всех донесениях тоже говорилось об убийствах, и хотя ни одно из них не повторяло в точности картину убийства Джааредa Нортэ, между всеми этими преступлениями прослеживалось определенное сходство. Дайг предположил, что «учился» один и тот же убийца, становясь все более уверенным в своих действиях.

На Йесте Веракрукс и раньше случались серийные убийства, но данный случай отличался от всех остальных, хотя Йозеф Сабрат и не мог точно объяснить, чем именно.

— Я одного не могу понять, — раздался голос сзади, — как этот ублюдок сумел затащить беднягу на потолок.

Йозеф и Дайг, обернувшись, увидели старшину смотрителей Берта Лаймнера, державшего в своей мясистой руке еще пачку пиктов.

С лица огромного темнокожего Берта Лаймнера никогда не сходила улыбка, и даже сейчас, глядя на сцену ужасной смерти Нортэ, он слегка усмехался. Но под добродушной внешностью Берта скрывался льстивый эгоист.

— Что ты об этом думаешь, Сабрат?

— Мы над этим работаем, старшина, — уклончиво ответил Йозеф.

Лаймнер хихикнул, отчего у Йозефа скрипнули зубы, и бросил снимки.

— Я надеюсь, у тебя найдется ответ получше этого. — Он указал рукой на входную дверь. — Я только что видел там

верховного смотрителя, и она намерена разобраться в этом деле.

Дайг тотчас негромко застонал, а Йозеф внутренне сжался. Если уж командир смотрителей сунется в это расследование, можно не сомневаться, что рядовым дознавателям работать станет вдвойне тяжелее.

Слова Лаймнера, казалось, сработали магическим заклинанием, потому что дверь распахнулась и в комнату в сопровождении нескольких помощников вошла Ката Телемах, верховный смотритель Йесты Веракрукс. Появление Телемах так потрясло всех, кто находился в помещении, что каждый смотритель, каждый егерь тотчас постарался сделать вид, что усердно работает и очень занят. Но Ката Телемах, казалось, ничего не заметила и сразу направилась к Йозефу и Дайгу. Женщина предстала перед ними в прекрасно отутюженной форме и с золотым жезлом, на котором имелась только одна серебряная полоска.

— Я только что говорил

смотрителям Сабрату и Сегану о том, как этот случай вас заинтересовал, — произнес Лаймнер.

Верховный смотритель, отличающаяся резкими чертами лица и жестким взглядом, была явно рассержена.

— Есть какой-нибудь прогресс? — спросила она.

— Мы собрали солидную базу данных, — сказал Дайг, не уступавший своему напарнику в умении подбирать ничего не говорящие ответы. Он сглотнул слюну. — Возможно, впоследствии могут возникнуть некоторые вопросы по поводу юрисдикции этого дела.

Он собирался продолжить, но в этот момент Телемах метнула в сторону Лаймнера взгляд, говоривший следующее: «Разве вы с этим еще не разобрались?»

— Об этом можете не беспокоиться, смотритель. Я только что вернулась с аудиенции у лорда-маршала Адептус Арбитрес.

— В самом деле? — Йозеф постарался, чтобы в его голосе не прозвучал сарказм.

— У Арбитрес в данный момент и

так масса хлопот, — продолжила Телемах. — Они участвуют в нескольких операциях на противоположной стороне планеты. Не стоит взваливать на них еще и это... дело.

Операции. Вот подходящее слово для того, чем занимаются Адептус Арбитрес на Йесте Веракрукс. Бесцветный, неопределенный термин, маскирующий их реальную деятельность. А на самом деле чиновники исподтишка прочесывали как нижние, так и верхние эшелоны населения планеты в поисках малейших намеков на антиимперскую агитацию и сочувствие мятежу Хоруса, безжалостно подавляя любые волнения, которые могли бы привести к открытому восстанию.

— Это всего лишь трупы, — довольно бесцеремонно заметил Лайтнер.

— Верно, — согласилась верховный смотритель. — И честно говоря, Защита лучше справляется с полицейской работой. Адептус Арбитрес прибыли из другого мира, и им никогда не достичь такого взаимопонимания с местным населением, как у нас.

— Это точно, — поддакнул Йозеф.

Телемах одарила его едва заметной улыбкой.

— Я хочу, чтобы с этим делом было покончено быстро и решительно. Мне кажется, что лорд-маршал и его начальство на Терре не будут возражать, если жители Йесты сами разберутся со своими проблемами.

Йозеф кивнул — отчасти потому, что этого от него ожидали, отчасти потому, что Телемах выдала причину своего желания ускорить разбирательство. Ни для кого не было секретом, что верховный смотритель нацелилась на кресло ландграфа, командующего всеми подразделениями Защиты на планете. А ее нынешний начальник — и, если верить слухам, ее любовник — был готов уступить ей этот пост, поскольку рассчитывал занять должность имперского губернатора.

Единственным реальным конкурентом на должность ландграфа мог стать только лорд-маршал Адептус Арбитрес, и решительное расследование

подобного преступления, когда подойдет время назначений, могло принести дополнительные очки.

— Мы расследуем все аспекты этого преступления, — заверил ее Лайтнер.

Верховный смотритель задумчиво потеребила пальцем нижнюю губу.

— Я хочу, чтобы вы обратили особое внимание на любые связи с религиозными фанатиками, которые недавно подняли головы в Водопадах и Брегхуте.

— Теоги, — услужливо подсказал Лайтнер и усмехнулся. — Старая банда.

— При всем моем уважении, — вмешался Дайг, — их вряд ли можно назвать фанатиками. Это просто...

Телемах не дала ему договорить.

— Ненависть распространяется повсюду, где только найдет подходящую почву, смотритель. Император не напрасно привел к нам флотилии Великого Крестового Похода. Я не позволю, чтобы в этом или в любом другом городе пустили корни суеверия. Это понятно? — Она в упор посмотрела на Йозефа. — Теоги организовали подпольный

культ, запрещенный законом Империума. Найдите связь между ними и этим преступлением, джентльмены.

«Даже если ее не существует», — добавил про себя Йозеф.

— Вам понятны мои пожелания? — спросила Телемах.

— Да, понятны, мэм, — кивнул он. — Мы сделаем все, что в наших силах.

Телемах хмыкнула:

— И даже больше, Сабрат.

Она направилась к выходу, и Лайтнер, напоследок усмехнувшись Йозефу, поспешил следом.

— «Это всего лишь трупы», — повторил Йозеф, глядя ему в спину и имитируя голос старшины. — Он хочет сказать, что до сих пор гибли незначительные люди, которые ему не интересны.

Йозеф протяжно выдохнул.

Лицо Дайга приобрело еще более пессимистичное выражение, чем обычно.

— Откуда взялись эти слухи насчет теогов? — пробормотал он. — Какое отношение они могли иметь к серьезным

убийствам? Телемах судит об этих людях исключительно по слухам и сплетням, основанным только на нетерпимости и невежестве.

Йозеф приподнял одну бровь:

— А ты знаешь лучше?

Дайг пожал плечами.

— Нет, конечно, — ответил он, немного помолчав.

После того как Ивак был уложен в постель, Йозеф вернулся в гостиную и уселся перед радиатором. Стакан хорошей туманящей воды, налитый для него женой, вызвал довольную улыбку, и он стал прихлебывать напиток мелкими глотками, пока Рения запускала в задней комнате стирально-гладильную машину.

Мягкое воздействие напитка окутало мозг Йозефа, но он не сопротивлялся и позволил мыслям свободно дрейфовать. Перед глазами возникли обширные океаны, размеренное покачивание их волн дарило отдохновение и успокаивало растревоженные мысли.

Когда рядом кашлянула Рения, он с

испугом поднял взгляд и уронил каплю напитка с края бокала. Жена вошла в комнату, а он настолько погрузился в свои фантазии, что даже не заметил этого.

Она встревожено посмотрела на него:

— Ты в порядке?

— Да.

Его ответ не убедил Рению. Пятнадцать лет любви не могут не обострить проницательность, но эта же проницательность не позволила ей давить на мужа. Она знала о его работе и знала, что, приходя домой, он старается оставлять все проблемы в участке. Рения просто спросила:

— Хочешь поговорить?

Он сделал еще глоток вина, не глядя на нее.

— Пока еще нет.

И Рения сменила тему, но не настолько, чтобы Йозеф мог успокоиться.

— Сегодня в школе Ивака произошел неприятный случай. Из класса забрали одного мальчика.

— Почему?

— Ивак сказал, что это из-за игры,

которую затеяли старшие школьники. Они называли ее «Воитель и Импе́ратор».

Йозеф, слушая рассказ жены, отставил стакан. Как ни странно, он уже знал, что она скажет.

— Этот мальчик решил играть за Воителя. Учителя услышали об этом и донесли.

— Арбитрес?

Рения кивнула:

— Теперь люди обо всем докладывают. Или вовсе не разговаривают.

Йозеф сжал губы.

— Все так неустойчиво, — заговорил он после паузы. — Все боятся того, что происходит за горизонтом... Но это... это просто глупость.

— До меня дошли слухи, — продолжила Рения. — Рассказы людей, у которых есть знакомые в других мирах и в других системах.

Он тоже слышал подобные разговоры и приглушенные шепотки в закоулках участка от людей, которые не сумели вовремя приглушить свои голоса. Слухи то с одной, то с другой стороны. Рассказы об

ужасных вещах, о мрачных деяниях — порой об одних и тех же поступках, приписываемых одновременно и сторонникам Воителя, и верным слугам Императора Человечества.

— Люди, раньше свободно говорившие обо всем, теперь умолкают при моем появлении, — добавила она.

— Потому что я твой муж? — Увидев, что она кивнула, Йозеф нахмурился. — Но я же не Арбитрес!

— Мне кажется, люди лорд-маршала только усугубляют обстановку, — заметила Рения. — Раньше мы обо всем могли поговорить и поспорить без всяких предрассудков. А теперь... После начала мятежа...

Она замолчала, не закончив фразу.

Рения нуждалась в его поддержке, хотела, чтобы он развеял ее беспокойство, но Йозеф, как ни старался, не мог подобрать подходящие слова. Наконец он уже открыл рот, чтобы заговорить, как вдруг на улице раздался звон разбитого стекла.

Он мгновенно вскочил на ноги,

метнулся к окну и сквозь прикрытые жалюзи выглянул на улицу. Снаружи зазвучали громкие голоса. Внизу, где дорожка делала изгиб, приближаясь к его входной двери, он увидел четверых юнцов, окруживших пятого. В руках у них поблескивали перевернутые бутылки. Пятый неловко поскользнулся на осколках стекла и упал на четвереньки.

Рения уже открывала дверцу деревянного ящичка, где был установлен терминал связи. Она вопросительно посмотрела на мужа, и Йозеф кивнул:

— Вызывай!

Под ее крик «Будь осторожен!» он выскочил в холл и сорвал с крючка форменную куртку. Позади на лестнице послышались шаги. Обернувшись, Йозеф увидел в полумраке маленький силуэт Ивака.

— Папа?

— Вернись в кровать, — сказал он мальчику. — Я сейчас вернусь.

Смотритель накинул цепочку с жезлом и вышел наружу.

К этому моменту четверо парней уже начали избивать пятого. Йозеф услышал крик, потом он повторился, и опять до него донеслось это имя, произнесенное как ругательство. Хорус.

Пятый юноша уже был в крови и пытался защититься, прикрыв голову руками. На глазах у Йозефа быстрый точный удар справа, словно взмах косы, свалил парня на землю.

Смотритель шевельнул кистью, и дубинка, всегда лежавшая в нарукавном кармане куртки, скользнула в руку. Обладающий памятью металл издал негромкое шипение, увеличивая длину оружия в четыре раза. В душе Сабрата уже разгорелся гнев. С криком «Защита!» он без промедления нанес удар по коленям ближайшего из нападавших парней.

Удар достиг цели, и один из противников тяжело рухнул на землю. Остальные отпрянули назад. Второй парень покачивал в руке половинку кирпича, как будто готовясь к броску. Йозеф всмотрелся в их лица. Несмотря на то что нижнюю часть прикрывали шарфы,

он узнал членов железнодорожной банды. Эти молодые парни днем работали в грузовом терминале на монорельсовой дороге, что соединяла авиадоки с виноградниками, а по вечерам хулиганили и совершали мелкие преступления. Но в этом респектабельном районе они никогда не появлялись, вероятно, увлеклись погоней за своей жертвой.

— Арестуй его! — крикнул один из парней, тыча пальцем в раненого юнца. — Это предатель, вот кто он! Проклятый предатель!

— Нет, — с трудом выдохнул раненый. — Я не...

— Защита ничуть не лучше! — проворчал тот, кто держал в руке половинку кирпича. — Они все заодно!

С этими словами он швырнул обломок, и Йозеф отбил его, но получил скользящий удар по голове, заставивший его покачнуться. Молодые бандиты как по сигналу бросились наутек и вскоре скрылись за поворотом.

Несколько мгновений Йозеф боролся с яростным желанием догнать подонков и

размазать их по камням мостовой, но быстро подавил его и нагнулся, чтобы помочь встать раненому. Рука парня оказалась влажной от крови, — видимо, падая, он порезался о стекла.

— Ты в порядке? — спросил смотритель.

Парень, шатаясь, сделал шаг назад.

— Не... не бей меня.

— Не буду, — заверил его Йозеф. — Я представитель закона.

В голове у него от удара все еще стоял звон, но в момент неожиданной ясности он увидел в кармане у парня тугой рулон красных листовок. Держа раненого одной рукой, он выдернул из свертка один листок. Это был памфлет теогов, страница плотного текста, полного цветистых оборотов и терминов, ничего для него не значащих.

— Где ты это взял? — спросил Йозеф.

В свете уличных фонарей лицо раненого помертвело от ужаса более сильного, чем страх перед бандитами и их бутылками и кирпичами.

— Отстань от меня! — закричал юнец

и обеими руками оттолкнул смотрителя.

Йозеф потерял равновесие — боль от ушиба сыграла не последнюю роль, — пошатнулся и упал. А когда он смог поднять голову, парень уже исчезал во тьме ночи. Йозеф выругался и попытался подняться. Его рука нащупала на камнях что-то острое и изогнутое. Сначала он решил, что это еще один отлетевший осколок стекла, однако, осмотрев предмет, понял, что это такое. Потерянный в суматохе или выпавший из кармана... но чей он?

Это был нож сборщика винограда, сильно потертый и поцарапанный от долгого употребления.

Глава 3
ЧТО ТРЕБУЕТСЯ СДЕЛАТЬ
КОПЬЕ
ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Вальдор, раздевшись до пояса, прошел в тренировочный зал. Копье-хранитель лежало на его плече, и металл богато украшенной силовой алебарды приятно холодил кожу. Но в зале его встретили не шесть боевых роботов, с которыми Вальдор рассчитывал поупражняться, а одинокая фигура в обычном одеянии. Это был высокий и широкоплечий воин, достаточно массивный, чтобы даже без боевых доспехов смотреть на командира Адептус Кустодес свысока.

Человек довольно небрежно отвернулся от стойки с оружием, аналогичным тому, какое использовал Вальдор. Перед этим он пробовал на ощупь остроту клинка, висевшего под тяжелым болтерным механизмом на конце металлического стержня. Казалось, он

оценивает добротность оружия, как опытный торговец оценивает качество рулона шелка, прежде чем его купить.

Вальдор не сразу решил, как ему себя вести. Согласно правилам, тренировочный зал принадлежал Легио Кустодес и считался их территорией. Появление здесь не-кустодия могло быть принято за проявление бестактности. Но личность посетителя — Вальдор не мог заставить себя назвать его нарушителем — внушала сомнения. В конце концов он остановился у края ринга и отвесил неглубокий, но почтительный поклон:

— Мой лорд.

— Интересное оружие, — послышался звучный голос. — Оно кажется чрезмерно украшенным, и кто-то мог бы счесть его неэффективным.

— В умелых руках каждое оружие может быть эффективным.

— В умелых руках.

Посетитель наконец-то полностью сосредоточил свое внимание на Вальдоре. В холодном резком свете, проникавшем сквозь окна, лицо Рогала Дорна, примарха

Имперских Кулаков, казалось высеченным из гранита.

На мгновение Вальдору захотелось предложить Дорну испытать алебарду-ружье, но смирение заставило его прикусить язык. Никому не следует вот так запросто бросать вызов повелителю целого Легиона Астартес, даже в шутку. По крайней мере до тех пор, пока он не готов принять последствия подобного вызова, какими бы они ни были.

— Зачем я сюда пришел? — произнес Дорн, задав интересовавший Вальдора вопрос. — Почему я здесь, а не на стенах Дворца, куда призывает меня долг?

— Вы хотите со мной поговорить?

Примарх, будто не слыша, взглянул на расписной потолок, где кустодес на гравициклах мчались по небу на фоне Города Просителей.

— Я изуродовал это место, Вальдор. В целях безопасности я превратил Дворец в крепость. Я заменил произведения искусства пушками, а сады превратил в зоны обстрела. На смену красоте пришла убойная сила.

Что-то в голосе Дорна заставило Вальдора крепче сжать рукоять оружия.

— Это все из-за войны. Чтобы защитить отца.

— Я не горжусь своими достижениями, — продолжал Дорн. — Но это должно быть сделано. Когда сюда придет Хорус, а он обязательно придет, мы должны встретить его во всеоружии. — Он подошел на шаг ближе. — Во всеоружии, Вальдор. И никак иначе.

Вальдор продолжал хранить молчание, и примарх в упор смотрел на него. В течение всей паузы оба глядели друг на друга так, словно перед ними было будущее поле боя.

Примарх первым нарушил затянувшееся молчание:

— Этот Дворец и я... Мы теперь довольно хорошо знаем друг друга. И от меня не укроется то, что происходит в его залах, как видимых, так и невидимых. — Его густые брови сошлись на переносице, словно примарх мысленно принял какое-то решение. — Мы с тобой должны поговорить откровенно.

— Как прикажете, — ответил кустодий.

Дорн не сводил с него взгляда.

— Мне известно, что круги ассасинов и их киллеры-невидимки затевают операцию грандиозного масштаба. Я это точно знаю, — уверенно сказал он. — И еще я знаю, что к этому делу привлекли и тебя.

— Я не состою в Официо Ассасинорум, — заявил Вальдор. — И понятия не имею об их деятельности.

В лучшем случае это было полуправдой, и Дорн прекрасно знал это.

— Я всегда считал тебя человеком чести, капитан-генерал, — сказал примарх. — Но как я, к сожалению, убедился, время от времени надо пересматривать свое мнение о людях.

— Если то, о чем вы говорите, правда, вы должны понимать, что такое предприятие требует строжайшей секретности.

Дорн не скрывал гнева.

— Ты хочешь сказать, если меня не проинформировали, значит, мне не

положено об этом знать? — Он снова шагнул вперед, но Вальдор не отступил. Бесстрастное, неменяющееся выражение лица примарха тревожило его сильнее, чем признаки неудовольствия или раздражения. — Я сомневаюсь в любых мероприятиях, требующих секретности. Я Адептус Астартес, воин по рождению и воспитанию, и мне претит тактика трусости.

Вальдор позволил своему оружию соскользнуть с плеча, и кончик клинка уперся в пол.

— То, что один называет трусостью, другой может считать целесообразностью.

Лицо Дорна на мгновение дрогнуло, и его губы чуть заметно скривились.

— Мне приходилось сталкиваться с агентами Официо Ассасинорум на полях сражений. И эти встречи редко заканчивались благополучно. У них... слишком узкое видение. Это инструменты для придворных интриг и игр внутри Империума, а не для войны. — Он скрестил руки на груди. — Говори, кустодий, что

тебе об этом известно?

Вальдор напрягся:

— Я... не могу говорить.

На мгновение зал зазвенел от напряженности, и у Вальдора побелели костяшки пальцев, сжимавших древко.

Дорн отвернулся.

— Очень жаль, — произнес он.

Кустодий вздрогнул от снисходительного тона высокородного воина.

— Мы все работаем ради одной цели, — напомнил он. — Мы оберегаем Императора.

— Нет. — Дорн перевел взгляд наверх, к окну, и позволил себе вздохнуть. — Это твой основной долг — оберегать жизнь Императора Человечества. А мой долг, так же как и долг моих братьев, обеспечить безопасность Империума.

— Но это одно и то же! — воскликнул Вальдор.

Неожиданно для самого себя он уловил в своих словах оттенок неуверенности.

— Нет, это не так, — возразил Дорн, направляясь к выходу. Примарх задержался

на пороге и, не оборачиваясь, добавил: — Этот разговор еще не закончен, Вальдор.

Кирсану Латигу нравилось считать аэронеф своей собственностью. Покидая вечернюю столицу для плавного перелета домой в Водопады, он любил устроиться у окна маленькой гондолы, подвешенной под сигарообразным баллоном, наблюдать за проплывавшими внизу жилыми башнями и представлять, что на важную персону, летящую по небу, с завистливым восхищением смотрят снизу рабочие заводов и виноградников. Гондола своими размерами не превосходила купе вагона монорельсового поезда, но зато в ней имелись мягкие глубокие кресла и автомат с напитками и прочими мелочами. Время от времени аэронеф служил для перевозки важных клиентов или срочных поездок высокопоставленного персонала, но чаще всего оставался без дела в доках.

Но, как бы ни мечтал об этом Кирсан, аэронеф не был его собственностью. Он принадлежал, как

часто напоминала ему жена, торговому консорциуму «Эврот», и хотя ранг Кирсана позволял постоянно пользоваться машиной, он знал, что никогда не поднимется настолько высоко, чтобы обладать чем-то подобным.

Но об этом он не любил думать. Как чаще всего не любил думать и о своей жене. Она не ценила ни его довольно значительный заработок старшего клерка отдела информатики, ни превосходный дом в фешенебельном предместье столицы, ни частную школу для детей... Она ничего не ценила, и реакцией Латига на такое отношение стала привязанность к аэронефу компании. Здесь он чувствовал себя в некоторой степени свободным, хотя бы на какое-то время. А благодаря правильному распределению кое-каких дополнительных благ и взяток он узнал от одного из технологистов консорциума, как подключиться к несложному мозгу летательного аппарата и повернуть машину к пунктам назначения, не указанным в путевом листе. Например, к кварталу Белого Полумесяца, где всегда

можно найти доступную и сговорчивую компанию.

При этой мысли он улыбнулся, рассеянно прислушиваясь к негромкому гулу пропеллера. Аэронеф уже пересекал Веретенный каньон, и Латиг задумался, не пора ли изменить курс. Жена сегодня занята в каком-то очередном смехотворном мероприятии в благотворительном клубе, так что по возвращении не будет ни осуждающего шипения, ни прищуренных глаз. Почему бы ему немного не задержаться? Почему бы не взять курс на Белый Полумесяц? Дерзость этой идеи вызвала у него на губах улыбку, и Латиг принял решение. Вскоре он уже наклонился вперед и, облизывая губы, потянулся к панели управления.

Вот тогда-то он и увидел впервые этот предмет. На кресле напротив него лежал странный маленький шарик, напоминавший семенную коробочку. Латиг осторожно протянул руку, тронул его пальцем — и побледнел. Предмет был теплым на ощупь, и казалось, будто он обладает живой плотью.

Желудок Латига тотчас взбунтовался, и во рту появился противный вкус полупереваренной пищи, съеденной за обедом. Но это не помешало ему снова протянуть руку и на этот раз взять шарик.

В свете, проникавшем сквозь иллюминаторы гондолы, он заметил полосу, идущую поперек шарика, и странную шероховатость поверхности. Латиг покатал его на ладони из стороны в сторону, а потом, чтобы рассмотреть получше, поднес к самому носу. И невольно вскрикнул, когда шарик раскрылся. Поверхность разошлась по всему диаметру, и появился глаз, ужасно похожий по своему строению на человеческий, но покрытый плотной оболочкой. Теперь шарик повернулся уже по своей воле, и Латиг вдруг понял, что глаз смотрит прямо на него, да еще с таким выражением, которое можно принять за одобрение.

Моментально возникшее отвращение заставило его бросить непонятную находку, и шарик исчез под низким креслом. Латиг ощутил подступившую

тошноту, мысли его путались, и единственное, чего хотелось, так это поскорее оказаться на земле. В гондоле стало душно и жарко, и над высоким воротничком парчового мундира собрались капли пота.

Он все еще пытался понять, что же произошло, как вдруг одна из стен гондолы пришла в движение. Роскошный золотой узор на бархатной обивке богатого винного цвета стал искажаться и поворачиваться, словно масляное пятно на поверхности воды. Из стены наружу стремилось вырваться какое-то существо, с каждым мгновением принимавшее все более четкие очертания.

Латиг видел, как проявилась голова, потом туловище, потом показались руки с длинными пальцами. В тех местах, где существо вырывалось из стены, поверхность как будто вскипала, а свет выявлял нечто вроде подвижной и пульсирующей змеиной кожи.

Латиг совсем потерял голову. Не в силах искать спасения, он вжался в угол между креслом и дальней стеной гондолы,

упершись спиной в иллюминатор. Голова, привлеченная этим перемещением, повернулась в его сторону. Оставшиеся клочки обивки упали, открыв шершавую багровую поверхность, похожую на пропитанную краской кожу или на ободранную плоть. При помощи тонких ног существо полностью вылезло из стены и подняло голову, показав рельефный, вытянутый вперед череп с необычной плугообразной нижней челюстью, на которой в несколько рядов располагались загнутые назад серебряные зубы. В глазницах вместо глаз темнели черные провалы.

Чудовище принесло с собой сильный запах крови и серы, вызвавший у Латига острый приступ кашля. Кашель закончился рвотой, а потом Латиг заплакал, как ребенок.

— Чего ты хочешь? — взмолился он, как только смог говорить. — Кто ты?

Хриплый и гулкий голос зазвучал необычно, словно доносился с большой глубины:

— Я... Копье.

Слова прозвучали скорее вопросительно, чем утвердительно.

Потом существо шагнуло к нему, и в руке блеснуло изогнутое лезвие.

Транспорт задрожал в восходящих потоках нагретого воздуха, поднимавшихся с Атлантического плато, и ничем не прикрытый каркас внутри грузового отсека отозвался негромким поскрипыванием. Под объемистым брюхом машины проплывали безликие пустыни, продуваемые незатихающими ветрами, которые несли целые тучи красноватого песка. В далеком прошлом, несколько тысячелетий назад, этот район был скрыт толщей воды океана, одного из нескольких колоссальных водных объектов, покрывавших поверхность Терры. Сейчас от него осталось лишь несколько мелких внутренних морей, которые даже не оправдывали своего названия. Это были скорее обмелевшие и грязные усыхающие озера, окруженные передвижными городками. Большую часть равнин давно поглотили разросшиеся города Тронного

Мира, но еще имелись огромные, ничем не занятые участки, изрезанные горами и каньонами, усеянные обломками давно погибших кораблей. На Терре оставалось не много земли, которую можно было бы назвать пустошью, но эта равнина была как раз одной из них.

Пилот искусно управляла самолетом. Она лежала в носовой рубке, удерживаемая проводами в командирском кресле, и каждый импульс ее нервной системы мгновенно поступал к послушным рычагам закрылков или в систему двигателей. Кратчайший прямой маршрут транспорта проходил над пустынной зоной и заканчивался в далеком скоплении городов, обступивших вершины Айзорского водораздела. Этот путь был давно известен самым дерзким пилотам. Те, кто предпочитал не рисковать, поднимались на большую высоту, в официально установленный коридор, предписанный агентами Министорума и адептами Терры, но это стоило им и большего расхода топлива, и большего времени; однако пилоты-одиночки, нередко

работавшие в самых жестких рамках, выбирали более рискованный маршрут. И опасность исходила не только от яростных штормов, но в большей степени от людей. Обширные пустыни Атлантики давно стали пристанищем бандитских группировок и охотников за утилем.

Груз транспорта на первый взгляд не представлял собой ничего особенного, но тот, кто решился бы присмотреться внимательнее, мог без труда заметить, что контейнеры только предлог, оправдывающий вылет тяжелой машины. Главной задачей была доставка двух пассажиров, настолько различных между собой, что трудно было поверить в их принадлежность к одному агентству.

Прямо на палубе грузового отсека, между двумя кубами с очищенной водой, скрестив ноги, сидел Константин Вальдор. Его массивную фигуру частично скрывал плащ песочного цвета, под которым виднелся боевой комплект из аблятивной брони. Этот доспех не шел ни в какое сравнение с массивной и тщательно разработанной амуницией

Кустодес, которой он пользовался в обычных условиях. Этот бронекостюм был незамысловатым, а в результате долгого использования покрылся многочисленными царапинами и вмятинами. На мощной фигуре Вальдора все сочленения брони натянулись, словно пытались его сдержать. Рядом лежала длинноствольная лазерная винтовка, украшенная рунами племени технобезумцев, и ранец путешественника с необходимыми для выживания предметами и запасом продовольствия. Впрочем, последнее было явно лишним. Благодаря улучшенной физиологии Вальдор мог бродить по плато не одну неделю, высасывая капли воды из микроскопических лужиц и питаясь насекомыми. К тому же он был вооружен винтовкой. Все снаряжение Вальдора предназначалось для поддержания легенды. Этого, безусловно, было недостаточно при тщательном анализе, но вполне позволяло идти своей дорогой, не привлекая излишнего внимания. Кустодий уже не раз проделывал подобные вещи в смертельной охоте и других

подобных миссиях. Он считал, что этот случай ничем от них не отличается.

На другом конце отсека, на полотняном складном стуле, подпрыгивавшем каждый раз, как только транспорт попадал в зону турбулентности, неловко склонился вперед попутчик Вальдора. Этот небольшой человек, одетый в такой же плащ, как и Вальдор, был полностью поглощен гололитическим текстом, который воспроизводился устройством в его кибернетическом браслете. Второй рукой он увлеченно манипулировал с образами в матрице голограммы. Звали его фон Тариил, и отсветы голограммы позволяли рассмотреть бледно-оливковую кожу и темные овалы глаз. Тугой пучок из множества тонких косичек почти полностью закрывал несколько бронзовых клапанов на задней стороне черепа Тариила, где располагались гнезда устройств сопряжения, хранилищ памяти и разъемы для ввода данных. В отличие от представителей Адептус Механикум, которые по своей воле старались

объединить плоть с машинами, аугментация Тариила была почти незаметной.

Вальдор наблюдал за ним из-под полуопущенных век, стараясь, чтобы его интерес остался незамеченным. Сигиллит представил ему Тариила в такой форме, которая исключала любые сомнения по поводу выбора. Этот маленький человек — новый оперативник круга, чей мозг был заполнен информацией и желанием служить, — стал вкладом сира Вануса в создание карательного отряда. Таких, как Тариил, называли инфоцитами; по существу это были ходячие вычислительные машины, но они разительно отличались от безмозглых блоков из плоти и механики, известных как сервиторы. В вопросах стратегии и тактики суждения инфоциты не имели себе равных, и их деятельность по сбору и внедрению информации укрепляла положение круга Ванус в составе Официо Ассасинорум. Ходили слухи, что в своих действиях они не допускали ни одной ошибки. Однако Вальдор рассматривал

это утверждение как дезинформацию, поскольку круг Ванус славился умением манипулировать общественным мнением.

Боковым зрением кустодий заметил движение камеры наблюдения, установленной на потолке грузового отсека. Еще раньше он подумал, что устройство обращено в его сторону больше, чем следовало, а теперь убедился, что камера смотрит прямо на него. Не поворачивая головы, Вальдор увидел, что Тариил тоже изменил положение, и гололитический экран теперь заслоняло его тело.

Кустодий едва заметно усмехнулся, молниеносным движением поднялся на ноги и пересек разделявшее их расстояние. В глазах Тариил а вспыхнула паника, но Вальдор уже схватил его за руку. На гололитический экран транслировалось изображение с камеры наблюдения, сосредоточенной на том углу, где он только что сидел. Помимо изображения по краям струились потоки информации. Тариил каким-то образом внедрился в систему безопасности самолета и ради

собственного любопытства подчинил себе камеру.

— Не смей за мной шпионить, — предупредил Вальдор. — Я дорожу своей частной жизнью.

— Ты не можешь меня обвинять, — выпалил Тариил. — Я хотел узнать, кто ты такой.

Вальдор, не отпуская его руки, обдумал заявление инфоцита. Они в молчании поднимались на борт транспорта и до этого момента не сказали друг другу ни слова. Неудивительно, что любознательность ванусса взяла верх над осторожностью. Тариил и ему подобные относились к новой информации с той же страстью, с какой наркоман относится к зелью. Они были одержимы идеей новых сведений и делали все возможное, чтобы их заполучить. Как это могло сочетаться с требованиями полной секретности, принятыми в Официо Ассасинорум, трудно было себе представить. Возможно, этим объяснялось и особое положение круга Ванус и его агентов.

— И кто же я? — потребовал объяснений Вальдор. — Если ты сейчас пялился на меня через эту камеру, значит, ты проделывал это не раз с тех пор, как ты покинули столицу Империума.

— Отпусти, пожалуйста, мою руку, — попросил Тариил. — Мне больно.

— Это еще не боль, — сказал Вальдор, но ослабил хватку.

Инфоцит кивнул и на мгновение задумался.

— Ты Константин Вальдор, капитан-генерал Адептус Кустодес, вероятность ошибки менее четырнадцати процентов. Я сделал это заключение, исходя из физиологических данных и существующих записей, а также выборки информации из различных источников.

Тариил показал ему выписки из путевых листов, из перечней продуктов, закупаемых имперскими поставщиками, из заданий автоматов-уборщиков и даже из рапортов кузницы, где ремонтировались роботы, разбитые Вальдором на сегодняшней тренировке. Для воина все это казалось стеной белого шума, но инфоцит

без труда манипулировал данными.

— Это... впечатляет, — заметил Вальдор. — Но я не так представлял себе работу ассасина.

Тариил заметно напрягся:

— Круг Ванус устранил немало врагов Империума. Мы делаем свое дело, как ты делаешь свое, капитан-генерал.

Вальдор, слегка наклонившись, навис над инфоцитом.

— А сколько врагов Терры уничтожил ты, фон Тариил?

Тариил несколько раз моргнул.

— Ты имеешь в виду физическое уничтожение? В таком случае ни одного. Но я был орудием при устранении нескольких целей.

— Каких, например?

Вальдор на миг решил, что Тариил откажется отвечать, но инфоцит заговорил, быстро и сжато, словно скачивал информацию из памяти машины:

— Я приведу тебе пример. Выборный лорд-правитель колонии Тритон-Б Корлисс Браганца.

— Я знаю это имя. Преступник и

стяжатель.

— Точно. При помощи небольших дополнительных программ я во время рядовой проверки информации обнаружил, что он присваивает имперские средства с целью финансировать кампанию против нескольких высокопоставленных членов Министорума. Он пытался создать базу, с помощью которой можно было бы влиять на колониальную политику Империума. Воспользовавшись тайными каналами, я внедрил компрометирующую информацию в личное дело Браганца, в результате чего махинации открылись, он был убит своими же сообщниками, что позволило выявить еще и их личности.

Вальдор вызвал в памяти инцидент с Браганцей. Он был замешан в жестоком убийстве молодого аристократа, и после появления неопровержимых улик, несмотря на все его протесты, электорат Тритона, выбравший его на этот пост, единодушно от него отвернулся. Браганца, похоже, погиб в результате несчастного случая во время транспортировки на астероид-тюрьму.

— Ты еще и организовал утечку информации о маршруте его перевозки.

Тариил кивнул:

— Никаких следов не остается в том случае, если убийство вместо тебя совершает кто-то другой и при этом даже не догадывается о подстрекательстве.

— Не могу не согласиться с твоей логикой, — неохотно признал кустодий.

Он отошел на пару шагов назад, дав возможность инфоциту немного расслабиться.

— Если уж у тебя так много информации, может, ты расскажешь мне что-нибудь о человеке, которого нам предстоит отыскать?

— Эристид Келл, круг Виндикар, — тут же ответил Тариил. — В настоящее время занимается устранением криминальных группировок из бывших горожан Ограниченной Атлантической зоны. Входит в число лучших специалистов-оперативников. Пятьдесят два подтвержденных убийства, включая тирана Дааса, королеву Мортог Хэвен, генерала эльдар Селлианса нил Кахиина,

брата-капитана...

— Меня не интересует этот список, — жестом прервал его Вальдор. — Меня интересует этот человек.

Ванус надолго задумался, а когда снова собрался заговорить, Вальдор боковым зрением уловил огненную вспышку за стеклом одного из иллюминаторов. Мгновенно насторожившись, он бросился к окну.

Снаружи он успел рассмотреть копье из белого пара с угрожающе-красным наконечником; двигаясь по спирали, оно ударило в борт самолета. Аварийная система взвыла запоздалым предостережением. Вальдор увидел яркий взрыв, а затем транспорт содрогнулся от сильнейшего удара и резко накренился на правый борт. Грузовой отсек заполнился дымом, и послышался скрежет разрывающегося металла.

Оба пассажира, не пристегнутые ремнями, покатились по полу, а самолет нырнул в рыжеватый туман, устилающий землю.

После посещения валетудинария[3] Йозеф всегда чувствовал некоторое недомогание, как будто близости к месту излечения было достаточно, чтобы вызвать какую-то внезапную болезнь. Он знал, что люди — те, что не работали в системе обеспечения законности, — испытывали похожую реакцию после посещения участков Защиты. Даже если они не совершили никаких правонарушений, у них спонтанно возникало чувство вины. Ощущение было настолько сильным, что даже в тех случаях, когда возникали боль или расстройство, которые требовали консультации медиков, внутреннее сопротивление удерживало его от подобных визитов, и он просто ждал, пока все не пройдет само собой.

К несчастью, по роду службы ему приходилось регулярно наведываться в главную клинику столицы, да еще в самый закрытый из ее участков — в мортиарий[4]. Здесь всегда было ужасно холодно, светлые деревянные полы и стены блестели от множества слоев защитного покрытия, не

пропускавшего влагу, а резкий свет люминесцентных полос заливал все уголки помещения мертвенно-белым сиянием.

По всему помещению стояли заполненные жидкостью цилиндрические капсулы, в которых и содержались тела. Специальные крепления позволяли поднимать их из ячеек в полу или спускать из хранилища под потолком. Заиндевевшие таблички пестрели разноцветными ярлычками, позволявшими отличить недавно поступившие тела, которые следовало хранить для проведения тщательного обследования, от тех, что можно было передать родственникам для совершения обряда погребения.

Дайг, войдя в зал, снял шляпу и стал пробираться между снующими сервиторами и младшими медиками. Йозеф последовал его примеру, а свою шерстяную шапочку засунул под эполет.

Они пришли сюда, чтобы повидать Тизли, худую, как рельс, женщину с соломенными волосами, которая обычно помогала дознавателям, если их что-то интересовало в мортиарии. На их

приближение она отреагировала угрюмым кивком. Опытный врач и отличный патологоанатом, Тизли была одним из самых мрачных людей, кого знал Йозеф. Он не мог вспомнить ни единого случая, когда ее настроение становилось лучше хоть чуть-чуть.

— Смотрители, — коротко и формально приветствовала она посетителей. — Удивительно, что вам удалось сюда добраться, сегодня утром движение очень плотное.

— Это все погода, — с таким же унылым видом откликнулся Дайг. — Холодно, как в космосе.

Тизли печально кивнула.

— Точно. — Она постучала пальцами по ближайшей капсуле. — Еще не одну капсулу займут те, кто не в состоянии заплатить за топливо.

— Губернатору следовало бы снизить десятину, — в тон ей сказал Дайг. — Это несправедливо по отношению к старикам.

Врач была готова ответить, но пока эти двое не углубились в бесконечные жалобы на погоду, правительство, урожай

или что-нибудь еще, Йозеф решил вмешаться:

— К вам поступил еще один труп, который представляет для нас интерес?

Тизли без труда сменила тему:

— Кирсан Латиг, мужчина, пятьдесят лет по терранскому счету. Изрезан, как береговая линия фьордов.

— И от этого умер? — спросил Йозеф, всматриваясь в лицо за стеклом. — Характер ранений?

— Похоже на то. — Тизли фыркнула. — Разрезы сделаны неторопливо, одним и тем же лезвием, как и в прошлых случаях.

— И разложили его так же, как и остальных? В виде восьмиконечной звезды?

— На роскошной кушетке в гондоле аэронефа. Но на этот раз не прибивали гвоздями. — Об ужасном убийстве она рассказывала тем же самым тоном, каким жаловалась на погоду. — Но с этим гораздо больше хлопот.

Йозеф задумчиво прикусил губу. По пути к валетудинарию он просмотрел рапорт об этом преступлении. Жена убитого, которая после истерического

припадка спала сейчас где-то наверху с дозой снотворного в крови, вернулась домой поздно вечером и обнаружила аэронеф на лужайке перед домом. Автопилот машины до сих пор напрасно ждал команды вернуться в ангар. Внутри кабины каждый квадратный метр стен, пола и потолка был покрыт бесконечно повторяющимися восьмиконечными звездами, начерченными кровью Латига.

Дайг по привычке теребил цепочку на запястье и поглядывал в табличку на капсуле.

— Латиг занимал высокое положение среди гражданских служащих. Не слишком важная шишка, но все же. Он работал на «Эврот».

— И это только усложняет расследование, — сказала Тизли.

Она упомянула об этом словно мимоходом, но на самом деле из-за нанимателя Латига расследование серийного убийства могло выйти из-под контроля. Йозеф надеялся, что в поверхностный рапорт рьяного егеря вкралась ошибка, хотя в душе был уверен в

обратном. Он сейчас же решил, что такого невезения у него еще не было. Мало того что в дело сунулась верховный смотритель, так еще жертвой оказался высокопоставленный служащий консорциума «Эврот». Похоже, впереди их ждало немало проблем.

Латиг и ему подобные в этом мире работали на межпланетного аристократа, возможно, самого богатого человека на много световых лет вокруг. Его честь войд-барон Мерриксун Эврот был владельцем крупной торговой флотилии, курсирующей по звездным системам вокруг Шесты Веракрукс. Владея значительными капиталами и торговыми концернами на многих планетах, консорциум контролировал почти всю местную торговлю между системами, а в придачу и большую часть перевозок. В числе друзей Эврота числились высокие адмиралы, отпрыски Навис Нобилитэ, и даже один из Верховных Лордов Терры. Клан Эврот мог проследить свою родословную вплоть до периода Древней Ночи, и, если верить

слухам, патент на торговлю, выданный этому семейству, был подписан самим Императором. Этот человек достиг столь высокого положения, что был принят в Адептус Терра в качестве агента-нунция, торгового атташе Императорского двора во всех человеческих колониях Таэбианского сектора.

— Тизли. — Йозеф понизил голос и с заговорщическим видом подошел ближе. — Если бы мы могли всего на несколько дней скрыть личность жертвы, это помогло бы...

Но она уже качала головой.

— Мы пытались скрыть информацию, но... — Доктор помедлила. — Люди не могут не болтать. Слуги Латига все видели.

У Йозефа екнуло сердце.

— Значит, консорциуму все известно.

— Это еще не все, — сказала Тизли. — После некоторого давления на ландграфа они потребовали вернуть аэронеф, хотя он проходит по делу в качестве улики.

— Это невозможно! — воскликнул

Йозеф.

— Все уже сделано, — продолжала Тизли. — И врачи консорциума уже выехали сюда, чтобы позаботиться о сохранности этого несчастного. — Она хлопнула ладонью по запотевшему стеклу. — Наверное, они угодили в пробку, иначе уже увезли бы его.

Йозеф прищурился:

— Это дело Защиты. Это дело йестианцев.

Его раздражение зажглось в груди холодным огнем, а в памяти всплыли слова Телемах, произнесенные в участке.

Еще не прошло и суток, а ее превосходительство уже все меняет в угоду шишкам из консорциума. Конечно, ведь Йеста Веракрукс снабжает винами весь сегмент Ультима, и без «Эврота» экономика планеты захлебнется в собственном вине.

Дайг едва слышно выругался и не избежал осуждающего взгляда Тизли.

— Но и это еще не все, — сказала она, словно намереваясь поиздеваться. — Начальство Латига отослало

астропатическое послание самому войд-барону. И по-видимому, он лично заинтересовался этим случаем.

Йозеф почувствовал, как от его лица отхлынула кровь.

— Эврот... едет сюда?

— О, можешь в этом не сомневаться, — заверила его Тизли. — До меня дошли слухи, что его личные агенты уже в варпе и направляются к нам.

Ощущение недомогания вернулось к Йозефу, и он втянул в себя холодный стерильный воздух. В неожиданном приступе гнева он вырвал из рук Дайга табличку.

— Это уже не расследование, это сплошное вредительство.

Вальдор рывком вернулся в сознание и подавил рефлекторный кашель. На него сверху давило что-то тяжелое, а вокруг виднелись сплошные песчаные заносы. И еще было жарко, так жарко, что воздух обжигал кожу. На губах остался привкус горящего горючего.

Проверив свое состояние, кустодий не

обнаружил никаких серьезных повреждений, кроме легкого вывиха. Он осторожно вправил сустав и, превозмогая боль, подвигал рукой. Затем он уперся обеими руками в давивший на него предмет — оказалось, что это секция обшивки самолета, — и отбросил его в сторону.

Он встал на ноги среди клубов дыма и огня. Сам момент падения Вальдор помнил не слишком отчетливо: искры боли и вращение грузового отсека, пока самолет не врезался носом в песок. Он слышал крик Тариила, но сейчас инфоцита нигде не было видно. Вальдор двинулся вперед, пробираясь между раскаленными обломками, обожженными разлитым горящим прометием. Куски обшивки лежали вдоль линии, терявшейся в красноватом песке, а рядом тянулся черный след, прочерченный самолетом, пока он окончательно не остановился.

Очертания одного из фрагментов он узнал сразу: овальная капитанская рубка была сильно помята, а прозрачный фонарь изнутри покраснел от крови. Вальдор понял, что пилот не пережил падения. Он

осмотрелся по сторонам. Растекшийся прометий полыхал уже со всех сторон, не давая ему никакого пространства для маневра. В одном месте стена пламени показалась Вальдору не такой плотной, и он со всех ног ринулся туда. Не медля ни секунды, Вальдор прыгнул прямо в огонь и прорвался через стену, хотя его плащ успел загореться.

Он тяжело приземлился на полусогнутые ноги, сорвал с плеч горящий плащ и отшвырнул его как можно дальше. Все еще задыхаясь, он поднял голову и только тогда понял, что он здесь не один.

— Ну-ка, — раздался грубый голос, — что тут у нас?

Он насчитал восемь человек. Это были члены банды охотников за утилем, в разномастной одежде, в собранной по частям броне, закрывающие лица дыхательными фильтрами и капюшонами. Все они были вооружены огромными автоматическими ружьями — в основном различными модификациями стабберов, но он заметил и пару лазерных карабинов со сдвоенными стволами, и еще

одно оружие, очень похожее на плазмаган ружье, нацеленное в его сторону. Видневшиеся неподалеку транспортные средства были такими же разношерстными, как и все остальное: две самоходные платформы на суставчатых ногах, один скоростной дюноход на толстых ребристых шинах и один грузовик на воздушной подушке.

Вальдор оценил их с холодной тактической точностью опытного воина. Восемь человек, всего восемь, у кого-то из них, вероятно, улучшены рефлексы, возможно, даже имеется накожная броня, но все равно их только восемь. Он был уверен, что успеет убить их всех ровно за шестьдесят секунд, и то, если не будет спешить.

Только две вещи вынудили его сделать паузу. Первая — это фигура, высунувшаяся из люка грузовика, на котором был установлен вращающийся пятиствольный мультилазер. Ничем не загораживаемая линия огня упиралась прямо в Вальдора, и каким бы крепким он ни был, без обычной брони тяжелое оружие

собьет его с ног, не дав пройти и десяти шагов.

Вторым фактором стал фон Тариил. Весь в крови и синяках, он стоял на коленях перед одной из самоходных платформ, а в затылок ему упиралось дуло винтовки.

— Ха, — услышал он голос инфоцита, хотя и не слишком разборчивый из-за многочисленных ушибов. — Сейчас вы все пожалеете, что связались с нами.

Вальдор нахмурился и продолжал осматриваться, игнорируя банду, зато внимательно изучая линию горизонта. Из-за поднятого ветром песка вдаль смотреть было нелегко, но Вальдору помогало усиленное зрение.

— Подними руки, — прогудел охотник за утилем, который держал плазменное ружье.

Вальдор догадывался, что самое мощное оружие — у лидера группы, и теперь убедился в своей правоте. Он проигнорировал требование и продолжал смотреть в другую сторону.

— Ты что, глухой, урод?

Вдалеке, может в километре или даже больше, кустодий на мгновение заметил что-то яркое. Отблеск металла на вершине невысокого холма. Он сдержал усмешку и повернулся к охотникам, заняв такую позицию, чтобы держать в поле зрения вершину холма и всех бандитов.

— Я тебя слышал, — ответил он лидеру.

— Смотри, какой он большой, — протянул вооруженный винтовкой охотник. — Может, он мутант?

— Может, — согласился предводитель. — Это правда, урод?

— Эй, чего ты ждешь?! — звенящим от страха голосом крикнул Тариил. — Помоги мне!

— Да, помоги ему, — насмешливо поддакнул бандит на грузовике. — А я на тебя посмотрю!

— Вы совершили огромную ошибку, — медленно и осторожно заговорил Вальдор. — Я надеялся, что мы сумеем приземлиться в эрге[5] и сами вас разыщем. Но вы перехватили инициативу, и, надо

отдать вам должное, весьма успешно. Вы увидели добычу и атаковали. — Он вновь осмотрелся и остановил взгляд на еще одном орудии — в кузове грузовика стояла ракетная установка с поднятым к небу стволом, хотя рядом никого не было. — Удачный выстрел.

— Удача здесь ни при чем, — сказал главарь. — Вы не первые. И наверняка не последние.

— Прости, но с этим я не соглашусь, — возразил Вальдор. — Как я уже говорил, вы допустили большую ошибку. Вы привлекли внимание Императора.

При звуке этого имени по банде прокатилась волна страха, но лидер быстро подавил опасения.

— Ржа и дерьмо, ты все врешь, урод. Никому нет дела до того, что здесь происходит, ни обычным людям, ни вашему паршивому Императору. Если бы это было не так, он пришел бы и поделился с нами своим могуществом.

— Давай их просто убьем, — предложил стрелок.

— Вальдор! — в ужасе вскрикнул

Тариил. — Помоги!

На далеком холме, незаметно для всех остальных, дважды что-то блеснуло.

— Позвольте, я скажу, кто я такой, — снова заговорил кустодий. — Меня зовут Константин Вальдор, я капитан-генерал Легио Кустодес, и в моих руках воплощение недовольства Императора.

Главарь банды презрительно фыркнул:

— У тебя точно с головой не в порядке!

— Сейчас я вам это докажу. — Вальдор поднял руку и указал пальцем на стрелка у мультилазера. — Именем Императора, — продолжил он спокойным и будничным тоном, — казнить.

Буквально через мгновение верхняя часть туловища стрелка разлетелась ошметками плоти и красными брызгами.

Страх перед Императором, на время подавленный, вернулся с десятикратной силой. Вальдор показал рукой на мародера, державшего на прицеле Тариила.

— Казнить, — повторил он.

Раздался влажный шлепок, и тело

бандита разорвалось надвое вдоль позвоночника, а затем осело на песок.

— Казнить, казнить, казнить...

Кустодий опустил руку и остановился, когда еще трое членов банды разлетелись на куски, не успев двинуться с места.

Тариил упал плашмя в пыль, а мародеры в беспорядке бросились врассыпную; кто-то метнулся к машинам, кто-то пытался найти укрытие. Вальдор увидел, как один из бандитов вскочил в багги, завел двигатель и рванул с места, но через секунду ветровой щиток окрасился кровью, и вездеход скатился в неглубокую лощину, где и остался. Остальные мародеры погибали прямо на бегу.

Внимание Вальдора привлек яростный рев. Оглянувшись, он увидел, что на него мчится главарь банды — слишком быстро для нормального человека, наверняка накачанный стимуляторами, как он и предполагал. В руках бандит держал плазмаган, нацеленный в грудь кустодия; с такого расстояния выстрел

будет смертельным.

Но Вальдор не шелохнулся и стоял на месте. А потом, словно по воле невидимого божества, ружье вырвалось из рук главаря банды и взлетело в воздух, разбрасывая голубые искры и детали разбитого механизма.

Только тогда Вальдор шагнул вперед и резким движением руки перебил главарю горло. Последний член банды рухнул на песок и затих.

Солнце уже спускалось к горизонту, когда частичка пустыни отделилась от общей массы и трансформировалась в человеческий силуэт. Плащ из хамеолина затерцал, сменив окраску с красновато-песочной на черную, и под ним обрисовалась тускулистая фигура в защитном костюме. Лицо человека скрывалось под безликой металлической маской и зеленоватым визором, обращенным в сторону Вальдора и Тариила, которые укрылись от солнца в тени грузовика. За спиной у него висела длинная, почти во весь рост, винтовка.

Вальдор приветствовал его кивком:

— Эристид Келл, как я полагаю?

— На тебе нет формы, капитан-генерал, — негромко произнес стрелок. — Тебя трудно узнать.

Вальдор слегка удивился:

— Мы уже встречались?

— Нет, — покачал головой снайпер. — Но я тебя знаю. И знаю твою работу.

Затем он посмотрел на инфоцита.

— Виндикар, — сдержанно приветствовал его Тариил.

— Ванус, — последовал короткий ответ. — Интересно, — продолжал Келл, — как вы догадались, что я за вами слежу?

— Ты уже провел в этом секторе некоторое время, и было бы логично предположить, что ты увидишь крушение самолета. — Кустодий широким жестом обвел окрестности. — Я собирался отыскать твоих жертв и с их помощью выйти на тебя. Обстоятельства немного изменились, но результат получился тот же самый.

Тариил повернулся к Вальдору:

— Так вот почему ты их не

атаковал? Ты же мог бы с ними справиться, но не стал ничего делать. — Он поморщился. — А меня могли убить!

— Я рассматривал такую вероятность, — с усмешкой сказал снайпер. — Но отказался от этой идеи. Если уж пара настолько разных людей сюда добралась, значит, на то имеются веские причины.

— Ты чуть не упустил того громилу с плазмаганом! — сердито воскликнул инфоцит.

— Нет, — со слабой улыбкой возразил Вальдор. — Он не мог его упустить.

Снайпер слегка наклонил голову:

— Я никогда не теряю цель.

— Ты отправился в Атлантическую зону без вокс-передатчика, — заметил Вальдор.

— Передачу можно перехватить, — пояснил Келл. — И вокс мог выдать мое местонахождение бандитам.

— Отсюда и наш не совсем обычный способ тебя разыскать, — добавил кустодий.

Тариил прищурился:

— А как ты узнал, когда нужно было стрелять?

— В его прицеле установлено устройство для чтения по губам, — ответил вместо снайпера Вальдор. — Я полагаю, что твое задание не предполагает достижения какого-то конечного результата?

— Я систематически уничтожаю банды мародеров по мере их обнаружения, — ответил Келл. — И у меня еще много работы. Это неплохая тренировка.

— Тебе предстоит новая миссия, — сказал Тариил. — Вернее, нам обоим.

— Это правда? — Келл поднял руку и снял маску, открыв обветренное лицо, коротко остриженные темные волосы, проницательный взгляд и ястребиный нос. — А кто мишень?

Вальдор встал, вытащил из-под нагрудника ракетницу и направил ее вверх.

— Узнаешь, когда придет время, — сказал он и выстрелил.

Келл изогнул бровь:

— И этой таинственной операцией командуешь ты, капитан-генерал?

— Нет, не я, — ответил Вальдор, следя за пляшущими тенями от вспышки сигнальной ракеты. — Командуешь ты, Эристид.

Глава 4
КРОВЬ
ОРУЖИЕ
ЛИЦО И ИМЯ

Шум двигателей колеоптера мешал нормальному разговору в кабине, и, чтобы создать хоть какое-то подобие секретности, Йозефу приходилось ворчать, наклоняясь к самому уху Дайга.

— Не нравится мне эта система, — произнес он.

На коленях Дайга были веером разложены бумаги, одной рукой он перебирал карточки, а второй держал пухлый блокнот.

— Какая система?

— В том-то и дело, — ответил Йозеф, — никакой системы нет. Каждый раз, когда какой-нибудь сумасшедший начинал подобную серию, мы могли вычислить некоторую закономерность, даже самую абсурдную. Кого-то убивали из-за того, что он напоминал безумцу его

злобного отчима, а другому убийце голоса в голове твердили, что всякий, кто носит зеленое, это дьявол... — Он показал пальцем на бумаги. — Но какая связь здесь? Между Латигом, Нортэ и остальными? Это люди разных социальных слоев, мужчины и женщины, старые и молодые, высокие и низкие... — Йозеф тряхнул головой. — Если у них и есть что-то общее, я этого не вижу.

— Ладно, не заводись, — спокойно отозвался Дайг. — У нас найдется немало желающих подбросить следствию свои сумасбродные идеи. Можешь не сомневаться, после смерти Латига аппарат прямой связи раскалится от звонков.

Йозеф неслышно выругался: мало ему хлопот, так вмешательство консорциума «Эврот» привлечет к этому делу внимание всех новостных агентств Йесты.

— Можно подумать, им больше нечем заняться, как предсказывать конец света, — сказал он. — Ладно, давай ко всем имеющимся неприятностям добавим еще и страх перед ударом ножа в темном

переулке.

Дайг пожал плечами:

— Вполне возможно, это может отвлечь мысли людей от более серьезных неприятностей. Ничто так не способствует сосредоточенности, как известие об остающемся на свободе убийце, который может оказаться у тебя на заднем дворе.

— Ты не думаешь, что это зависит от величины твоего заднего двора?

— Дельное замечание. — Напарник Йозефа с трачной неторопливостью перелистал странички информационного планшета. Один отрывок текста настолько его заинтересовал, что он поднял брови. — Эге! А вот это интересно. — Он передал планшет Йозефу. — Посмотри-ка.

— «Результаты клинических исследований крови», — прочел Йозеф.

Перед ним лежали рапорты из лаборатории, после многочисленных исследований подтверждавшие, что — к сожалению — все образцы жидкости, найденные на стенах и полу гондолы,

принадлежали несчастному чиновнику. По крайней мере, почти все.

Где-то в середине таблицы имелись другие данные по образцу, случайно взятому медицинским сервитором. Единственная строчка, которая не совпадала с остальными.

При чтении этой информации Йозеф ощутил легкий трепет, но сразу же постарался его подавить. Он не решался поверить, что Дайг подбросил ему данные, которые могли стать первым значительным прорывом в этом расследовании.

— Этот образец не соответствует и данным предыдущих жертв, — сказал Дайг. Он потянулся за трубкой интеркома. — Я свяжусь с участком и попрошу их проверить этот образец по городской базе крови.

Но слабая искра надежды угасла так же быстро, как и зажглась. Внизу под таблицей имелось примечание, и Йозеф, закончив чтение, остановил напарника.

— Не трать время понапрасну. Тизли уже поручила проверку своим людям.

— Ага. — Выражение лица Дайга не изменилось. — Этого следовало ожидать. Тизли ничего не забывает. Значит, радоваться нечему?

Йозеф покачал головой. В графе результата проверки по идентификатору граждан стояло «Не обнаружен». Это означало, что убийца либо не был зарегистрирован, что для Йесты Веракрукс было большой редкостью, либо он был нездешним. Некоторое время Йозеф обдумывал эту возможность.

— Он из другого мира.

— Что?

— Наш резчик. Он не йестанец.

Дайг пристально посмотрел на напарника:

— Немного неожиданный вывод.

— Разве? Это объясняет, почему его крови нет в базе данных. И то, что он не оставил никаких следов.

— Чужая технология?

Йозеф кивнул:

— Я признаю, что вывод несколько натянутый, но он дает хоть какое-то направление. А когда Телемах дышит нам

в затылок, надо проявлять инициативу. Или просто сидеть и ждать следующего убийства.

— А можно немного притормозить, — предложил второй смотритель. — Если уж оперативники из «Эврота» решили вмешаться... Почему бы не предоставить им свободу действий? В конце концов, у них больше ресурсов, чем у нас.

Йозеф окинул напарника язвительным взглядом.

— Ты не забыл, что выгравировано на наших жезлах? «Служить и защищать». Нас не напрасно называют дознавателями.

— Так, просто мысли вслух, — пробормотал Дайг.

Йозеф понял, что его напарник чего-то недоговаривает, и присмотрелся к нему более внимательно. Для любого другого унылое выражение лица Сегана ничем не отличалось от той мрачной мины, с какой он начинал и заканчивал день; но два смотрителя были партнерами уже не один год, и он мог заметить изменения в настроении Дайга, на которые больше никто не обратил бы внимания.

— Что ты от меня скрываешь, Дайг? — спросил он. — Что-то в этом деле угнетает тебя с тех самых пор, как на нас свалилось это несчастье. — Йозеф наклонился ближе. — Ты ведь этого не делал, правда?

Дайг издал невразумительный звук, который у него должен был означать смех, но потом почти сразу снова приобрел серьезный вид. Немного помолчав, он отвел взгляд.

— Мы с тобой немало повидали, — наконец заговорил он, — но это что-то особенное. Я чувствую, что это особенное дело. И не проси меня посмотреть на него объективно, потому что я не могу. Мне кажется, что здесь замешано нечто большее, чем просто человеческое безумие.

Йозеф поморщился:

— Ты имеешь в виду ксеносов? Но во всем секторе давно не осталось в живых ни одного из них.

Дайг покачал головой.

— Нет. — Он вздохнул. — Я и сам не знаю точно, что я имел в виду. Но... после того, как Хорус...

И снова это имя вызвало у Йозефа странное напряжение.

— Если я в чем-то и уверен, так это в том, что он этого не делал.

— Ходят разные слухи, — продолжал Дайг. — Люди толкуют о мирах, которые открыто поддержали Воителя, а вскоре после этого замолчали. Это были люди, которые успели убраться оттуда, прежде чем наступила тишина. Они и рассказали, что творилось на тех планетах. — Он постучал пальцем по сводкам. — Что-то вроде этого. Я знаю, что ты тоже слышал подобные истории.

— Это всего лишь истории перепуганных людей. — Йозеф и сам сомневался, что его слова прозвучали убедительно. — И все это не имеет отношения к нашим делам.

— Посмотрим, — угрюмо сказал Дайг.

Неожиданно пришедшая идея заставила Йозефа потянуться к интеркому.

— Да, посмотрим. — Он нажал кнопку, открывающую канал связи с пилотом колеоптера. — Корректировка маршрута, —

— коротко приказал он. — Возвращение в участок откладывается. Доставь нас на территорию «Эврота».

Пилот подтвердил задание, и гул двигателей изменил тональность, пока летательный аппарат выполнял разворот.

Взгляд Дайга отразил его замешательство.

— Люди консорциума прибудут сюда только через пару дней. Что ты собираешься сделать?

— Похоже, что все стараются угодить Эвроту, — сказал Йозеф. — Я думаю, мы должны использовать это обстоятельство в своих целях.

Они приземлились на трехполосной транзитной площадке на огороженной высокими стенами территории консорциума. В попытке выделиться среди других крупных сооружений, выдержанных обычно в йестинианском стиле, здание консорциума было построено в манере, характерной для архитектурной школы Лебедя, и напоминало колониальные дворцы времен начала Великого

Крестового Похода. Это легкое, открытое здание со множеством внутренних двориков и куполов, с фонтанами и уютными садиками, никак не соответствовало прохладе предзимнего утра.

Смотрители только успели дойти до конца трапа, как им навстречу вышла худощавая женщина в форменном костюме цвета бутылочного стекла с серебряной отделкой. Позади нее на некотором расстоянии встали двое мужчин в похожей форме, только каждый из них был вдвое шире женщины, а их лица закрывали гладкие щитки инфовизоров. Йозеф не заметил у них никакого оружия, однако не сомневался, что оно есть. Одно из положений суверенитета консорциума в Таэбианском секторе позволяло Эвроту игнорировать планетарные законы, которые войд-барон считал вредными для своего бизнеса, даже если это относилось к правилам обращения с оружием.

Женщина явно намеревалась поставить на место непрошеных посетителей и потому заговорила первой,

не дав Йозефу времени даже открыть рот.

— Я Белла Гросп, отвечаю за связи с общественностью. Надеюсь, мы быстро разберемся с проблемой, — продолжила она с притворной улыбкой. — Через некоторое время у меня назначена важная встреча.

В речи женщины слышался мягкий акцент жителей сегмента Ультима, что автоматически исключало ее из числа местных обитателей.

— Конечно, — приветливо ответил Йозеф. — Это не займет много времени. Защита просит вас обеспечить доступ к базам данных консорциума, касающихся списков пассажиров и членов экипажей космических кораблей, посещающих Честу Веракрукс.

Гросп изумленно моргнула. Такое бесцеремонное требование застало ее врасплох, и она не смогла сразу ответить категорическим отказом.

— Каких кораблей?

— Всех, — ответил Дайг в тон Йозефу.

На этот раз сработала привычка автоматически отказывать на любые

запросы.

— Это невозможно. Требуемые данные являются неприкосновенной собственностью торгового консорциума «Эврот». Они не подлежат разглашению никаким органам местной юрисдикции. — Гороспе произнесла слово «местной» так, словно оно было синонимом «бесполезной». — Я могла бы вам помочь, если бы ваш запрос касался граждан Йесты Веракрукс. В противном случае ничем не могу быть полезной.

— Вы знали Кирсана Латига? — спросил Йозеф.

Вопрос заставил женщину на некоторое время умолкнуть, но она отлично справилась со своей растерянностью.

— Да. Иногда нам приходилось работать с ним вместе. — Губы Гороспе сжались в тонкую линию. — А это имеет отношение к делу?

— Мы проверяем вероятность чьей-то мести по отношению к служащим консорциума барона Эврота.

Это была откровенная ложь, но она

позволила Йозефу добиться желаемого результата. Женщина моргнула и явно задумалась, не станет ли она следующей жертвой. Смотритель не сомневался, что обстоятельства ужасной смерти Латига известны всем служащим консорциума, независимо от того, имели они отношение к этому делу или нет.

— Мы полагаем, что убийца мог проникнуть на планету на борту одного из судов консорциума, — добавил он.

Если преступник был выходцем с другой планеты, то данное предположение не вызывало сомнений, поскольку все межпланетные перевозки на Йесте Веракрукс осуществлялись кораблями консорциума. А согласно закону Империума, в целях предотвращения распространения любых инфекций между мирами, все путешественники были обязаны подвергнуться поверхностному медицинскому обследованию. Данные о результатах осмотров должны были храниться в архиве консорциума.

Гороспе не знала, как поступить. Ее план быстро отделаться от офицеров

Защиты и вернуться к своим делам не удался. Йозеф догадывался, что в этот момент она ищет способ привлечь к решению проблемы кого-то из более высокопоставленных сотрудников компании.

— Уполномоченные оперативники службы безопасности консорциума должны прибыть через пятьдесят часов. Я думаю, вам лучше вернуться к этому времени и изложить им вашу просьбу.

— Это не просьба, — сказал ей Йозеф. — А учитывая участившиеся к настоящему моменту случаи убийств, за пятьдесят часов может произойти еще два или даже три подобных несчастья. — Он даже не повышал голоса. — Мне кажется, что и сам барон признал бы необходимость действовать быстро.

— Барон направляется сюда, — произнесла Гороспа с таким отсутствующим видом, как будто и сама в это не верила.

— Я уверен, он бы хотел, чтобы для расследования этого случая было сделано все возможное, — вставил Дайг. — И как

можно быстрее.

Пресс-секретарь взглянула на Йозефа:

— Смотритель, повторите, пожалуйста, какие сведения вы хотели бы получить?

Он с трудом удержался от улыбки и протянул ей информационный планшет.

— Здесь говорится, что один из образцов крови не идентифицирован. Я хотел бы проверить его по базе данных консорциума.

Гороеп взяла планшет, и на ее лицо вернулась дежурная улыбка.

— Безусловно, консорциум сделает все возможное, чтобы помочь Защите выполнить свой долг. Прошу вас подождать здесь.

С этими словами она быстро удалилась, оставив их под присмотром двух молчаливых охранников.

Проводив ее взглядом, Дайг повернулся к напарнику:

— Когда Лайтнер узнает, что ты затащил меня сюда без его ведома, он сразу отправит тебя в пеший патруль по трущобам.

— Нет, — возразил Йозеф. — Сначала он попытается прикрыть свою толстую задницу от Телемах, чтобы она не могла его обвинить в нежелательных последствиях. Но он не станет поднимать вопрос о юрисдикции, если мы привезем ему реальные улики.

Дайг увидел, что Гороси скрылась за дверью главного здания.

— А знаешь, вероятность того, что она не найдет ничего для нас полезного, тоже очень велика.

— Что ж, в этом случае на наших карьерах можно поставить крест.

— В этом вопросе у нас с тобой нет разногласий, — мрачно согласился Дайг.

Ночь была теплой, как кровь, и такой же влажной. Неподвижная темнота почти ощутимо давила на фона Тариила. Он вздохнул, промокнул череп платком из микропористого материала и вернулся к гололитическим изображениям, которые парили в воздухе над его браслетом-когитатором.

В противоположном углу пустой

комнаты, у темного окна, скрестив ноги, сидел снайпер, держа длинноствольную винтовку на сгибе локтя. Келл заговорил, даже не поворачивая головы:

— Тебе на самом деле так плохо, что ты не в состоянии посидеть спокойно ни минуты? Или потребность дергаться — это общая черта для всех ванусов?

Тариил сердито посмотрел в его сторону.

— Жара, — объяснил он. — Мне кажется, что она так и липнет ко мне.

Он огляделся по сторонам. Судя по разбросанному по углам хламу, до пожара и последующего разрушения эта комната была центральным помещением небольшого жилища. В потолке виднелись дыры, сквозь которые проникали слабый свет и частый дождик из набежавших туч, а через такие же пробоины в полу поступал запах, в котором аугментические обонятельные сенсоры Тариила уловили отходы человеческой жизнедеятельности, паленую шерсть грызунов и некачественные сивушные масла. Само здание находилось в самой

гуще трущоб Индонезского Блока, где люди низших каст ютились буквально друг на друге, словно крысы в норе.

— Я полагаю, ты не слишком часто покидал убежище храма своего круга, — заметил Келл.

— В этом не было необходимости, — протестующим тоном заявил Тариил. Он и его товарищи инфоциты и криптократы принимали участие во многих операциях, но только дистанционно, из своего храма или с борта выбранного Официо Ассасинорум космического корабля. Сама мысль о возможности физически переместиться на поле боя казалась невероятной. — Это моя... вторая вылазка.

— А первая была, когда вы с Вальдором искали меня?

— Да.

Келл саркастически усмехнулся:

— Какие жуткие истории ты будешь рассказывать после возвращения в свой улей, маленькая пчелка.

— Не смей надо мной насмехаться, — нахмурился Тариил. — Без моей помощи

ты не найдешь эту девчонку.

Снайпер так до сих пор и не повернул головы, уставившись на свою винтовку.

— Это верно, — согласился он. — Я просто удивляюсь, как тебя угораздило оказаться здесь, рядом со мной.

Тариил и сам этому удивлялся с той самой минуты, когда капитан-генерал Вальдор передал руководство миссией Келлу и приказал им перебираться в тропики. Зато он не сомневался в том, что невероятная важность миссии требовала исключения всякой возможности обнаружения, и с территории Индонезского Блока была запрещена любая связь с храмом Ванус. Он долго гадал, какой могущественный враг может покуситься на непревзойденную безопасность каналов связи Империума, но так ничего и не придумал. Даже сама вероятность существования подобной угрозы вызывала у него немалое беспокойство.

— Чем скорее мы покончим с этим делом, тем скорее сможем разойтись в разные стороны, — искренне заметил он.

— Мы проведем здесь столько

времени, сколько потребуется, — заявил Келл. — Жди свою цель, и она к тебе придет.

Инфоцит был не согласен с этой точкой зрения, но озвучивать сомнения не стал. Вместо этого он вернулся к гололитическим изображениям, перелистывая их, словно это были парящие в воздухе страницы из стекла. Любой, кто взглянул бы на него со стороны, увидел бы только движения рук, и ничего больше. Тариил настроил изображение на визуальную частоту, воспринимаемую только его линзами усиленного зрения.

Проникновение в локальную сенсорную сеть вызвало некоторые затруднения, но ничего такого, с чем он не смог бы справиться. Инфоцит послал стайку автоматических сетевых мушек, чтобы они внедрились в обнаруженный оптикабель и перенаправили к нему информационные потоки. Сами по себе мушки, состоящие из органики и металла, представляли собой довольно примитивные устройства, но действовали массой. Крохи информации, улавливаемые ими, можно

было скомпоновать в плотный пакет и таким образом получить общую картину. Так Тариил смог заполучить полные планы находившихся поблизости объектов, направление пеших и транспортных потоков, а теперь работал над расшифровкой кодов нескольких сотен бусин-мониторов, установленных по всей зоне.

Индонезцы называли этот район Красными Аллеями, и вся здешняя территория предназначалась для тех, кого тактично можно было назвать искателями наслаждений. Местная конфедерация военных правителей предоставила этому району значительное послабление от и без того нестрогих законов, а взамен получала немалую долю прибылей от падких на наслаждения туристов, прибывающих не только с Терры, но и со всей Солнечной системы. Почему в Тронном Мире допускается существование подобного места, Тариил никак не мог понять, как не мог понять и безнаказанности бандитов на Атлантическом плато. Он воспринимал

имперскую Терру единым и могущественным союзом народов — таким ему виделся мир на мониторах безопасного убежища храма. Но теперь, оказавшись снаружи... Он быстро понял, что на Терре существует множество темных, опасных и грязных уголков, которые совершенно не соответствуют его представлению об Империуме.

Браслет на его руке тихонько звякнул.

— Ты готов? — спросил Келл.

— Работаю, — ответил инфоцит.

Сетевые мушки добрались до глубоких подсетей видеоинформации, скрытых под внешними оболочками, и в тот же миг на Тариила обрушился вихрь изображений из заштореных комнат в доме на противоположном конце площади. Мужчины, женщины и другие человеческие существа неопределенного пола совершали друг с другом действия, которые вызывали у него одновременно и восхищение, и отвращение.

— Я... получил доступ, — пробормотал он. — Начинаю, гм, сравнительный анализ

изображений.

Изображение, предоставленное ему Вальдором, появилось перед глазами Тариила и стало перемещаться с одного изображения на другое, отыскивая оригинал. Инфоцит старался сохранять объективность, но картины увиденного смущали его; говоря по правде, он ощущал себя от них более грязным, чем от местной жары и влажности.

Но затем вдруг появилась она — девушка со смуглой кожей, казавшейся еще темнее в красноватом свете лампы. Программа подтвердила идентичность образов.

— Местоположение определено, — сказал Тариил.

— Хорошо, — откликнулся Келл. — А теперь найди способ с ней связаться, пока ее не убили.

Тем временем Йота, открыв глаза, обнаружила, что лежит в комнате. Комната не исчезла, когда она снова очнулась, и тем самым подтвердились ее предыдущие подозрения, что ранее

испытываемые ощущения были не галлюцинацией, а реальностью. В какой-то степени это ее встревожило. Если бы она более четко оценивала свое состояние, возможно, она не допустила бы некоторой бесцеремонности, с которой обращались с ее физическим телом. Но с другой стороны, это было необходимо с точки зрения поддержания образа прикрытия, необходимого для Красных Аллей. Те события она помнила смутно, словно полузабытый сон. Личностные имплантанты, используемые для поддержания конспиративного образа, рассыпались, словно песок, и восстановить их эффект было довольно трудно.

Но это не имело значения. Фальшивая наружность рассеивалась, а под ней раскрывалась ее истинная сущность, ее настоящая личность. Йота не была пустышкой, как могли бы подумать те, кто не имел представления о деятельности ее круга. Нет. Она была жидкостью во флаконе своего тела, лишенной резкости тенью, формой без определенных очертаний, пространством,

которое необходимо заполнить.

Она осмотрела выдержанную в красных тонах комнату, стены с роскошной бархатной обивкой и вышитыми золотой нитью эротическими символами, огромную овальную кровать под балдахином. Парящие под потолком люмосферы сохраняли в комнате интимный полумрак, а окно — единственный источник естественного освещения — было плотно закрыто ставнями.

Люди, посещавшие этот дом развлечений, относились к ней со странной смесью восхищения и неприязни. Дар Йоты вызывал у них чувство растерянности, хотя никто не мог сказать почему. Возможно, дело было в загадочной отстраненности взгляда ее темных глаз или в необычной для здешних обитателей молчаливости. Как бы там ни было, ее талант все же проявлялся, и этого было достаточно, чтобы они чувствовали себя не в своей тарелке. Некоторым это даже нравилось, они испытывали удовольствие от загадочного трепета в ее присутствии,

словно сажали себе на руку ядовитого скорпиона; большинство все же старалось ее избегать. Она пугала их, но никто не понимал причины этого страха.

Йота притронулась к торку[6], украшавшему ее стройную шею. Если бы они только знали, какую малую ее часть они ощущают. Без этого компенсирующего устройства, замаскированного под ожерелье, заполняющая ее леденящая пустота распространилась бы гораздо дальше и с большей силой.

Она вдохнула насыщенный благовониями воздух. Без привычного костюма она чувствовала себя немного неловко, но так было всегда. Шелковый пеньюар, закрывавший ее тело, был не плотнее паутины, и она постоянно забывала, что на ней что-то надето. Правая — убивающая — рука непроизвольно поднялась к голове, и пальцы погрузились в тугие косички блестящих черных волос. Она рассеянно перебирала отдельные пряди и гадала, сколько еще времени осталось до убийства. Блуждавший по комнате взгляд

остановился на стоявшем в изголовье кровати ящичке, и в этот момент она получила ответ на свой вопрос.

В комнату вошла еще одна женщина; она двигалась совершенно по-мужски, а на затылке виднелся эмиттерный венец — филигранное устройство из кристаллических псибер-цепей и имплантантов, испускающих неяркое сияние. Женщина намного превосходила размерами миниатюрную Йоту; при почти двухметровом росте она носила еще и туфли из блестящей голубой кожи на высоких каблуках, а несколько полосок ткани, составлявшие весь ее наряд, не могли скрыть отличные формы ее плотного тела. В одной руке женщина держала орудие, напоминающее увеличенную тонфу[7], причем один ее конец был снабжен лезвием, а второй искрился энергией.

Женщина посмотрела на Йоту и ухмыльнулась. Неприятное выражение совершенно не подходило к ее лицу, и Йота заметила подергивание нервов вокруг губ и

ноздрей, означавшее реакцию на работу венца.

— Ты новенькая, — не совсем четко произнесла женщина.

Йота, оставаясь пассивной и не поднимаясь, просто кивнула.

— Мне говорили, что в тебе есть что-то странное, — продолжила женщина, беря Йоту за руку. — Что ты отличаешься от других. — Уродливая ухмылка стала шире. — Я люблю все странное.

Теперь она знала наверняка. До этого момента еще оставался шанс, что это не он, но круг потратил слишком много усилий и времени, чтобы поместить Йоту в нужное время и в нужное место, так что ошибки быть не могло. Голос принадлежал женщине, но слова и личность, ею управлявшая, принадлежали Чун Яэ Чуну, потомку одного из Девяти Семейств Индонезского блока и известному генералу. А еще, как донесла разведка, он был обманщиком, нарушившим Никейский эдикт, принятый Империумом, и подозревался в принадлежности к противозаконному культу.

— Сначала мы поиграем, — сказала женщина под внушением Чуна.

Он находился где-то неподалеку и управлял ею с помощью эмиттерного венца. В то время как его тело оставалось в покое, сознание временно внедрилось в плоть сообщницы. Высокородный генерал очень любил эту игру, когда мог утолять свои желания через живую марионетку. Йота знала, что многие охранники из опорного пункта ее круга смотрели на развлечения Чуна с отвращением, но она сама испытывала лишь легкое любопытство, беспристрастный интерес, который появлялся при любых ее контактах с другими людьми.

Ей было интересно, сохраняется ли на момент манипуляций Чуна сознание подвластной ему женщины, и Йота бесстрастно оценивала возможный психологический эффект, но эти мысли почти не затрагивали ее собственного разума. Все внимание Йоты было поглощено убийством.

— Подожди, — сказала она. — У меня что-то есть для тебя. — Йота кивнула на

ящик. — Подарок.

— Дай его мне, — последовала команда.

Йота позволила пеньюару соскользнуть с плеч, и, пока вторичный взгляд Чуна был прикован к ее телу, пододвинула ящик к себе. Сенсоры крови тотчас открыли замок, и она приподняла ящичек, демонстрируя его, словно официант уставленный едой поднос. Убивающая рука поднялась к торку и ослабила его зажим.

— Что это? — Слабый отзвук растерянности Чуна отразился на лице женщины. — Маска?

Свет люмосферы блеснул на поверхности металлического черепа. Один глаз у него был рубиновым, а второй состоял из нескольких линз, изготовленных из молочного сапфира, с небольшими лепестками и странной антенной.

— В некотором роде, — ответила Йота.

Торк с негромким звоном отключился, и внутри нее словно открылись шлюзы, выпуская потоки

холода. По крайней мере на мгновение ей не надо было сдерживать их внутри себя, не надо было хранить заполнявшую ее пустоту.

Чун голосом женщины издал какой-то странный звук — наполовину кашель, наполовину крик, а потом психоактивная матрица венца начала шипеть и трещать, и из онемевших пальцев женщины выпала тонфа. Затем в ее голове началось разрушение псионических кристаллов, сопровождаемое беспорядочным звоном, женщина неверными шагами доковыляла до кровати и рухнула, издавая жалобные стоны.

Йота склонила голову набок и прислушалась: нуль-эффект ее истинной сущности быстро распространялся, и точно такие же стоны доносились изо всех комнат в этом коридоре.

Пока еще связь не исчезла полностью, Йота запрыгнула на кровать и наклонилась к искаженному от боли лицу женщины.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказала она Чуну.

А за окном, которое выходило на вход в бордель, двери неприметного здания посреди трущоб с треском распахнулись, и на улицу хлынула толпа перепуганных людей. Почти все они были одеты лишь наполовину, но и этого хватило бы, чтобы определить их более высокий, чем у местных обитателей, статус.

Йота проворно соскочила на пол, достала из-под шлема в виде черепа маскировочный костюм и с привычной ловкостью натянула его на себя. В последний момент она водрузила на место маску-шлем, и вместе с ней вернулось спокойствие.

Рыдающая на кровати женщина, еще не до конца избавившаяся от связи, пополам с кашлем выплюнула сказанное Чуном слово:

— Кх, кх. Кулексус.

Но Йота его не дождалась. Она ринулась к окну и в треске дерева и звоне стекол прыгнула к соседнему зданию.

В ожидании Гороспа Йозеф осматривал прилегающую к посадочной

площадке территорию. Фонтаны, которые обычно журчали струями подкрашенной воды, сегодня молчали, и, присмотревшись внимательнее, он заметил, что роскошный парк выглядит каким-то неухоженным. Даже на безупречно спланированных лужайках появились высохшие проплешины. Похоже, что в консорциуме перестали обращать внимание на содержание территории, и Йозеф задумался, как может эта незначительная деталь вписаться в общую схему.

Дайг тем временем попытался вовлечь в разговор одного из охранников и разыграл свой обычный гамбит из жалоб на погоду. Но охранника, похоже, не заинтересовала эта тема.

— Классный у них прикид, — заметил Дайг, оглянувшись на колеоптер. — Как ты думаешь, им приходится покупать форму за собственные деньги?

— Ты подумываешь о смене карьеры?

Дайг пожал плечами:

— Или хотя бы об отпуске. Об очень длинном отпуске в каком-нибудь спокойном

тестечке.

Он посмотрел на небо, потом перевел взгляд вдаль.

Йозеф ощутил его напряженность, и вдруг, совершенно неожиданно для себя, задал вопрос, который давно вертелся у него в голове:

— Ты полагаешь, он сюда придет?

— Воитель?

— Кто же еще?

Вокруг внезапно стало очень тихо.

— Арбитрес утверждают, что Астартес разберутся с проблемами.

Тон, которым это было сказано, свидетельствовал о явном недоверии Дайга.

Йозеф нахмурился. После того как вопрос был задан, он уже не мог остановиться.

— Я до сих пор не могу этого понять. Как может один из сыновей Императора поднять мятеж против своего отца?

Эта идея казалась ему нереальной, как дождь, летящий с земли в небо.

— Лайтнер говорит, что нет никакого бунта. Он сказал, что это

дезинформация, запущенная Адептус Терра, чтобы держать миры в напряжении, чтобы укрепить их верность Тронному Миру. В конце концов, испуганные жители более послушны.

— Наш уважаемый старшина круглый идиот.

— С этим я не могу поспорить. — Дайг кивнул. — Но разве это более невероятная идея, чем мятеж Воителя против отца? Какая причина могла послужить толчком для подобного поступка, если только не какое-то заболевание мозга?

Йозеф ощутил холодок, словно солнце на мгновение скрылось за тучкой.

— Дело не в безумии. — Он и сам не знал, откуда берутся эти слова. — В конце концов, все отцы могут ошибаться.

Лицо Дайга вспыхнуло от возмущения.

— Так можно сказать об обычных смертных. Но Император далеко не такой.

Йозеф задумался над ответом, но в следующее мгновение он увидел, что возвращается Гороспи. На ее лице вместо

тщательно отрепетированного выражения высокомерного нейтралитета теперь в равной мере можно было прочесть раздражение, сожаление и решимость. Оставалось только гадать, что за находка пробила такую брешь в ее манерах. Гороспа вернулась с его информационным планшетом в одной руке и листом плотной бумаги в другой.

— Вы что-то для нас нашли? — спросил Йозеф.

Гороспа замерла в нерешительности, затем жестом отослала охранников прочь, и они остались втроем.

— Прежде чем мы продолжим, — решительно заговорила женщина, — вы должны мне кое-что пообещать. Если вы откажетесь от выдвигаемых условий, ни о какой информации не может быть и речи. Вы поняли?

— Я слушаю, — ответил Йозеф.

Она стала перечислять условия, загибая длинные холеные пальцы:

— Этой встречи не было; любая попытка настаивать на противном в будущем повлечет за собой абсолютный

отказ и обвинение в клевете. Ни при каких обстоятельствах вы не должны ссылаться на способ получения этой информации — ни в донесениях о ходе расследования, ни позже, в каких бы то ни было отчетах. И последнее, самое важное: торговый консорциум «Эврот» никаким образом не должен быть упомянут в связи с подозреваемым в ваших расследованиях.

Смотрители переглянулись.

— Полагаю, у меня нет другого выхода, кроме как принять ваши условия, — сказал Йозеф.

— Вы оба должны дать обещание, — настаивала Горосп.

— Согласен, — кивнул Дайг.

Горосп вернула им информационный планшет и развернула принесенный лист бумаги. На нем Йозеф успел заметить отпечатанный текст и снимок жестокого на вид человека с темной щетиной на подбородке и глубоко посаженными глазами.

— Указанный вами образец крови соответствует единственной записи в наших биометрических архивах. Это Эрно

Сигг, и насколько мне известно, сейчас он находится на Йесте Веракрукс.

Йозеф протянул руку за бумагой, но Госпа убрала лист.

— Он был пассажиром одного из ваших кораблей?

Женщина замешкалась с ответом, и тогда Дайг сделал свой вывод:

— Это запись в контракте, не так ли? Сигг не был вашим пассажиром, он на вас работает, верно?

— Ага, — кивнул Йозеф, разобравшись в ситуации. — Что ж, это все проясняет, не так ли? Войд-барону совсем не нужно, чтобы его имя связывали с опасным психопатом.

— Эрно Сигг не работает в торговом консорциуме, — твердо заявила Госпа. — Он не является нашим сотрудником уже четыре лунных месяца. После... неприятного случая его контракт с кланом и акции были безвозвратно аннулированы.

— Продолжайте.

Женщина взглянула на отпечатанную страницу.

— Сигг был уволен после вспышки жестокости на одной из станций консорциума в глубоком космосе.

— Он ударил кого-то ножом. — Йозеф высказал догадку, и ее широко раскрытые глаза подтвердили, что он прав. — Он его убил?

Горосп покачала головой:

— Убийства не было. Но... оружие применялось.

— Где он сейчас?

— Об этом у нас нет сведений.

Дайг поморщился:

— Значит, вы предпочли его просто вышвырнуть. Просто бросили на нашей планете опасного правонарушителя и даже не предупредили об этом местные власти? Мне кажется, я смогу подобрать подходящую статью и классифицировать ваши действия как безответственную угрозу.

— Вы не поняли. Сигг был освобожден после содержания под стражей в течение срока, соответствующего тяжести его правонарушения. — Горосп снова заглянула в записи. — Согласно примечанию наших

сотрудников службы безопасности, он полностью раскаялся. И он добровольно прошел курс реабилитации в благотворительном центре здесь, на Йесте Веракрукс. Именно поэтому он и попросил оставить его здесь.

— А что это за центр? — спросил Дайг.

— В документах указано, что это филиал неформальной организации под названием «Теоги».

Йозеф выругался про себя и выхватил лист бумаги из руки женщины.

— Дайте. Это мы заберем с собой.

— Не забудьте о ваших обещаниях! — вспыхнув, предупредила она.

Но смотритель уже спешил к поджидавшему колеоптеру.

Генерал Чун Яэ Чун резко сел на роскошной кушетке, полы его одежды распахнулись, испуганный спутник отпрянул в сторону. Рыча и фыркая, он стал срывать с головы сложную паутину золотых механодендритов, опутавших его лоб и протянувшихся к слуховым каналам,

ноздрям и ко рту.

— Уберите это от меня! — взревел генерал, размахивая руками, опрокидывая кальян и столик с бокалами и ампулами.

После нескольких судорожных рывков он наконец освободился и огляделся по сторонам, отыскивая своего телохранителя. Из-за дверей комнаты до него доносились беспорядочные крики и топот ног. Случилось что-то ужасное, и Чуна охватил приступ паники. Но как только он обнаружил своего охранника, ужас превратился в ярость: бедняга стоял на полу на четвереньках, уставившись в лужу рвотной массы.

Чун сильно ударил его ногой.

— Что ты здесь валяешься? Вставай! Вставай и защищай меня, никчемная тварь!

Телохранитель, покачиваясь, словно пьяный, поднялся на ноги.

— Это тьма, — забормотал он. — Упала черная завеса.

Он закашлялся и сплюнул желчью.

Чун пнул охранника еще раз, его лицо побагровело от ярости.

— Ты должен меня охранять! Почему ты меня подводишь?

В нарушение законов Империи без ведома Адептус Терры Чун взял себе телохранителя, который обладал не только боевыми навыками, но и психической силой. В течение нескольких месяцев присутствие охранника вселяло в генерала уверенность, но теперь, похоже, этому пришел конец.

— Сюда проник кулексус! Тебе известно, что это означает?

— Известно, — кивнул телохранитель.

Впервые услышав название круга ассасинов, узнав, что означает это слово, генерал Чун ничему не поверил. Он понимал псайкеров — людей одаренных, или, вернее, проклятых прикосновением варпа. Сущность псайкера ярко светилась в царстве Имматериума и связывала мир плоти с миром эфира. Но если псайкеры отождествлялись с самой яркой частью спектра, обычных мужчин и женщин можно было сравнить с тусклыми свечками, то что же оставалось на противоположном конце? Абсолютная

тьма?

Их называли париями. Они редко появлялись на свет, как утверждали, не чаще одного на миллиард, и таких детей называли рожденными без души. Если псайкер представлялся ярким солнцем, то они были черными дырами. Величайшая противоположность, как лед и пламя, свет и тьма.

Но как и во многих других случаях, этим отклонениям от стандарта тоже было найдено применение в Империуме Человечества. Круг Кулексус разыскивал и собирал парий, а также, поговаривали, даже выращивал их в резервуарах секретной лаборатории где-то в пустынях Терры. До этого момента Чун Яэ Чун не верил ни единому слову из этих рассказов и считал, что фантастическую историю придумали специально, чтобы посеять страх среди князей и регентов, правивших под эгидой Императора. Но теперь он познал страх, а вместе с ним и истину.

Чун шагнул к выходу, но обслуживающий его парень вцепился в край одежды.

— Генерал, пожалуйста, — торопливо залепетал он. — Останься! Игра еще не закончена. Священная жидкость еще не освобождена!

Чун остановился и оглянулся на парня. Как и всякий, кто служил в этом борделе, он был одет в немыслимые полоски шелковой ткани и ярко разрисован. На коже пестрели многочисленные рисунки в виде диска, жезла и перевернутого полумесяца. Все эти символы не имели для Чуна ни малейшего значения. Он попытался оттолкнуть парня, но тот не уступал.

— Ты не должен уходить! — сердито крикнул он. — Еще рано!

Он изо всех сил схватил Чуна за руку.

Чун сплюнул и вытащил из кармана кинжал.

— Отстань от меня! — взревел он и тремя ударами в горло убил парня.

Труп остался лежать на полу, а генерал выбежал в коридор. Бледный, покрытый испариной телохранитель выскочил следом. На каждом шагу он что-то бормотал себе под нос.

— Вокс! — крикнул Чун. — Дай мне свой вокс!

Охранник повиновался. Из его правого глаза красной слезой вытекла струйка крови.

Генерал, то и дело пуская в ход кинжал, стал проталкиваться сквозь толпу посетителей борделя и одновременно громко отдавал приказы в микрофон вокс-передатчика.

— Воздушным силам! — кричал он. — Немедленно поднять звено машин для удара, повторяю, немедленно!

— Координаты цели? — ответил ему взволнованный голос координатора с базы на территории клана Ятэ.

— Красные Аллеи! — приказал генерал. — Стереть весь квартал с лица земли!

— Господин, разве вы не там?

— Выполняйте!

Это единственный способ убить кулексуса. Другого выхода у Чуна не было.

В заброшенном здании Келл задержал дыхание и прислушался. Аудиосенсоры его

шлема помимо поднявшейся на улице суматохи уловили гул двигателей, преодолевающих силу гравитации.

— Ванус, — окликнул он напарника. — Ты слышишь?

— Вертолеты, — ответил Тариил, взглянув на гололитическое изображение. — Класс «Циклон». Идут боевым строем.

Лицо Келла исказила сердитая гримаса. Он поднял винтовку, отстегнул карабин и начал быстро заменять патроны.

Генерал пересек площадь, поднял голову к ночному дождливому небу, и в тот же миг первый ракетный залп ударил по зданиям на краю площади. Самый высокий публичный дом полностью скрылся в огне и клубах дыма, а потом языки пламени растеклись во все стороны, поджигая все, до чего смогли дотянуться.

Его телохранитель-псайкер, почти ослепший от боли и с трудом передвигающий ноги, вместе с Чуном подошел к припаркованной у ворот борделя наземной машине. Вокруг транспорта

лежало несколько тел тех, кто пострадал от ударов электрического тока автоматической системы безопасности. Сервитор-водитель, узнав своих хозяев, распахнул перед ними дверцу в форме крыла чайки. Еще один залп разгромил соседний дом, и по бронированному корпусу машины забарабанили плитки черепицы, разлетевшиеся с крыши.

— Увези меня отсюда, — потребовал Чун. — И нигде не останавливайся.

Охранник, еще не успевший забраться в машину, вдруг закашлялся, и из его рта хлынула кровь. Он повернулся, чувствуя, как боль холодным огнем прожигает череп, и вдруг увидел, что с крыши соседнего дома на мостовую спрыгнула женщина в блестящем черном костюме. Вокруг нее распространялась излучаемая энергия, и капли дождя испарялись, образуя туманный ореол.

— Убей ее! — звонким от ужаса голосом закричал Чун. — Убей ее!

Чун пинком вытолкнул псайкера из машины, так что тот упал на четвереньки. Дверца тотчас

захлопнулась, и замок звонко щелкнул.

Телохранитель тяжело поднялся на ноги. Ассасин-кулексус подошла ближе, и он увидел, как скатываются струйки дождя со шлема, выполненного в виде черепа, и с рубинового глаза падают капли воды, как будто женщина плачет. Псайкер обратился к своей внутренней сущности, минуя жгучую боль, минуя жуткую волну пустоты, которая грозила его поглотить. Он достиг дыхания огня и высвободил его.

Пирокинетический импульс, сопровождаемый хлопком, сорвался с его скрюченных пальцев. Удар пришелся точно в грудь кулексус, и она, покачнувшись, отступила на шаг назад. Но крошечная искра надежды, вспыхнувшая в душе телохранителя, погасла в следующее мгновение, как погас и брошенный им огонь, словно блестящий костюм ассасина втянул его в себя.

Он слышал, как машина за его спиной дергается взад и вперед, но не мог отвести взгляда от ухмыляющегося черепа. Сапфировое устройство, заменяющее второй глаз ассасина, засияло голубоватым

светом, и в него уперся холодный взгляд оружия, известного под названием анимус спекулум[8].

На волю вырвалась энергия неограниченная и неудержимая, энергия, почерпнутая из варпа и его неудачной попытки атаковать, поглощенная, как свет поглощается черной дырой. Импульс психопушки ударил в телохранителя генерала и отбросил его на стену, огораживающую двор. Падая на землю, он загорелся изнутри, и пламя быстро поглотило и его плоть, и его крики.

Чун Яэ Чун не переставал кричать, пока сервитор-водитель, используя защитную решетку машины, пытался растолкать пешеходов. В конце концов машина выкатилась на улицу, и в этот момент новый залп ракет разнес очередной участок Красных Аллей. Сервитор прибавил газу и свернул к мосту, ведущему к владениям Яэ.

В зареве взрывов перед машиной вдруг мелькнуло черное пятно, затем хлестнул

луч голубого огня, и бронированное ветровое стекло покрылось трещинами. Полимерное вещество изменило свои свойства, стало пластичным, и сервитор исчез под слоем перегретого пластика, а машина свернула с дороги и уткнулась в бетонное ограждение.

Чун в отчаянии принялся дергать ручку замка, потом, поддавшись слепой панике, даже ударил в дверцу кинжалом.

Кулексус не спеша, как будто в задумчивости, забралась в машину через разбитое окно и разоружила генерала. От близости ужасного черепа Чун совершенно потерял над собой контроль и почувствовал, что стал липким и грязным.

— Простите, простите, простите...

— Поцелуй меня, — абсолютно невыразительным голосом произнесла она.

Губы Чуна прижались к холодной поверхности стальной маски, и его тело содрогнулось от пронзительной боли. Он отшатнулся назад и закашлялся, выплевывая пыль. Мучительная агония генерала продолжалась, пока его

внутренности и плоть прямо у него на глазах не превратились в плотный черный пепел, а затем и глаза рассыпались пылью. Вся жизненная энергия Чуна покинула его, вытянутая силовой матрицей, вмонтированной в костюм ассасина, и от генерала осталась только горстка ничем не примечательной материи.

Йота покинула машину объекта, но пространство вокруг нее вдруг залило ослепительно-ярким светом. Вихрь от гравитационных двигателей ударил в землю, разметая обломки, мусор и останки генерала. Сенсоры шлема определили, что орудие вертолета нацелено на ее силуэт, и Йота замерла, прикидывая возможную вероятность своей гибели.

В следующий момент она увидела в инфракрасном спектре след от снаряда с высокой проникающей способностью. Единственная пуля пробила броню вертолета и обезглавила сразу пилота и стрелка. В лишенном управления «Циклоне» мгновенно включилась

аварийная система, и летательный аппарат мягко опустился на землю.

Сразу после этого из развалин появились двое мужчин: один в костюме оперативников круга Виндикар, а второй просто в маскировочном комплекте. Йота окинула их взглядом и вернулась к созерцанию быстро распространяющегося пожара.

Пока снайпер выбрасывал трупы из рубки вертолета, второй парень подошел к ней.

— Йота? — спросил он. — Протовирус, круг Кулексус?

— Конечно, это она, не глупи, Тариил! — крикнул ему виндикар.

— Ты должна полететь с нами, — сказал тот, кого назвали Тариилом.

Он махнул рукой в сторону вертолета, где за пультом управления уже сидел виндикар.

Йота провела пальцем по оскаленным зубам своей маски.

— Ты тоже меня поцелуешь?

Парень побледнел:

— Может, позже?

Глава 5
СТРАХИ ИЗБАВЛЕНИЕ НЕВИННОСТЬ

— Милый?

Рука Рении легла на плечо Йозефа и вырвала его из состояния тяжелой дремоты, в которую он погрузился прямо за кухонным столом. Пробуждение было таким внезапным, что он едва не смахнул со стола стакан с черным чаем, но успел схватить и поставить на место, не пролив ни капли.

Йозеф слабо улыбнулся:

— Привет. Я успел.

Жена Йозефа плотнее запахнула теплый халат и села напротив. Уже давно наступила ночь, и во всем доме светилась только одна люмосфера над кухонным столом. Конус яркого света охватывал только небольшой пятачок, оставляя все остальное пространство в густом сумраке.

— Ивак тоже проснулся?

— Нет, он спокойно спит, и я этому только рада. После всего, что произошло, у него нередко бывают страшные сны.

— Вот как? — Йозеф не успел еще задать вопрос, как ощутил укол вины. — В последнее время я так мало бываю дома...

— Ивак все понимает, — сказала Рения, не дожидаясь дальнейших извинений. — А я и не слышала, как ты вошел, — добавила она.

Йозеф кивнул и едва сдержался, чтобы не зевнуть.

— И ты, и мальчик уже спали. Я не хотел вас будить, поэтому приготовил себе чай...

Он отхлебнул из стакана, но чай давно остыл.

— И уснул, сидя на стуле? — мягко укорила его жена. — Это происходит все чаще, Йозеф.

Рения убрала упавшую на лицо прядь медно-рыжих волос.

— Прости. Это расследование... — Йозеф вздохнул. — Оно меня беспокоит.

— Я слышала, — сказала она. — Некоторое время в инфосети только об

этом и говорили, но потом пришли новости из Дагонета. Теперь они стали главной темой для обсуждения.

Йозеф удивленно моргнул.

— Дагонет? — переспросил он.

Эта планета была коммерческим партнером Йесты Веракрукс и находилась на расстоянии нескольких световых лет от основного торгового маршрута Таэбианского сектора, в системе бледного желтого солнца. По меркам разросшегося Империума Человечества Дагонет считался их ближайшим соседом. Йозеф попросил жену подробнее рассказать о новостях, поскольку он с Дайгом в последнее время настолько был занят расследованием серийных убийств и бесплодными поисками информации об Эрно Сигге, что не читал ничего, кроме досье и медицинских справок.

Впервые после пробуждения за кухонным столом Йозеф почувствовал, что Рения пытается что-то скрыть, и сейчас, когда она заговорила, он все понял. Она была очень встревожена.

— В нашей системе появились

корабли с Дагонета, — начала рассказывать Рения. — Их было так много, что Силы Планетарной Обороны не смогли засечь все суда.

В груди Йозефа появился первый росток страха.

— Военные корабли?

Она покачала головой:

— Транспортные, пассажирские. Все корабли дагонитов. Некоторым едва удалось выбраться из варпа. Все они перегружены людьми. Йозеф, корабли полны беженцами.

— Почему они устремились сюда?

Задавая вопрос, он уже знал наиболее вероятный ответ. С тех самых пор, как новости о мятеже достигли этого сектора, власти Дагонета сохраняли по этому поводу многозначительное молчание.

— Они бежали. Похоже, что там тоже началось восстание. Население планеты расколол вопрос... лояльности. — Последнее слово далось ей не без труда, словно чуждое, как и сама мысль о неверности Терре. — Это мятеж.

Йозеф нахмурился:

— Губернатор Дагонета не позволит ситуации выйти из-под контроля. Да и благородные кланы не допустят анархии. А если придется вмешаться Имперской Армии или Астартес...

Рения тряхнула головой и взяла его за руку.

— Ты не понимаешь. Восстание начали именно кланы Дагонета. Губернатор выпустил официальное заявление в поддержку Воителя. Аристократы поклялись в верности Хорусу и отреклись от власти Терры.

— Что?

У Йозефа внезапно закружилась голова, как будто он слишком резко поднялся.

— Только рядовые жители оказали им сопротивление. Говорят, что на улицах столицы пролилась кровь. Солдаты сражаются друг против друга, милиция противостоит охранникам кланов. Те, кто мог бежать, заполнили все корабли, какие могли захватить.

Он посидел молча, давая себе время

осознать новости. В общей цепочке событий, признавал Йозеф, наблюдалась определенная логика. В юности ему пришлось побывать на Дагонете, и он вспомнил, что Хоруса Луперкаля жители планеты почитали ничуть не меньше, чем Императора. Статуи Воителя виднелись повсюду, а называли его не иначе как Освободителем. Как говорилось в исторических записях, до Великого Крестового Похода, положившего начало объединению утерянных колоний человечества, дагониты изнывали под игом короля-жреца, который правил, опираясь на страхи и суеверия. А затем на планету прибыл Хорус во главе своих Космических Волков и освободил этот мир, произведя один-единственный выстрел, которым поразил тирана. Победа стала одним из самых знаменательных триумфов Воителя, а Дагонет навеки признал его своим спасителем.

Значит, нет ничего удивительного в том, что аристократы, оставшиеся у власти, принесли присягу ему, а не далекому Императору, ни разу не

ступавшему на поверхность планеты.

Йозеф задумчиво нахмурился:

— Если они пойдут за Хорусом...

— Последует ли их примеру Йеста Веракрукс? — закончила вместо него Рения. — Йозеф, Терра очень далеко, а у нашего губернатора характер не сильнее, чем у правителя Дагонета. Если слухи верны, Воитель находится ближе, чем мы думаем. — Рения нагнулась вперед и на этот раз взяла в свои ладони обе его руки, а Йозеф заметил, что его жена дрожит. — Сыны Хоруса уже направляются к Дагонету и намерены установить контроль над всем сектором.

Он постарался заговорить тем решительным и уверенным голосом, каким пользовался перед напуганными чем-то горожанами:

— Этого не случится. Нам нечего бояться.

Выражение лица Рении — ее любовь и благодарность за попытку уберечь от тревог, смешанные с постоянным страхом, — показало Йозефу, что все его старания были напрасны.

В прозрачный фонарь самолета непрерывным потоком летели заряды химических снегов Актической зоны, пожелтевших от нескольких тысячелетий промышленного загрязнения атмосферы. За пределами рубки судна, имеющей форму пули, можно было рассмотреть только непроницаемый серый купол неба и яростные вихри шторма. Эристид Келл еще раз взглянул в окно и спустился из рубки в расположенную позади небольшую кабину.

— Сколько еще? — спросил Тариил.

Он пристегнулся ремнями к катапультирующемуся креслу и держал на коленях наполовину собранную электронную логическую головоломку.

— Не долго.

Келл намеренно выбрал неопределенный ответ.

Лицо вануса передернуло от раздражения, и он стал теребить сложный логический узел, стараясь не обращать внимания на Келла.

— Чем быстрее мы туда доберемся,

тем лучше.

— Пассажир нервничает? — не без некоторого удовольствия поинтересовался снайпер.

Тариил уловил насмешку и ответил сердитым взглядом.

— Последний самолет, на котором я летел, был сбит посреди пустыни. Это никак не способствует любви к полетам. — Он отбросил логическую головоломку, которая, к удивлению Келла, оказалась уже решенной. Подтянув рукав, Тариил высвободил браслет-когитатор. — Я до сих пор не понимаю, для чего я здесь нужен. Надо было уехать вместе с Вальдором.

— У капитан-генерала имеются собственные заботы, — сказал Келл. — А мы пока предоставлены самим себе.

— Это только так кажется, — заметил Тариил, оглядываясь на дальний угол кабины, где сидела Йота.

Он постарался устроиться как можно дальше от нее, но при этом остаться в пассажирском отсеке самолета. Кулексус же как будто была всецело поглощена узором заклепок на переборке и водила по

ним пальцами то вверх, то вниз. Казалось, эти повторяемые и почти аутичные действия занимают все ее внимание.

— Приказ Вальдора предельно ясен, — сказал Келл. — Мы должны соблюдать секретность и собрать выбранную им команду, чтобы об этом никто не узнал.

Тариил немного помолчал, затем наклонился вперед:

— Ты ведь знаешь, кто она, правда?

— Пария, — фыркнул Келл. — Да, мне известно, что это означает.

Но ванус покачал головой:

— Йота была обозначена как протовирус. Она не человек, Келл, не такая, как мы с тобой. Это репродукция.

— Клон? — Снайпер оглянулся на молчаливую кулексус. — Никогда бы не подумал, что такое под силу ученым ее круга.

Он все еще не мог поверить, что геномастера на такое способны. Келл знал, что биологи Императора обладают непревзойденным опытом и знаниями, но создать живое, цельное и реальное существо из клетки в пробирке...

— Точно! — настаивал Тариил. — Это существо без души. Она ближе к ксеносам, чем к нам.

По лицу Келла скользнула усмешка.

— Да ты ее боишься.

Инфоцит отвел взгляд:

— Честно говоря, виндикар, я боюсь очень многих вещей. Это обычное для меня состояние.

Келл в ответ на его признание кивнул:

— Скажи, а ты когда-нибудь сталкивался с кем-то вроде эверсора?

Лицо Тариила подернулось пепельной бледностью и могло соперничать с белизной полярных снегов за иллюминаторами кабины.

— Нет, — хрипло прошептал он.

— Вот когда это случится, — продолжил Келл, — у тебя действительно появится повод для страха.

— А мы как раз туда и направляемся, — произнесла Йота.

Они оба считали, что девушка поглощена какими-то личными и одной ей понятными размышлениями, но она

отвернулась от переборки и продолжала разговор, словно участвовала в нем с самого начала: — Туда, где можно отыскать парня по имени Гарантин.

Келл прищурился:

— Откуда тебе известно это имя?

Он ни разу не произнес вслух имя очередного ассасина из списка Вальдора.

— Не только ванусы умеют думать. — Она немного наклонила набок голову, глядя на Тариила. — Я их видела. Эверсоров. — Йота улыбнулась инфоциту и протянула руку к шлему-черепу, лежавшему на соседнем сиденье. — Это воплощенная ярость. Без всяких примесей.

Тариил оглянулся на снайпера.

— Так вот зачем мы забрались в эту ледяную пустыню? Чтобы забрать одного из них? — Он невольно вздрогнул. — Не проще ли воспользоваться боеголовкой с «Циклона»?

Келл проигнорировал его недовольство.

— Тебе известно имя Гарантина, — обратился он к Йоте. — А что еще тебе известно?

— Отдельные куски головоломки, — ответила она. — Я видела, что после него остается. Реки крови и исковерканная плоть — вот чем отмечен путь неистового киллера. — Она показала на Сариила. — Знаешь, инфоцит прав. Гарантин больше, чем кто-либо из нас, вселяет ужас.

Ее равнодушный тон, которым были сказаны последние слова, вызвал в душе Келла беспокойство. С тех самых пор, как Вальдор со своей командой и полномочиями, подтвержденными самим магистром ассасинов, появился в пустыне, он с каждым днем ощущал растущее смятение, и теперь Йота только усилила его тревогу. Все они были убийцами-одиночками. Ему не нравилась идея общего сбора, это было непривычно и казалось неправильным. И где-то в дальнем уголке его мозга росли опасения последствий подобного приказа.

— Виндикар!

Келл обернулся на голос окликнувшего его пилота.

— Пункт назначения не отвечает.

Там что-то случилось!

Тариил пробормотал что-то насчет его несчастной доли, но Келл, не обращая внимания, бросился к рубке. Пилот уже разворачивал машину. Внизу сквозь вихри снежной бури он с трудом рассмотрел очертания безжизненного ландшафта Актической равнины. Под самым самолетом стоял приземистый феррокритовый блокгауз, который был виден только благодаря выцветшим красным линиям на стенах и непрерывному мигающему сигналу локаторного маяка. Но на том месте, где должна была находиться шестиугольная посадочная площадка, из черной ямы шел дым и вырывались языки пламени.

Из вокс-наушника пилота до Келла донеслись взволнованные голоса, а когда самолет накренился, он заметил внизу и огоньки взрывов. Келл стиснул зубы. Это явно не несчастный случай. Он уже догадывался о том, что произошло.

— Ох! Они его разбудили, — сказала за спиной Йота, озвучив его догадку. — Они совершили ошибку.

— Спускайся, — приказал Келл.

Глаза пилота за защитными очками расширились.

— Посадочная площадка горит, а другого места для приземления здесь нет. Надо прервать операцию!

Виндикар покачал головой:

— Приземляйся на лед!

— Если даже самолет и сядет, он может потом больше не подняться, — возразил пилот. — А если...

Взгляд Келла заставил его замолчать.

— А если ты не разберется с этим прямо сейчас, к завтрашнему утру все население в радиусе сотни километров будет вырезано! — Он показал на снежную равнину. — Сажай эту штуку, и побыстрее!

Вместо того чтобы вернуться в небольшой многоквартирный дом на западной окраине, где он жил один, Дайг Сеган сел на общественный транспортер, идущий в район старого рынка. Ни один из магазинов в этот поздний вечер не торговал, но внутри их все равно кипела

жизнь: мужчины и женщины раскладывали товары и готовились к утренней смене, и по блестящим плиточным полам беспрестанно двигались все новые и новые ящики.

Дайг пересек крытый рынок, вышел на другую остановку транспортера и сел в первый же подошедший вагон, даже не глядя на маршрут. Как только транспортер заскользил по монорельсу, уложенному прямо посреди мощеной улицы, Дайг опытным взглядом полицейского внимательно всмотрелся в лица попутчиков. Народу было немного. Трое подростков в униформе грузчиков, уставшие и сосредоточенные. Пожилая пара, спешившая добраться домой. И еще мужчина и женщина в рабочей одежде. Никто не разговаривал. Все они либо уставились прямо перед собой, либо рассеянно посматривали в окна. Дайг ощущал владевшие каждым из них напряжение и смутные страхи. Они проявлялись во вспышках несдержанности и в пустых взглядах, в хрупкой тишине и угрюмых вздохах. Все эти люди смотрели

на горизонт, освещенный далекими пожарами войны, и гадали: «Когда она доберется до нас?» Казалось, что сама Иеста Веракрукс затаила дыхание перед приближающейся грозной тучей мятежа. Дайг отвернулся и стал смотреть на пробегающие мимо улочки.

Так он проехал три остановки и снова вышел. А потом в последний момент запрыгнул в транспортер, идущий в обратном направлении, и вернулся к рынку. Смотритель перебежал через дорогу, оглянулся через плечо, проверяя, не идет ли за ним кто-нибудь, надвинул фуражку поглубже, нырнул в слабо освещенную аллею и направился к неприметной металлической двери.

На его стук открылась ставня маленького окошечка, и в нем появилось круглое румяное лицо. Настороженность быстро сменилась улыбкой узнавания.

— Дайг, давненько мы тебя не видели.

— Привет, Ноуст. — Он энергично кивнул. — Могу я войти?

Дверь, открываясь, скрипнула, и Дайг шагнул через порог.

Внутри было тепло, и ему пришлось поморгать, стряхивая с ресниц капельки влаги. Ноуст протянул жестяную кружку с подогретым вином, а затем они вместе спустились по стальной лесенке. Навстречу им вместе с теплым воздухом донеслась негромкая музыка.

— А я опасался, что твои убеждения могли измениться, — сказал Ноуст. — Это иногда случается. Люди принимают что-то на веру, а потом начинают задавать вопросы. Это как раскаяние после дорогой покупки.

Он коротко засмеялся.

— Нет, дело не в этом, — ответил Дайг. — Я просто никак не мог к вам выбраться. Много работы. — Он вздохнул. — Приходится соблюдать осторожность.

Ноуст оглянулся через плечо:

— Конечно, надо быть осторожным. Особенно в нынешней ситуации. Он понимает.

Дайг вздохнул, чувствуя свою вину.

— Надеюсь, что так.

Лестница привела их в подпол с низким потолком. Люмосферы,

закрепленные на стенах, освещали ряд разнокалиберных сидений — пластиковые штампованные кресла, позаимствованные из уличных кафе, потертые кушетки из брошенных домов и даже несколько упаковочных ящиков. Все это было расставлено полукругом перед накрытым скатертью столом. На некоторых сиденьях лежали отпечатанные красной краской листовки.

Верховный смотритель Ката Телемах дорого заплатила бы, чтобы отыскать это заведение. Их было несколько, и каждое находилось в людных местах Йесты Веракрукс. Такие места не нуждались ни в особых знаках, отмечавших их местоположение, ни в секретных паролях, которые следовало произносить при входе. Все было проще: те, кто знал о них, приходили сюда самостоятельно, а других приводили единомышленники. И вопреки заявлениям верховного смотрителя, вопреки распространенным слухам и сплетням, в этих подпольях и потайных уголках не было ничего ужасного — ни кровавых обрядов, ни грачных

церемоний. Здесь просто собирались обычные люди, называвшие себя теогами. Обо всем этом подумал Дайг, поглаживая золотой брелок в виде орла, висевший у него на запястье.

На столе помещался старенький жужжащий и мерцающий голопроектор, над ним в воздухе парило голубоватое изображение Терры, воспроизводившее суточное вращение планеты в ускоренном ритме. Рядом с проектором лежала раскрытая книга с густо исписанными страницами. Книга была напечатана на обычной бумаге и без обложки. Дайг знал, что для изготовления нескольких таких копий приятель Ноуста, работавший в типографии в ночную смену, воспользовался отходами от других работ и перерывами между оплаченными заказами.

Страницы уже помялись от прикосновения множества рук, но ему очень хотелось взять книгу и пролистать ее, обрести спокойствие в ее текстах. Дайг не сомневался, что стоит ему только попросить, и Ноуст даст ему такой

экземпляр, но хранить книгу дома, где случайно или, что еще хуже, намеренно ее может кто-то обнаружить, означало навлечь обвинения со стороны людей, не понимавших заключенных в этом труде истин... Он не мог так рисковать.

Ноуст остановился с ним рядом:

— Ты пришел вовремя, мы как раз собирались начать чтение. Присоединишься?

Дайг поднял голову. В подвале собралось всего несколько человек, некоторых он знал, с другими не был знаком. Он отыскал новое лицо и узнал в нем егеря из своего участка. Во взгляде егеря мелькнула тревога, но Дайг ободряюще ему кивнул.

— Конечно, — ответил он Ноусту.

Молодой парень с перевязанной рукой взял книгу со стола и подал ее другу Дайга. На первой странице ничем больше не примечательного тома имелась единственная строчка, нанесенная красной краской: «Лектицио Дивинатус».

Если у Гарантина и имелось когда-то

настоящее имя, то это было очень давно и теперь не имело значения. Да и вся концепция прошлого и будущего для эверсора казалась странной и отвлеченной. Эти понятия — если бы только он мог остановиться и задуматься о них — вызвали бы лишь замешательство и, как и многие другие вещи, припадок ярости.

Эверсор существовал только в перманентном состоянии яростного настоящего, сущность «до того» и «после того» была ограничена до самых мимолетных элементов. Раньше, то есть несколько ударов сердца назад, он обезглавил охранника, пытавшегося накрыть его зарядом тяжелой паутинной пушки. А еще через мгновение он прыгнет через открытое пространство, куда не достают загрузочные подъемники для самолетов, чтобы приземлиться среди группы бегущих к дверям техников. Такими короткими отрезками Гарантин определял для себя природу прошлого и будущего, но пытаться выйти за эти пределы было бы бессмысленно.

Таков был образ его жизни — он

существовал только во время убийства. Об остальных периодах он имел весьма смутное представление — почти все это время он лежал в ванне с амниотической жидкостью, а терпеливые машины его круга залечивали полученные раны и обновляли в его теле инжекторы стимуляторов и исцеляющие железы. В те периоды между миссиями, когда он не пребывал в состоянии сна, в его голове яркими красками расцветали потоки гипнотически вводимой информации, мелькали силуэты целей, привязанные к триггерам духа, которые пробуждали восторг после каждого убийства, рождали взрывы наслаждения при достижении определенных пунктов маршрута и причиняли боль в случае отклонения от программы.

Но здесь ничего этого не было. Он отметил это обстоятельство, когда закончил прыжок и расслабил аугментированные мускулы, чтобы погасить инерцию. Его тяжелое приземление вызвало мгновенную гибель одного из бегущих техников. Он

развернулся на месте, лезвия на руках и ногах вскрыли несколько вен, и ухмыляющийся череп-шлем задымился от брызг свежей крови. В этот момент он попытался воспроизвести программу для достижения победы.

Но ее не было. Он обратился к глубинным слоям разума и добрался до усеченного прошлого. Он вспомнил все, что стоит — возможно, события предыдущего часа? Воспроизведение выдало внезапное пробуждение. Транзитный кокон, сохранявший его в абсолютной тишине, где он мог сколь угодно долго ждать следующего победоносного выхода, неожиданно сломался. Ошибка? Или что-то другое? Вражеская акция? В конце концов, это предположение было стандартным для Гарантина. Он подумал, что внезапное пробуждение должно быть определено гипнотически введенной программой.

Но этой информации не было. Никаких параметров, только бодрствование. А для эверсора бодрствовать означало только одно —

убивать. Коктейль из стимуляторов и боевых возбудителей, огромные дозы ярости, энергии и психонов[9], синтезированных компактными имплантатами в брюшной полости, уже закипели в крови. В обычных условиях Гарантин был бы экипирован не только вживленными наступательными орудиями и шлемом-маской; он был бы защищен броней с целым набором сервоустройств. Отсутствие привычного комплекта заставило его изменить подход к целям. Он захватил и использовал несколько легких стабберов, стрелял, пока в них не кончились заряды, а потом превращал их в дубинки, вбивая противников в пол. Но каждого стаббера хватало лишь на несколько яростных ударов, после чего лопалась рама, и он был вынужден их выбрасывать.

Эверсор с такой силой ударил человека, что расколол ему череп, а затем перемахнул через импровизированную баррикаду, не дав находящимся с другой стороны противникам прицелиться. Он

убил всех их собственным оружием и ринулся дальше, вглубь комплекса. Некоторые части здания могли бы показаться ему знакомыми, если бы только Гарантин был способен хоть на мгновение унять бег своих мыслей и жажду убийства. Но ни то ни другое было ему не под силу.

За отсутствием приказов и определенной цели эверсор делал то, чему его учили; и он шел дальше и убивал, отыскивал следующую цель и снова убивал, и так бесконечно.

Спустя некоторое время чтение книги успокоило Дайга, но сегодня он пришел сюда не только за этим. Пока остальные слушатели завели общий разговор, смотритель отвел Ноуста в сторону, и за кружками подогретого вина двое мужчин обменялись вопросами.

Сначала Ноуст внимательно выслушал рассказ Дайга о его последнем деле и под конец утвердительно кивнул.

— Я знаю Эрно Сигга. Его лицо появлялось в новостях общественной сети,

и было сказано, что его разыскивают для оказания помощи следствию.

Дайг невольно поморщился. Лаймнер по приказу Телемах намеренно позволил сведениям о Сигге просочиться в средства массовой информации в неуклюжей попытке заставить его выйти из тени, что вызвало обратную реакцию — этот человек нырнул еще глубже.

— Должен сказать, он очень беспокойный парень, — продолжал Ноуст. — О таких говорят: без компаса в голове. Но именно таким людям и помогают теоги. Он узнал о книге еще в заключении, от одного из корабельных рабочих. С нами он вышел на другую дорогу. — Он отвел взгляд. — По крайней мере, на какое-то время.

Дайг наклонился ближе:

— О чем это ты?

Ноуст пристально на него посмотрел:

— Кто задал этот вопрос: Дайг Сеган? Или смотритель Защиты?

— Оба, — ответил Дайг. — Это очень важно. Ты же знаешь, иначе я не стал бы спрашивать.

— Да, это верно. — Ноуст вздохнул. — Дело вот в чем. Некоторое время Эрно появлялся здесь регулярно и искренне пытался измениться. Он хотел загладить вину. Эрно очень старался покончить со злобным и разочарованным мерзавцем, каким его сделал космос, и стать нормальным человеком. Ему предстоял долгий путь, но он это сознавал. А потом он стал приходить все реже и реже.

— Когда это началось?

— Примерно пару полулун назад. Когда я видел его в последний раз, он здорово нервничал. Говорил, что пора заплатить за все, что он натворил. — Ноуст помедлил, собираясь с мыслями. — У меня сложилось впечатление, что его... кто-то преследовал. А может, мне просто показалось. Но он был очень раздражительным, взвинченным. К нему как будто вернулись все его старые дурные привычки.

Дайг потер подбородок:

— Он мог кого-то убить?

Ноуст вспыхнул от возмущения:

— Нет. Никогда. Возможно, когда-то

раньше, но не теперь. Он не способен на это, больше уже не способен. Я бы мог поручиться за него перед самим Богом-Императором.

— Мне надо его найти, — сказал Дайг. — Если он невиновен, мы это докажем. Мы... Я должен защитить все это. — Взмахом руки он обвел комнату. — Я нашел здесь свой путь. Я не могу это потерять.

Дайг представил себе, что произойдет, если Телемах или Лаймнер поймают Эрно Сигма, подвергнут жесткому допросу и отыщут дверь в этот дом. В их суетном, строго объективном мире нет места откровениям Имперской Истины и бесспорной реальности сияющей божественности Императора. Храм, а иначе это место и нельзя было назвать, будет разгромлен и сожжен, за ним последуют другие такие же неприметные храмы, и слова «Лектицио Дивинатус» развеются понапрасну, так что никто их не услышит. А преступления Сигга послужат оправданием тем, кто поднесет горящий факел к чудесной книге.

— Император защитит, — произнес Ноуст.

— А я помогу ему в этом, если ты только дашь мне шанс, — настаивал смотритель. — Просто скажи мне, где прячется Эрно Сигг.

Ноуст допил последний глоток вина.

— Хорошо, брат.

Позади послышалась оглушительная очередь, и снова раздались вопли. Йота резко остановилась и наклонила голову набок, позволяя сенсорам черепа-шлема извлечь информацию и передать ей. Он уже близко. Она привлекла его внимание тем, что появилась посреди коридора, позволила отчетливо разглядеть себя, а потом пустилась бежать. Эверсор не мог не узнать в ней еще одного ассасина, и можно было не сомневаться, что с момента пробуждения она стала для него самой серьезной целью для убийства. Он пошел за ней, но это не помешало эверсору время от времени останавливаться и истреблять всех служащих комплекса, которым не посчастливилось оказаться у

него на пути. Это была наиболее характерная особенность его круга: при всей своей жестокости и жажде убийств эверсоры действовали предельно методично. Они не оставляли ни раненых, ни свидетелей — только трупы.

Йота ждала, переминаясь с ноги на ногу, готовая бежать, как только он ее снова увидит. Из всех сведений, которые инфоциту удалось выкачать из когитатора комплекса, стало ясно, что несчастный случай произошел во время извлечения Гарантина из хранилища, расположенного в глубине актического льда. В криогенной капсуле, где лежал спящий эверсор, образовалась трещина жидкостного контура, и переохлажденный металон брызнул на носильщиков, заморозив их в одно мгновение. К тому времени, когда на участок прибыла запасная бригада, капсула уже опустела и Гарантин начал просыпаться. Но даже в таком одурманенном состоянии он легко перебил их всех.

Специалисты круга допустили фатальную ошибку, занявшись в первую

очередь проблемой охлаждения. Но их выбор можно было понять: именно в этом комплексе в криокапсулах содержались еще девять оперативников круга Эверсор. Если бы не были приняты срочные меры, соратники Гарантина вскоре могли последовать его примеру. Но время, затраченное на стабилизацию ситуации в хранилище, позволило эверсору полностью прийти в себя и приступить к истреблению всего живого на станции.

— Кулексус? Где ты находишься? — раздался в вокс-приемнике шлема свистящий шепот Тариила.

— Зона восемь, уровень первый, направляюсь на запад, — ответила она. — Жду.

— Я добрался до главной системы безопасности хранилища, — сообщил инфоцит, явно гордясь своим достижением. — По мере его продвижения я закрываю за ним все герметичные люки.

Йота взглянула на многоствольный комби-игольник, закрепленный на правом запястье.

— Это не зверь, ванус. Он

почувствует, если ты попытаешься его направлять.

— Просто постарайся держать его в напряжении, — последовала просьба.

Она не стала отвечать, потому что в то же мгновение из-за поворота коридора выскочил Гарантин. Он часто дышал от напряжения, и в холодном помещении из-под маски вырывались белые облачка пара. Йота разглядела под его обнаженной кожей вживленные имплантаты. Все его тело с головы до ног было забрызгано человеческой кровью и подрагивало, словно работающий двигатель. Гарантин остановился и уставился на нее, хрипло посмеиваясь. В руке он держал карабин-стаббер, из короткого дула капала жидкость.

В голове Йоты на мгновение возникла мысль о попытке поговорить с эверсором, но идея была отвергнута так же быстро, как и появилась. Ходили слухи, что у каждого эверсора в мозг был внедрен личный мем-стоп — бессмысленный набор слов, который при произнесении вслух приводит к полному бездействию или даже погружает в состояние, близкое к смерти.

Но если даже это и было так, Йота не сомневалась, что охваченный яростью киллер позаботился о том, чтобы техник, знавший этот код, погиб одним из первых.

Гарантин ткнул в ее сторону сломанным карабином.

— Ты, — произнес он. — Быстро.

Возможно, это была угроза — обещание, что он скоро с ней покончит. А возможно, и комплимент ее ловкости, признание того, что с момента пробуждения только она оказалась для него достойным противником. Но это не имело значения, поскольку Гарантин уже устремился к ней, словно разъяренный крокс.

Йота послала в него залп стеклянистых игл и сделала плавное сальто назад, чтобы увеличить дистанцию. Блестящие снаряды усыпали его торс, но эверсор только сердито заворчал и смахнул их рукой.

У внешней герметичной двери Йота остановилась и развернулась, и в этот момент снова послышался голос Тариила.

— Он там? — взволнованным шепотом

спросил инфоцит. — У меня... трудности с определением местонахождения Гарантина...

Она мысленно кивнула. Среди множества других имплантатов в теле эверсора имелись чувствительные пассивные экраны, способные сбить с толку почти любые сканеры.

— Да, он здесь, — ответила Йота. — И убьет меня меньше чем через сто десять секунд.

Прогноз был сделан ею на основании анализа других убийств, совершенных Гарантином.

— Я работаю, — неожиданно энергично откликнулся инфоцит.

— Можешь не торопиться, — бросила Йота.

Эверсор тоже остановился и, наклонив набок голову, внимательно ее рассматривал. Йота сделала глубокий вдох и сосредоточилась на своей внутренней сущности. Она активировала силовую матрицу, встроенную в структуру ее костюма, позволяя ей протянуть невидимые щупальца из

реального мира в эфир варпа. Но процесс шел очень медленно. Если бы она сражалась с псайкером, она могла бы в один момент лишить его силы, присвоив себе затраченную энергию. Но в данном случае она имела дело лишь с обычной энергией воздуха, тепла и жизни. Она ощутила, как диафрагма анимус спекулум начинает медленно открываться, но уже понимала, что оружие не успеет подготовиться вовремя.

Гарантин хрипло рассмеялся и, слегка наклонившись, вырвал из опорной колонны короткий металлический столбик. Не обращая внимания на сноп вылетевших искр, он крутанул столбик, словно дубинку, и шагнул вперед.

Герметичная заслонка люка за спиной Йоты наконец натужно заскрипела, зашипела гидравлическим приводом и открылась, рассыпая кусочки ломающегося льда. Снаружи ворвался морозный ветер, несущий снежные вихри. Буря в одно мгновение окутала белым покрывалом все пространство коридора.

Энергия внутри анимус спекулум

продолжала нарастать, но, как и предвидела Йота, Гарантин не стал больше задерживаться и бросился в атаку. Прежде чем Йота сумела выпустить хоть часть потенциала пси-оружия, он нанес такой сильный удар металлической стойкой ей в грудь, что она вылетела во двор. С холодной отстраненностью кулексус отметила треск нескольких сломанных ребер, неудачно приземлилась на тонкий слой снега и сплюнула в шлем сгусток крови. То обстоятельство, что она до сих пор жива, свидетельствовало лишь о намерении эверсора сначала поиграть с жертвой.

Его прозвали Гарантином из-за происхождения, поскольку он родился в секторе Гарант Облака Оорта, прилегающего к рассеянному скоплению Персея. Он от рождения был психопатом и на своем домашнем астероиде перебил всех людей, когда был еще ребенком, едва научившимся читать. Неудивительно, что после этого круг Эверсор с радостью взял на себя заботу о нем.

Йота попыталась подняться, но в

визоре ее черепа-шлема уже появилась оскаленная маска противника. Гарантин схватил ее за лодыжку и легко перебросил на другой конец двора. На этот раз удар смягчился высоким сугробом, но тело все же вздрогнуло от боли, и с губ сорвался негромкий крик. Из вокса неслось бормотание вануса, что-то насчет закрывающейся задвижки, но все это уже не имело для нее никакого значения. Йота сосредоточилась на приведении оружия в состояние готовности. Если ее план не сработает, ей придется убить Гарантина, разрушив его мозг импульсом варп-энергии.

Эверсор уже подбежал к ней, рассмеялся и подпрыгнул. А потом время замедлило свой бег. Расплывающийся перед глазами силуэт ассасина стал падать на нее, но вдруг раздался раскатистый грохот выстрела, и траектория падения изменилась. Гарантин резко дернулся вправо, как будто кто-то натянул невидимый шнур.

Йота увидела, как эверсор с дымящейся раной в груди приземлился на снабженные когтями ноги и тряхнул

головой, словно избавляясь от пули. Кулексус затуманенным взглядом окинула окрестности и обнаружила источник стрельбы. На крыше одного из соседних блокгаузов виднелась белая фигура с длинноствольной винтовкой в руке. Потом белый цвет сменился угольно-черным: вероятно, виндикар намеренно отключил свой хамеолиновый плащ, чтобы привлечь внимание эверсора. Он снова поднял к плечу винтовку, и разъяренный Гарантин взревел, на время забыв о Йоте.

Эверсор бросился на нового противника, и в то же мгновение прогремел второй выстрел. Первый снаряд обладал кинетико-ударным эффектом, он мог пробить блок двигателей грузовика и разорвать в клочки не защищенного броней человека; этого хватило, чтобы привлечь внимание эверсора. Просвистевший в холодном воздухе второй снаряд, попав в грудь Гарантина, превратился в темное пятно. Это был дротик из плотного стекла, содержащий внутри особый гель, который при ударе под давлением впрыскивался в тело жертвы. Но гель не

содержал ни яда, ни дуртана. Организм эверсора был напичкан противоядиями и боевыми смесями, так что никакой яд, никакой наркотик его остановить не мог. Гелеобразное вещество, содержащееся в капсуле, представляло собой активный элемент совсем другого свойства: при соединении с кислородом оно создавало мощный биоэлектрический заряд, мощности которого хватило бы, чтобы оглушить огрина.

Такие выстрелы не предназначались для убийства, и Гарантин, словно оскорбленный подобным пренебрежением, разъярился еще сильнее. Он вырвал дротик из раны и двинулся дальше. Келл снова выстрелил, с присущей ему точностью попав в ту же самую точку, потом еще раз и еще. Эверсор не остановился даже тогда, когда из ужасной раны на груди вырвались голубоватые искры разряда.

Йота на мгновение ощутила непривычный укол страха. Сколько зарядов в обойме винтовки виндикара? Хватит ли их? Ванус что-то кричал ей в ухо, но она игнорировала его и ошеломленно

смотрела, как искры электрических разрядов гаснут среди падающих снежинок.

Эверсор запрыгнул на крышу, где стоял виндикар, и протянул к нему свои когтистые руки, но из-за сильных повреждений в теле потерял равновесие. Удар пришелся по винтовке Келла, сломал ее пополам, обломки полетели вниз. К этому моменту Йота уже была на ногах и нацелила на Гарантина свое орудие. Если она сейчас выстрелит, пси-удар заденет и виндикара.

Но эверсор наконец ослабел и попятился, не в силах сопротивляться многочисленным ранам. Он сделал еще одну попытку достать Келла, промахнулся и скатился с крыши во дворик.

Йота, настороженно пригнувшись, подошла ближе. Она еще не верила, что все кончено. Сзади полюбоваться на свою работу подошел снайпер.

— Он вырубился? — раздался голос Тариила.

— Ради нас всех, — пробормотал Келл, — я очень на это надеюсь.

Дайг остановил машину у подножия холма и заглушил двигатель.

— Отсюда мы пойдем пешком, — сказал он.

В предрассветном сумраке его лицо казалось призрачно-бледным.

Йозеф окинул его внимательным взглядом.

— Скажи-ка мне еще раз, откуда у тебя эти сведения? — потребовал он. — И объясни, почему ты вытащил меня из постели — постели, в которой я и так в эти дни провожу не так уж много времени. И для чего? Чтобы осмотреть заброшенный виноградник, пока все в городе еще спят?

— Я тебе все рассказал, — с нехарактерной для него сдержанностью ответил Дайг. — Сведения из моего источника. Пошли. Нам нельзя было воспользоваться вертолетом, чтобы не спугнуть Сигга. Кроме того, его здесь может и не быть.

Вслед за Дайгом Йозеф покинул теплую кабину машины и немного помедлил, проверяя обойму пистолета.

Затем он взглянул вверх. За тяжелыми железными воротами не так давно находилась винодельческая ферма «Бласко», а сейчас остался лишь ее полуразрушенный остов. Уничтоженный пожаром три сезона назад винодельческий завод на южном склоне холма все еще ждал восстановления, а пока оставался в запустении. Во влажном утреннем воздухе еще ощущался запах гари.

— Если ты полагаешь, что Сигг может скрываться здесь, — снова заговорил Йозеф, — ты могли бы взять с собой какое-нибудь подкрепление.

— Я не уверен в этом, — ответил Дайг.

— Значит, твой источник не слишком надежен, — буркнул Йозеф.

Дайг ответил угрюмым взглядом.

— Ты же прекрасно знаешь, что будет, если я скажу об этом деле в участке хоть одно слово. Лайтнер сразу вцепится, как клещ.

С этим невозможно было не согласиться. А если Лайтнер что-то пронюхает и Дайг потерпит неудачу,

отвечать будут только два смотрителя.

— Хорошо. Только ничего не скрывай от меня.

Следующий взгляд Дайга был почти умоляющим.

— Йозеф, я редко тебя о чем-то прошу, но сегодня как раз такой случай. Просто доверься мне и не задавай вопросов. Ладно?

— Ладно, — после недолгой паузы кивнул Сабрат.

Они прошли на виноградник через сломанную секцию ограды и по дорожке направились к главному зданию. Землю покрывал ковер из сломанных веток и опавших листьев. Йозеф посмотрел направо: неухоженная, почерневшая почва покрывала крутой склон. До пожара в этих местах буйствовала пышная зелень, а теперь пробивались лишь чахлые кустики сорняков. Он нахмурился. Дома у него еще хранилась бутылка купленного по случаю портвейна «Бласко». Это была хорошая марка.

— Сюда, — прошептал Дайг, указав на пристройку.

Йозеф все еще колебался. Его глаза

привыкли к сумраку, и теперь он отмечал все мелочи, которые не укладывались в общую картину. То тут, то там ему попадались признаки недавнего движения, места, где пыльный налет был нарушен. Сверху, от ворот, случайный наблюдатель ничего этого не мог бы заметить, но здесь, вблизи, явно проявлялись признаки человеческого присутствия. Йозеф вспомнил о телах Нортэ и Латига и сунул руку в карман куртки. Нащупав массивную рукоять огнестрельного оружия, он немного успокоился.

— Мы возьмем его живым, — прошипел он.

Дайг быстро оглянулся, потом вытащил из внутреннего кармана регистратор теплового излучения, включил его и начал сканировать окрестности.

— Конечно.

Подозреваемого они обнаружили спящим в бондарной мастерской, где он устроился в незаконченной бочке. Он услышал их шаги и в ужасе вскочил на ноги. Йозеф направил на него слепящий луч

ручного фонарика и тщательно прицелился.

— Эрно Сигг! — крикнул он. — Мы смотрители Защиты. Ты арестован. Оставайся на месте и не двигайся.

Человек от испуга едва не потерял сознание. Сигг дрожал, качался и едва не упал на край своей импровизированной кровати, но в последний момент с трудом удержался на ногах. Он поднял руки, едва удерживая качающийся масляный фонарь.

— В-вы пришли меня убить? — спросил он.

Такого вопроса Йозеф не ожидал. Ему приходилось видеть убийц, и даже больше, чем хотелось бы, но поведение Сигга сильно отличалось от всего, что он наблюдал раньше. Страх исходил от него волнами, словно нагретый воздух от открытого огня. Однажды Йозефу довелось спасти мальчишку, которого несколько недель продержали в винном погребе, так вот, взгляд того парня, впервые вышедшего на свет, полностью соответствовал выражению глаз Сигга. Этот человек больше был похож на жертву.

— Ты подозреваешься в тяжком преступлении, — сказал ему Дайг. — И должен пойти с нами.

— Я заплатил за все, что сделал! — заявил Сигг. — С тех пор я ни в чем не провинился! — Сигг посмотрел на Дайга. — Как вы меня нашли? Я так хорошо спрятался, что даже он не знал, где меня искать!

Йозефу стало интересно, кто такой «он», но тут снова заговорил Дайг:

— Не бойся. Если ты невиновен, мы это докажем.

— Правда?

Его голос прозвучал неуверенно, как у испуганного ребенка.

А потом Дайг произнес слова, вроде бы совершенно неуместные в этой ситуации, но они оказали успокаивающее действие на Сигга, и его тело заметно расслабилось.

— Император защитит, — негромко сказал Дайг.

Йозеф снова посмотрел на Сигга и встретил его взгляд.

— Я сделал много такого, чем не

стоит гордиться. Но с этим покончено. В сети информации меня обвиняют напрасно. Я никогда не лишал жизни ни одного человека.

— Я тебе верю, Эрно, — неожиданно для себя самого проговорил Йозеф.

Слова сорвались с губ еще раньше, чем он успел подумать, но, что самое странное, он действительно верил этому человеку, чему сам сильно удивился. Каким-то внутренним чутьем он понял, что Эрно Сигг говорит правду. Источник этой уверенности был ему неизвестен, и этот факт сильно встревожил Йозефа, но разбираться сейчас не было времени.

Крыша мастерской представляла собой навес из волнистого металла и стекла, но после пожара большая часть стекол разбилась и осыпалась вниз. Внезапно рассветный ветерок сменил направление, и словно ниоткуда налетел целый шквал звуков. Йозеф различил стрекочущий шум двигателей колеоптеров, а через мгновение мощные прожектора пробились сквозь закопченные стекла и дыры в крыше, и всю мастерскую

затопил резкий неестественный свет. Усиленный механический голос повторил недавнее обращение Йозефа к Сиггу, а потом все пришло в движение.

Смотритель, прикрыв глаза ладонью, посмотрел вверх: с зависших вертолетов по тросам спускались егери с тяжелыми карабинами в руках. Оглянувшись, он встретил разъяренный взгляд Сигга.

— Мерзавцы! — гневно закричал он. — Я бы пошел сам! Но вы меня обманули! Вы солгали!

Дайг бросился к нему.

— Нет, постой! — воскликнул он. — Я не звал их! Мы пришли одни...

Сигг снова выкрикнул проклятия и швырнул фонарь им под ноги. Колба при ударе о землю разбилась вдребезги, и брызги масла тотчас вспыхнули огнем, а сверху уже летели остатки крыши, сбиваемые егерями. Мгновенно загорелся старый деревянный настил, поднялся высокий столб пламени, во все стороны повалили клубы дыма. Спустя секунду огонь добрался до сваленных в кучу мешков и корзин и вспыхнул с новой силой. Йозеф

оттолкнул Дайга в сторону.

Дайг попытался снова добраться до Сигга, но струи воздуха от винтов раздували пожар все сильнее, огонь встал высокой стеной, и Сигга уже не было видно.

Йозеф налетел на егерей, когда они еще только выпутывались из своих канатов, а один уже вызывал пожарную команду. Среди солдат смотритель заметил лицо Скелты и в ярости схватил его за ворот.

— Кто приказал вам вмешиваться?! — закричал он, перекрывая шум моторов. — Какой болван испортил всю операцию?

Но ответ ему не требовался, он и так все понял.

Глава 6

«Ультио»[10]
Ложь и убийство
Смерть царей и цариц

Официо Ассасинорум передал им корабль, обойдясь без торжественных церемоний. Как и те, кому он был предназначен, корабль имел обманчивую внешность. В данный момент, по пути к орбите Юпитера, его маячки и позывные говорили о том, что это «Галлис Файе», кислородный танкер, идущий с Цереры и зарегистрированный в сообществе «Белтер». Но Келлу и остальным, поднявшимся на борт этого судна, было известно его кодовое имя: «Ультио».

Внешне «Ультио» ничем не отличался от небольших грузовых кораблей, которые тысячами странствовали по космическим путям внутри звездных систем по всему Империуму. Это была настолько

распространенная модель, что ее повсеместное применение делало корабль почти невидимым, и это как нельзя лучше устраивало Официо Ассасинорум. Маленький по сравнению с гигантскими звездными крейсерами, которые составляли основу имперских торговых флотилий, «Ультио» лгал каждым дюймом своего корпуса. Короткий трезубец основного корпуса, где полагалось находиться грузам, был заполнен механизмами и силовыми установками варп-двигателя. Большую часть корабля занимал старинный двигатель, происхождение которого терялось в глубине веков, и только его передняя, заостренная часть была отведена под каюты и салоны. Этот модуль, скошенный назад и изогнутый согласно законам аэродинамики, мог отделяться от массивных двигателей и садиться на поверхность планеты не хуже любого шаттла. Внутренний пассажирский отсек «Ультио» был маленьким и тесным, со спальными помещениями не больше тюремной камеры, шестиугольными в

сечении переходами и кабиной экипажа, оснащенной мощными генераторами гравитации, так что на корабле использовался каждый квадратный сантиметр площади.

Кроме постепенно расширявшегося состава карательного отряда, на корабле было еще три члена экипажа, но ни один из них не мог считаться полноценным человеком. Шагая по направлению к корме, Келл сознавал, что под его ногами, в нулькаюте спит корабельный астропат, сознательно погрузившийся в состояние сомнамбулы. Точно так же и навигатор «Ультио», который, как обычно, оставался на баке корабля, по соседству с машинным отделением, в защищенной от психических воздействий каюте. Оба они выразили мрачное недовольство появлением Йоты на борту, но их рекомендации изолировать ее или погрузить в состояние стазиса при помощи наркотиков были решительно отвергнуты. Келл мог только догадываться, как возмущены тонкие псионические чувства варп-навигатора и

астропата влиянием негативной ауры кулексус. Он и сам, не имея никаких признаков псайкера, испытывал немалое смятение, если слишком долго оставался в присутствии девушки-парии. Йота согласилась на время не снимать свой глушитель-торк, но даже это устройство было не в состоянии полностью блокировать странное возмущение воздуха повсюду, где бы ни появлялась кулексус.

Третий член экипажа имел еще меньше сходства с обычными людьми. Келл до сих пор помнил выражение ужаса и восхищения на лице Тариила при встрече с пилотом. У него не было тела, то есть теперь не было. Подобно прославленным дредноутам Адептус Астартес, это существо, бывшее человеком несколько столетий назад, превратилось в небольшой сгусток плоти, заключенный в металлическом корпусе. Где-то в самой глубине программного блока, занимавшего заднюю секцию командной рубки, содержался мозг, окруженный нервными узлами. Это все, что осталось от человека. Теперь пилот и «Ультио»

слились в единое целое, броня заменила кожу, а пылающий реактор — бьющееся сердце. Келл не раз пытался представить себе, что означает это полное слияние с машиной, но так и не смог этого понять. Где-то в глубине души он испытывал ужас от такой идеи, но его чувства не имели никакого значения. Пилот, навигатор, астропат — и все они собрались здесь, чтобы служить Ассасинорум, чтобы действовать, а не задавать вопросы.

Ботинки Келла звонко простучали по ребристой металлической палубе и затихли перед герметичным люком.

— «Ультио»! — воскликнул он, глядя прямо перед собой. — Гарантин бодрствует?

— Подтверждено.

Голос пилота-киборга доносился из-за решетки громкоговорителя у него над головой. Тональность речи свидетельствовала об использовании вокодер-синтезатора.

— Открой люк, — приказал Келл.

— Выполняю, — последовал ответ. — Предупреждение: впереди зона повышенной

гравитации. Не входить.

Задвижка люка опустилась на палубу, и коридор наполнился химическими испарениями. Внутри, на полу, тяжело дыша, в неудобной позе сидел эверсор. Он с видимым усилием поднял голову и взглянул на виндикара.

— Когда я отсюда выберусь, — сказал он, с трудом выталкивая слова, — я разорву тебя в клочья.

Губы Келла сжались в тонкую линию. Он не стал подходить ближе. Хоть Гарантина и не удерживали на палубе ни веревки, ни цепи, подняться на ноги он не мог. Гравитационные пластины создавали поле тяжести, во много раз превосходящее норму, и ассасин был придавлен к полу своим собственным весом. Его модифицированный организм работал с полной нагрузкой, чтобы поддерживать жизнь, и под кожей были видны вздувшиеся вены. Любой обычный человек при такой нагрузке не продержался бы и пары часов, погибнув от разрыва легких или от повреждения других внутренних органов. Гарантин провел в этой каюте уже два

дня, и все это время подвергался процессу очищения от психических стимуляторов.

Келл окинул его испытующим взглядом.

— Это, вероятно, было для тебя нелегко, — заговорил он. — Испытывать сомнения. Неопределенность.

— Я никогда не испытываю сомнений, — прохрипел эверсор. — Дай только подняться, и ты в этом убедишься.

— Я имею в виду миссию. — Это замечание вызвало легкий намек на нерешительность под маской Гарантина. — Проснуться, не имея инструкций... Для тебя это наверняка не просто.

— Я буду убивать, — заявил эверсор.

— Да, — согласился виндикар. — Убивать, убивать и снова убивать, пока тебя не уничтожат. Но это будет бесполезно. Бессмысленно.

Гарантин издал мучительный стон и попытался проползти к двери, цепляясь когтями за палубу.

— Я убью тебя, — проскрежетал он. — Это имеет смысл.

Келл подавил желание отойти назад.

— Ты так думаешь?

— В прошлый раз я сломал твое ружье, — пробормотал эверсор, обливаясь потом. — Жаль. Оно... было тебе дорого?

Келл не поддался на его уловку, хоть его длинноствольная винтовка, изготовленная по особому заказу оружейниками с Цицерита, отлично служила ему уже много лет.

— Это просто оружие.

— Как и я?

Келл развел руки.

— Как и все мы. — Он немного помолчал. — Ты проснулся вследствие несчастного случая... Ванус мне говорил, что изменение твоей программы путем гипноза займет слишком много времени. Так что мы либо выбросим тебя в открытый космос и начнем сначала с кем-нибудь еще из твоих собратьев, либо отыщем...

— Другой способ? — Ассасин насмешливо кашлянул. — Если мой круг выбрал меня для вашей операции, значит, вам необходим только я. И без меня вам не обойтись.

— В этом я вынужден с тобой согласиться. — Келл слегка улыбнулся. Несмотря на первое впечатление, Гарантина нельзя было назвать безмозглым чурбаном. — Я хотел сказать, что мы найдем взаимопонимание.

Эверсор засмеялся, морщась от боли.

— Что ты можешь мне предложить, чтобы я решил отказаться от удовольствия оторвать тебе голову, снайпер?

Виндикар пристально посмотрел в широко расставленные, налитые кровью глаза убийцы.

— Пока еще нет прямых указаний, но лидеры могут собирать нас только по одной причине. Ради одной цели. И мне кажется, тебе бы хотелось присутствовать при поражении этой цели.

Он назвал имя, и под клыкастой маской Гарантина появилась улыбка.

Йозеф крепко сжал кулаки. Это все, что он мог сделать, чтобы сдержаться и не разбить ухмыляющуюся физиономию

старшины Лайтнера. Он лишь на мгновение представил себе, как хватает его за сальные пряди волос и швыряет лицом вниз на выложенный плитками пол участка. Ярость вспыхнула с такой поразительной силой, что Йозеф с трудом сдерживался.

А Лайтнер размахивал руками перед лицом Дайга и в который раз обвинял смотрителей в том, что они не доложили обо всем по инстанции и не вызвали поддержку. Подобные тирады продолжались всю дорогу от винодельни «Бласко» до самого участка.

— Вы потеряли подозреваемого, — блеял Лайтнер. — Вы его нашли и тут же потеряли. — Он обернулся к Йозефу: — Почему ты не стрелял? Не пробил ему ногу? Не свалил на землю?

— Я мог просто убедить Сигга пойти с нами, — возразил Дайг. — Он собирался сдаться!

Лайтнер резко повернулся в его сторону.

— Ты что, совсем идиот? Неужели ты ему поверил? — Он стукнул по стопке

снимков с мест преступлений, лежавших на его столе. — Сигг играл с вами. Он собирался сделать из вас обоих отбивные, и вы почти позволили ему это!

Йозеф наконец овладел своими эмоциями настолько, что смог заговорить.

— Как ты узнал, что ты здесь? — сердито спросил он.

— Не глупи, Сабрат, — бросил старшина. — Неужели ты думал, что верховный смотритель поручит вам такое важное дело без того, чтобы не следить за каждым вашим шагом?

Йозеф заметил, как при этих словах побледнел Дайг, но не придал этому большого значения. Он лишь продолжал возмущаться:

— У нас имелись надежные сведения из... заслуживающего доверия источника! Мы могли привлечь Сигга к расследованию, а вы навалились целой толпой и все испортили!

— Следи за своими словами, смотритель! — огрызнулся Лайтнер. Он многозначительным жестом провел

пальцами по своему служебному жезлу. — Не забывай, с кем разговариваешь!

— Если ты хочешь сам вести это дело, пожалуйста, — не уступал Йозеф. — В противном случае не мешай офицерам, которым поручено расследование.

— Я следовал приказу Телемах, — самоуверенно ухмыльнулся старшина.

Йозеф презрительно скривил губы:

— Что ж, спасибо, что объяснил. Я-то думал, что провалом мы обязаны только твоему нетерпению и недальновидности, но, похоже, проблема в верхних эшелонах.

— Ты забываешься...

— Сэр! — Ворвавшийся в кабинет Скелта помешал старшине закончить фразу. — Он уже здесь! Этот... человек барона.

Поведение Лайтнера изменилось в мгновение ока.

— Что? Но они должны были прилететь только завтра утром!

— Гм, — промычал Скелта, показывая на дверь. — Да. Нет.

Йозеф, обернувшись, увидел за спиной егеря двух человек. Первым был

темнокожий мужчина, не уступавший в росте Сабрату, очень похожий на игрока в скрамбол. Его пепельного цвета волосы свободно рассыпались по плечам, а овальный инфомонокль почти полностью скрывал тонкий шрам над правым глазом. Рядом с мужчиной стояла бледная хрупкая женщина с обритым наголо черепом, украшенным разнообразными татуировками. Оба были одеты в зеленую с серебром форму, какую Йозеф видел на Белле Горосп, только на обшлагах мужчины имелся вышитый орнамент, что, вероятно, служило знаком отличия. А на женщине он увидел золотую брошь в виде открытого глаза. В ответ на его взгляд женщина подняла голову, и тогда он заметил легко узнаваемый металлический обруч на шее, словно ошейник для укрощения дикого зверя. На хрупкой женщине этот предмет казался грубым и совершенно неуместным.

Мужчина окинул взглядом кабинет, и что-то в его манере держаться подсказало Йозефу, что он до последнего слова слышал весь спор, предшествовавший его

появлению. Женщина — Йозеф мысленно отметил, что ее возраст определить невозможно, — продолжала смотреть на него.

Лайтнер быстро взял себя в руки и слегка поклонился:

— Оперативники, я рад видеть вас на Йесте Веракрукс.

— Меня зовут Гиссос, — представился мужчина довольно мрачным тоном. Затем он указал на свою спутницу: — А это моя помощница Перриг.

Дайг уставился на женщину.

— Она же псайкер! — выпалил он. — Этот глаз прямо подтверждает ее отличие.

Он постучал себя по плечу, где у Перриг была приколота брошь.

Йозеф к тому времени отметил, что тот же символ, хотя и немного видоизмененный, присутствует в татуировках женщины. В первый момент он почувствовал возмущение. Всем известно, что деятельность псайкеров запрещена. Сам Император на соборе в Никее издал указ, запрещавший

использование психонических способностей даже в Легионах космодесантников. И хотя небольшое количество особо одаренных псайкеров работали под строжайшим контролем в качестве навигаторов, прокладывающих путь кораблей в варпе, или астропатов, обеспечивающих связь между мирами, все остальные были признаны опасными, вредными и нестабильными отклонениями от нормы, подлежащими изоляции и нейтрализации. До сего дня Йозефу ни разу не приходилось лицом к лицу встречаться с псайкерами, и появление Перриг его сильно нервировало. Под ее взглядом он чувствовал себя словно стеклянным. Когда она наконец отвела взгляд, он вздохнул с облегчением.

— Мой повелитель барон имеет разрешение Совета Терры на использование определенного субъекта с психоническими способностями, — пояснил Гиссос. — Таланты Перриг приносят большую пользу в моей работе.

— И что же это за работа? — поинтересовался Дайг.

— Безопасность, смотритель Сеган, — ответил тот.

По его поведению стало ясно, что Гиссосу известны имена всех присутствующих в кабинете.

Йозеф молча кивнул. Ему было известно, что клан Эврот пользуется в сегменте Ультима огромным влиянием, но он и не догадывался, что его власть настолько сильна. То обстоятельство, что он получил разрешение нарушить жесткие ограничения Никейского эдикта, говорило о многом. Йозефу оставалось только гадать, какие еще правила дозволено нарушать могущественному войд-барону.

— Я думал, что вы направитесь сразу на территорию консорциума, — отважился предположить Лайтнер, пытаясь сохранить ведущую роль в разговоре. — Вы проделали долгий путь...

— Не такой уж и долгий, — прервал его Гиссос, продолжая осматривать кабинет. — Скоро прибудет барон. Он пожелает получить самую полную информацию о ситуации. Не вижу причин

затягивать это дело.

— Как... скоро? — осмелился вмешаться Скелта.

— Через день, — ответил Гиссос, окончательно огорошив Лайтнера. — Может быть, раньше.

Старшина смотрителей нервно облизнул губы.

— Что ж, в таком случае я предлагаю короткий обзор. — Он слабо улыбнулся. — Я лично во всех подробностях доложу обо всем барону, как только он прибудет.

— Простите, — прервал его Гиссос. — Насколько мне известно, ведущие дознаватели в этом деле смотрители Сабрат и Сеган. Разве не так?

— Ну да, — протянул Лайтнер, который никак не мог решить, как вести себя с оперативниками барона Эврота. — Но я старший офицер участка, и...

— Но не непосредственный дознаватель, — решительно возразил Гиссос и взглянул на Лайтнера через свой монокль. — Барон предпочитает получать информацию непосредственно из первых рук. От тех, кто ближе всего знаком с

делом.

— Конечно, — сдержанно ответил старшина, сознавая, что его отодвигают в сторону. — Вы можете поступать, как сочтете нужным.

Гиссос коротко кивнул:

— Положитесь на нас, старшина Лайтнер. Перриг и я сделаем все возможное, чтобы помочь Йесте Веракрукс привлечь этого убийцу к ответственности. Прошу вас от моего имени передать эти заверения и верховному смотрителю, и ландграфу.

— Конечно, — повторил Лайтнер с притворной улыбкой.

Не говоря больше ни слова, он покинул комнату, лишь перед самой дверью обернулся и бросил на Йозефа язвительный взгляд.

День еще только начался, а Йозеф уже чувствовал себя измотанным до предела. Он вздохнул и поднял голову, но тотчас поймал на себе взгляд Перриг.

Она заговорила негромким и мелодичным голосом, который совершенно не соответствовал бушевавшему в глазах

огню.

— На окраинах восприятия собирается тьма. Обманы и убийства. — Псайкер вздохнула. — Вы все это видели.

Йозеф не без труда отвел от нее взгляд и кивнул Гиссосу.

— С чего вы собираетесь начать?

— Это я хотел бы услышать от вас, — ответил оперативник.

«Ультио» пересек сложную паутину орбит дальних спутников Юпитера и погрузился в зону гравитации газового гиганта. Это была почти Солнечная система в миниатюре, только в центре, вместо пылающей звезды, находился газовый гигант. Тучи вращавшихся вокруг него спутников и троянских[11] астероидов были заняты колониями людей, заводов и фабрик, которые черпали энергию в излучении громадной планеты и поглощали почти истощившиеся за сотни лет добычи запасы полезных ископаемых. Юпитер превратился в верфи Терры, и небо над ним постоянно было заполнено

различными кораблями. Доки и мастерские, сосредоточенные вокруг Ганимеда и дюжины меньших спутников, неутомимо выпускали любые типы судов: от управляемых одним пилотом истребителей класса «Ворон» до могучих боевых транспортов класса «Император».

«Ультио» мог легко затеряться в пространстве, до отказа заполненном кораблями и шаттлами, но безопасность здесь была на высоком уровне, и подозрительность стояла на первом месте. На заре мятежа здесь собралась команда изменников из числа Механикум и Астартес Несущих Слово, и тогда в секретной гавани астероида-спутника Туле был построен дредноут «Яростная бездна». Маленькая юпитерианская луна погибла во время бурного старта огромного корабля, и ее осколки до сих пор вращались на окраинах планетарной системы, но последствия этого инцидента ощущались до сих пор.

Поэтому «Ультио» двигался очень осторожно, не допуская ни малейшей неуверенности, не делая ничего, что могло

бы привлечь внимание. Под защитой своей обыденности, словно под плащом-невидимкой, «Ультио» проскользнул в тени населенных Иокасты и Ананке, затем спустился на уровень Галилея и миновал тир-океан Европы и пылающую оранжевую массу Ио. Медленно и неуклонно продолжая свой путь, судно пересекло полосы оранжевых, янтарно-желтых и кремово-серых облаков и повернуло к Большому красному пятну[12].

Там, окутанное красным сиянием, парило огромное веретенообразное тело. Саросская станция напоминала по форме хрустальный подсвечник, вырванный из привычной обстановки и заброшенный в космос, где он улавливал и отражал свет звезд. В отличие от большинства своих промышленных собратьев, Сарос был платформой-курортом, где после напряженного труда на верфях и заводах отдыхала и развлекалась элита Юпитера. Многие утверждали, что в роскоши и размахе Сарос уступает только заведениям на орбите Венеры. Золотые и

серебряные авеню, акры садов, где не действовала сила тяжести, и великолепный оперный театр не уступали даже Императорскому Дворцу.

Корабль подошел ближе, и станция заполнила весь обзорный иллюминатор.

— Чего ради мы сюда пришли? — с угрюмым безразличием спросила Йота.

— За очередным рекрутом, — ответил Тариил. — Это Койн из круга Каллидус.

В задней части рубки Гарантин нагнул голову, чтобы не удариться о потолок, и хрипло кашлянул.

— А зачем нам понадобился один из этих?

— Так приказал магистр ассасинов, — не оборачиваясь, ответил Келл.

Ванус окинул взглядом несколько дисплеев, развернутых над его браслетом.

— Согласно моим сведениям, внизу происходит крупное культурное событие. Спектакль «Новый Эдип».

— Что? — фыркнул эверсор.

— Театральное представление, сопровождаемое музыкой, пением и

танцами, — пояснил Тариил, не обращая внимания на его насмешку. — Это значительное событие для всей юпитерианской зоны.

— Я, должно быть, потерял свое приглашение, — проворчал эверсор.

— И этот Койн находится где-то внизу? — Йота приникла к иллюминатору, прижав к стеклу ладони и глядя на Сарос. — Как же мы среди множества лиц узнаем безликого каллидуса?

Келл заглянул в выданную ему краткую инструкцию о контактах и нахмурился:

— Мы должны... послать цветы.

Гергерра Рей, рыдая, словно дитя, оплакивал смерть Иокасты.

Побелевшими от напряжения пальцами он вцепился в перила передвижной ложи, предоставляемой театром. За его спиной неподвижно и безучастно выстроились механические охранники личной манипулы, тогда как у их господина дрожали губы и вырывались всхлипы. Рей наклонился вперед, словно

хотел перехватить стальную петлю и уберечь мягкую шею Иокасты. Крик отчаяния рвался из его горла, он хотел окликнуть ее, но не мог.

Благородный вельможа и раньше слышал эту оперу, и каждый раз она задевала его чувства, но никогда еще не захватывала с такой силой, как в этот вечер. Представление «Новый Эдип» давалось один раз в два года, и это было приятным и пышным событием, сопровождаемым многочисленными вечеринками и торжественными обедами, хотя гвоздем программы, безусловно, являлся сам спектакль. В этот году спектаклю юпитерианской труппы предшествовали серьезные опасения: сначала это были заявления отъявленных скептиков, утверждавших, что представление не состоится из-за разгоревшегося конфликта, а потом, когда в воздушной катастрофе трагически погибла оперная дива Солипис Мун... Многие поклонники считали, что постановку следует отменить в знак уважения к певице.

Но, говоря откровенно, Рея не огорчало отсутствие на сцене Мун. Безусловно, она исполняла партию Иокасты с огромным мастерством и вкусом, однако после множества репетиций ее отношение к героине стало поверхностным. Но сегодня партию вела новая царица, новая Иокаста — певица из венерианских залов, насколько он знал, — и она вдохнула в этот образ новую жизнь. В первом акте она еще пыталась подражать мимике Мун, но вскоре проявилось ее собственное понимание роли, и тогда она настолько затмила предыдущую исполнительницу, что еще до окончания спектакля Рей почти забыл ее предшественницу. Новая актриса привезла с собой и новую инсценировку, и теперь все актеры вместо современных костюмов носили странные одеяния, не относящиеся к какой-то определенной эпохе, мерцающие металлическим отливом, что особенно восхищало Рея.

И вот сцену залил кроваво-красный свет, перемежаемый сверканием молний. Большого красного пятна, оркестр

зарокотал зловещими аккордами, и Иокаста прощалась с жизнью. Вопреки всякой логике, Рей надеялся, что история хорошо знакомой ему пьесы изменится, но этого не произошло. Тело актрисы исчезло за кулисами, и началась финальная сцена оперы, но Рей вдруг понял, что не может сосредоточиться на страданиях несчастного слепого Эдипа, в которые ведущий актер вкладывал так много чувства, что зрители вскакивали на ноги и зал дрожал от аплодисментов.

И только когда парящая ложа вернулась на уровень верхнего балкона, обитого шелком, Рей смог собраться с мыслями и по достоинству оценить общую композицию.

Она действительно взволновала его. Рею казалось, что новая Иокаста пела только для него одного; он мог поклясться, что даже в момент трагического самоубийства она смотрела прямо на него, и их рыдания звучали в одном ключе.

Высокий ранг Рея подразумевал и его присутствие на вечеринке, которая должна была состояться после спектакля в

зрительном зале. Обычно он отклонял эти приглашения, предпочитая общество своих машин компании продажных щеголей, которые кочевали по увеселительным заведениям. Сегодня он воспользуется своим правом. Он встретится с ней.

Атмосфера званого вечера была насыщена энергией спектакля, еще сохранившейся в зале после того, как стихла последняя нота. Критики и представители прессы по очереди подходили поздравить директора театра и ведущего актера, игравшего несчастного царя, но все постоянно озирались в надежде увидеть истинную звезду этого дня — новую Иокасту.

Приглашенные аристократы под влиянием общего настроения чередовали похвалы спектаклю с обсуждением текущей ситуации, что заключалось в основном в разговорах о разгоравшемся мятеже и об оказываемом на юпитерианские верфи давлении. Раны, полученные от взрыва Тули, еще не затянулись, несмотря на все заверения

Совета Терры, несмотря на довольно мягкие взыскания и не слишком тщательные поиски виноватых. Обвинения продолжали звучать со всех сторон. Некоторые обвиняли Воителя в вероломстве и откровенных преступлениях, другие — говорившие гораздо тише — гадали, не сам ли Император позволил случиться этому инциденту, чтобы крепче прибрать к рукам юпитерианцев. Все мощности их кузниц и так уже были перестроены на военное производство, чтобы остановить распространение мятежа, но многие считали, что это лишь окончательно обескровит Юпитер. Те, кто так рассуждал, задавали и еще один вопрос: как случилось, что Адептус Механикум и Астартес сумели построить корабль такого грандиозного размера, каким была «Яростная бездна», и не привлекли к себе ни малейшего внимания?

Возможно ли, что на Юпитере есть сочувствующие мятежникам? Такое было отмечено на Марсе, и кое-кто утверждал, что к восстанию примкнули даже

некоторые военачальники Терры, управлявшие национальными союзами. Вопросы возникали и множились, но все они были забыты, когда в зал вошел Гергерра Рей.

Эта представительная личность в одеянии лорда-механикума, так же как и его высокий ранг магистра капеканского культа Легио Кибернетика, была известна каждому. Он лично командовал двумя полными когортами боевых механоидов, и во время Великого Крестового Похода они принимали участие во многих знаменательных битвах, сражаясь бок о бок с Лунными Волками Воителя.

Подобно многим другим представителям Кибернетика, Рей избегал бросающейся в глаза аугментации, что было принято среди его коллег-механикумов, но предпочитал незначительные улучшения, которые не искажали его человеческой наружности. Однако те, кто лучше был знаком с Реем, знали, что его наружность весьма обманчива.

По пятам за Реем грациозно шагали

три его телохранителя — роботы класса «Крестоносец». Эти похожие на насекомых машины были расписаны, словно произведения искусства. Они представляли собой облегченный вариант боевого стандарта и были вооружены силовыми рапирами, предусмотрительно убранными в ножны, и лазганами. Четвертая машина, сделанная на заказ в виде женской фигуры и отделанная хромом, двигалась рядом с ним и выступала в качестве помощницы Рея.

Никто не затрагивал вопросов лояльности, когда поблизости появлялся Рей. Его машины были способны уловить шепот даже в реве целой толпы, и тот, кто осмеливался предположить, что Рей не самый преданный слуга Императора, потом сильно жалел о своей неосторожности.

Лорд-механикум взял высокий бокал с безвредным растительным бренди и положил себе несколько сладких цукатов с предлагаемых слугами подносов. Прежде чем отведать что-то, он позволил своей

помощнице деликатно понюхать напиток и закуски, поскольку в голове робота имелся чувствительный сенсорный аппарат, позволяющий улавливать даже малейшие следы любых ядов. Машина в каждом случае отрицательно покачивала головой, и Рей поел и выпил, но ничто из предлагаемых яств не возбудило в нем настоящего аппетита. Затем он обменялся парой фраз с директором театра, но и разговор был простой формальностью. Ни тот ни другой не испытывали желания общаться: Рею было просто не интересно, а директор изнывал от беспокойства, гадая, почему высокопоставленный аристократ решил принять долго отклоняемое приглашение. Тем не менее оба обменялись пустыми фразами ради соблюдения правил приличия.

— Лорд Рей?

Он обернулся. К Рею подошел молодой слуга в униформе Сароса и с озабоченным выражением на лице. Беспокойно поглядывая на «Крестоносцев», он протянул лорд-механикуту карточку, и в этом была

его ошибка. Слуга не дождался ответа, просто подал бумагу без разрешения. Помощница Рея, негромко свистнув гидравликой, шагнула вперед и плавным, но быстрым движением перехватила руку с карточкой и вывернула запястье. Кость со звонким хрустом сломалась, а побледневший слуга пошатнулся от боли. Возможно, он и упал бы, но машина его удержала.

— Что это? — спросил Рей.

— П-послание для вас, сэр, — сквозь стиснутые зубы ответил слуга. Он порывисто вздохнул и поднял на него умоляющий взгляд. — Прошу вас, я только выполнил просьбу леди...

— Леди? — Сердце Рея дрогнуло в груди. — Дай карточку.

Машина-помощница взяла бумагу и поднесла к своим хромированным губам. Удивительно похожим на человеческий языком она лизнула карточку, немного помедлила, затем передала своему господину. Если бы на поверхности имелся контактный токсин, машина сумела бы его нейтрализовать.

Едва сдерживая дрожь в руках, лорд-механикум прочел единственное слово, написанное на белом прямоугольнике плавным летящим почерком: «Приходи». Он перевернул листок и обнаружил схему прохода к апартаментам, предназначенным для артистов.

— Что-то случилось? — озабоченно спросил директор театра.

Рей вложил ему в руку наполовину пустой бокал и вышел. Роботы последовали за ним, а несчастный слуга упал на колени, прижимая к груди искалеченную руку.

Апартаменты располагались тремя уровнями выше, на самой фешенебельной жилой палубе, куда ходили небольшие вагончики пневмокара. Рей не держал здесь для себя комнат и, прилетая с Каллисто, пользовался личным кораблем, но во время предыдущих визитов бывал здесь по делу, а потому хорошо знал дорогу. Присутствие телохранителей исключало всякую возможность нападения из засады, так что он без промедления добрался до

указанной комнаты. На стук его помощницы бесшумная сервосистема открыла дверь.

— Входите, — послышался из глубины мелодичный голос.

Рей сделал шаг — и остановился. Сердце у него стучало, как у легкомысленного юнца при первых признаках влюбленности, но, отдавая себе в этом отчет, Рей все же оставался самим собой. В глубине души он не доверял никому. Его враги уже пытались использовать против него женщин в качестве оружия, и он их похоронил. Может ли быть, что это еще одна попытка? В горле у него пересохло. Рей очень надеялся, что это не так. Странная эфемерная связь между ним и актрисой казалась вполне реальной, и сама только мысль, что это было сделано нарочно, чтобы причинить ему вред, заставляла испытывать сильную боль.

Несколько долгих мгновений он в нерешительности стоял на пороге, размышляя, не лучше ли повернуть назад, сесть в пневмокар, добраться до своего

корабля и больше никогда не возвращаться.

Сомнения раздирали его сердце, но в этот момент голос зазвучал снова:

— Мой лорд?

В ее словах он услышал эхо своих собственных сомнений и страхов.

Помощница первой вошла в комнату, и Рей шагнул следом, но снова остановился. Даже если сейчас ему предстоит великолепный вечер, он не в силах забыть о реалиях своей жизни. Рей обернулся к «Крестоносцам» и произнес короткую цепочку команд. Роботы, немедленно взяв оружие на изготовку, встали на страже у двери в комнату, пригнув украшенные мандибулами головы, чтобы не разбить свисающих с потолка светильников.

Рей вошел в комнату и ошеломленно замер.

В первый момент в голове мелькнула мысль: «Она не умерла!» Но иначе и быть не могло. Ведь это был всего лишь спектакль, хотя и казался ему реальностью. Женщина встала; она до сих пор была в костюме царицы, и сквозь

прозрачную серебристую ткань просвечивала ее мягкая белая кожа. Металлический блеск подчеркивал линию ее скул и очертания миндалевидных темных глаз. Она поклонилась Рею и скромно опустила взгляд.

— Мой господин Рей. Я опасалась, что ты ко мне не придешь. Я лишь надеялась...

— О нет, — пересохшими губами ответил Рей. — Нет. Это великая честь для меня... — Он с трудом улыбнулся. — Моя царица...

Она подняла голову и одарила его сияющей улыбкой.

— Ты будешь меня так называть? Можно, я буду твоей Иокастой?

Она игриво задела рукой за тонкий шелковый занавес, отделявший одну часть апартаментов от другой.

Он не мог противиться влечению и ступил на великолепный белый ковер, устилавший пол вестибюля.

— С радостью, — осипшим голосом произнес Рей.

Женщина — Иокаста — бросила взгляд

на его механоида:

— А она присоединится к нам?

От ее откровенного приглашающего тона Рей ошеломленно моргнул.

— Хм. Нет.

Он повернулся и отрывисто приказал роботу:

— Жди здесь.

Его Иокаста вновь улыбнулась и исчезла за портьерой. Рей с довольной усмешкой начал расстегивать тунику. Оглянувшись напоследок, он заметил еще не распакованный букет роз; он швырнул одежду прямо на цветы и шагнул в спальню.

Иокаста не оплакивала смерть Гергерры Рея.

Царица встретила его в спальне объятиями длинных крепких рук, приникла всем телом, прижалась грудью, словно хотела слиться с ним в одно целое. Лорд-механикум, смущенно улыбаясь, едва не задохнулся от восторга. Он отреагировал отлично. Его безупречная новая любовь к Иокасте — потому что иначе это чувство

и нельзя было назвать, хотя оно возникло в результате точно рассчитанной нейрохимической реакции — стала конечным результатом крайне осторожного воздействия феромонов, длившегося несколько недель. На протяжении некоторого времени Рей получал крохотные дозы аналогов метадопамина и серотонина в такой слабой концентрации, что их не могли обнаружить даже сверхчувствительные сенсоры его неизменной механической спутницы. Накапливающиеся вещества привели его в состояние напряженного ожидания, и для того чтобы ловушка захлопнулась, требовалось лишь изучить его физиологический темперамент и предпочтения в выборе женщин.

Иокаста притянула голову Рея к своему лицу и прижалась губами к его губам. Он задрожал и покорился ее натиску. Все оказалось очень просто.

Гергерра Рей был причастен к созданию «Яростной бездны». Не настолько явно, чтобы это можно было доказать в официальном суде, но достаточно, чтобы в

этом были уверены хранители Империума. Его преступление заключалось в передаче взяток, переброске потоков материалов и рабочей силы, предоставлении первоочередного прохода тем кораблям, которые не имели на это права. Всего этого хватило бы, чтобы обвинить лорд-механикума Капекана в содействии предателю Хорусу Луперкалю.

Миниатюрное оружие, скрытое под языком Иокасты, продвинулось вперед и остановилось между сжатыми зубами. Для выстрела «Смертельного поцелуя» потребовалось только лизнуть пусковой триггер. Снаряд размером не больше иголки пронзил свод ротовой полости Рея и разлетелся во все стороны множеством нитей толщиной в одну молекулу. Эти обрывки распространились в мягких тканях носовой полости и проникли в передний мозг, разрушая все, к чему прикасались. Рей дернулся и рухнул на кровать; изо рта и носа потекли тонкие струйки смешанного с кровью мозга. Рей забился на постели, комкая шелковые простыни, а над ним нависло лицо

актрисы, которую он так страстно полюбил.

Его убийца не стал медлить и сбросил личину мертвой женщины, не дожидаясь, пока труп начнет остывать.

Тело стало едва заметно меняться, и лицо Иокасты утрачивало характерные черты, словно превращаясь в черновой набросок. Убийца выплюнул «Смертельный поцелуй» и разрядил его, затем провел острыми ногтями по внутренней стороне мускулистого бедра. Разошедшийся шов на коже открыл потайную полость, из которой ловкие пальцы извлекли бобину и маленький приборчик. Киллер слегка встряхнул этот предмет и положил рядом с шелковой портьерой. Рей умер тихо, но его машина-помощница была достаточно умна, чтобы каждые несколько секунд проводить пассивное сканирование сердечных ритмов. И если она обнаружит один источник вместо двух...

Бобина развернулась в полосу тонкого металла длиной около метра, и после окончательного формирования вещество приобрело твердость. Это оружие было

известно как помнящий меч, и сплав, из которого оно было изготовлено, мог становиться мягким или твердым, реагируя на прикосновения к контрольной точке.

Койну очень нравился помнящий меч, его неощутимый вес и еще больше то, что им можно было сделать. Резким движением клинка он рассек шелковый полог, и это движение привлекло внимание механоида, но недостаточно быстро. Койн вонзил меч в хромированную грудь робота и пробил броню, закрывающую биокортикальный модуль, который служил мозгом. Раздался негромкий скрип, и механоид превратился в неподвижную статую.

Койн оставил меч в груди машины, а сам замер, готовясь к следующему превращению. Он изучил Гергерру Рея ничуть не хуже, чем актрису, игравшую роль царицы Иокасты, и мог довольно легко принять его облик. Каллидус презирал термин «имитирование». Это слишком примитивное слово, чтобы передать всю полноту перевоплощения

каллидуса в требуемый объект. Имитировать — значит подражать кому-то, то есть притворяться. Койн перерождался полностью. Он вживался в требуемый образ, даже если это требовалось сделать на короткое время.

Каллидус был скульптором, который лепил самого себя. Биоимплантаты и сильные дозы полиморфинов делали кожу, мышцы и кости мягкими и податливыми. Те, кто не мог контролировать предоставляемую ими свободу перевоплощения, превращались в монстров, подобных оплывшим восковым фигурам, и становились бесполезными грудами плоти и внутренних органов. Но те, кто, подобно Койну, обладал даром личности, могли превращаться в кого угодно.

Койн сосредоточился и вернулся к своей начальной форме — серому безликому существу, без каких-либо отличительных признаков. Койн не помнил своего пола, эта информация была для него не важна, ведь он мог в любой момент стать мужчиной или женщиной, молодым или старым, даже ксеносом, стоило только захотеть.

И вот тогда он заметил цветы, доставленные курьером незадолго до прихода Рея. Ассасин повертел в руках букет, присмотрелся к оттенку роз и сосчитал число лепестков. На его лице появилось нечто вроде недовольства. Койн подошел к вокс-аппарату, установленному на дальней стене, и набрал комбинацию цифр, заданную искусно подобранным букетом.

Отклик пришел почти мгновенно, что означало близость корабля.

— Койн? — окликнул его грубоватый мужской голос.

— Вы нарушаете мое прикрытие, — ответил коллидус, мгновенно скопировав тональность.

— Мы здесь, чтобы помочь тебе как можно скорее завершить миссию. Поступил новый приказ.

— Я не имею представления, кто вы такие и какие вы себе присвоили полномочия. Но вы вмешиваетесь в мою работу и ставите под угрозу всю операцию. — Койн поморщился. На его лице эта гримаса выглядела отвратительно. —

Мне не нужно от вас никакой помощи. Больше не мешайте работать.

Каллидус отключил связь и отвернулся. Это совершенно непрофессиональный поступок. В круге известно, что полученное ассасином прикрытие можно нарушить только в исключительном случае, но не ради чьей-то спешки.

Койн сел и сосредоточился на Гергерре Рее, на его голосе, на его походке, на общем облике этого человека. Его кожа сморщилась и стала толще, имплантанты медленно увеличились в объеме, придавая телу дополнительную массивность. Ассасин изменялся с каждым проходящим мгновением. Но задача не была еще выполнена, когда в комнату ворвались три готовых к бою «Крестоносца».

Келл уставился на стоявший перед ним вокс-передатчик.

— Ну вот, — пробормотал он. — Это невежливо.

— Высокомерие — отличительная

черта характера многих членов круга Каллидус, — сообщила ему Йота.

Гарантин посмотрел на него с противоположного конца тесной рубки «Ультио».

— И что мы теперь будем делать? Пойдем разведемся? Устроим товарищеский ужин? — Огромный киллер сердито заворчал. — Доставьте меня на станцию, и я принесу вам этого мерзавца по частям.

Прежде чем Келл успел ответить, замигал контрольный датчик одного из пультов. Тариил окинул взглядом неполитические экраны над своим браслетом и помрачнел.

— Корабельная система засекла активацию силового оружия поблизости от того места, где находится Койн. — Он посмотрел вверх, потом в иллюминатор, за которым громоздилась станция Сарос. — Каллидусу может грозить опасность.

— Надо помочь, — предложила Йота.

— Койн отказался от нашей помощи, — возразил Келл. — И очень недвусмысленно это выразил.

Тариил показал на дисплей:

— Аусник магносканера выявил присутствие в указанном секторе множества механических единиц. Это военные роботы, виндикар. Если каллидуса загонят в угол...

Келл поднял руку, требуя тишины.

— Магистр ассасинов не зря его выбрал. Давайте будем считать этот инцидент проверкой его способностей, ладно? Посмотрим, на что способен этот Койн.

Койн добрался до огороженной аллеи за пределами апартаментов с минимальными потерями. Каллидус сумел забрать помнящий меч из трупа механоида и успел, хотя и слишком поздно, убедиться, что внутри машины имелся безотказный запасной биокортекс, который и послал сигнал тревоги остальным телохранителям Рея. Койн не сомневался, что с корабля лорд-механикума на его поиски направлены и другие роботы, поднятые по тревоге после того, как был установлен факт смерти их хозяина.

Программа этих машин предельно проста — найти и уничтожить убийцу Гергерры Рея.

Если бы только у него было чуть больше времени. Если бы Койн успел завершить перевоплощение в Рея, он мог бы достаточно долго обманывать эти машины, чтобы добраться до точки эвакуации и покинуть опасную зону. А через несколько дней Рея и актрису обнаружили бы вместе с подготовленными Койном неоспоримыми свидетельствами двойного самоубийства обреченных любовников. Вся сцена была срежиссирована с тем оттенком театральности, которая пришлась бы по вкусу завсегдатаям станции Сарос.

Однако теперь все планы пошли насмарку. Койн, прихрамывая, побежал по аллее, стараясь не обращать внимания на боль от скользящего удара боевого лазера. Каллидус, захваченный в момент перевоплощения, имел вид незаконченной модели из серовато-розовой глины, нечто среднее между его нейтральной наружностью и обликом лорда-

механикума.

Навстречу ему попалась группа праздных прохожих, и Койн, смешавшись с толпой, сосредоточил внимание на ближайшем парне, прикидывая его наружность на себя. Он уже слышал тяжелую поступь высоченных роботов, пущенных в погоню, и их отрывистые переговоры в бинарном коде.

Группа людей тоже заметила преследователей, и общее оживление мгновенно сменилось замешательством. Койн протолкался в центр и все свои силы направил на то, чтобы приобрести наружность одного из гуляк или хотя бы просто изменить внешность.

Роботы встали стеной, блокируя выход из аллеи. Они подняли оружие, и фасетчатые глаза сенсорных модулей неторопливо сканировали толпу. Прохожие, осознав надвигающуюся опасность, окончательно утратили остатки хорошего настроения.

Койн знал, что последует дальше; это неизбежно, но даже кратковременная задержка даст ему выигрыш во времени.

Каллидус вызвал в памяти план местности, обнаружил боковой проход, ведущий к обзорному куполу, и стал протискиваться в ту сторону.

В этот момент машины открыли огонь. Они не сумели идентифицировать цель в группе людей, но, уверенные, что убийца их хозяина находится среди них, приняли логическое решение: убить всех, чтобы не осталось никаких сомнений.

Лазерные лучи прорезали воздух, и люди, крича от ужаса и боли, стали падать на землю, а Койн пустился бегом. Ассасин прыгнул в узкий проход и помчался по нему, направляясь к куполу. Отблески колоссального юпитерианского шторма проникали через гигантскую прозрачную полусферу и заливали все вокруг багровым сиянием.

Опять все упирается в вопрос времени. Его слишком мало. Каллидус сосредоточился, вызвал рвотный спазм и из второго желудка срыгнул пакет с белым рыхлым материалом. Дрожащими руками он разорвал оболочку, чтобы обеспечить доступ воздуха к веществу. Содержимое

пакета быстро потемнело и загустело до пластичности, и тогда ассасин прилепил комок к прозрачному куполу.

Роботы еще не подошли, но стрельба уже прекратилась, и «Крестоносцы» двигались по коридору. Койн уже видел их тени, пляшущие на изогнутых стенах.

Каллидус уселся посреди комнаты и свернулся в позе зародыша. Он забыл лицо прохожего, забыл Рея и актрису и вспомнил нечто древнее. Койн позволил полиморфину размягчить его плоть до состояния мягкого воска, позволил ей оплывать и твердеть, пока не получилось нечто напоминающее покрытое хитином насекомое. Весь воздух был вытеснен из тела, внутренние органы спрессовались в тугой комок. Затем тело превратилось в массу темной плоти; но времени опять не хватало.

Манипула «Крестоносцев» появилась под обзорным куполом как раз в тот момент, когда в комке термореактивной плазмы закончился процесс насыщения кислородом и произошел взрыв. Купол мгновенно разнесло на части, и все, что

находилось внутри, вылетело в открытый космос. Аварийные задвижки быстро прекратили утечку, но телохранителей Рея выбросило наружу. Тело Койна, заключенное в кокон из собственной кожи, вместе с ними унеслось в темноту.

Находящийся поблизости «Ультио» спустился ниже.

Глава 7
ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СТАРАЯ РАНА ЦЕЛЬ

Йозеф Сабрат чувствовал себя не в своей тарелке.

На площади аудиенц-зала вполне могли разместиться три его дома, а украшения стоили не меньше, чем все дома в его квартале, вместе взятые. Здесь разместилась целая галерея произведений искусства и предметов роскоши со всех уголков южной части сегмента Ультима: неброские голограммы свидетельствовали о том, что скульптуры привезены с Дельты Тао и Павониса, гобелены и вышивки — с Ультрамара, произведения искусства — из колоний в Восточных Окраинах. Рядом с ними экспонировались изумительные пикты в золотых и серебряных рамах, стеклянные и золотые,

стальные и бронзовые статуэтки. Содержимое только одного этого зала могло затмить самые роскошные коллекции любого из музеев Честы Веракрукс.

Йозеф вспомнил о домашнем мире и инстинктивно поднял взгляд к овальному окну над головой. Планета плыла в торжественном безмолвии, и в рассветной кайме уже проступили зеленовато-голубые полосы океанов вблизи экватора. Но даже любуясь этой красотой, он не мог избавиться от ощущения колоссальной тяжести, словно мир мог упасть и раздавить его в любой момент, стоит лишь немного ослабить внимание. Он отвел взгляд от окна и посмотрел на стоявшего рядом Дайга. На лице второго смотрителя возникло виноватое выражение.

— Что мы здесь делаем? — негромко спросил он. — Посмотри на этот зал. Одни только светильники стоят больше годового жалованья губернатора. Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким ничтожным.

— Я тебя понимаю, — заверил его Йозеф. — Ты просто молчи и в нужных местах кивай.

— И не высовывайся, ты это хотел сказать?

— Что-то вроде того.

В нескольких метрах от них Гиссос неслышно бормотал что-то в пустоту; по всей видимости, у оперативника консорциума имелся какой-то имплантированный коммуникатор, позволявший передавать по воксу мысленные сообщения с такой же легкостью, с какой егеря Защиты пользовались беспроводной связью. Это Йозеф понял еще в тот момент, когда элегантный, похожий на лебедя орбитальный шаттл консорциума с поразительной точностью приземлился во дворе участка, так что даже не задел окружавшие здание деревья. То, что богатство клана Эврот явно позволяло барону покупать все самое лучшее, не вызывало сомнений. Но запущенный вид территории, которую они видели всего

день назад, этому как-то не соответствовал. Йозеф на мгновение задумался над этим обстоятельством и мысленно пообещал себе заняться этим фактом немного позднее.

Шаттл быстро перенес их на высокую орбиту, где темнел овальный силуэт «Цубара», флагмана флотилии «Эврот» и космического дворца возглавляющего эту организацию вольного торговца. Вокруг «Цубара», словно придворные дамы вокруг королевы, расположились корабли меньшего размера, но небольшими они казались только по сравнению с громадным флагманом. Йозеф не мог не отметить, что суда сопровождения по грузоподъемности могли сравниться с самыми большими крейсерами йестанских Сил Планетарной Обороны.

Псайкер Перриг осталась на поверхности Йесты и потребовала, чтобы ее допустили на винодельню «Бласко» для сбора ощущений. Эта женщина, как объяснил Гиссос, была способна восстанавливать прошлые события,

прикасаясь руками к определенным объектам, и он надеялся, что она сумеет отыскать телепатический след Эрно Сигга. Сопровождать ее выпало на долю Скелты, и на его лице застыло отчетливое выражение тихой паники. Да и сам смотритель удивлялся, что сверхъестественные способности Перриг ничуть не тревожат Гиссоса. Оперативник говорил о ней точно так же, как Йозеф и Дайг могли бы обсуждать своих коллег и их умение работать на месте преступления — как об обычном напарнике, только обладающем уникальным талантом.

Едва прибыв на планету — и отклонив любые попытки вмешательства со стороны Лаймнера, — Гиссос полностью погрузился в расследование и поглощал любые крохи информации, которые только мог добыть. Йозеф был уверен, что оперативник заранее получил все возможные сведения, доступные служащим консорциума. Откуда еще он узнал бы имена всех присутствующих в участке, если не от Гороспи и ее подчиненных? Но

оперативник все еще продолжал составлять свое собственное представление о ситуации.

Дайг воспользовался комнатой дежурных, чтобы несколько часов поспать, а Йозеф, заразившись спокойной целеустремленностью Гиссоса, провел все это время с ним, снова и снова воспроизводя свои мысли и впечатления. Оперативник без какой бы то ни было рисовки время от времени задавал проницательные вопросы, заставляя смотрителя заново обдумывать все свидетельские показания и гипотезы, и Йозеф начал испытывать к нему симпатию. Ему нравились простота и прямота Гиссоса... И то, что он с первого взгляда определил сущность Берта Лайтнера.

— За всем этим скрывается нечто большее, — сказал Гиссос после очередной чашки горячего рекафа. — Чтобы Сигг убивал и так издевался над трупами... Здесь что-то не сходится.

Йозеф согласился. А потом пришло сообщение от дежурного члена экипажа. Прибыл войд-барон, и вскоре ожидали

губернатора. Как правило, визит такого высокопоставленного лица, как барон Эврот, стал бы важным событием, праздником для всех йестанских торговцев и финансовых воротил, развлечением для рабочих и обывателей, но в данном случае на подготовку не осталось времени. В тот самый момент, когда шаттл увозил их на встречу с Эвротом, правительство города в спешке занималось организацией приветственной церемонии, словно желая показать, что с нетерпением ожидало подобного события.

Лайтнер сделал еще одну попытку попасть на борт шаттла. Он заверял, что должен проинформировать барона по приказу Телемах и не может позволить, чтобы это сделал офицер низшего ранга. Во время этой тирады он кинул язвительный взгляд на Йозефа. А смотритель был почти уверен, что Телемах и понятия не имела ни о рейсе шаттла, ни о поступившем от барона вызове. Скорее всего, она была слишком занята подготовкой встречи вместе с лорд-маршалом и ландграфом. Однако

Гиссос и на этот раз решительно пресек попытку старшины смотрителей и оставил его на земле, увозя на орбиту двух простых дознавателей.

Недолгая поездка произвела на Дайга неизгладимое впечатление. Это был его первый опыт в космических путешествиях, и обычное мрачное выражение лица сменилось стоическим ужасом.

Гиссос жестом пригласил их в дальний конец широкой галереи, где перед высоким арочным проемом были установлены помост и несколько кресел. Проем занимало резное панно из красного долантианского нефрита, на котором были изображены космические купцы, странствующие среди звезд по своим торговым делам и распространяющие свет Империума. В центре возвышалась величественная резная статуя Императора Человечества. Он слегка наклонился вперед и протянул перед собой руку с повернутой вниз ладонью. Перед ним на коленях стоял человек в одеянии главы вольных торговцев, он держал перед собой открытую книгу.

При виде великолепного произведения искусства Дайг тихо ахнул:

— Кто... кто это?

— Первый из клана Эврот, — ответил Гиссос. — Много веков назад этот отважный и преданный человек командовал военным кораблем на службе Императору. В знак благодарности за его труды Император пожаловал ему право свободно передвигаться в космосе и сделал вольным торговцем.

— А книга? — показал рукой Дайг. — Что он делает с этой книгой?

Йозеф присмотрелся внимательнее и понял, о чем спрашивает Дайг. На картине отчетливо просматривалась деталь, которая не могла быть ничем другим, как раной на опущенной ладони Императора, и капля крови — единственный во всем панно ограненный рубин — падала на страницу открытой книги.

— А это «Патент на торговлю», — раздался за их спинами новый голос, заглушивший приближающиеся шаги.

Обернувшись, Йозеф увидел высокомерного, похожего на хищную птицу

человека, одетого в костюм такого же покроя, как и купец на панно. Группа охранников и помощников следовала за ним, не отставая ни на шаг, но человек, казалось, не обращал на них ни малейшего внимания.

— Каперское свидетельство, гарантирующее моему клану возможность свободно перемещаться в космосе во имя Человечества. Наш великий повелитель засвидетельствовал это право каплей своей крови на странице документа. — Он широким жестом обвел галерею. — Мы храним документ на корабле и передаем из поколения в поколение.

Дайг оглянулся с таким выражением, словно рассчитывал увидеть всю эту сцену воочию, но затем по его лицу пробежала тень разочарования, а губы сжались в тонкую линию.

— Мой лорд. — Гиссос почтительно поклонился, и смотрители, хотя и с запозданием, последовали его примеру. — Джентльмены. Позвольте мне представить его светлость Мерриксуна Эврота, войд-барона Нарваджи, агента-

нунция Таэбианского сектора и главу консорциума «Эврот»...

— Хватит, хватит, — махнул рукой барон, призывая его помолчать. — Я еще тысячу раз буду выслушивать все это, как только спущусь на поверхность. Давайте покончим с формальностями и перейдем к делу. — Прежде чем продолжить, барон окинул Йозефа и Дайга пристальным, испытующим взглядом. — Джентльмены, я намерен предельно откровенно высказать свои пожелания. Ситуация на Йесте Веракрукс сложилась весьма сложная, как, впрочем, и на многих других планетах среди звезд Таэбиана. Надвигается буря. Это война, рожденная мятежом, и когда она обрушится на эти планеты, повсюду будут царить огонь и смерть. Этого не миновать. — Он моргнул и замолчал. На его лице промелькнуло странное выражение, но барон вздохнул и подавил эмоции. — Эти... убийства. Они преследуют одну цель: усилить напряженность и страх, и так уже распространившиеся среди местного населения. Испуганных людей легче

склонить к мятежам, а это плохо для стабильности. И плохо для бизнеса.

Йозеф в знак согласия медленно кивнул. Похоже, что вольный торговец лучше разбирается в ситуации, чем командиры смотрителей. А затем внезапно возникла неожиданная и ужасная мысль: неужели то же самое творится на других планетах? Не видел ли барон Эврот чего-то подобного в других мирах Таэбианского сектора?

— Я хочу, чтобы убийца был найден и привлечен к ответу, — потребовал барон Эврот. — Это очень важное дело, джентльмены. Если вы справитесь с ним, вы покажете людям, что мы... что Империум... все еще полон сил. Если потерпите неудачу, вы тем самым откроете путь анархии. — Он повернулся, чтобы уйти. — Гиссос предоставит вам все необходимое для работы.

— Сэр? — Дайг шагнул вперед. — Господин... барон?

Эврот остановился. Обернувшись, он вопросительно приподнял одну бровь.

— У вас есть вопросы?

— Почему вас это тревожит? — выпалил Дайг. — Я хотел сказать, какое вам дело до Йесты Веракрукс?

Взгляд барона на мгновение вспыхнул раздражением, и Йозеф услышал, как Гиссос резко втянул воздух.

— А вам известно, что Дагонет на грани падения? — Дайг кивнул, и барон продолжил: — И не только Дагонет. Келса Секундус. Боуман. Новая Митата. Все погрузилось во тьму. — Взгляды Эврота и Йозефа скрестились, и барон показался смотрителю очень старым и усталым. — Эрно Сигг был одним из моих людей. Я несу некоторую ответственность за его поведение. Но дело не только в этом. Совсем нет. — Йозефу показалось, что взгляд вольного торговца пригвоздил его к полу. — Мы здесь одни, джентльмены. Одни против бури.

— Император защитит, — негромко произнес Дайг.

Эврот бросил на него загадочный взгляд.

— Да, мне тоже так говорили, — проговорил он и ушел.

Аудиенция закончилась, а в голове Йозефа вопросов было гораздо больше, чем ответов.

Первое, что поразило фона Тариила после того, как открылась задвижка люка флайера, это буйство запахов. В пассажирский отсек хлынули крепкие пьянящие цветочные ароматы, настоянные в теплом воздухе. Он на мгновение зажмурился, ослепленный дневным светом, и неуверенными шагами последовал за Келлом из корабля в... неизвестно куда.

В отличие от эверсоров, не побоявшихся раскрыть местонахождение одной из своих терранских баз, представители круга Вененум недвусмысленно дали понять, что не позволят членам карательного отряда самостоятельно прибыть в их владения. Сиресса круга выразилась более определенно: в комплекс будут допущены только двое членов группы, и оба должны оставить на корабле свое оружие и снаряжение.

Тариил мало-помалу уже начал

узнавать характер Келла и теперь ясно видел, насколько неловко чувствует себя виндикар, лишившись винтовки. Инфоцит искренне сочувствовал снайперу; он и сам был вынужден оставить на борту «Ультио» браслет-когитатор и время от времени неосознанно потирал пальцами запястье.

Полет на флайере круга Вененум, лишенном всяких опознавательных знаков, не дал им ни малейшей информации относительно расположения комплекса, называемого «Питомник». В пассажирском отсеке не было ни одного иллюминатора, и даже направление полета осталось неизвестным. Тариил с огорчением обнаружил, что отключился даже его имплантированный хронометр и магнитокомпас, и, только выйдя из флайера, ощутил легкое головокружение, свидетельствующее о том, что приборы вновь заработали.

Тариил огляделся по сторонам. Они спустились на взлетно-посадочную площадку, оборудованную на крыше широкой металлической пирамиды, почти

скрытой под кронами высоких деревьев с плотными листьями, блестевшими, словно темный нефрит. Запахи джунглей усилились, и сенсорные процессоры обоняния в его черепе заработали на полную мощность, стараясь справиться с потоком ощущений. Тариил подозревал, что они приземлились где-то в гуще джунглей Мериканского континента, но это было лишь предположение. Точные сведения были им недоступны.

Из люка на краю площадки показался человек в бледно-зеленом кимоно и полумаске; он кивнул и жестом пригласил их следовать за ним. Тариил с удовольствием уступил Келлу дорогу, и все трое стали спускаться по лесенке. Ниже уровня крон дневной свет проникал лишь желтоватыми копьями, в которых в сложном танце кружились пылинки и летающие насекомые.

На уровне земли перед ними развернулась тропинка, выложенная округлыми серыми камнями, и мужчина в кимоно уверенно зашагал по ней, не глядя по сторонам. Тариил держался более

осторожно, его взгляд был прикован к дороге, но порой инфоцит замечал яркие разноцветные растения, занимавшие каждый квадратный фут земли. Между ними двигались небольшие механические приспособления. То, что он с первого взгляда принял за дикий лес, на самом деле оказалось старательно возделываемым садом. Роботы ухаживали за растениями и кое-где собирали урожай.

Тариил остановился, привлеченный незнакомым ему удивительным веретенообразным цветком, растущим прямо из коры высокого дерева. Он наклонился ближе.

— Я бы на твоем месте не делал этого, ванус.

Человек в кимоно положил руку ему на плечо и вынудил отойти назад. Прежде чем Тариил успел спросить, в чем дело, мужчина издал губами странный щелкающий звук, и цветок, выпустив длинные ноги, проворно поднялся вверх по стволу.

— Паук-подражатель с Беты Комеи Три. Эти существа прекрасно

приспособились к климату Терры. Их яд вызывает у людей тяжелую форму геморрагической лихорадки.

Тариил вздрогнул и прищурился. Он еще раз огляделся по сторонам и вызвал из блока памяти сведения о растительной классификации. Перечник, паслен и олеандр; цибера одоллатская, наперстянка и паслен лжеперечный; болиголов, шпорник и десятки других, но все обладают своими собственными ядовитыми свойствами в той или иной форме. С этого момента он держал руки прижатыми к бокам и ни на шаг не отклонялся от тропинки, пока она не вывела их на полянку, хотя это слово было здесь не совсем уместно, поскольку все пространство занимали низкие кустарники и лианы. В центре возвышался старинный дом, построенный не менее тысячи лет назад, и щупальца джунглей давно завладели каждым его выступом. Тариил невольно отметил, что подобная маскировка отлично сбивает с толку любые сканеры орбитальных систем.

— Не совсем то, чего я ожидал, — пробормотал Келл, подходя вслед за

человеком в кимоно к увитой плющом двери.

— На первый взгляд это похоже на пасторский домик, — сказал инфоцит. — Я могу только догадываться о его возрасте. Джунгли уже полностью его захватили.

Тариил ожидал и внутри увидеть тот же хаос, что и снаружи, но ошибся. Внутреннее пространство дома оказалось надежно изолированным от всех проявлений стихий и природы, и все подчинялось строгому порядку. Только неяркий и рассеянный свет, пробивающийся сквозь окна, напоминал о том, что творилось снаружи. Вануса и виндикара проводили в вестибюль, где их ожидал сервитор с сенсорным прибором в виде продолговатой луковицы, которым он просканировал обоих гостей, анализируя все выделения вплоть до пота и выдыхаемого воздуха на наличие малейших следов внешних токсинов. Человек в кимоно пояснил, что эта процедура необходима для поддержания в помещении питомника баланса ядов.

Из вестибюля они перешли в

помещение, ранее служившее гостиной. Вдоль стен ряд за рядом стояли бесчисленные клетки с открывающимися передними стенками из стеклиста. Едва увидев всевозможных ядовитых рептилий, насекомых и змей, содержащихся в привычных для них условиях, Тариил почувствовал, как по спине побежали мурашки. Инфоцит немедленно прошел в центр комнаты, стараясь держаться как можно дальше от клеток.

В поле зрения Тариила попало существо со странным переливающимся панцирем, летавшее в одной из ячеек. Вид радужного хитина привлек его внимание и кое о чем напомнил. Точно так же выглядел и каллидус, когда они подобрали его на орбите над Юпитером. Ассасин-оборотень спасся от преследования довольно эксцентричным способом: чтобы выжить в вакууме открытого космоса, он превратился в деформированное существо, похожее на зародыш, а его кожа приобрела вид и свойства то ли кости, то ли зубной ткани. Тариил вспомнил неприятное ощущение, когда он прикоснулся к этому

покрову, и невольно вздрогнул.

Он оглянулся на Келла:

— Как ты думаешь, каллидус выживет?

— Этого парня не так-то легко уморить, — сухо ответил виндикар. — Он слишком высокомерен, чтобы погибнуть таким примитивным способом.

— Вряд ли можно назвать его парнем, — покачав головой, заметил Тариил. — Койн не мужчина и не женщина. — Он нахмурился. — Во всяком случае, в настоящий момент.

— Корабль вылечит... его. А когда к нам присоединится еще и отравитель, наш карательный отряд будет в полном составе...

Келл внезапно умолк.

Тариил догадывался, что они со снайпером подумали об одном и том же: «А что потом?» Скоро они получат ответ на вопрос о предстоящей цели, и этот ответ очень тревожил вануса.

Это мог быть только...

Его размышления были прерваны возвращением человека в кимоно, которого

сопровождала еще одна личность. Уже по походке Тариил определил, что это женщина. Молодая, стройная женщина, примерно одного с ним возраста.

— По приказу директора-примаса нашего круга и магистра ассасинов, — объявил человек в кимоно, — в ваше распоряжение поступает затворница Соалм, первоклассный специалист по ядам.

Женщина подняла голову и пристально взглянула на виндикара. Келл не сдержал изумления.

— Дженникер?! — воскликнул он.

Женщина напряженно выпрямилась.

— Я принимаю это задание, — решительно произнесла она.

— Нет, — резко возразил Келл, изумление которого сменилось гневом. — Ты не подходишь! — Он повернулся к человеку в кимоно: — Она не подходит!

Человек склонил голову набок:

— Выбор сделан лично сиреccой Вененум. Ошибки быть не может, и не ваше дело ставить какие-то условия.

Тариил потрясенно наблюдал, как расчетливый и сдержанный Келл

продемонстрировал неуправляемую ярость.

— Я командую этой миссией! — заорал он. — Немедленно приведите другого затворника!

— Ты сомневаешься в моей квалификации? — язвительно осведомилась женщина. — Могу поспорить, что никого лучше ты не найдешь.

— Я не хочу, чтобы она участвовала в этом, — отрезал Келл, даже не глядя в сторону Соалм. — Этого вполне достаточно!

— Боюсь, что нет, — возразил мужчина в кимоно. — Как я уже говорил, вы не вправе ставить под сомнение решение сирессы. Ее выбор пал на Соалм, и альтернативы быть не может. — Он указал на дверь. — Теперь вы можете уйти.

Не говоря больше ни слова, мужчина покинул комнату.

— Соалм? — прошипел Келл, не скрывая злости. — Так я должен теперь тебя называть?

До Тариила только что дошло, что этих двоих связывают общие и не слишком

приятные воспоминания. Он обратился к блоку памяти, выискивая все, что смог узнать об Эристиде Келле с начала миссии. Кем они были — друзьями, любовниками? Они приблизительно одного возраста, так что вполне могли учиться в одной школе до того, как каждый попал в свой круг для дальнейших тренировок...

— Я взяла себе имя моей наставницы, — звенящим от напряжения голосом пояснила женщина. — Вступив в круг, я начала новую жизнь, и смена имени была правильным шагом.

Тариил внутренне кивнул. Многие из сирот, избранные Официо Ассасинорум для вступления в круги, не могли назвать своего настоящего имени, и тогда они часто брали имена своих покровителей и учителей.

— Но этим ты обесчестила свою семью! — заявил Келл.

Вызывающее выражение на мгновение исчезло с лица женщины, сменившись печалью и сожалением, и Тариил внезапно увидел сходство.

— Нет, Эристид, — спокойно сказала

женщина. — Это сделал ты, когда предпочел убивать невинных во имя тщения. Но наши отец и мать мертвы, и никакие потоки крови не смогут этого изменить.

Она оставила Келла и остолбеневшего Тариила и вышла в напоенные ароматами джунгли.

— Она твоя сестра, — выпалил Тариил, не в силах молчать, когда в его памяти всплыл целый блок информации. — Эристид и Дженникер Келл, сын и дочь наместника герцогства Такстед Аргуса Келла, осиротевшие после гибели родителей в локальном военном конфликте...

Виндикар бросил в его сторону убийственный взгляд, так что Тариил отшатнулся назад, к клетке, полной скорпионов.

— Попробуй заговорить об этом с остальными, и я вытряхну из тебя душу, понятно?

Тариил коротко кивнул, непроизвольно пытаясь прикрыться руками.

— Но миссия...

— Она будет делать то, что я прикажу, — сказал Келл, слегка остыв.

— Ты уверен?

— Она будет выполнять приказы. Так же, как и я.

Келл отступил на шаг, и во взгляде виндикара Тариил заметил пустоту и неуверенность, в точности как и во взгляде его сестры.

Одна из палуб «Цубара» была заполнена когитаторами, мурлыкающими, словно сытые коты, и прогиторы сновали между ними взад и вперед с кристаллиновыми стержнями памяти и катушками оптоволокна. По словам Гиссоса, эти устройства предназначались для сбора и обработки сведений финансового характера, поступающих из различных миров, включенных в маршруты кораблей консорциума «Эврот». С учетом этих данных составлялись прогнозы о вероятных потребностях в различных товарах на месяцы, годы и десятилетия вперед.

— А что мы будем делать с этими машинами? — спросил Дайг.

Он до сих пор не мог смириться с мыслью, что некоторые устройства способны выполнить работу лучше, чем люди.

Гиссос указал на один из когитаторов:

— Мне позволили воспользоваться этим модулем. Через него проходит вся информация беспроводной сети Шесты Веракрукс.

Йозеф ощутил укол непонятного ему самому беспокойства:

— Вы можете получать все сообщения прямо отсюда?

Оперативник кивнул:

— Из-за несовместимости систем обработка полного потока информации занимает немало времени, но мы можем немного ускорить процесс. Надо лишь проконтролировать поступление отдельных потоков и сравнить информацию о подозреваемом с данными о его известных связях и так далее.

— На земле этим занимаются наши

егеря, — заметил Дайг. — Человеческие глаза и уши всегда были лучшими источниками сведений.

— Я совершенно согласен, — подтвердил Гиссос. — Но эти машины помогут сузить область поисков. За несколько часов они способны выполнить объем работы, на который людям вашего участка потребуются целые недели.

Дайг ничего не сказал, но Йозеф видел, что слова оперативника его не убедили.

— Мы будем затягивать петлю, — продолжал оперативник. — Помните мои слова, Сиггу не удастся ускользнуть из сети во второй раз.

Йозеф взглянул в его лицо, ожидая хотя бы намека на обвинение, но ничего не последовало. И все же он испытывал беспокойство и не собирался об этом молчать.

— Если только допустить, что Сигг и есть убийца.

Он вспомнил лицо человека в бочарной мастерской и свою уверенность, когда он прочел в нем отчаяние и страх.

Сигг был больше похож на жертву.

Гиссос внимательно за ним наблюдал.

— У тебя есть что-нибудь еще, смотритель Сабрат?

— Нет.

Йозеф отвел взгляд и взглянул на Дайга, сохранявшего непроницаемое выражение лица. Его беспокойство было вызвано не Сиггом. Йозеф припомнил все слова, сказанные тем человеком на винодельне, и некоторые изменения в поведении напарника. Дайг что-то скрывал от него, но он не мог придумать, как это выяснить.

— Нет, — повторил он. — Пока ничего.

Место, называемое «исходной зоной», пока мало чем отличалось от переоборудованного складского отсека, и Йота не понимала, зачем надо было менять название. «Ультио» был странным кораблем, она все еще пыталась его изучить, но наталкивалась на его сопротивление. Судно явно выдавало себя за нечто другое и было напичкано новейшими технологиями и секретами, да и цель

маршрута пока терялась в темноте. Они очень похожи между собой, решила Алексус, могли бы быть родственниками.

Разум, живущий в корабле, реагировал, когда она к нему обращалась, и отвечал на некоторые вопросы, но не на все. Со временем эти повторяющиеся разговоры наскучили ей, и Йота попыталась найти другие способы себя развлечь. Чтобы испытать свои способности передвигаться незаметно, она начала исследовать самые потаенные уголки на борту корабля, а потом проникла в медицинский отсек, чтобы понаблюдать за терапевтической капсулой, внутри которой проходил лечение Каллидус. Когда Йота не занималась исследованиями и не медитировала, она проводила время, охотясь за пауками, которые прятались в темных уголках. Она ловила их и сажала в банку, позаимствованную в корабельной столовой. Но ее попытки создать из них хотя бы зачаточное общество до сих пор успехом не увенчались.

Она заметила еще одно насекомое в

тени консоли, ловко изловила его, а потом с жестокостью, рожденной скукой, стала отрывать лапы одну за другой, чтобы проверить, может ли паук передвигаться без них.

В каюту вошел Келл; он был последним из членов отряда. Инфоцит Тариил, непривычно тихий, погрузился в работу с гололитическим проектором. Настроение вануса изменилось с тех пор, как он и виндикар вернулись с Терры с последним из рекрутов — женщиной, называвшей себя Соалм. Новенькая тоже оказалась неразговорчивой. Она выглядела довольно хрупкой для ассасина, но то же самое многие думали и о Йоте при первой встрече, пока неестественный холод ее ауры не прогонял обманчивое впечатление. Громоздкая фигура Гарантина занимала целый угол помещения, и он поглядывал оттуда словно злобный пес, готовый вцепиться в каждого, кто посягнет на его территорию. Эверсор развлекался с заточенной металлической полоской — судя по всему, обломком какого-то инструмента: вертел ее в толстых

пальцах с удивительной ловкостью. Ему тоже было скучно, и потому эверсор не мог скрыть своего раздражения. Йота догадывалась, что любое его настроение в той или иной степени было сродни ярости. Койн занимал опутанное проводами кресло, и нечеткие черты лица каллидуса напоминали незаконченную скульптуру из сланца. Йота на несколько мгновений задержала на нем свой взгляд, и Койн ответил мимолетной улыбкой. Потом кожа каллидуса стала темнеть, приближаясь к смуглости самой Йоты. Но момент был упущен, поскольку Келл уже постучал затянутой перчаткой рукой по балке низкого потолка.

— Мы все собрались, — заговорил виндикар. Он окинул взглядом помещение, на миг останавливаясь на каждом из них; на каждом, кроме Соалм, отметила Йота. — Миссия начинается.

— Куда мы направляемся? — спросил Койн голосом Йоты.

Келл жестом указал в сторону Тариила:

— Сейчас выясним.

Инфоцит набрал код на панели проектора, и рассеянный свет голографических пикселей обрел обманчивую плотность в центре каюты. Из светлого пятна проступил облик высокого мускулистого человека в ничего не говорящем одеянии. Его лицо покрывали шрамы, а с гладко выбритого черепа спускалась тонкая косичка. Судя по изображению, этот человек превосходил ростом даже Гарантина. Голограмма подрагивала и прерывалась, и Йота узнала помехи, вызванные высокоуровневым кодированием. Передача шла в реальном времени, а это означало, что источник находился на другом корабле на орбите или на Терре.

Келл кивнул высокому мужчине:

— Капитан-генерал Вальдор. Мы готовы выслушать инструкции, если это угодно магистру.

Вальдор тоже кивнул в ответ.

— Магистр ассасинов поручил это мне. Учитывая... уникальный характер операции, я считаю правильным решение позволить контроль со стороны.

Кустодес обвел каждого из них испытующим взглядом. Йота немедленно представила себе, как на другом конце канала он стоит посреди голографического изображения их каюты.

— Вы хотите, чтобы мы уничтожили его, не так ли? — без всяких околичностей заявил Гарантин, вонзив свой самодельный кинжал в балку за головой. — Давайте не будем ходить вокруг да около. Мы все об этом знаем, даже если у вас не хватает духу, чтобы сказать вслух.

— Твоя проницательность делает тебе честь, эверсор, — заметил Вальдор таким тоном, что его слова никак нельзя было считать комплиментом. — Вашей целью является бывший Воитель Адептус Астартес, примарх Лунных Волков, архипредатель Хорус Луперкаль.

— Теперь они стали Сынами Хоруса, — пробормотал Тариил с откровенным недоверием. — Великий Трон, значит, это правда...

Женщина из круга Вененум издала горловой звук, выражавший явное

возражение.

— Если лорд кустодес не возражает, я хотела бы задать вопрос.

— Говори, — откликнулся Вальдор.

— В каждом из кругов ходят слухи о миссиях, преследующих эту самую цель, и о неизменных провалах. Последним на это идиотское задание был послан мой собрат Тобельд, и он погиб, как и все остальные. Я сомневаюсь, можно ли вообще его выполнить.

— В словах сестры Соалм есть доля правды, — заметил Койн. — Речь идет не о каком-то заблудшем генерале. Это Хорус — первый среди сынов Императора. Многие считают его величайшим из всех примархов.

— Да ты боишься, — фыркнул Гарантин. — Какой сюрприз!

— Конечно, я боюсь Хоруса, — ответил Койн, подражая грубоватой манере эверсора. — Воителя испугается даже дикий зверь.

— Никто и никогда еще не собирал такого карательного отряда, — вмешался Келл, привлекая всеобщее внимание. —

Ничего похожего не было со времен первых магистров и подписанного на горе Мщения пакта, в котором приносилась клятва верности Императору. Мы являемся отзвуком тех дней, тех слов и тех намерений. И Хорус Луперкаль — единственная достойная нас цель.

— Отлично сказано, — произнесла Соалм. — Хотя совершенно бессмысленно. — Она вновь повернулась к изображению Вальдора. — Я повторяю: как мы можем надеяться на успех, когда при попытках достичь этой цели погибло так много наших собратьев?

— Хоруса окружают легионы преданных воинов, — подхватил Тариил. — Астартес, военные корабли, силы Механикум и Кибернетика, не говоря уж об обычной армии, вставшей на его сторону. Как нам хотя бы подобраться к нему, чтобы нанести удар?

— Он сам к вам придет. — Вальдор холодно усмехнулся. — Вас не удивила поспешность, с какой собирался ваш карательный отряд? Эта операция была организована после донесения разведки, в

котором говорится о возможности подставить предателя под ваш прицел.

— Каким же образом? — поинтересовался Койн.

— По мнению лорда Малькадора и Совета Терры, убийство Хоруса на данном этапе вызовет хаос и смятение в армии мятежников и положит конец восстанию, не дав ему докатиться до Солнечной системы, — сказал Вальдор. — Агенты Империума, тайно работающие в Таэбианском секторе, докладывают с высокой степени вероятности прибытия «Духа мщения», флагманского корабля Хоруса, на планету Дагонет, чтобы установить там новую власть. Мы уверены, что войска Хоруса используют Дагонет в качестве плацдарма для легкого завоевания остальных планет сектора.

— Если все это вам известно, мой лорд, тогда почему бы не послать к Дагонету карательную флотилию вместо нас? — спросила Соалм. — Направьте туда не шестерых ассасинов, а боевые корабли и Легионы Астартес.

— И если бы сам Император... — пробормотал Койн.

Вальдор обжег их обоих гневным взглядом.

— Только Император может решать, что ему делать! А у флотилий и преданных Легионов сейчас и без того хватает противников!

Йота задумчиво кивнула.

— Понятно, — протянула она. — Нас посылают по той простой причине, что полной уверенности нет. Империум не может рисковать, отправляя военные флотилии к «вероятной» цели.

— Да, нас всего шестеро, — вновь заговорил Келл. — Но вместе мы способны совершить такое, что не под силу тысяче военных кораблей. Одному судну гораздо легче проскользнуть через варп к Дагонету, чем целой флотилии. Шестеро ассасинов, лучших в своих кругах, принесут смерть. — Он немного помолчал. — Вспомните слова клятвы, которую приносят во всех кругах: «Ни один враг не ускользнет от ярости Императора».

— Вы направите свой корабль в

Таэбианский сектор, — продолжил Вальдор. — Вы высадитесь на Дагонете и спланируете несколько вариантов атаки. А когда там появится Хорус, вы без промедления истребите всю его команду.

— Мой лорд.

Эфрид низко поклонился и замер в ожидании.

Низкий голос примарха зарокотал, словно отдаленный гром над Гималайскими хребтами.

— Говори, третий капитан.

Астартес поднял голову и увидел, что Рогал Дорн стоит на балконе и смотрит на заходящее солнце. Золотистые лучи обливали каждую башню и каждый выступ стены Императорского Дворца, превращая блестящий металл и белый мрамор в теплый сияющий янтарь. Однако эту великолепную картину портили огромные прямоугольники недавно возведенных редутов и артиллерийских башен, поднявшихся серыми клыками в злобно разверстой пасти. На месте дворца прошлого —

великолепного, величественного сооружения, не допускавшего даже мысли о борьбе и поражении, постепенно вставал дворец настоящего — несокрушимая крепость против самого злейшего врага. Врага, который вот-вот появится под небесами Терры.

Эфрид знал, что укрепления и стены с бойницами, построенные им по приказу Императора, очень огорчают его господина. Капитан находил прекрасным и дворец, и крепость, но Великий Дорн был убежден, что сооружения, пригодные только для войны, затеняют великолепие этого места. Примарх Имперских Кулаков часто приходил на балкон, осматривал стены и, как казалось Эфриду, ждал появления своего брата-отступника.

Он смущенно откашлялся:

— Сэр. Я получил донесение от слуг нашей роты. Мне доложили о продолжающихся приготовлениях и об инцидентах в Индонезском Блоке и на станции Сарос.

— Продолжай.

— Вы были правы, приказав

наблюдать за кустодием. Капитан-генерала Вальдора вновь заметили входящим в Убежище, где собирались директора-примасы всех кругов ассасинов.

— Когда это произошло? — не глядя на капитана, поинтересовался Дорн.

— Сегодня, — ответил Эфрид. — По окончании совещания на орбиту, предположительно на один из кораблей, было послано сообщение. Кодировка оказалась чрезвычайно сложной. К сожалению, мои технодесантники были вынуждены признать, что расшифровать послание не удалось.

— Не стоило и пытаться, — сказал примарх. — Подобные действия были бы нарушением всех правил. Эту черту Имперские Кулаки не должны преступать. Пока не должны.

Рука Эфрида потянулась к коротко подстриженной бородке.

— Как прикажешь, мой лорд.

Дорн долго молчал, и Эфрид уже решил, что аудиенция закончена, но его повелитель заговорил снова:

— С этого все начинается, капитан.

Ты понимаешь? Гниение начинается с таких вот поступков. Война ведется в тени, а не в чистом поле. Начинается борьба, в которой не существует правил. И нет границ, которые нельзя было бы нарушить. — Он наконец посмотрел на офицера. — И нет понятия чести.

Солнце за спиной примарха опустилось за горизонт, и тени сгустились.

— Что нужно предпринять? — спросил Эфрид.

Он без сомнений и вопросов готов был выполнить любой приказ своего примарха.

Но Дорн не дал прямого ответа.

— Такая скрытность и привлечение дополнительных сил могут быть обусловлены только одной целью: Официо Ассасинорум собирается устранить моего заблудшего брата Хоруса.

Эфрид на мгновение задумался.

— Разве это не послужит нашим целям?

— Так могло бы показаться тем, кто обладает ограниченным взглядом, — возразил примарх. — Но я видел, к каким

последствиям может привести пуля ассасина. И я тебе объясню, брат-капитан. Мы могли бы уничтожить Хоруса... Но если его смерть наступит в результате действий ассасинов, она может повлечь за собой ужасные и неконтролируемые последствия. Если Хорус падет от руки убийцы, в руководстве мятежного флота образуется зияющая пустота, и мы не в состоянии предугадать, кто ее заполнит и какое отмщение нам грозит. До тех пор, пока мой брат жив, до тех пор, пока он стоит во главе мятежных Легионов, мы можем предсказать его действия. Мы в состоянии противостоять Хорусу и победить его в открытом бою. Мы его знаем. — Дорн вздохнул. — Я его знаю. — Он покачал головой. — Гибель Воителя не остановит войну.

Внимательно слушавший его Эфрид кивнул:

— Мы можем вмешаться. Помешать Вальдору и магистрам кругов ассасинов.

— На основании чего, капитан? — Дорн снова качнул головой. — В моем распоряжении только слухи и

предположения. Если бы я был таким же безрассудным, как Хан или Русс, этого было бы достаточно... Но мы Имперские Кулаки, и мы не отступим от законов Империума. Нам необходимы веские доказательства.

— Какие будут приказания, мой лорд?

— Пусть твои слуги продолжают наблюдение. — Дорн посмотрел в темнеющее небо. — Пока мы можем только наблюдать и ждать.

Глава 8
ЗОЛА И ПЕПЕЛ
ИГРУШКИ
БЕЗ МАСКИ

Комната в жилом комплексе, предоставленная в распоряжение Перриг, была не слишком просторной и последней из тех, что ей предложили. Три предыдущие она отвергла сразу из-за присущей им неустранимой природной негативности или близкого расположения к источникам необузданных мыслепотоков. Кроме того, во второй из комнат сто семь лет назад умерла женщина, покончившая с собой из-за незапланированной беременности. Узнав об этом, комендант Гороспп посмотрела на Перриг с нескрываемым изумлением и ужасом. Наверняка никто из служащих консорциума «Эврот» и не подозревал, что занимаемое ими здание на Йесте хранит такие мрачные истории.

Но последнее помещение оказалось

спокойным, и Перриг перестала нервничать, насколько это было возможно в таком месте, гудящем от эгоцентричных мыслей. Перриг проделала курс специальных упражнений и мягко удалила их со своего мысленного горизонта, избегая дестабилизации при помощи тихой псионической нуль-песни, которая устраняла возмущения, как противофазная волна устраняет атональные звуки.

Затем она рассеянно прикоснулась к металлическому обручу на шее. Обычный металл, тонкая полоска, закрепленная болтом, который она сама может вывернуть одним движением. Но он имел значение для тех, кто смотрел на нее и мог прочитать слова Никейского эдикта, вытравленные кислотой на черном железе. В какой-то мере это был символ рабства, но носила она его только ради спокойствия окружающих. Этот обруч не подавлял энергию и не сдерживал ее силы; он предназначался для тех, кто хотел воспользоваться ее способностями и при этом спать спокойно, считая, что полоска

металла защитит их от ее сверхъестественности. Ощущение холодного металла помогло ей сосредоточиться, и Перриг позволила себе погрузиться в размышления.

Последнее, на что она посмотрела перед тем, как закрыть глаза, был стоявший на столике хронометр. Гиссос и местный представитель закона вернулись с «Цубара» несколько часов назад, но после аудиенции у войд-барона она ни с кем из них еще не встречалась. Интересно было бы узнать, чем занимается Гиссос, но она подавила желание протянуть к нему мысленные щупальца. Перриг не обладала особыми телепатическими способностями, и только близкое знакомство с объектом помогало ощущать его с некоторой долей уверенности. Желание Перриг быть ближе к Гиссосу нередко вызывало у нее приступы меланхолии. Однажды, когда Гиссос спал и ослабил свою защиту, она осмелилась заглянуть в его мысли и увидела там, что он не испытывает к ней такой же преданности, какую питает сама псайкер; в нем не было той особой привязанности,

которую нельзя назвать любовью, но и по-другому обозначить невозможно. И Перриг решила, что это к лучшему. Она даже думать не хотела, что могло произойти, если бы он узнал о ее чувствах. Скорее всего, ее забрали бы у него. Возможно, даже вернули бы на Черные Корабли, откуда выписал ее барон Эврот.

Перриг подавила посторонние мысли и, не открывая глаз, вернулась к порученному ей делу. Спокойствие вновь воцарилось в ее сознании.

Она стояла на деревянном полу посреди комнаты. Вокруг аккуратным полукругом были разложены предметы, подобранные в старой винодельне. Несколько камешков, латунная пуговица от кителя, липкая промасленная обертка от пирожка с мясом с тележки разносчика и красная листовка, плотно исписанная на местном диалекте имперского готика. Перриг прикасалась по очереди к каждому из предметов, передвигала их взад и вперед, задерживалась на одном объекте, потом возвращалась к предыдущему. Она использовала предметы, чтобы

восстановить мозаику образа подозреваемого, но в общей картине до сих пор оставались зияющие пробелы; эти дыры мешали ей составить полное представление о личности Эрно Сигга.

Пуговица несла в себе страх. Она была потеряна во время бегства от огня и грохота колеоптеров.

Камешки. Он подобрал их с земли и повертел в руках, а потом воспользовался ими для примитивной игры, бросая через всю мастерскую. Инертную ауру камней лишь слегка окрашивали скука и нервное напряжение.

Промасленная бумага несла на себе следы голода и ужаса. Здесь все было ясно: он украл пирожок, воспользовавшись невнимательностью торговца, и был уверен, что в следующее мгновение его схватят и арестуют.

А листовка олицетворяла любовь. Или что-то подобное, как представляла себе Перриг. Если быть более точной, то преданность с почти ощутимой текстурой добродетельности.

Пристальный взгляд сквозь опущенные

веки на эмоциональный спектр, излучаемый листовкой, вызвал у нее легкий озноб. Сигг представлял собой сложную натуру, и псайкеру было нелегко удерживать в мыслях разрозненные кусочки мозаики. Его характер был весьма противоречивым: где-то в глубине таились отзвуки невероятной жестокости, но их затеняли две противоположные силы. С одной стороны, сильнейшее чувство надежды, почти освобождения, словно он верил, что будет спасен; а с другой — такой же сильный ужас перед каким-то преследователем, ощущение жертвенности.

Способность Перриг узнавать объект, контактируя с предметами, не была точной наукой, но в прошлом, будучи дознавателем, она научилась пользоваться своими инстинктами. Эрно Сигг не убивал ради собственного удовольствия. Как только эта мысль оформилась в ее мозгу, Перриг ощутила первые смутные признаки озарения. Ее рука подняла лежащий рядом стилус и потянулась к информационному планшету. Перриг задрожала, и рука

судорожно задвигалась, оставляя на планшете неровные тонкие строки.

Но ее вторая рука не оставляла листовку. Пальцы легонько ощупывали края, играли с потертой бумагой, отыскивали следы сгибов. Она заинтересовалась, почему этот листок бумаги так много значил для Сигга, и в ответ ощутила сильнейшее огорчение, сопровождавшее потерю.

Вот с его помощью она и отыщет Сигга. За ним повсюду, словно знамя на ветру, вьется след сожаления. Стилус продолжал без остановки скользить по поверхности информационного планшета.

Уверенность Перриг возрастала с каждым мгновением. Она отыщет Эрно Сигга. Она должна. И Гиссос будет ею доволен...

Сердце вдруг затерло в груди, и она вскрикнула. Судорожно сжатый стилус разломился пополам, и острые осколки вонзились в ладонь. Перриг била крупная дрожь, и она знала ее причину. В дальнем уголке ее мозга возникла мысль, которой она избегала, как человек избегает

прикосновения к безобразному болезненному кровоподтеку.

А теперь она оказалась с ней лицом к лицу, прикасалась к краям психической раны, вздрагивала от причиняемой боли.

Она уже ощутила ее в момент высадки на Йесту Веракрукс. Тогда Перриг убедила себя, что это всего лишь последствия перемещения ее разума из контролируемой тишины ее убежища на борту «Цубара» в беспорядочный шум главного города планеты.

Поправка: она хотела в это верить.

Дрожь усилилась, когда она осмелилась сосредоточиться на этой мысли. На краю поля зрения возникла глубокая тень, совсем рядом. Ближе, чем Эрно Сигг. Ближе, гораздо ближе, чем подозревал Гиссос или любой из дознавателей Йесты Веракрукс.

Внезапно Перриг ощутила влагу на крыльях носа и на щеке. Запахло медью. Она резко открыла глаза, и первое, что увидела, была листовка. Она была красной, густо багровой, и на фоне бумаги терялись слова. Не поднимаясь с коленей, Перриг

судорожно втянула воздух и посмотрела вверх. Комната и все, что в ней находилось, стали красным, красным, красным. Псайкер выпустила из пальцев сломанный стилус, вытерла лицо. Из уголков глаз потекла густая жидкость. Но не слезы, а кровь.

Поддавшись страху, Перриг вскочила на ноги, информационный планшет попал под ботинок, и стеклянный экран треснул. В комнате стало душно и влажно, каждая поверхность казалась скользкой, как сырое мясо. Перриг метнулась к единственному окну, потянула за шнур, чтобы раздвинуть портьеры, открыть створки и вдохнуть чистый воздух.

Занавеси превратились в красную тень, и как только она подошла ближе, разошлись, словно лепестки цветка. А за ними обнаружилось нечто, отдаленно напоминающее человеческое существо, цеплявшееся за потолок тонкими ногами. Тяжелые бархатные драпировки упали на деревянный пол, и маслянисто поблескивающая фигура распрямилась. Имя существа отпечаталось на мягкой

ткани ее мозга, и, чтобы прогнать ужас, она была вынуждена произнести его вслух:

— Копье...

Чудовище разверзло широкую пасть, полную клыков и костяных шипов. Неопределенного вида лицо и темные провалы, заменявшие глаза, окутались стигийским пламенем, видимым только тем, на ком лежало проклятие колдовского взгляда. В тот же миг Перриг поняла, кто совершил все эти убийства, чьи руки аккуратно рассекали тела Нортэ, Латига и всех остальных, кто погиб страшной смертью.

Она попятилась, не в силах вымолвить ни слова. Больше всего на свете Перриг хотелось закрыть глаза и спрятать лицо в ладонях, чтобы не видеть этого существа, называемого Копьем; но это было невозможно. Даже если бы она выцарапала себе глаза, ее колдовской взгляд все равно остался бы, и аура этого чудовища обволакивала бы его.

Что еще ужаснее, чудовище хотело, чтобы она смотрела на него так пристально, как только позволяла глубина

ее колдовского восприятия. Оно открыто демонстрировало ей свою потребность, и это желание притягивало, словно гравитация темного солнца.

Копье что-то бормотал себе под нос. Когда Перриг заглядывала в мысли других убийц, она всегда вздрагивала от чудовищной радости, сопровождавшей их поступки; однако сейчас она ничего подобного не ощущала. Психика Копья представлялась ей озером черных чернил, невыразительным, не тронутым безумием, страстью или откровенной яростью. Его разум был почти инертным и двигался под давлением непоколебимой уверенности. Это напомнило ей мимолетное мгновение, когда перед ней открылось упорядоченное мышление Гиссоса; убийца так же неукоснительно и неуклонно двигался к своей цели, как будто повиновался последовательным приказам.

И тем не менее он ее впустил. Она знала, что в случае отказа Копье разорвет ее на части в то же мгновение. Она отчаянно пыталась прорваться сквозь охвативший ее холод и изо всех сил

старалась донести испуганный призыв до охранника. Но вместе с тем она позволила своей мысли проникнуть в разум Копья, что в первый момент вызвало оцепенение, а затем одновременно отвращение и восхищение истинной природой чудовища.

Копье ничего не скрывал и открылся ей навстречу. То, что она увидела, поразило ее до глубины души. Киллер происходил из какого-то человеческого рода, настолько развращенного к настоящему моменту, что точное происхождение определить было невозможно, и защитой ему служил целый клубок живого вещества, вырванного, казалось, из вопящей глубины варпа. Возможно, его появление было капризом жестокой природы, а возможно, достижением какого-то извращенного гения. У Копья не было души, но он отличался от всех псионических неопределенностей, с которыми сталкивалась Перриг.

Перед ней был Черный Парий, наивысшее проявление негативной психической силы. Перриг полагала, что

подобные монстры существовали только в предположениях, в ночных кошмарах безумных теоретиков и колдунов, но теперь он стоял перед ней, смотрел на нее и дышал тем же воздухом, что и она, а Перриг истекала перед ним кровью.

А затем Копье протянул руку, состоящую из лезвий, и схватил Перриг за кисть. Женщина-псайкер взвыла от пронзившей нервные окончания боли, а убийца с привычной ловкостью отделил большой палец ее правой руки и подбросил вверх, словно играя со своей добычей. Перриг изо всех сил сжала раненую кисть, но кровь сильной струей хлынула на пол.

Копье подхватил подброшенную частицу ее плоти и закинул в пасть, после чего стал тщательно пережевывать кости и сухожилия, как будто изысканный деликатес. Психика убийцы внезапно резко изменилась, вызвав приступ головокружения, и Перриг бессильно осела на залитый кровью пол.

Черные омуты его глаз опустились вслед за ее падением и вдруг превратились в пару дымчатых зеркал. Она увидела в

них свою собственную мысль, силу своего псионического дара — бурлящую и неистовую, повторенную и усиленную в тысячи раз. Копье попробовал ее кровь, узнал генетический код ее естества и теперь знал о ней все. Он получил ее оттиск.

Она отползла назад; в голове нестройным хором гудели мысли, и с ошеломляющей синхронностью их повторял разум убийцы. Орбиты их сил стремительно сближались. Перриг закричала, умоляя его остановиться, но Копье только склонил голову набок и продолжал наращивать мощь.

Она поняла, что монстр давно не убивал таким способом. Все остальные смерти были ничем не примечательными и обыденными. Он хотел сделать это хотя бы затем, чтобы убедиться в своих способностях. Так солдат, должно быть, разряжает обойму патронов, чтобы проверить точность оружия. Перриг слишком поздно поняла, что на многие световые годы вокруг она была единственной, кто представлял для него

хоть какую-то угрозу. Слишком поздно.

А потом они столкнулись в образовавшейся между ними пустоте. Не в силах удержать свою силу, Перриг нанесла удар по ждущим рукам Копья. Убийца принял всю энергию до последней капли, словно это было для него так же естественно, как и дышать.

В следующее мгновение Копье в полной тишине выпустил свой заряд; все сверхъестественные силы Перриг, многократно увеличившиеся, обрушились на нее безмолвным яростным ураганом.

Женщина обратилась в пепел и рассыпалась.

«Ультио» мчался вперед сквозь сверкающие неугасимые огни Иттатериума, уносясь переходами варпа все дальше и дальше от Солнечной системы. Слепой корабельный навигатор вел их малоизвестными маршрутами, едва намеченными дорогами, которые не значились на картах, предоставляемых командованием кораблям Имперского флота. Эти пути были короткими, но

опасными, настоящие тайные тропы, ведущие через вневременное царство, по которым никогда не могли бы проскользнуть большие суда. Огни душ их многочисленных экипажей были настолько яркими, что неизбежно вызвали бы мощные завихрения, закружившие смельчаков, тогда как «Ультио» проскакивал незамеченным. Но не потому, что был кораблем-призраком; его генераторы вырабатывали настолько плотные поля Геллера, а двигатели развивали такую скорость, что грозные хищные существа, обитавшие в глубинах варпа, замечали судно лишь после того, как оно оставляло их далеко позади. По меркам Терры, в пути к Дагонету прошло уже много дней и часов, и по некоторым признакам они почти добрались до цели.

На борту состоялась еще одна общая встреча членов карательного отряда. Но на этот раз она проходила в отсеке под центральным проходом, который тянулся по всему кораблю.

Келл по своей привычке наблюдал.

Гарантин все так же забавлялся со своим самодельным клинком. Он уже придал ему форму изогнутого ножа длиной с руку взрослого человека.

— Ванус, что тебе нужно? — спросил он.

Тариил нервно улыбнулся и показал рукой на огромный грузовой модуль, заменявший одну стену длинного и низкого отсека.

— Э-э, спасибо, что пришли. — Он обвел взглядом Келла, Йоту и остальных. — Поскольку всем нам поручена одна миссия, мне предписано выполнить следующий приказ.

— Объясни, — потребовал Койн.

Инфоцит сложил ладони перед собой.

— Магистр ассасинов лично дал мне указание представить группе это оборудование только после того, как весь отряд будет в сборе, а «Ультио» покинет пределы Солнечной системы. — Он подошел к контрольной панели модуля и набрал последовательность символов. — И еще мне поручено дать некоторые пояснения относительно этого груза.

Голова эверсора резко дернулась вверх, и его высокомерие в одно мгновение стенилось острым, словно лазерный луч, вниманием.

— Оружие? — спросил он, почти облизываясь.

Тариил кивнул.

— И кое-что другое. В этом модуле лежит вся оснастка для предстоящей миссии.

— Ты знал об этом?! — воскликнул Гарантин, оборачиваясь к Келлу. — Я вожусь с обломками металла, а здесь, на борту, лежит целый груз оружия!

Келл покачал головой:

— Я полагал, что снаряжение будет ждать нас на месте.

— Почему мне никто не сказал, что на этой калоше имеется целый арсенал?

Тариил вздрогнул, когда самодельный нож Гарантина вонзился в переборку недалеко от его головы.

— Дайте мне скорее оружие! Без него я чувствую себя голым!

— Восхитительный был бы вид, — усмехнулась Соалм.

— Ему это необходимо, — хмуро заметила Йота. — Он действительно ощущает психическую боль без своих пушек. Словно отец, оторванный от своего дитяти.

— Я тебе покажу «оторванный», — проскрежетал киллер, угрожающе нависая над ванусом. — Я на самом деле тебе что-нибудь оторву!

— Откройся!

После негромкой завершающей команды Тариила гидравлический механизм замка тихонько зашипел. Стенка модуля разделилась надвое, и половинки отошли в стороны, открыв полки с оружием, вспомогательным оборудованием и боеприпасами.

На лице Гарантина появилось выражение, близкое к радости.

— Привет, привет, малышки, — бормотал он, подходя к стеллажу, где маняще поблескивал тяжелый пистолет, богато украшенный, с металлическими накладками и сенсорными зондами.

Он обхватил пальцами рукоять и приподнял оружие. В ответ на импульсы

генных маркеров, достигших вживленных в мозг чипов и подтвердивших марку и назначение пистолета, с губ Гарантина сорвался довольный смешок.

— Комби-пистолет «Экзекутор», — часто моргая, произнес Тариил, как только получил информацию, заложенную в подкорковой области мозга. — Обладает двойной функцией: баллистический болт-пистолет и игольник...

— Сам знаю! — рыкнул Гарантин, не дав ему закончить. — Да, оборудование весьма неплохое.

Он покачал в руке пистолет, словно новорожденного младенца.

— Послушайте, — вмешался Келл. — Каждый из вас возьмет отсюда все, что пожелает, но постарайтесь применить все полученное оборудование в деле. А потом расходитесь по своим каютам и готовьтесь к немедленной высадке. Пока никто не может сказать, сколько времени потребуется для прибытия на место.

— Возможно, он нас уже ждет, — предположил Койн, осматривая полки с оружием. — Течения варпа порой идут

против течения времени.

Гарантин радостно набрал целую охапку боеприпасов, включая связки мелта-гранат, бронированную рукавицу с хитроумно расположенными нейрошипами и комплект оборудования для наведения на цель. Утробно усмехнувшись, он прихватил еще короткий меч и сунул его под мышку.

— Я буду в своей спальне, — с довольным смешком заявил он и ушел, унося свою добычу.

Йота проводила его взглядом:

— Посмотрите на него. Он почти... счастлив.

— Каждому ребенку необходима своя игрушка, — сказала Соалм.

Кулексус искоса взглянула на полки с оружием.

— Это не для меня. Здесь нет ничего, что могло бы мне пригодиться. — Она посмотрела в сторону отравительницы-вененум и постучала себя по виску. — Мое оружие здесь.

— Да, анимус спекулум, — откликнулась Соалм. — Я об этом слышала. Но ведь это нечто эфемерное, не

так ли? Оружие действует в зависимости как от силы его обладателя, так и от силы его противника. По крайней мере, так я поняла.

Губы Йоты раздвинулись в сдержанной улыбке.

— Как скажешь.

Тариил, взволнованно моргая, подошел к ним.

— У меня есть для тебя одна вещица, кулексус, — произнес он и протянул бронированный ящичек, исписанный предостерегающими рунами. — Не хочешь взглянуть?

Йота откинула крышку и обнаружила дюжину гранат в оболочке из черного металла.

— О, взрывчатка. Как банально.

— Нет-нет, — возразил Тариил. — Это новейшая технология. Экспериментальное оружие, еще даже не прошедшее полевые испытания в боевых условиях. Продукт лучших ученых твоего круга.

Женщина вынула одну гранату из гнезда, поднесла к носу и настороженно прищурилась.

— Что это? Пахнет как гибель солнца.

— Мне не положено знать все тонкости, — признался инфоцит, — но в этом устройстве в дисперсной форме содержится экзотическое вещество, которое подавляет псионическую деятельность в локализованном пространстве.

Йота долгое время изучала снаряд, легонько касаясь кнопки активации, затем слабо улыбнулась.

— Я это беру, — сказала она, выхватив ящик из рук Тариила.

— А что в твоей коробке с игрушками имеется для остальных? — настешливо спросил Койн, забавляясь с двумя помнящими мечами.

Их изящные изогнутые лезвия изменяли угол наклона прямо в процессе выпада.

— Перевязь отравителя, — ответил ванус.

Нажатием кнопки он открыл опечатанный цилиндр, отмеченный трилистниками биологической опасности,

явив взорам присутствующих портупею, увешанную стеклянистыми кинжалами.

Койн отложил мечи и потянулся к новому оружию, но тотчас увидел, что то же самое сделала Соалм. Каллидус слегка поклонился.

— Прошу прощения, кузина. Яды — это, безусловно, твоя прерогатива.

Соалм принужденно улыбнулась:

— Нет. Только после вас. Бери все, что пожелаешь.

Койн поднял руку:

— Нет, нет. После вас. Прошу. Я настаиваю.

— Как скажешь.

Вененум осторожно достала один из кинжалов и повертела его в пальцах. Затем она подняла оружие к свету и покачала, заставив окрашенную жидкость внутри лезвия подняться и опуститься. Наконец она удовлетворенно хмыкнула:

— Отличное качество. Им придется хорошенько поработать, пока кто-то стоит между нами и Хорусом.

Каллидус вынул еще один кинжал.

— А как насчет тех, кто не является

человеком? Как насчет самого Хоруса?

Губы Соалм сжались в тонкую линию.

— Для Воителя это все равно что укус комара. — Она посмотрела на Тариила. — Я подготовлю свое собственное оружие.

— Есть еще кое-что. — Ванус протянул ей пистолет.

Оружие состояло из набора тонких медных трубок и хрустальной колбы на том месте, где у нормального оружия располагалась обойма. Соалм взяла его в руки и уставилась на ячеистую сетку, закрывавшую дуло.

— Бактган, — сказала она, покачивая оружие на ладони. — Это может пригодиться.

— Степень распыления может регулироваться.

— А ты уверена, что знаешь, как им пользоваться? — спросил Келл.

Рука Соалм мгновенно поднялась в позицию для стрельбы, и дуло оружия нацелилось точно в лицо виндикара.

— Думаю, что смогу вспомнить, — ответила она.

После этих слов она ловко крутанула пистолет и вышла.

Тем временем Койн отыскал ящик, который казался здесь абсолютно неуместным. Больше всего он напоминал завиток ракушки, и единственный замок представлял собой отпечаток, выгравированный на задвижке, — отпечаток невероятно длинной трехпалой кисти с раздвоенным большим пальцем.

— Представления не имею, что там может быть, — признался Тариил. — Этот контейнер выглядит так, словно он принадлежит...

— Ксеносам? — с беспечной легкостью подсказал Койн. — Но это запрещено, ванус. Так что выброси опасную мысль из головы.

Раздался негромкий треск, и рука каллидуса стала менять размер и форму; человеческие пальцы вытягивались, пока не стали приблизительно такими же, как на замке. Койн прижал ладонь к загадочному отпечатку, и дверца открылась, выплеснув на пол несколько капель пурпурной жидкости. Внутри контейнера обнаружилось еще более

странное содержимое: на ложе из похожего на плоть материала, пропитанном красной жидкостью, лежало оружие, изготовленное из черненой керамики, напоминавшей зуб или кость. Большой и несбалансированный по форме предмет, на вершине которого выделялся граненый кристалл старинного нефрита в форме отрывающейся капли.

— Что это? — с нескрываемым отвращением спросил Тариил.

— В моем круге это оружие имеет много названий, — сообщил Койн. — Оно разрушает мысли и рвет интеллект в клочья. Те, к кому оно прикасается, превращаются в опустошенную оболочку. — Каллидус протянул предмет ванусу, но тот попятился. — Не хочешь взглянуть поближе?

— Не в этой жизни. — Тариил энергично тряхнул головой.

Койн уложил оружие обратно в футляр, и его бледный язык прошелся по тонким губам.

— Я, пожалуй, вас оставлю, — произнес он.

После ухода Койна Келл посмотрел на Вануса:

— А как насчет тебя? Или в твоем круге не принято носить оружие?

Тариил, уже успев оправиться от испуга, покачал головой:

— У меня есть свое оружие, хотя и не такое очевидное, как у остальных. В браслет-когитатор встроен электроимпульсный излучатель. Кроме того, у меня имеется оригинальный зверинец: псибер-орлы, крысы-соглядатаи и целый рой сетевых мушек.

Келл сразу вспомнил о многочисленных капсулах, стоявших на каждом шагу в переходах «Ультио», где Тариил держал своих кибернетически модифицированных грызунов, птиц и насекомых. Они оставались в состоянии сна, ожидая его команды, чтобы перейти к действиям.

— Эти существа не помогут тебе остаться в живых.

Ванус снова покачал головой:

— Ах, поверь мне, я способен позаботиться о том, чтобы никакая

опасность не подобралась ко мне слишком близко. — Он вздохнул. — А вон в том отсеке... Там твое оружие.

— Мое оружие погибло, — не без злости сказал Келл. — И все благодаря эверсору.

Оно было восстановлено. — Тариил открыл продолговатый ящик.

Каждый виндикар носил длинноствольную винтовку, которая была сконструирована специально для него, учитывая биомассу, методику стрельбы, манеру движений и даже ритм дыхания. И когда Гарантин в актических снегах разбил его винтовку вдребезги, Келл как будто лишился частицы самого себя. Но сейчас перед ним в ящике лежала снайперская винтовка, в точности похожая на то самое оружие, которое было его спутником долгие годы, — похожая, но и превосходящая оригинал.

— «Экзитус»! — выдохнул он, шагнул вперед и положил руку на гладкую матовую поверхность ствола.

Тариил тотчас стал рассказывать об индивидуальных компонентах оружия.

— Спектроскопический многоцелевой прицел. Карусельный магазин. Нитрогенный охладитель. Беззвучный глушитель. Гироскопический стабилизатор балансировки. — Он немного помолчал. — В этой винтовке сохранилось столько частей твоего оружия, сколько это было возможно.

Келл кивнул. Он заметил потертость цевья и части станины. Рядом с винтовкой на бархатном ложе футляра лежал пистолет сходного образца. Вдоль крышки контейнера ряд за рядом выстроились индивидуальные наборы пуль, различающиеся по цвету в соответствии с назначением.

— Впечатляет. Но я должен проверить прицел.

— У нас наверняка будет масса возможностей проявить свои способности еще до появления Хоруса, — заметила Соалм.

Она не покинула помещение и во время разговора инфоцита и виндикара молча стояла в сторонке.

— Мы сделаем то, что должны

сделать, — заявил Келл, не глядя на нее.

— Даже если это приведет нас к гибели, — добавила его сестра.

Снайпер сжал зубы, и его взгляд уперся в слова, выгравированные на тонком стволе винтовки. Тонким красивым шрифтом там был записан диктат Виндикар, принцип его круга: «Exitus Acta Probat».

— Цель оправдывает средства, — твердо сказал Келл.

Картина, которую Йозеф Сабрат обнаружил в комнате, разительно отличалась от его представления о смерти. Убийства Латига в аэронефе и Нортэ в доках, как бы ни были ужасны, не так сильно воздействовали на его разум. Но это...

В центре комнаты Перриг лежала продолговатая кучка пепла, который высыпался из одежды, оставшейся там, где она упала. В одном конце из-под темного порошка выглядывал железный обруч, по-прежнему застегнутый на болт, а рядом в свете ламп поблескивали серебряные иглы

нейронных имплантантов.

— Я... не понимаю. — Гороси вместе с егерями, которые столпились в коридоре, не зная, что предпринять, стояла в нескольких шагах позади дознавателя. — Я не понимаю, — повторила она. — Куда делась эта... женщина.

Она едва не назвала Перриг ведьмой. Йозеф почти услышал наполовину сформировавшееся на ее губах слово и бросил в сторону Гороси полный неожиданной ярости взгляд. Гороси взглянула на него широко раскрытыми прозрачными глазами, и руки его невольно сжались в кулаки. Она так черство и безразлично говорила о погибшем псайкере, что Йозеф с трудом подавил желание схватить женщину за горло и швырнуть в стену — или хотя бы наорать. Вместо этого он лишь глубоко вздохнул.

— Она никуда не делась, — произнес Йозеф. — Это все, что от нее осталось.

Он шагнул вперед и протиснулся мимо Скелты. Егерь озабоченно кивнул:

— Смотрителя Сегана уже известили, сэр. Он направляется сюда со

своего рабочего места.

Йозеф кивнул в ответ и осторожно перешагнул силовой барьер, стараясь не помешать стайке автоматов-регистраторов, которые сканировали место преступления своими пиктерами и лазерами. Гиссос, сидя на корточках, переводил взгляд со стен на окна, затем снова к испепеленным останкам. Он сидел спиной к двери, и Йозеф, подходя, услышал резкий судорожный вздох, похожий на рыдание.

— Ты... в порядке?

Как только слова прозвучали, он ощутил себя последним дураком. Конечно же, не в порядке; его коллега только что погиб жестокой, загадочной и ужасной смертью.

— Нет, — ответил Гиссос. — Да, — произнес он мгновение спустя. — Да. Да. Для этого еще будет время. После. — Оперативник поднял голову и блеснул повлажневшими глазами. — А знаешь, я ведь... Мне показалось, что я ее слышал.

Он рассеянно дернул себя за прядь волос.

Йозеф заметил разложенные полукругом предметы — камешки, бумагу.

— А что это?

— Очаги, — ответил Гиссос. — Объекты, пропитанные эмоциональными вибрациями подозреваемого. Перриг их читает. Читала, — тут же поправился он.

— Я сожалею.

Гиссос кивнул.

— Ты должен мне позволить убить этого человека, как только мы его отыщем, — решительно и твердо сказал он Йозефу. — Конечно, как только мы убедимся в его виновности, — добавил оперативник. — Но его необходимо убить, и ты предоставишь это мне.

Йозефу вдруг стало очень жарко.

— Мы сожжем этот мост сразу, как только его перейдем.

Он отвернулся и обнаружил, что на одной из стен оставлены рисунки, которые он не мог заметить от двери. Как и в случае с убийством Нортэ и Латига, преступник оставил изображения восьмиконечных звезд. Похоже, убийца воспользовался для своих художеств тем,

что осталось от тела Перриг, и несколько раз подряд изобразил один и тот же символ.

— Что это значит? — пробормотал Гиссос.

Смотритель облизнул внезапно пересохшие губы. У него возникло странное ощущение, тупая боль в затылке, какая бывает от огромного количества рекафа и недостатка свежего воздуха. Перед его глазами возникли какие-то видения, и он знал, что в них таятся все ответы, но никак не мог их разглядеть. Совсем как в школьных математических задачах Ивака: их надо понять, и тогда решение придет само собой.

— Сабрат, что это означает? — снова спросил Гиссос. — Что это за слово?

Йозеф моргнул, и видение исчезло. Он повернулся к оперативнику. Гиссос что-то нашел рядом с кучкой пепла. Это был информационный планшет с треснувшим экраном. Как ни удивительно, он продолжал работать и периодически вспыхивал.

Он осторожно взял у Гиссоса

устройство, стараясь не прикасаться к испачканным пеплом частям. Сенсорный дисплей еще хранил отпечатки последних записанных слов, но выдавал изображение на такое короткое время, что его почти невозможно было разобрать.

— Одно из слов я понял, это «Сигг», — пояснил Гиссос. — Вот, видишь?

Он видел. А чуть ниже виднелись еще какие-то каракули, еще не сформировавшиеся в отдельные буквы. Зато выше имени стояло одно отчетливо написанное слово.

— Уайтлиф. Это чье-то имя?

Йозеф, мгновенно узнав слово, покачал головой:

— Не имя; это название одного места, которое я хорошо знаю.

Гиссос мгновенно вскочил на ноги:

— Далеко?

— В нижних отрогах, колеоптером быстро туда доберемся.

Оперативник как будто забыл на время о своем горе.

— Надо поскорее туда добраться. Толкования Перриг со временем

разрушаются. — Он постучал пальцем по разбитому информационному планшету. — Если она почувствовала, что Сигг находится в этом месте, каждый проходящий момент увеличивает вероятность того, что он снова сбежит.

Часть их разговора услышал Скелта.

— Сэр, у нас нет вспомогательных отрядов в той местности. Группа поддержки разбирается с дракой между бандами путевых рабочих, произошедшей в доках, а группа охраны правопорядка готовится к проведению карнавала торговцев.

Йозеф мгновенно принял решение:

— Когда придет Дайг, скажи ему, чтобы занялся осмотром места преступления и держал Лайтнера подальше. — Он шагнул к двери, даже не оглядываясь на Гиссоса. — Мы берем колеоптер.

Оперативнику и раньше приходилось терять товарищей, но гибель Перриг затронула его сильнее, чем все остальные. Душу Гиссоса как будто поразила пуля.

Сидя в темной кабине, среди пролетавших мимо туч, он безуспешно пытался разобраться в своих чувствах. Перриг всегда была отличным, надежным помощником, и ее общество доставляло ему удовольствие. Она никогда не заводила разговор о его прошлом и не пыталась выведать информацию сверх того, что он сам ей предлагал. Гиссос всегда чувствовал ее уважение, ценил ее компетенцию и спокойную рассудительность.

А теперь она мертва. И не просто мертва, от нее не осталось даже трупа, лишь горстка пепла и углей, кучка темного вещества, ничем не напоминавшая человеческое существо, которым она была. Он ощутил тяжесть своей вины. Перриг всегда и во всем ему доверяла, а когда ей потребовалась защита, его не оказалось рядом. Теперь его расследование стало не только профессиональным делом, но и личным, и Гиссос испытывал некоторую неуверенность.

По правде говоря, доведись ему быть посторонним наблюдателем, он сам

настаивал бы на отстранении оказавшегося в такой ситуации оперативника от дела и вызове с базы консорциума новой группы. И только поэтому он не послал рапорт о смерти Перриг войд-барону: он знал, что барон Эврот сказал бы то же самое.

Но Гиссос был уже на месте и знал, насколько высоки ставки. Каким бы компетентным дознавателем ни был Сабрат и его коллеги, над ними есть еще и начальство, которому он не мог доверять.

Да. Все это были прекрасные отговорки, приправленные долей правды, чтобы обмануть самого себя. На самом деле в данный момент больше всего на свете ему хотелось уничтожить убийцу Перриг, как уничтожают заразившееся бешенством животное.

Гиссос сложил перед собой ладони, чтобы они не сжимались в кулаки. Внешне он оставался совершенно спокойным, но внутри все бурлило от ярости. Флайер уже закладывал вираж перед посадкой, когда он взглянул на Сабрата:

— А что собой представляет этот Уайтлиф?

— Что?

Сабрат резко повернулся и взглянул на него с такой злобой, словно Гиссос нанес ему смертельное оскорбление. Затем он моргнул, и неожиданный гнев словно испарился.

— А, да. Это винный погреб. Многие мелкие винодельни отправляют туда свое эстуфагемийское вино, бочки хранятся годами, чтобы вино могло вызреть в надлежащих условиях.

— Какой там персонал?

Сабрат огорченно покачал головой:

— Там... там все автоматизировано.

Шасси флайера ударились о землю, и колеоптер остановился.

— Скорее! — крикнул смотритель, отстегивая ремни на своем кресле. — Если колеоптер задержится, Сигг поймет, что ты за ним охотился.

Гиссос последовал за ним на десантный трап, а оттуда прямо в тучу пыли и листьев, поднятых двигателями флайера. Он увидел, как Сабрат коротко

махнул рукой пилоту, а затем колеоптер взмыл в небо, заставив их пригнуться от налетевшего шквала ветра.

Шум быстро затих вдали, и Гиссос нахмурился.

— Стоило ли его отправлять? Лишняя пара глаз нам бы не помешала.

Смотритель уже шагал по плоской крыше склада, на которой они высадились.

— В прошлый раз Сиггу удалось скрыться. — Он покачал головой. — Ты хочешь, чтобы он сбежал и на этот раз?

Сабрат говорил так, словно в неудаче оперативников был повинен Гиссос.

— Конечно нет, — тихо ответил Гиссос, вынимая из карманов куртки пистолет и портативный аспик. — Нам надо разделиться, чтобы его найти.

Сабрат кивнул и присел на корточки рядом с открытой крышкой одного из люков на крыше.

— Согласен. Спускайся вниз, осматривай все уровни, а встретимся на нижнем этаже. Если найдешь его, выстрели в воздух.

Не успел Гиссос ответить, как

смотритель прыгнул вниз и пропал в темноте.

Гиссос глубоко вздохнул и отправился на противоположный край крыши. Найдя еще один люк, он задержался, чтобы надеть специальные очки, а затем спустился внутрь.

Свет почти не проникал в помещение склада, но очки устраняли этот недостаток. Сгустки тени распадались на переливы белесого, серого, зеленого и черного цветов. Добравшись до пола верхнего уровня, Гиссос обнаружил огромные цистерны, лежащие на деревянных козлах, изогнутых в форме чаши. Теплый воздух казался густым от сильного дымного запаха вина.

Он осторожно пошел вперед; под ботинками хрустели кристаллики сахара, а доски деревянного пола отзывались на шаги протяжным стоном. Маленький аспик, выполненный в виде открытой книги, висел у него на поясе и время от времени поблескивал огоньком. Ровный неизменный ритм свидетельствовал об

отсутствии человеческих существ. Гиссос удивился, что сканер не обнаруживает Сабрата, но потом решил, что маломощный прибор не может проникнуть сквозь металлические перегородки.

Мысли оперативника вернулись к оставленному Перриг информационному планшету. Судя по положению прибора относительно пепла, можно было предположить, что псайкер перед самой смертью держала его в руках. Она увидела Эрно Сигга в излучении предметов, подобранных на винодельне «Бласко», а потом через эфир проследила его до этого склада. Но вот еще одно слово, третья строчка букв на дисплее... Какое они могли иметь значение? Что она пыталась сказать? И как ее настигла такая ужасная смерть?

Наконец вопросы настолько измучили его, что Гиссос свободной рукой вытащил планшет из кармана.

«Еще один промах в расследовании», — возникла мысль в дальнем уголке его мозга. Информационный планшет был уликой, а оперативник забрал его с места

преступления. Он поднял очки на лоб и стал рассматривать дисплей в сумраке склада. Наспех написанные буквы были едва различимы, но он давно изучил этот ровный округлый почерк. Если бы только суметь еще раз на него взглянуть, возможно, он интуитивно поймет, что она хотела написать...

Копье.

Слово обрушилось на него, словно поток холодной воды. Внезапное озарение. Да, теперь он уверен. Наклон согласных букв, округлость гласных...

Но что это значит?

Следующий шаг вызвал чавкающий звук, и за ботинком что-то потянулось, словно пол покрывал толстый слой мокрой глины.

Гиссос принюхался, полагая, что протекла одна из огромных цистерн, но в следующее мгновение вездесущий сладковатый аромат вина вытеснил затхлый металлический запах. Оперативник опустил очки и осторожно убрал планшет обратно в карман.

И тогда в холодных зеленоватых

тенях он увидел фриз, сделанный из плоти и костей. На покатой плоскости одной из деревянных бочек, чуть ниже подпорки, куда никогда не попадал свет йестанского дня, ему открылся препарированный труп.

Тело было рассечено сверху донизу, так что стали доступны все внутренности, кости и мышцы. Обрывки плоти, напоминавшие о жертве, были приколочены гвоздями и образовывали грубое подобие человеческой фигуры; внутренние органы и кости сместились со своих мест и составили самые странные сочетания. Ребра, к примеру, разошлись веером, словно набор кинжалов, вонзенных в бледную мякоть печени. Вокруг тазовой кости обвились кольца кишок. Ноздреватую массу легких опутывали петли обнаженных нервных волокон. И повсюду виднелись лужи крови, застывшей, почти высохшей. Она смешалась с пролитым вином и наверняка просочилась сквозь пол на нижний уровень. То, что здесь произошло, безвозвратно испортило тысячи галлонов заботливо изготовленного вина. А рядом с останками

тела вытекающей из него кровью на гладких деревянных панелях были нарисованы восьмиконечные звезды. Взгляд Гиссоса привлек еще один предмет, мгновенно завладевший его вниманием: лицо. Оперативник осторожно подошел ближе, хотя его чуть не стошнило от чавкающего звука собственных шагов. Прищурившись, он поднял аускик и направил прибор на окровавленное пятно.

Это было лицо Эрно Сигга, срезанное с черепа и висевшее, словно забытая маска.

Звуковой сигнал аускика отвлек его от этой ужасной картины. Гиссос учился расшифровывать сигналы прибора у лучших специалистов консорциума и теперь уверенно следил за появлявшимися на экране цифрами и символами. Сенсоры определили, что кровь пролилась еще несколько дней назад, возможно, за целую неделю до этого момента. Прибор не мог лгать, убийство Эрно Сигга произошло задолго до уничтожения Перриг, в этом не было никаких сомнений.

Гиссос, с трудом сдерживая тошноту, опустил аускик, позволив ему свободно

повиснуть на поясе, и поднял пистолет. Он уже положил палец на курок, но рука дрожала, и Гиссосу никак не удавалось ее унять.

А затем он услышал шаги. На противоположном краю кровавого пятна от темноты отделилась тень и двинулась к нему. Гиссос узнал целеустремленную походку йестанского смотрителя; но тот шагал по крови, никуда не сворачивая, и его ботинки противно чавкали, проваливаясь в не до конца застывшую жижу.

— Сабрат, — сердито окликнул его оперативник, — что ты делаешь, парень? Посмотри вокруг, неужели ты ничего не видишь?

— Вижу, — послышался в ответ шелестящий, как бумага, голос.

Очки-усилители стали мешать смотреть, и Гиссос быстрым движением сдернул их с головы.

— Ради Терры, Йозеф, вернись! Ты затопчешь все улики!

— Йозефа здесь нет, — произнес тот же голос, но ставший вдруг мягким и влажным. — Йозеф ушел.

Смотритель подошел ближе, и стало видно, как сильно он изменился. С лица, менявшего очертания, словно масляное пятно на воде, на Гиссоса уставились черные провалы вместо глаз.

— Меня зовут Копье, — произнесло чудовище.

Его лицо по-прежнему оставалось безглазым, но больше не напоминало лицо человека.

Глава 9
ДАГОНЕТ
ВОПЛОЩЕНИЕ
ПАДЕНИЕ

Орбита Дагонета была забита обломками кораблей, пытавшихся в спешке покинуть поверхность планеты: прогулочных яхт, орбитальных шаттлов, суборбитальных катеров и однопалубных грузовых барж, предназначавшихся для переброски товаров на ближайшие спутники. Многие суда попали под обстрел фрегатов, блокирующих возможные маршруты бегства, и были разорваны в клочья лазерными лучами; но еще больше кораблей просто не сумели покинуть орбиту. Они были перегружены и плохо подготовлены к выходу в открытый космос, и потому двигатели часто воспламенялись, а некоторые суда просто раскалывались и лишались атмосферы. Металлические гробницы медленно опускались по спирали обратно на

вращающуюся под ними планету. По ночам жители Дагонета видели, как они падают, охваченные струями огня, и эти искусственные кометы служили предостережением тем, кто был не согласен с новым указом губернатора.

«Ультио», маневрируя при помощи рулевых двигателей, вышел из варпа в темном секторе астероидного пояса Дагонета. Новейшие технологии маскировки помогали кораблю оставаться почти невидимым, так что он беспрепятственно проскользнул мимо огромных мятежных крейсеров и их агрессивных экипажей и отыскал безопасное убежище на покинутой станции солнечных батарей. После того как блок основных двигателей — вместе с астропатом и навигатором — укрылся в доке станции, передний модуль отделился от корабля и принял вид обычного курьерского катера. Мозг пилота стал понемногу перехватывать информацию со сканеров мятежных кораблей, а потом постепенно изменил окраску катера, так что ко времени прибытия ассасинов в

главный космопорт столицы оболочка стала зеленовато-синей, как у кораблей местной флотилии, вплоть до грубо перечеркнутого символа аквилы, выдававшего перебежчиков.

На тот случай, если придется отвечать контрольной диспетчерской станции, Келл поставил к вокс-передатчику Койна. Каллидус уже слышал переговоры, перехваченные при помощи сканеров Тариила, и мог вполне сносно изобразить местный диалект, но их так никто и не окликнул.

Станции больше не существовало, ее здание было уничтожено взрывом, на посадочных площадках и в ангарах еще догорали пожары, искореженные корабли, подбитые в момент взлета, рухнули на складские комплексы и вспомогательные здания. Со стороны подъездных путей доносились оружейная стрельба и глухие взрывы снарядов.

Келл сошел с трапа и осмотрел окрестности, используя прицел своей новой винтовки.

— Сражение было совсем недавно, —

заметил Гарантин, спускаясь следом за ним. Неистовый киллер сделал глубокий вдох. — Все еще пахнет кровью и кордитом.

— Они продвинулись вперед, — сказал снайпер, обозревая трупы солдат и штатских, лежавших там, где их застигла смерть.

Трудно было определить, кто в кого стрелял: Дагонет был охвачен гражданской войной и вновь прибывшие еще не могли отличить мятежников от лоялистов. Проблеск лазерного луча внутри одного из крупных терминалов привлек внимание, в следующее мгновение до них донесся треск разрываемого воздуха, и Келл повернулся в ту сторону:

— Но не слишком далеко. Они дерутся внутри зданий. К счастью для нас, эта территория еще спорная. Можно избежать излишних объяснений.

Он забросил винтовку на плечо. По трапу на несколько шагов спустился встревоженный Тариил.

— Виндикар? Что будем делать дальше?

Келл вернулся на борт. Остальные члены карательного отряда собрались на нижней палубе и внимательно смотрели на него.

— Нам необходимо произвести разведку. Надо выяснить, что здесь происходит.

— Межпланетное сообщение с Дагонетом было прервано несколько часов назад, — доложил Тариил. — Если бы можно было захватить пленника и допросить его...

Келл кивнул и повернулся к Койну:

— Каллидус, до нашего возвращения ты остаешься за старшего.

— Нашего? — многозначительно повторила Соалм.

Он кивнул на Гарантина:

— Мы пойдем вдвоем. Обойдем космопорт, посмотрим, что удастся выяснить.

— А, отлично, — обрадовался эверсор, потирая руки. — Разминка.

— Ты уверен, что двоих будет достаточно? — не унималась Соалм.

Келл ничего ей не ответил и подошел

к Койну:

— Постарайся, чтобы все остались живы, понятно?

Койн изобразил задумчивость.

— Виндикар, мы же тут все волки-одиночки. Если покажется противник, мой инстинкт прикажет мне бросить всех и уносить ноги.

Келл не попался на его удочку.

— Тогда считай этот приказ испытанием чувства долга, противоречащего инстинкту.

Чудовище сжалось, потом подпрыгнуло в воздух, развевая полами куртки Сабрата, и приземлилось рядом с Гиссосом. Полы его одежды хлопали словно паруса, наполненные свежим ветром, и эти звуки прогнали оцепенение оперативника. Он выстрелил, целясь в центр фигуры, но снаряды прошли насквозь и не задели монстра.

Существо, назвавшее себя Копьем, ринулось вперед, и Гиссос, получив мощный удар в грудь, не удержался на ногах и отлетел к груде огромных бутылей.

Высокие сосуды от толчка раскатились в разные стороны, а Гиссос, поморщившись от боли в спине, попытался встать на ноги.

Копье отбросил свою куртку, а потом со странной для такого создания бережливостью расстегнул пуговицы на белой рубашке и аккуратно ее снял. Обнаженная выше пояса плоть чудовища менялась на глазах и становилась вишнево-красной, словно дубленая кожа. Гиссос увидел, как из грудной клетки монстра к нему протягиваются чьи-то руки, а потом показался и профиль кричащего лица. Лица Йозефа Сабрата. Обнаженные руки Копья стали раздуваться и расти, кисти превратились в пухлые обрубки плоти, твердые и блестящие на вид. Вместо пальцев остались костяные лезвия с болтающимися на них обрывками розовато-черных нервных тканей.

Гиссос прицелился и выстрелил в то место, где должно было находиться сердце, но рука опустилась и приняла снаряд на себя. От чудовища распространилась волна гнилостной вони, рана мгновенно

наполнилась шипящей жидкостью и стала затягиваться.

Тело страшного существа не переставало хаотично изменяться. Оно отвратительно скручивалось, дрожало, пульсировало, и оперативника внезапно поразила мысль, что внутри чудовища находится кто-то еще и отчаянно рвется наружу.

Безглазое лицо повернулось в его сторону, огромные челюсти разошлись, выпустив струйки слюны, и тогда Гиссос снова обрел способность говорить.

— Это ты убил их всех.

— Да, — послышался ответ, похожий на сдавленное бульканье.

— Почему? — спросил Гиссос, пятясь назад, пока не уперся спиной в груду бутылок. — Именем Терры, что ты такое?

— Нет никакой Терры, — с явным удовольствием забулькало в ответ чудовище. — Есть только террор.

Гиссос опять увидел призрачное лицо, на этот раз проступившее на раздувшемся плече Копья. Оно явно кричало ему и о чем-то умоляло.

«Беги, — разобрал он по движениям губ. — Беги, беги...»

Дрожащими руками оперативник поднял пистолет, невзирая на леденящий ужас, прицелился в голову монстра. Гиссос на своем веку повидал немало существ, которые не укладывались в рамки привычных представлений, — странные формы чужих рас, немыслимые извращения варпа, темные проявления худших сторон человеческого характера, — но это было самым невероятным из всех. Если ад существует, то этот монстр мог появиться в реальном мире только оттуда.

Копье поднял свои руки-клинки и потер одно лезвие о другое.

— Еще один, — протянул он. — Еще на шаг ближе.

— К чему?! — отчаянно вскрикнул Гиссос.

Монстр шагнул вперед, и оперативник выстрелил ему в лицо.

Копье просто передернул плечами. Первый удар сверху вниз отсек правую руку Гиссоса повыше локтя, и вместе с ней на

пол упал пистолет. Вторым колющим движением рука-клинок пронзила ему кожу, грудную клетку и легкие, пока не вышла из спины вместе с потоком темной крови.

Гиссос еще не умер, когда Копье начал рвать его на куски. Последнее, что отметило угасающее сознание, был чавкающий звук пожираемой плоти.

Они пробрались ближе к месту, где шел бой, и услышали выстрелы и крики раненых. Со стороны открытой стоянки каждые несколько секунд раздавалось отрывистое уханье автоматического орудия.

По пути им попалось множество убитых, и эверсор начал с того, что остановился и осмотрелся, чтобы определить, каким оружием сражались погибшие. Но он не нашел ничего, достойного его внимания; в основном это были стабберы модели «Найр» да случайно попадавшиеся лазганы. Гарантин всегда недолюбливал лазерное оружие: оно было для него слишком хрупким, слишком легковесным и слишком часто подводило в

самый разгар работы. Ему нравилась обнадеживающая тяжесть баллистического оружия, увесистый толчок отдачи при выстреле, басовитый гул снарядов, вылетавших из ствола, или пронзительный вой игольных зарядов. Массивное комбинированное оружие в закрытом броней кулаке устраивало эверсора как нельзя лучше. Это была его мечта, воплощенная в оружейном металле.

Он присел на корточки под треснувшей терракотовой вазой, еще раз осмотрел свой «Экзекутор» и сжал пальцами рукоятку. Желание поразить цель — любую цель — стало настолько сильным, что он едва сдерживался. Вживленные в мозг кристаллы отзывались на его предвкушение легким покалыванием, и он почувствовал, как от впрыскивания успокоительных средств, предназначенных для выравнивания сердечного ритма, похолодели химогланды.

— Эверсор, — в наушнике его маски-черепа раздался голос снайпера, — к югу от

нас, под разбитыми часами у входа на станцию монорельса, окопалась группа нерегулярных войск. В их распоряжении одно тяжелое орудие.

Гарантин выглянул из-за вазы и отыскал взглядом треснувший циферблат. Он утвердительно хмыкнул, и Келл продолжал:

— Они сдерживают натиск отряда Сил Планетарной Обороны. Солдат СПО осталось не слишком много. Сиди и наблюдай.

Последняя фраза вызвала у Гарантина неудержимый смех.

— Ну уж нет.

Он вскочил на ноги, в ушах зазвенело от стимъекторов, и в крови разгорелся бушующий огонь. Глаза Гарантина под маской широко раскрылись, а все тело напряглось, словно натянутая струна. Келл говорил ему что-то еще, но его слова теперь значили не больше, чем жужжание насекомых.

Гарантин спрыгнул с выходящего на стоянку балкона, пролетел два этажа вниз и приземлился прямо на сломанные часы,

удерживаемые закрепленными на потолке металлическими тросами. Под его весом вся конструкция развалилась, и он вместе с часами рухнул на выложенный плитками пол позади импровизированной огневой позиции. При ударе часы рассыпались на части, и колесики, винтики, осколки циферблата разлетелись во все стороны, ошеломив людей у пушки.

Келл назвал их нерегулярным отрядом, значит, они не солдаты, по крайней мере официально. Обострившееся под действием стимуляторов восприятие эверсора помогло ему в один миг заметить все детали. Люди носили разные мундиры — некоторые были в форме СПО, другие в куртках Арбитрес. И их оружие было таким же разнородным. При виде упавшего с неба человека в маске-черепе артиллеристы развернули орудие на треноге и нацелились в него.

Гарантин с ревом бросился в атаку, и его крику вторил грохот «Экзекутора». Болт-снаряды взорвались в телах влажными алыми брызгами, и он мгновенно оказался в центре группы,

поражая людей уже ударами нейроперчатки. Шипы с легкостью впивались в плоть, заставляя солдат кататься по полу в смертельных судорогах. Управляющих орудием артиллеристов он убил ударами бронированной рукавицы, пробив им грудные клетки до самого позвоночника. А в довершение ударил ногой и по треноге, так что пушка с грохотом покатилась по кафельному полу.

Еще дрожа от возбуждения, он расхохотался. Адреналиновая пелена не помешала ему заметить осторожно выглянувших из укрытия людей в форме СПО с лазерными карабинами.

Он отвесил им глубокий поклон.

— Служба спасения! — крикнул Гарантин. — Считайте это подарком от правителя Терры.

— Идиот. — Голос Келла пробился в его взбудораженный разум. — Посмотри на их нагрудники!

Он так и сделал; у всех солдат СПО на груди виднелся вытравленный символ аквилы, что свидетельствовало об их

неприятии правления Императора. Солдаты открыли стрельбу, и Гарантин, снова засмеявшись, уклонился от лучей и бросился вперед, держа перед собой «Экзекутор».

Копье методично поглощал пищу. Человеческого питания вполне хватало, чтобы поддерживать биологию маскировочной наружности, пока он был в состоянии отстраненности, но внутренние слои истинного естества убийцы уже начинали испытывать голод. Несколько глотков крови портового рабочего и клерка на время утихомирили голод, но этого было явно недостаточно, а уничтожение псайкера отняло у него немало сил.

Зато сейчас он мог поесть вволю. Кости с хрустом разгрызались острыми зубами, внутренние органы были еще теплыми и сочными, словно спелые фрукты, и крови было более чем достаточно, чтобы утолить любую жажду.

В самых глубоких каньонах разума

Копья еще слышались стенания и крики маскирующего существа, которое было вынуждено наблюдать за всем происходящим из своей клетки. Оно никак не могло понять, что для Копья это был лишь слабый шум, что оно лишено возможности влиять на ситуацию в окружающем мире. И пока Копье удерживает контроль, такое положение сохранится.

Йозеф Сабрат был всего лишь последним в длинной веренице чередующихся образов, накладываемых на пластичный облик Копья, как очередной слой красителя, впитываемый многоцветным шелком. Плоть убийцы, служащая оболочкой для поселившегося в ней варп-хищника, была больше демонической, чем человеческой, и не подчинялась традиционным законам вселенной. Это был облик без определенных очертаний, но совсем не такой, как у некоторых глупцов людского рода, которые манипулировали своей кожей и костями при помощи химических средств и считали это достижением. Превращения

Копья выходили далеко за рамки маскировки или притворства. Говоря о своих божествах, принимавших облик человека, жрецы древних запрещенных религий называли это воплощением.

Насытившись, Копье собрал и тщательно убрал останки Гиссоса в бочонок. Одежду оперативника и все его вещи он аккуратно сложил в сторонке, намереваясь использовать позже. Оставшиеся части трупа будут сброшены с крыши винного хранилища в глубокое ущелье, откуда их унесут в море бурные потоки воды. Но сначала надлежало довести до конца основную инсценировку.

Из огромной цистерны, предназначенной для созревания вина, Копье извлек мясистое яйцо в плотной оболочке и открыл его, разорвав пленку зубами. Изнутри вырвалась струя зловонного газа, а затем на деревянный настил выпала обнаженная человеческая фигура. Эта капсула образовалась из семени, которое Копье вскоре после прибытия на Йесту Веракрукс поместил в легкие бездомного пьяницы. Наделенное

волшебством его хозяев, семя поглотило тело бродяги и образовало стазис-оболочку, в которой Копье мог надежно хранить тело Йозефа Сабрата в течение двух месяцев.

Разорванная оболочка быстро испарилась, а Копье надел на Йозефа Сабрата одежду, бывшую на нем в тот момент, пока убийца занимал его место. Капсула сделала свое дело. Мертвый смотритель выглядел так, словно был только что убит, и никакие человеческие приборы не могли бы отыскать ни одного несоответствия. Из колотой раны, поразившей сердце, снова потекла кровь, и Копье, искусно уложив труп, достал из складок своей плоти изогнутый нож и вставил его в отверстие в груди.

Он задержался еще на мгновение, чтобы убедиться, что прокол в задней части нёба Сабрата совсем не виден. В том месте твердый как железо хоботок проник в мозг смотрителя и высосал необходимые вещества, которые определяли память человека и его личность. Затем демоническая оболочка

Копья реализовала полученную информацию. Произошедшие изменения были настолько глубокими и сильными, что получившееся в результате существо было не просто маской, которую надел убийца, а живой, дышащей личностью. Эта личность считала себя реальной и жизнеспособной, и никакие псионические сканеры не могли бы уличить его в обмане.

Тем не менее женщину-псайкера следовало устранить как можно быстрее, и не только в целях сохранения маскировки, но и для того, чтобы подтолкнуть расследование. Теперь, когда личность Йозефа Сабрата безукоризненно сыграла свою роль, очередная фаза завершена. Скоро Копье очистится от маскировочного образа и наконец избавится от его раздражающе морального образа мышления, отвратительной склонности к состраданию, тошнотворной преданности коллегам по службе, своему отпрыску и половому партнеру. Начиная с этого момента Копье будет изменять только внешность и никогда больше не станет полностью воплощаться в

человека. От предвкушения этого у него едва не закружилась голова. Еще несколько шагов, и он приблизится к своей цели.

Убийца встал на колени рядом с телом Гиссоса, одним движением когтей отсек ему голову и поднял ее. Отрывистый кашель освободил из задней части нёба твердый хоботок, и жало легко проникло в череп через правый глаз, дойдя до того сектора остывающего мозга, который определял личность человека.

Копье выпил его без остатка.

Койн опустил монокуляр и спрятал его в карман офицерского кителя, снятого инфоцитом с одного из убитых на посадочной площадке. Одежда оказалась маловата, но пластичные резервуары, расположенные под кожей каллидуса, помогли немного изменить строение тела и перераспределить массу, после чего китель оказался в самый раз.

— И как ты намерен попасть внутрь? — спросила Йота.

В тени под разбитым окном кулексус была почти не видна, в лунном свете

поблескивали лишь изгибы ее серого ухмыляющегося шлема. Ее голос из-под капюшона псайкера приобрел странный металлический тембр и доносился словно издалека.

— Через главный вход.

Каллидус наблюдал за людьми, ходившими взад и вперед перед коммуникаторием, подмечая настороженность в их движениях и жестах не только для того, чтобы пробраться внутрь, но и для того, чтобы проникнуть в умонастроения. Информационные планшеты, найденные среди разрозненных останков немногочисленного патруля мятежников, истребленного Гарантином, снабдили членов карательного отряда сведениями об этом объекте. Это был единственный опорный пункт на несколько километров вокруг, а Келл пока не был готов выводить свою группу из относительной безопасности «Ультио», чтобы преодолеть длинный отрезок магистрали, ведущей к столице Дагонета. Огромный город — самый большой на планете — уже был

виден на юге, на фоне темнеющего неба. Некоторые из самых высоких башен еще дымились, другие покосились, словно опирающиеся друг на друга пьяницы; но в небе не было видно следов трассирующих снарядов, не было ни грибовидных облаков взрывов, ни грохотавших в небе бомбардировщиков. Все выглядело спокойно, по крайней мере настолько спокойно, насколько это возможно в мире, объятом гражданской войной.

На вопрос Койна о результатах разведки эверсор только усмехнулся, а снайпер немногословно ответил, что обстановка весьма сложная.

Койн в этом ничуть не сомневался. Каллидус имел опыт сотен боевых операций, и многие из них проходили в зонах активных военных конфликтов. Там он понял, что так называемые наземные контрольные данные, выдаваемые генералами из удобных и безопасных убежищ, довольно далеки от истины. Для такого солдата, как ассасин, единственной формулой истины, которая никогда не подводила, являлся вектор между оружием

и целью. Но сейчас он сидел здесь, вместе с девчонкой-парией по имени Йота, и ее нульдар, от которого по коже пробегала дрожь, защищал их позицию от любого псионического вмешательства.

— Предположение Тариила оказалось верным, — сказала Йота, провожая взглядом пролетавший над головой роторплан. — Внутри этого здания находится астропат.

— Это тебя беспокоит?

Она покачала головой, и раздутый шлем-череп блеснул при движении.

— Нет. Я думаю, астропат находится под действием химических демпферов.

— Хорошо. — Койн поднялся. — Не хочется, чтобы там возникла паника, пока мы не закончим.

Каллидус сконцентрировался на мысленном образе и передал команду своему телу, а затем изменил положение голосовых связок, имитируя тональность офицера, говорившего по вокс-сети, к которой они подключились.

— Приступаем.

Оборотень держал свое слово.

Йота пошла следом за каллидусом, держась в тени приземистых блокгаузов, и у нее на глазах Койн стал точной копией командира СПО мятежников, а потом, не вызывая ни тени подозрений, прошел через наружный контрольно-пропускной пункт коммуникатория. В какой-то момент Йота потеряла каллидуса из виду, и когда человек в форме СПО Дагонета приблизился к ее убежищу, она мгновенно активировала на запястье убивающей руки комби-игольник, чтобы покончить с ним, не поднимая шума.

— Йота, — окликнул ее совершенно незнакомый голос. — Покажись.

Она вышла из тени.

— Мне нравятся твои трюки, — сказала Йота.

На моментально изменившемся лице Койна появилась улыбка. Он открыл дверь.

— Сюда. Я отпустил часовых, стоявших у лифта, но у нас мало времени. Астропата они держат на одном из нижних уровней.

— А зачем ты изменил лицо? —

спросила Йота, пока они шли по слабо освещенным коридорам.

— Мне скучно, если все слишком легко, — ответил Койн, останавливаясь перед шахтой лифта. — Ну вот мы и на месте.

Каллидус протянул руку к кнопке вызова, как вдруг двери открылись, и свет из кабины хлынул в коридор. Два солдата, находившиеся в лифте, увидели темный силуэт кулексуса и потянулись за оружием.

Копье проглотил неповрежденный глаз Гиссоса, затем положил отрезанную голову вместе с другими останками и ловким движением швырнул все в глубокий каньон.

Вернувшись в помещение хранилища, он прошел к кровавому произведению искусства, в которое превратил тело Эрно Сигга. Беднягу Эрно он использовал в качестве ширмы; мучил его, сводил с ума и только потом уничтожил окончательно. Этот человек тоже выполнил свое предназначение. Копье прошел дальше и

еще раз проверил, чтобы тело Йозефа Сабрата лежало так, как надо. Улики, собранные им в течение нескольких недель, тоже были разложены вокруг, и когда их обнаружат, у дознавателей Защиты не останется ни малейших сомнений в том, что убийцей Джааред Нортэ, Кирсана Латига, Перриг и Сигга был не кто иной, как их коллега-смотритель.

На своем новом лице он изобразил иронично-мрачное выражение и попытался его оценить, но без зеркала увидеть, как действует новая маскировка, было невозможно. Копье ощупал руками лицо, теперь принявшее облик оперативника из концерна «Эврот». Оно показалось ему странным и не до конца оформившимся. Потоки новых воспоминаний и признаков личности, высосанных из головы Гиссоса, смешивались с остатками образа Сабрата и мешали сосредоточиться. Похоже, придется срочно очистить память от целеустремленной личности упрямого смотрителя.

С тяжелым вздохом Копье опустился на пол и уселся, скрестив ноги. После этого

он сосредоточился на практике, вбитой в его голову мастерами обучения, и обратился к своему духу, представляя его в виде струи ядовитого пламени, обрамленного угольно-черным льдом.

В глубине своего разума Копье отыскал клетку, разорвал ее и собрал обрывки мыслей — все, что к этому моменту оставалось от Йозефа Сабрата. Останки личности, осознавшей близкий и неминуемый конец, излучали страх, вызвавший у Копья довольную усмешку. Затем он приступил к очищению — ломал и рвал все, что еще оставалось от человека, выплевывал тошнотворные обрывки, приевшиеся до тошноты эмоции и мало-помалу освобождался от надоевшей личности Сабрата.

Копье был настолько поглощен этим процессом, что, только услышав чужой голос, понял, что он не один.

Рука Койна едва заметно дернулась, и наполненный ядом стилет вылетел из ножен на запястье, описал плавную дугу и вонзился в живот солдата, стоявшего

слева. Жидкость, заключенная внутри клинка, представляла собой разъедающее вещество, поражающее любые органические ткани, вплоть до натуральных волокон и выдубленной кожи. Человек рухнул на пол и начал быстро разлагаться.

Второго солдата на мгновение окутал яркий свет, вспыхнувший в коридоре, а затем Йота прижала ладонь к его груди и толкнула вглубь лифта, и Койн боковым зрением увидел, как темная сила кулексус охватила его тело и уничтожила. Негромкий крик еще не успел затихнуть, а солдат уже превратился в пепел, как будто сгорела пачка бумаги. Еще через мгновение о его существовании напоминал только завиток черного дыма; а от другого солдата осталась лужица жидкости, сочащаяся сквозь решетчатый пол кабины.

Каллидус убедился, что яд выполнил свою работу, а затем поглотил сам себя и пинком разбросал по коридору кучку оставшихся от человека зубных пломб, металлических пуговиц и пластмассовых

пряжек. После этого он разбил люмосферу, освещавшую кабину, и нажал кнопку спуска.

Несколько мгновений они спускались в полной темноте и молчании, и Койну вдруг показалось, что кулексус растворилась в воздухе, хотя она стояла у самого его плеча.

— Его звали Мортаном Гаутами, — неожиданно сказала Йота. — Он никогда никому не рассказывал, но его мать обладала способностью во сне видеть будущее. У него самого обнаружились определенные псионические способности, но он злоупотреблял наркотиками и не развивал их. — Череп-шлем слегка повернулся. — Эту неиспользованную силу я и направила на его уничтожение.

— Держу пари, тебе известны имена всех, кого ты уничтожила, — с оттенком жестокой насмешки заметил Койн.

— А разве тебе они не известны?

Каллидус не счел нужным отвечать. Лифт уже остановился на нижнем уровне, и стоявшие у дверей охранники получили по быстрому смертельному удару.

В центре зала, полностью

построенного из феррокрита, стояла герметичная камера, опутанная петлями толстых кабелей. Прямо перед ними, словно закрытый глаз, располагалась массивная дверь в виде диафрагмы. К механизму замка вела небольшая лесенка. Койн, поднявшись на ступени, активировал отпирающий механизм и услышал тонкий резкий визг. В первый момент каллидус решил, что это скрежет металла, но затем лепестки диафрагмы раздвинулись, и стало ясно, что это высокий пронзительный вопль.

Он заглянул внутрь и увидел мертвенно-бледного астропата. Человек забился в самый дальний угол, прижался спиной к стене и невидящими глазами уставился на Йоту.

— Пустота мысли, — бормотал он между воплями. — Покров тьмы. Отравляющий разум.

Каллидус стукнул рукояткой украденного пистолета по окантовке диафрагмы.

— Эй! — рявкнул он голосом офицера. — Прекрати орать. И слушай меня. Или ты

выдашь мне всю требуемую информацию, или я запру ее тут вместе с тобой.

Астропат сделал жест аквилы, словно по старинке предохранив себя от действия злых сил. Вопли умолкли, и охрипший от криков голос произнес:

— Только держи ее подальше от меня.

Йота поняла намек и отошла к лифту, но осталась в пределах слышимости.

— Так лучше?

Койн отметил, что астропат едва заметно кивнул.

— Я расскажу все, что ты хочешь знать.

Ассасин быстро узнал, что астропат был одним из немногих своих собратьев, оставшихся в живых в системе Дагонет. С самого начала мятежа, в процессе изоляции от всей Галактики и Империума, на планете стали избавляться от всех линий связи с Террой, но кое-кто из новоиспеченных шишек рассудил, что надо оставить в живых хотя бы нескольких телепатов, способных отправлять и принимать межзвездные

сообщения. И он оказался в их числе, но был лишен всякого общения, изолирован и заперт. Астропат изголодался по информации и, начав говорить своим бесцветным монотонным голосом, уже не мог остановиться.

Он поведал о разгоревшейся гражданской войне. Как и упоминалось в кратких инструкциях Вальдора, Дагонет стал ключевым миром в политико-экономической структуре Таэбианского сектора, и его падение под натиском Воителя может положить начало эффекту домино, когда все планеты этого торгового сообщества одна за другой последуют его примеру. Любой оплот лоялистов в этом районе космоса окажется в опасности. В первые же минуты восстания в Имперский флот и к Адептус Астартес были отосланы отчаянные просьбы о помощи, но они так и остались без ответа.

Койн все это выслушал молча. И кораблям имперских флотилий, и верным Легионам Астартес приходилось сражаться вдали от Таэбианского

сектора. На них рассчитывать не приходится. При всей опасности, которую таит в себе падение Дагонета и соседних планет, в данный момент идут более важные сражения, и никакие герои-крестоносцы не поспешат на выручку здешним обитателям. Затем астропат стал рассказывать о ходе гражданской войны и положении на сегодняшний день, а каллидусу вспомнились слова, сказанные на борту «Ультио» по пути к Дагонету.

Гражданская война почти закончена, и верные Императору силы терпят поражение. Перешедшим на сторону Хоруса войскам осталось совсем немного, чтобы подавить последние очаги сопротивления.

Дагонет уже потерян.

Смотритель Дайг Сеган. Из воспоминаний Сабрата Копье знал, что этот человек настолько же упрям, насколько суров, и при всей кажущейся медлительности он опасно догадлив.

— Йозеф! — крикнул смотритель, продвигаясь в темноте с факелом в одной

руке и пистолетом в другой. — Что это за вонь? Йозеф, Гиссос, вы здесь?

Сеган, невзирая на отданный Сабратом приказ, последовал за ними в Уайтлиф. Этот тип и не догадывался о тонкой и незаметной для посторонних глаз игре Копья.

В глубине мыслей убийца различил эхо личности Сабрата, отчаянно старавшейся быть услышанной. Невероятно, но это существо пыталось игнорировать его. Оно боролось против своего полного уничтожения.

Тело Копья, заключенное в рамки облика Гиссоса, задрожало. Обряд очищения требовал особого внимания, деликатности и полной сосредоточенности. Он не допускал постороннего вмешательства, особенно сейчас, когда наступил критический момент...

— Эй?

Сеган подходил все ближе. В любой момент он может наткнуться на тщательно сконструированную Копьем сцену преступления. Но сейчас еще слишком рано. Слишком рано!

Копье совершенно отчетливо услышал, как над ним насмехается Сабрат. В приступе внезапного раздражения он стукнул себя по голове, и боль удара заставила стихнуть ненавистный голос. Он пытался сохранить облик Гиссоса, и от этих усилий перекосило правую щеку и задергался правый глаз.

Копье поднялся на ноги и направился навстречу приближавшемуся Сегану. Свет факела в руке смотрителя выхватил его из темноты, и убийца услышал, как тот ахнул.

— Гиссос? А где Йозеф? — Сеган пристально на него уставился. — Что случилось с твоим лицом?

— Ничего, — раздался голос оперативника. — Все в порядке.

Смотритель явно сомневался.

— Ты чувствуешь этот запах? Как будто кровь, дерьмо и все такое... — Свет факела попал на одежду, еще влажную от крови. — Ты ранен?

Копье подошел ближе.

— У меня есть для тебя задание, —

сказал он. — Определенная роль. Зачем ты сюда пришел, если я велел тебе оставаться в городе?

— Это Йозеф велел мне остаться, а не ты, — мгновенно насторожившись, резко ответил Сеган. — Я не подчиняюсь твоим приказам, даже если все вокруг подпрыгивают, стоит вашему проклятому барону только чихнуть.

— Но ты все равно должен был остаться, — настаивал Копье. — Теперь мне придется переписать сценарий.

— О чем ты толкуешь? — удивился смотритель.

— Иди и посмотри сам.

Копье взмахнул рукой и схватил его за ворот. Захваченный врасплох Сеган покачнулся, а Копью только этого и было надо, чтобы сбить его с ног и отшвырнуть на другой конец помещения.

Сеган тяжело шлепнулся наземь, его пистолет вылетел из руки и, скользнув по полу, остановился у края кровавой лужи. Смотритель, проводив его взглядом, резко крикнул: «Великий Трон!» Он увидел тело Сабрата, и Копье ощутил близость

победы, когда понял, что внутри человека что-то сломалось. При виде тела друга, подвергнутого столь жестокому надругательству, его решимость чуть-чуть уменьшилась.

— Йозеф?..

— Он во всем виноват, — сказал Копье. — Это ужасно.

Сеган бросил в его сторону уничтожающий взгляд.

— Лжец! Это невозможно! Йозеф Сабрат был хорошим человеком, он бы никогда... никогда...

Копье нахмурился:

— Конечно. Я знал, что ты с этим не смиришься. В этом и состояла твоя роль. Должен же быть хоть один человек в Защите, который не поверил бы этому объяснению. Иначе оно могло бы показаться фальшивым. Но ты все испортил. И я должен возместить урон.

Наконец на лице смотрителя вспыхнуло понимание.

— Ты. Это все сделал ты.

— Да, это сделал я, — насмешливо сказал Копье. Он позволил своему лицу

дрогнуть и трансформироваться, а глаза опять превратились в черные бездонные ямы. — Это сделал я, — повторил он.

Копье двинулся к нему, намеренно замедлив изменение черт лица. Сеган страшно побледнел. Дрожащими руками он вытащил из-за ворота какой-то блестящий золотой предмет и прижался к нему губами, словно это был ключ к двери, за которой он мог скрыться от окружающего ужаса. Мрачный маленький человечек со страху не мог даже сдвинуться с места.

— Император защитит, — громко произнес Сеган. — Император защитит.

Копье разинул клыкастую пасть.

— Наверняка не защитит, — сказал убийца.

Через открытые вентиляционные люки на полетной палубе «Ультио», впускавшие влажный и пахнущий дымом воздух, доносились далекий гул и треск минометных снарядов.

Зашифрованный рапорт Койна, переданный сжатым пакетом по каналу

вокса, поступил сразу после заката и подтвердил худшие опасения Тариила. Миссию можно было считать законченной, хотя она даже не успела начаться. Он так и сказал Келлу и остальным, а в ответ получил грубую усмешку Гарантина.

— Слабаки, — проворчал эверсор. — У вас кишка тонка. Все вы боитесь испачкать одежду на поле боя! — Громадная фигура киллера угрожающе нависла над ними. На этот раз он был без маски, но грубое, испещренное шрамами лицо выглядело ничуть не лучше, чем металлический череп. — Обстоятельства выполнения миссии всегда меняются. Но ты приспосабливаешься и жмешь до конца!

— Жмем до конца, — повторил ванус. — Может, ты не понял суть рапорта Койна? Или тебя смущают длинные слова?

Гарантин поднялся на ноги и злобно прищурился.

— Повтори, что ты сказал, щенок! Я тебе покажу!

— Эта война окончена! — почти прокричал Тариил. — Дагонет уже покорен. Неужели ты не понимаешь, что

Хорус уже получил этот мир в свое распоряжение?

— Хорус еще даже не появлялся на Дагонете, — заметила Соалм.

Он обернулся к ней:

— Конечно! Воитель сюда не прилетал, и все же он здесь!

— Скажи ему, пусть выражается яснее, — обратился Гарантин к Келлу. — Или я укорочу ему язык.

— Это он не о самом Хорусе, — пояснил Келл. — А о том, что он олицетворяет.

Тариил энергично кивнул:

— Предводителям мятежа на этой планете не требуется личное присутствие Хоруса. Его влияние нависло над Дагонетом, как солнечное затмение. Они сражаются под его знаменем из страха перед ним, и этого достаточно. А когда они победят, они сделают за Воителя всю работу. То же самое происходит по всей Галактике, во всех мирах, слишком удаленных от Терры и власти Императора. — От охватившего разочарования его била легкая дрожь. —

Как только Дагонет падет, Хорус отвернется от этой планеты и двинется дальше, еще на шаг приблизится к воротам Императорского Дворца...

— Хорус не будет высаживаться на Дагонете, — резюмировала Соалм. — Ему просто незачем это делать.

Инфоцит снова кивнул:

— И все наши приготовления к этой миссии окажутся бессмысленными.

— Мы теряем шанс его убить, — добавил Келл.

— Верно, — кивнул Тариил и искоса взглянул на Гарантина: — Теперь тебе понятно?

Выражение лица эверсора изменилось.

— Значит, мы должны устроить так, чтобы он прибыл на Дагонет, — немного подумав, заявил он.

Соалм скрестила руки на груди:

— И как ты предлагаешь это устроить? Как только губернатор планеты принесет присягу мятежникам, Воитель, возможно, пришлет сюда делегацию во главе с адмиралом

флотилии или что-то вроде этого. Он не станет тратить время и силы космодесантников на торжественные церемонии.

Гарантин язвительно усмехнулся:

— Вы, похоже, считаете, что я слишком медленно соображаю, не так ли? Но ты упустила очевидную возможность, женщина. Если Хорус не станет тратить время на войну, которая закончилась, надо сделать так, чтобы она продолжалась.

— Намеренно затянуть гражданскую войну, — абсолютно невыразительным тоном произнес Келл.

— Мы заманим его сюда, — хищно оскалившись, подтвердил эверсор. — Мы сделаем из Дагонета такую занозу, что ему ничего не останется, как только прилететь сюда и разобраться лично.

Тариил задумался над его предложением. Идея была примитивной и грубой, но в ней имелось рациональное зерно. Она могла сработать.

— У Воителя к Дагонету особое отношение. Здесь он одержал одну из своих первых побед. Это обстоятельство и

стратегическое положение... Этого может хватить. Упустить этот мир из своих рук стало бы позорным пятном на его репутации.

На палубе послышались шаги, и, подняв голову, инфоцит увидел, что на полетную палубу поднимается Йота, а следом идет незнакомый человек в форме СПО.

— Расслабься, ванус, — сказал офицер с циничной усмешкой, выдавшей Койна. — Как я понимаю, вы нашли мое донесение достойным обсуждения. И что же я пропустил?

— Вы закончили операцию без осложнений? — спросил Келл.

Йота кивнула:

— Сколько здесь сейчас времени?

— Четырнадцать сорок девять, — автоматически ответил Тариил, чей внутренний хронометр уже был синхронизирован со стандартом времени Дагонета.

— Нас здесь шестеро, — продолжал Гарантин. — Каждый в одиночку свергал правителей и разрушал царства. Неужели

ты не сумеем подбросить дров в этот затухающий пожар?

— А как насчет жителей Дагонета? — напомнила Соалм. — Они попадают под перекрестный огонь.

— Неизбежные потери, — без всякого смущения ответил ассасин.

— Сколько сейчас по местному времени? — снова осведомилась Йота.

— Четырнадцать пятьдесят. Почему ты все время...

Ослепительная вспышка вдали не позволила ему договорить, а через несколько мгновений донесся и грохот далекого взрыва.

— Великая Терра, это еще что?! — воскликнул Келл. — Это коммуникаторий?

— На силовом генераторе возникла перегрузка. Я сделал так, чтобы во всем обвинили местных борцов за свободу, — сказал Койн. — Надо же было уничтожить все следы нашего посещения. И свидетелей тоже.

Усмешка Гарантина стала еще шире.

— Ну вот видите? Мы уже начали.

Глава 10
ВОПРОС ДОВЕРИЯ
ПОБЕГ
ФАЛЬШИВЫЙ ФЛАГ

— Не спеши, — ворчал Грол. — Они увидят, что ты бежишь, и все поймут.

Бейя искоса взглянула на него из-под форменной фуражки.

— Я и не бегу. Можешь мне поверить, это совсем не бег, это целеустремленный шаг.

Он фыркнул и схватил ее за руку, заставляя притормозить.

— Ладно, постарайся принять беззаботный вид. — Грол окинул взглядом прилавки рыночной площади, по которой они проходили. — Сделай вид, что ты хочешь что-то купить.

Идущая рядом с ними Насри фыркнула.

— Что, например? — спросила бывшая служащая армии, наморщив украшенный шрамом носик.

Она была права. Прилавки по большей части стояли пустыми, брошенные своими хозяевами. Многие торговцы просто опасались покинуть свои дома, а у других давно закончились товары, поскольку городские власти объявили военное положение и установили пропускные пункты на всех главных магистралях, ведущих в город. Бейя не удержалась и оглянулась через плечо. Вдали высилось здание столичного отряда Адептус Арбитрес, окутанное тонкими струйками дыма. Сквозь него на северной стороне башни виднелся перечеркнутый имперский орел, а ветер доносил резкое завывание полицейских сирен.

— Не оглядывайся, — одернул ее Грол.

— Ты хотел, чтобы мы выглядели как все, — ответила она. — А все вокруг смотрят туда.

Сказать по правде, народу вокруг было совсем мало. Те немногие жители, кто осмелился выйти из дома, торопливо пробирались по заваленным обломками улицам и спешили по своим делам. Из опасений нарушить недавно выпущенный

указ, угрожающий арестом всем, кто будет заподозрен в «подстрекательстве к мятежу», никто не собирался в группы больше четырех человек.

Бейя едва не рассмеялась, вспомнив об этом указе. Мятеж — это противодействие существующей власти, а ее, Грола, Насри и еще горстку стельчаков никак нельзя в этом обвинить. Как раз они-то и боролись за восстановление законного правления Императора. Мятежниками можно с полной уверенностью назвать аристократов нескольких кланов и слабовольного губернатора, которые отвергли власть Терры и перешли на сторону...

Она резко подняла взгляд, выйдя на перекресток. Здесь, на островке между магистралями, стояла статуя Воителя, нисколько не пострадавшая в уличных перестрелках. Он возвышался над всеми, протягивая одну руку вперед, словно предлагая помощь, а второй удерживая нацеленный в небо болтер. Бейя недовольно отметила, что у подножия статуи горят свечи и лежат дешевые украшения,

оставленные теми, кто стремился показать свою преданность новому режиму.

Грол помедлил на пересечении улиц, потеребил редкую бородку и осмотрелся. Наконец он решился:

— Сюда.

Бейя и Пасри вслед за ним пересекли линию монорельса и свернули к узкой улочке между двумя обшарпанными витринами. Бейя даже сумела не вздрогнуть, заслышав рокот патрульного роторплана, пролетевшего над самыми крышами с включенной сиреной.

— Он ищет не нас, — автоматически произнесла Пасри.

Но в следующее мгновение Бейя услышала, что звук двигателей изменился, и машина начала разворот, подыскивая место для посадки.

— Ты в этом уверена?

Грол негромко выругался. Вся операция с самого начала и до конца была сплошной серией неудач. Для начала на условленное место встречи не явился человек, который должен был обеспечить

вездеход на воздушной подушке, и им пришлось импровизировать с шестами и веревками, поскольку Грол, естественно, не намеревался жертвовать собой ради такой ничтожной цели. Затем, при подходе, они обнаружили, что баррикады, сооруженные солдатами кланов, передвинуты и подобраться к дверям участка на расстояние прямого выстрела уже невозможно. И напоследок, заряд, приготовленный из наспех собранных химикатов, взорвался с громким треском и яркой вспышкой, но Бейя заметила, что здание пострадало не слишком сильно.

Она еще надеялась, что им хотя бы удастся ускользнуть от полицейской облавы. Но если их схватят, провал будет полным и окончательным. Бейя знала, что в патрульной машине находятся девять полицейских с кибермастифами и дронами-шпионами. Как только она представила себе интерьер промозглой и холодной камеры для допросов, в груди зародились первые ледяные пузырьки паники. Она больше никогда не встретится с Капрой.

Грол пустился бегом, и Бейя с Пасри, подгоняемые металлическим лаем усовершенствованных псов-роботов, старались от него не отставать. Он проскользнул в щель между двумя мусорными контейнерами и помчался по боковой улочке. Впереди открылась дверь, и им навстречу вышла женщина в саронге и с зонтиком от солнца. Бледность ее лица сразу бросилась в глаза Бейе. Яркое солнце Дагонета придавало смуглый оттенок коже всем жителям этой температурной зоны планеты, значит, это была либо праздная аристократка, либо гостья из другого мира; и то и другое было нехарактерно для этой части города.

— Простите, — заговорила женщина, и ее акцент немедленно подтвердил принадлежность к другому миру. — Могу я вас попросить?

Грол едва не споткнулся, но выровнял шаг и ринулся мимо незнакомки.

— Уйди с дороги, — бросил он.

Бейя бежала вслед за ним. Она слышала лай мастифов и видела, как Пасри, сохраняя невозмутимое выражение

лица, оглядывается через плечо.

— Как скажешь, — сказала женщина и раскинула руки.

Бейя заметила блеск металлических игл на запястьях и увидела, как женщина набрала полную грудь воздуха. Из игл вырвались струйки легкого тумана, который мгновенно окутал всех троих.

Земля под ногами Бейи внезапно стала пружинить, и она покачнулась, увидев мельком, что Грол тоже сбился с шага. Насри негромко вскрикнула и упала. А затем конечности перестали слушаться приказов мозга, и Бейя тоже рухнула на землю. Она еще успела увидеть улыбку на бледном лице женщины и мелкие капельки жидкости на кончиках ее пальцев.

— Дело сделано, — услышала она голос, вызвавший в голове странное гудящее эхо.

А потом все ощущения Бейи померкли.

Вернуться в сознание ее заставил едкий химический запах нюхательной соли, от которого Бейя сразу же зашлась кашлем. Наконец она проморгалась,

подняла голову и осмотрела комнату, в которой оказалась. Она ожидала увидеть светло-зеленые стены камеры в участке Арбитрес, но вместо этого ее окружал сумрак какого-то склада, пронизанный лучами дневного света, пробивающимися сквозь дыры в крыше.

Она была привязана к стулу, руки заведены за спину, а лодыжки пристегнуты к ножкам. Справа в таком же положении сидел Грол, а за ним выглядывала Пасри, всем своим видом выражая непреодолимый страх. Грол ответил ей решительным непоколебимым взглядом.

— Ничего не говори, — сказал он. — Что бы ни произошло, ничего не рассказывай.

— Точно по расписанию, — раздался новый голос. — Как ты и говорила.

— Конечно, — это ответила бледная женщина. — Если потребуется, я могу определить действие своих ядов с точностью до секунды.

Бейя еще поморгала, чтобы сфокусировать зрение, и увидела, что женщина в саронге разговаривает со

странным парнем, одетым в какую-то военную форму. Он был занят с непонятным устройством на руке, напоминающим браслет, над которым мерцал голографический экран. Они оба одновременно посмотрели на своих пленников — иначе их и не назовешь, как с опозданием поняла Бейя, — а потом куда-то поверх их голов.

Она услышала движение за спиной и поняла, что сзади кто-то подошел.

— Кто там? — спросила она, не сдержав своего беспокойства.

Третий человек обошел пленников и показался в поле зрения. Высокий, в черном облегающем комбинезоне с бронированными вставками и патронташем. На боку у него висел массивный пистолет незнакомого Бейе образца. Если бы не тяжелый взгляд, его худощавое лицо с ястребиным профилем могло бы показаться привлекательным.

— Имена, — коротко бросил он.

Грол вызывающе фыркнул. Молодой парень со странным устройством на руке усмехнулся и снова заговорил:

— Лия Бейя. Террик Грол. Оло Пасри.

— У аристократов заведено дело на каждого из вас, — сообщил человек с ястребиным профилем. — Мы сняли эти копии с базы данных на участников сопротивления, прежде чем разрушить коммуникаторий «Каппа Шесть».

— Это вы сделали? — спросила Пасри.

— Замолчи, — одернул ее Грол. — Не разговаривай с ними.

Бейя промолчала. Она, как и все остальные, гадала, что произошло в коммуникатории с тех самых пор, как в выпуске новостей несколько дней назад этот инцидент был назван «трусливой атакой террористов». В конце концов Капра предположил, что это дело рук какой-то независимой ячейки или просто несчастный случай, вину за который аристократы решили свалить на участников сопротивления.

— Мы не имеем ничего общего с радикалами из движения сопротивления, — заявила Пасри. — Мы обыкновенные горожане.

Парень снова усмехнулся:

— Попрошу не оскорблять мои мыслительные способности.

— Дела идут из рук вон плохо, не так ли? — продолжал человек в черном, не обращая внимания на то, что его прервали. — Еще немного, и они обнаружат ваше укрытие. И тогда схватят Капру и остальных лидеров сопротивления.

Бейя пыталась удержаться от реакции на это имя, но не смогла. Человек повернулся в ее сторону:

— Сколько ваших людей сдались за последние несколько недель? Пятьдесят? Сто? Сколько участников сопротивления воспользовались предложением амнистии для них самих и их семей?

— Это все ложь, — выпалила Бейя, не обращая внимания на сердитое шиканье Грола. — Тех, кто сдается, казнят.

— Конечно казнят, — согласился человек в черном. — У нас даже имеются пикты расстрельных команд. — Он немного помолчал. — Вся ваша система сопротивления...

— На данный момент, — с хитрой усмешкой вставил парень.

— Вся ваша организация находится на грани полного развала, — продолжал его спутник. — Она держится только благодаря Капре и его ближайшим сподвижникам. И аристократы знают, что им надо всего лишь немного подождать. — Он прошел вдоль ряда пленников. — Просто подождать, пока у вас иссякнут запасы продовольствия и боеприпасов. Пока иссякнет ваша надежда. Все вы измучены до предела. Уставшие и голодные. Никто из вас не желает этого признавать, но это правда. Вы уже проиграли, осталось только сказать об этом вслух.

Его заявление заставило Грола нарушить правила:

— Пошел ты, проклятый ублюдок-аристократ!

Человек приподнял одну бровь:

— Мы не... приверженцы какого-то клана. И не служим аристократам. — Он наклонился и вытащил из-под одежды идентификационный диск, висевший на цепочке. — Мы служим другому господину.

Бейя мгновенно узнала очертания

имперской печатки, биоактивного устройства распознавания, в котором заключался генный код его владельца. На поверхности блестело изображение двуглавого орла. Такое устройство нельзя было подделать, украсть или отнять у его хозяина, поскольку оно тотчас теряло свое значение. Каждый, кто носил на груди такой диск, состоял на службе у Императора Человечества.

— Кто вы? — встревоженно спросила Пасри.

— Келл. — Человек показал пальцем на себя. — А это Тариил и... Соалм. Мы агенты Империума и представители Терры.

— А почему вы назвали свои имена? — прошипел Грол. — Значит, вы всех нас убьете?

— Считайте это проявлением доверия, — сказала бледнокожая женщина. — Мы ведь уже знаем, кто вы такие. Но честно говоря, знание наших имен не делает вас опасными.

Бейя наклонилась вперед:

— Зачем вы здесь?

Келл кивнул молодому парню, и тот достал нож с молекулярным лезвием. Он подошел к стулу Насри и перерезал удерживающие ее веревки, потом проделал то же самое с Гролом.

— По приказу Императора нас послали на планету Дагонет, чтобы оказать помощь ее обитателям в момент кризиса. — Прежде чем он заговорил снова, Бейя могла поклясться, что заметила многозначительный взгляд, которым обменялись Келл и Соалм. — Мы здесь затем, чтобы помочь вам противостоять мятежу Хоруса Луперкаля и всем, кто перешел на его сторону.

Грол потер запястья.

— И вы, конечно, хотите, чтобы вас проводили в секретное убежище. И встретиться с Капрой. Проникнуть в наши ряды и уничтожить всех сразу? — Он отвернулся и сплюнул. — Мы не глупцы и не предатели.

Тариил освободил Бейю и протянул ей руку, чтобы помочь подняться, но она отказалась. Тогда он протянул ей информационный планшет.

— Ты ведь знаешь, как с ним обращаться, верно? В твоем деле говорится, что до начала мятежа ты служила в Администратуме и отвечала за сбор информации в отделе связей с колониями.

— Это верно, — подтвердила она.

Тариил указал на один из файлов в памяти информационного планшета:

— Я думаю, тебе будет полезно прочесть этот документ. И не забудь проверить секретные теги, чтобы убедиться, что это не подделка.

Келл подошел к Гролу:

— Террик Грол, я верю, что ты не предатель. Но вас всех одурачили.

— Клянусь звездами, я не понимаю, о чем ты говоришь, — отрезал тот.

— Но предатель все же находится в этой комнате, — продолжал Келл.

Бейя даже не успела уследить взглядом, как имперский агент выхватил из кобуры массивный, угрожающего вида пистолет и в упор выстрелил в сердце Насри.

Бейя в ужасе вскрикнула, а Грол

рванулся вперед.

Тариил постучал пальцем по планшету.

— И все же прочти этот файл, — сказал он.

— И обыщите вашу подругу Оло, — добавила Соалт.

Грол последовал ее совету, а Бейя стала читать. К тому времени, когда она закончила, с ее щек сбежали все краски, а Грол отыскал спрятанное в одежде Оло беспроводное подслушивающее устройство. Файл, как и говорил Тариил, был составлен по всей форме, как было положено составлять рапорты об информаторах в системе сопротивления. Капра уже какое-то время подозревал об утечке информации, но никак не мог определить, кто в этом виновен. Согласно последней записи, Оло Пасри согласилась выдать местоположение основного убежища лидеров борцов за свободу, но настаивала на большем размере оплаты и гарантии переезда в другой мир.

Все это Бейя пересказала Гролу, который выслушал ее с каменным лицом и

надолго замолчал.

— Я тебе не верю, — заговорил наконец он, обратившись к Келлу. — Вы даже это могли подделать. И все ради того, чтобы подобраться к нам поближе.

— Грол... — попыталась вмешаться Бейя, но Келл поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Нет, он прав. Потратив определенное количество времени и сил, мы могли бы смастерить нечто подобное. Я бы на твоем месте тоже подозревал всех и все. — Он ненадолго задумался. — Итак, нам необходимо заслужить ваше доверие.

— Продемонстрировать наглядное доказательство, — предложила Соалм.

— Тогда выбирайте цель, — сказал Келл.

Рукой, ставшей слепком с конечности Гиссоса, Копье провел по обитому кожей грокса подлокотнику кресла, в котором сидел. Ощущение блестящей гладкой обивки под мясистыми пальцами доставило ему удовольствие и дало

понять, что он слишком долго оставался в состоянии забытья, лишенный всех радостей сознания, позволяя своему разуму дремать, а мысленному призраку Йозефа Сабрата управлять своей плотью. Кукла и кукловод, господин и исполнитель — эти роли переплелись. Копье устал от этой путаницы.

Но сейчас, по крайней мере, ему приходится только поддерживать внешний облик, а не вживаться в него. Подняв голову, он увидел отражение в стекле шкафа, стоящего позади стола верховного смотрителя Каты Телемах; оттуда на него смотрело черное, как эбеновое дерево, лицо Гиссоса.

Телемах, сидя в массивном кресле с выгнутой спинкой, отвернулась от пульта связи и сняла с головы громоздкие наушники. Рядом с ней, словно часовой-тяжеловес, стоял непривычно молчаливый старшина смотрителей Берт Лайтнер. Копью было ясно, что он до сих пор пытается найти оправдание тому факту, что Йозеф Сабрат оказался серийным убийцей, и ищет способ выйти из

сложившегося положения с наименьшими потерями. Он ощутил приступ особой ненависти к этому человеку, но, сосредоточившись на этом чувстве, Копье так и не смог определить, принадлежало оно ему самому или было остаточной эмоцией Йозефа Сабрата. Норов смотрителя уже не раз доставлял ему неудобства, угрожая разбудить дремлющего убийцу.

Он набрал в грудь воздуха и прогнал эти размышления как неуместные, а затем сосредоточил все свое внимание на Телемах, которая просматривала лежащие перед ней отчеты.

— Как могло такое случиться в моем участке, под моим руководством? — резко спросила она.

По мнению Копья, это было типично женское отношение к делу. Она не спросила: «Как могла произойти подобная трагедия?» — и не возмутилась: «Невероятно, чтобы такой хороший человек, как Сабрат, оказался убийцей!» Нет, после стольких кровавых убийств, после того, как по всему городу

распространился ужас, она в первую очередь беспокоилась о том, как это скажется на ее положении. Телемах взглянула на Лайтнера:

— Ну?

— Он... Мы никогда и не подозревали, что киллер может скрываться под личиной блюстителя порядка.

Верховный смотритель уже собиралась высказать очередное обвинение, но Копье решил вмешаться.

— Честно говоря, как можно было об этом догадаться, миледи? — заговорил он голосом Гиссоса. — Сабрат был уважаемым сотрудником Защиты и имел за плечами десяток лет безупречной службы. Он отлично знал все порядки и процедуры в этой организации, а потому легко обходил все ловушки и тупики.

Лайтнер кивнул:

— Да, конечно. Я запросил из архива документы, относящиеся ко всем подобным делам за несколько последних лет. И во всех обнаружились признаки манипулирования свидетельскими показаниями, а кое-где обнаружились и

подделки.

И все это Копье приготавливал понемногу в течение нескольких недель. Очень скоро они обнаружат еще несколько убийств, которые он совершил вместо бывшего смотрителя — от самых никчемных обитателей города до хозяина магазинчика и даже младшего егеря из этого самого участка. Каждого из них Копье убивал и замещал на какое-то время, прокладывая себе путь к этой личности. Шаг за шагом.

— Его поимка была только вопросом времени, — продолжал Копье в облике Гиссоса, постукивая по коробке, где в качестве вещественного доказательства лежал нож для сборки винограда. — Я не раз сталкивался с подобными случаями. Все эти убийцы со временем становятся беспечными и уверенными в своем превосходстве над окружающими.

Телемах выхватила из стопки один из самых живописных пиктов с места преступления в доках и помахала перед его лицом. Копье едва удержался, чтобы не облизнуться.

— А как насчет всего этого? — Она ткнула пальцем в великолепно выполненные кровью ряды восьмиконечных символов. — Что это означает?

В ее голосе он с удовольствием ощутил неподдельный страх. Конечно, ей были понятны обычные, тривиальные причины убийств, такие как деньги и власть, злоба и страсть; но мысль о том, что кто-то может лишить жизни человека во имя чего-то более возвышенного, чтобы умиротворить кого-то, никогда не приходила ей в голову. Ему очень хотелось объяснить, насколько наивен и примитивен ее ограниченный взгляд на космос, насколько она слепа в отношении реальности, к которой он имел отношение в храме Дельфос на Давине и потом, работая рядом со своим господином.

Вместо этого он придал лицу Гиссоса мрачное и озабоченное выражение.

— Сабрат не был одиночкой. Его напарник, Сеган... Он был его сообщником.

— Это подтверждается фактами, вставил Лаймнер. — Только я не могу

понять, почему Йозеф убил и его тоже.

— Ссора? — высказал предположение Копье. — Мне известно только то, что эти двое заманили меня в Уайтлиф, а потом мне пришлось смотреть, как Сабрат прикончил Сегана и попытался сделать то же самое и со мной. Я почти... — В этот момент он позволил себе выразительно пожать плечами. — Он и меня чуть не убил, — закончил он шепотом.

— А эти... символы? — не унималась Телемах.

— Это были ритуальные убийства. — Он помолчал, чтобы дать им время осознать трагичность положения. — Вам известно о группировке под названием «Теоги»?

Едва он произнес последнее слово, как на лице верховного смотрителя вспыхнула злобная ухмылка.

— Эти отсталые фанатики? Это их рук дело? — Она метнула взгляд в сторону Лайтнера. — Я же говорила, что без них тут не обошлось! Разве не так? Я сразу это поняла!

Копье кивнул:

— Это что-то вроде секты фундаменталистов, если я правильно понял. И мне кажется, что Дайг Сеган был связным для теогов, а убийства с его помощью совершал Йозеф Сабрат, исходя из каких-то своих извращенных суеверий.

— Человеческие жертвоприношения?! — воскликнул Лайтнер. — В таком цивилизованном мире, как наш? Это же тридцать первое тысячелетие, а не примитивная доисторическая эпоха!

— Религия как раковая опухоль, — тут же отозвалась Телемах. — Она возникает и распространяется без всякого предупреждения.

Копье на мгновение задумался, какое незабываемое горе в прошлом причинили этой женщине верующие люди, что ей стала ненавистна сама мысль о религии.

— Я бы посоветовал вам разобраться с этой группой как можно скорее, — произнес он, поднимаясь на ноги. — В ваши средства массовой информации уже попали некоторые детали этого дела. Могу предположить, что все, кто как-то связан

с теогами, могут стать мишенями для самосуда.

— На жену и ребенка Сабрата уже было нападение, — сообщил Лайтнер. — Я послал к ним в дом Скелту... Он докладывал, что их оскорбляли и забрасывали камнями.

— Выясни, не причастны ли они к этому делу, — приказала Телемах. — И к вечеру я хочу, чтобы каждый из теогов, которые числятся в наших списках, был доставлен в участок для допроса.

Копье встал перед столом и благодаря мускульной памяти оперативника рефлекторным жестом одернул спереди куртку.

— Как я вижу, у вас все под контролем. Свой рапорт я составил. А теперь, когда дело раскрыто, я должен вас покинуть.

Лайтнер покачал головой:

— Нет, подожди. Остались еще некоторые процедуры... Должны быть оформлены свидетельские показания, потом суд... Тебе надо остаться на Йесте до окончания процесса.

— Войд-барон против моей задержки.

Ему потребовалось всего лишь посмотреть на верховного смотрителя, и Телемах мгновенно отреагировала.

— Конечно, оперативник, — сказала она. Телемах не могла даже помыслить, чтобы противоречить барону Эвроту или кому-то из его доверенных агентов. — Если возникнут какие-то вопросы, мы свяжемся с вами через консорциум. Убийца ликвидирован, а это самое важное.

Он кивнул и направился к двери. За его спиной снова раздался голос Лайтнера:

— Теперь люди почувствуют себя в безопасности.

Но его утверждение прозвучало так, словно этот человек старался убедить самого себя.

На изменившемся лице Копья возникла мимолетная улыбка. Страх, который он выпустил на улицы Йесты Веракрукс, так просто не развеется.

Гаэде Руфину произошедшие перемены пришлись по вкусу.

Раньше, когда губернатор еще

преклонялся перед Террой, а аристократы ничего не предпринимали, а только тихонько ворчали, Руфину приходилось довольствоваться незначительным положением сержанта Сил Планетарной Обороны Дагонета. Он занимался в основном тем, что перекладывал ту небольшую ответственность, что приходилась на его долю, на плечи младших чинов, которым не посчастливилось служить под его началом в транспортном парке. В тот день, когда он стал юстикаром, перед ним встал выбор между Борсталом[13] и службой, но Руфин никогда не стремился к гражданской жизни, зато всегда мечтал о том, чтобы надеть офицерский мундир. Он никак не мог понять, что степень его невежества значительно перевешивала его немногочисленные способности; ему даже не приходила в голову мысль, что его не повышают в ранге из-за того, что он никудышный солдат. Он был мертвым грузом в местном гарнизоне, и это знали все, кроме самого Руфина. По его

собственным словам, продвижению по службе мешал какой-то тайный заговор среди старших офицеров, тогда как другие, вовсе этого не заслуживающие, поднимались по служебной лестнице, хотя все свидетельства подтверждали обратное. Но Руфин был не из тех, кто позволяет фактам влиять на собственное мнение.

Он пресмыкался перед всеми, кто носил офицерские галуны, но утешал себя тем, что писал в их адрес анонимные оскорбления на стенах душевых кабин, медлил с выполнением любого отданного приказа и выдумывал десятки других мелких пакостей.

Все изменилось лишь потому, что в момент, когда пришло освобождение, он оказался в кабинете своего командира. Это теперь они называют Освобождением тот кровавый день переворота, когда Дагонет объявили свободным от имперской власти и верным знамени Воителя Хоруса.

Руфин, всеми забытый, сидел тогда в кабинете. Его вызвали для дисциплинарного взыскания — кто-то

слишком часто слышал, как он поносит старших по званию. Если бы все это происходило в другой день, его, вероятно, уже уволили бы из рядов СПО.

Но потом поднялась стрельба, и он увидел, как во дворе солдаты убивают солдат. Воины из дворцового гарнизона с перечеркнутым символом аквилы на мундирах убивали тех, кого он всегда недолюбливал. Он прятался в кабинете до тех пор, пока туда не вбежал командир. Следом за ним в комнату ворвались двое солдат дворцовой гвардии, и только тогда Руфин понял, что происходит. Когда командир позвал его на помощь, Руфин схватил декоративный кинжал, используемый для разрезания конвертов, и заколол офицера. Позже предводитель атакующих сил пожал ему руку и предложил маркер, чтобы затушевать имперские символы.

После такого случая он получил офицерские галуны, и все, кто сдался, тоже их получили, а остальным достался заряд из лазерного ружья в затылок. Когда суматоха утихла, новому режиму

потребовались офицеры взамен тех, кого они истребили. Руфин был доволен. Император или Воитель, какая разница, кому отдавать честь. Он не испытывал уважения ни к тому, ни к другому.

Машинный парк остался в прошлом. Его новый объект назывался «Лагерь обеспечения безопасности в чрезвычайных обстоятельствах» и располагался в помещении столичного вокзала монорельсовой дороги. С тех пор как аристократы вывели из строя все сети, пассажирские поезда стояли в депо, но затем им было найдено новое применение – в качестве тюремных камер для сотен гражданских лиц и безмозглых повстанцев, осмеливающихся противостоять новому порядку.

Руфин управлял всем этим хозяйством и частенько прохаживался взад и вперед по высоким помостам над забитыми узниками платформами, давая понять каждому из заключенных, что он волен распоряжаться их жизнью и смертью, а также по своему усмотрению подвергать их наказаниям. Когда ему

надоедало демонстрировать свою жестокую власть, Руфин спускался на нижний уровень, в оружейный склад, оборудованный в бывшем ремонтном цехе. Ему нравился царивший здесь запах пороха и оружейной смазки, и в окружении разнообразного оружия он мог чувствовать себя настоящим солдатом.

Поднявшись на наблюдательный пункт в башне, господствующей над центральной вокзальной площадью, он застал дежурного офицера за кружкой черного чая и метнул на него раздраженный взгляд.

— Доложи обстановку! — рявкнул Руфин.

Офицер взглянул на свой хронограф.

— Заступил на пост в начале часа, сэр. Перекличка через пятнадцать минут.

Едва он договорил, как раздалось потрескивание из динамика интеркома.

— Внеплановые переговоры? — спросил Руфин.

— Контрольная, — послышался в вокс-передатчике испуганный голос. — Похоже... похоже, у нас возникли проблемы.

— Второй пост, повтори, — ответил дежурный офицер, но Руфин вырвал у него микрофон.

— Говорит командир базы. Объясни, что происходит!

— Рекрут Зеджа только что... Он только что упал с южной стены. И Тормол не отвечает на вызов.

А потом в вокс-канале совершенно отчетливо послышалось отрывистое низкое гудение, и через мгновение раздался звук сочного шлепка упавшего тела.

Руфин, не зная, что делать дальше, бросил микрофон дежурному офицеру.

— Попробовать вызвать остальные посты, сэр? — спросил дежурный, стараясь подавить кашель.

— Да. — Он кивнул. Предложение офицера казалось ему разумным. — Выполняй.

И вдруг ожил старый контрольный щит, бездействующий с момента остановки поездов. Загорелись разноцветные линии, указывающие движение составов, вспыхнули яркие точки отдельных поездов, раздались треск и

прерывистые звуковые сигналы.

Руфин в тревоге выглянул в окно башни и услышал монотонный рокот десятков оживших электродвигателей. Этот звук разнесся под прозрачным куполом главного вестибюля вокзала и по платформам. Заключенные, взбудораженные шумом, стали подниматься на ноги. Руфин выхватил пистолет, взвел курок и крепко сжал рукоятку.

— Что происходит?! — закричал он.

Дежурный офицер в изумлении уставился на контрольный щит.

— Это... это невероятно, — пробормотал он и снова закашлялся. — Все линии дистанционного управления давно отключены, энергоснабжение прервано... — Он с трудом сглотнул, и на высоком лбу выступили капельки испарины. — Я думаю, кто-то пытается пустить поезда.

В зале ожидания внезапно затрещали табло, показывающие время прибытия и отхода поездов. Они беспорядочно перескакивали с одного пункта назначения на другой, пока все одновременно не

остановились на одном и том же значении «Конечная станция».

Заключенные, прочитав надпись, разразились издевательским смехом. Руфин заорал, чтобы они замолчали, и вдруг увидел, как по платформе бежит человек с тяжелым автоганом в руке. Солдат был примерно в двадцати метрах от смеющихся пленников, как вдруг его грудь беззвучно взорвалась алым фонтаном, и человек упал.

Руфин наконец подобрал нужные слова:

— На нас напали!

Он обернулся к дежурному офицеру, но тот уже полулежал на стуле с открытым ртом и невидящими глазами смотрел в потолок. Руфин учуял исходивший от него странный цветочный запах, осторожно протянул руку и тихонько толкнул безжизненную голову. Офицер упал вперед, сбив со стола кружку с недопитым чаем. Темная жидкость расплескалась по полу, и запах усилился.

Рука Руфина непроизвольно метнулась ко рту.

— Яд!

Он бросился к двери и, не оглядываясь, побежал вниз, громко стуча ботинками по металлическим ступенькам.

Копье поднял руку и толстыми пальцами Гиссоса пощупал край великолепного гобелена. Сложная красочная композиция представляла Императора, поражающего какого-то быкообразного чужака гигантским огненным мечом.

При виде такой пошлости он закатил глаза и отошел назад, тщательно стряхнув с руки ворсинки нитей. Трогать предметы в аудиенц-зале было запрещено, но он был один и его никто не видел. Убийца рассеянно задумался, не отравит ли его демоническая плоть древнее произведение искусства. Это было бы забавно. Он представил себе, как люди на борту «Цубара» бегают в панике вокруг гобелена, а старинная ткань сморщивается и чернеет у них на глазах, и усмехнулся от удовольствия.

В противоположном конце зала он

выглянул в обзорный иллюминатор. Округлая поверхность Йесты Веракрукс медленно проплывала под килем корабля, направлявшегося в открытый космос, и Копье без сожаления смотрел, как планета постепенно исчезает из виду. Он слишком долго прожил в этом мире, терпел бессмысленность его цивилизации и исполнял десятки ролей. С тех пор как он здесь появился, Копье сменил множество лиц — бродяги, кладовщика, проститутки, егеря и смотрителя, и вел двойную жизнь, разделяя их смешное и бесцельное существование. Он сложил их трупы и много других, чтобы соорудить лестницу, которая привела его к настоящему моменту.

Еще несколько убийств. Одно, может, два воплощения. И тогда он приблизится к своей цели. Да, это величайшая из всех его жертв. По его телу пробежала дрожь предвкушения. Копье испытывал нетерпение, но он обуздал свои эмоции, подавил дрожь. Сейчас не время поражаться грандиозному размаху миссии. Он должен оставаться сосредоточенным.

Прежде подобный промах мог привести к проблемам. Он был уверен, что именно подобные размышления помогли псайкеру Перриг почувствовать его присутствие там, на Йесте. Но теперь, когда от нее осталась только кучка пепла в урне, стоящей в Зале Покоя на борту «Цубара», опасность миновала. Воспользовавшись памятью Гиссоса, Копье узнал, что барону пришлось употребить все свое влияние и потратить немало средств, чтобы обойти продиктованные страхом законы Империума о контроле над психикой. А учитывая нынешнее состояние дел консорциума, Эврот вряд ли снова пойдет на такие затраты. В следующий раз Копье приготовится к встрече с псайкером.

Он ухмыльнулся. Из угасающего разума оперативника он выудил интересные факты, объясняющие плачевное состояние территории консорциума на Йесте. При всем своем показном великолепии и роскоши торговый клан, свободно оперирующий по всей Галактике, испытывал серьезные

затруднения, и об этом уже шептались на всех палубах кораблей компании «Эврот». Ничего удивительного, что глава клана старался сохранить любые нити власти, еще имевшиеся в его руках.

Эта информация прояснила обстановку: Копье понял, что убийства сотрудников консорциума «Эврот» и обвинения в адрес Сигга рано или поздно вынудят барона послать на Йесту оперативную группу для расследования. Но он не мог надеяться на прибытие самого барона.

Для этого требуются более весомые причины...

Копье остановился у резного нефритового фриза и прикоснулся к нему, обводя кончиком пальца изображение «Патента на торговлю». Да, можно не сомневаться, в этом месте собрано немало настоящих сокровищ. Окажись на месте Копья обычный вор, он не удержался бы от греха, но целью убийцы было нечто, далеко превосходящее ценностью все эти безделушки. Он стремился получить ключ к величайшему убийству в своей жизни.

Высокомерие барона раздражало Копье. Здесь, в одном этом доме, хватало предметов, которые могли бы поправить положение, если бы только барон решился их продать. Но Эврот принадлежал к тому типу людей, которые скорее согласятся на нищету и голод, лишь бы не отказываться от внешних признаков своего величия.

Словно в ответ на его мысли, двери аудиенц-зала распахнулись и появился войд-барон, явно не в лучшем расположении духа. Он сбросил мундир, в котором спускался на поверхность планеты, и швырнул его одному из целого отряда сервиторов и адъютантов, что столпились за его спиной.

— Гиссос, — приветствовал он оперативника, подзывая его к себе движением руки.

Копье изобразил привычный для оперативника поклон и шагнул вперед.

— Мой лорд, — заговорил он, — я не ждал, что твой шаттл вернется на борт «Цубара» до тех пор, пока мы не покинем орбиту.

— Я не получил твоего сообщения по воксу, — качнул головой барон. — Должно быть, испортился твой имплантант.

Копье прикоснулся пальцами к шее:

— О! Конечно. Я сегодня же покажу его специалистам.

Барон подошел к хрустальной горке и взмахнул рукой. Заключенный внутри механизм налил в стеклянный бокал порядочную порцию вина. Приняв напиток, барон выпил его залпом, едва ли ощутив вкус.

— Наши дела в этом мире закончены, — сказал Эврот, переходя от раздражительности к задумчивой печали. — Он забрал у нас нашу дорогую Перриг. — Он снова покачал головой и уставился на Копье обвиняющим взглядом. — Ты знаешь, во сколько она мне обошлась? В целую луну, Гиссос. Чтобы получить право владеть ею, мне пришлось пожертвовать Адептус Терра целую луну, ни больше ни меньше.

Он зашагал по мозаичному полу, и хрустальная горка, приподнявшись на бронзовых колесиках, послушно последовала

за хозяином.

Копье не сразу сумел подобрать подходящий ответ:

— Она неплохо прожила свою жизнь с нами, сэр. Мы все ценили ее вклад в дела клана.

Барон перевел взгляд на уплывающую планету.

— Здешний губернатор никак не уймется. Он хотел, чтобы мы остались на орбите еще на неделю, чтобы «стимулировать местную экономику...». — Он пренебрежительно фыркнул. — Но мой желудок не выдержит всех празднеств, которые они запланировали. Я от них улизнул. Есть более важные и срочные дела. Служба Империуму и все такое прочее.

Копье сосредоточенно кивнул, стараясь соответствовать настроению барона.

— Это правильное решение, мой лорд. При той ситуации, что сложилась в этом секторе, флотилии лучше двигаться. В движении наше спасение.

— Спасение от него. — Эврот выпил

еще вина. — Но этот ублюдок Воитель продолжает убивать нас даже сейчас! — Барон значительно повысил голос. — Каждая планета, которая переходит под его контроль, стоит нам уйму тронгельтов, и эти потери невосполнимы.

В какое-то мгновение показалось, что барон вот-вот решится на какое-то мятежное высказывание, но он осекся, как человек, опасающийся, что его подслушают. Выражение его лица снова изменилось.

— Мы отправимся к краю этой системы и остановимся в точке сбора в туманности Стрелы.

Копью уже был известен их следующий пункт назначения, но он все же решил задать вопрос:

— С какой целью мы туда отправляемся, мой лорд?

— Мы будем ждать, пока не соберется вся наша флотилия, а к тому времени туда подойдет корабль с Соты. Он доставит группу летописцев, пользующихся покровительством Императора, и я лично препровожу их на

Терру, согласно запросу Совета.

— Охрана летописцев имеет огромное значение, — произнес Копье. — Я позабочусь, чтобы во время путешествия на борту «Чубара» и вплоть до прибытия в Императорский Дворец они чувствовали себя в полной безопасности.

Эврот отвел взгляд:

— Я уверен, что ты сделаешь все необходимое.

Копье не без труда удержался от усмешки. Дорога открыта, и теперь все, что ему требуется, это идти по ней до самого конца. До самых ворот крепости Императора.

НЕТ

Голос прозвучал у него в ушах звоном разбитого стекла, и Копье вздрогнул от неожиданности.

НЕТ НЕТ НЕТ

Похоже, что барон ничего не услышал; киллер ощутил, что у него задергалась рука, и опустил взгляд. На краткий миг кожа вдруг вздулась и покраснела, а потом вернулась нормальная смуглость тела Гиссоса. Он спрятал руки за спину.

НЕТ

На этот раз он определил источник происхождения звука. Копье обратил мысленный взор внутрь своего существа и обнаружил его там, подвижный, словно ртуть.

Сабрат. До этого момента Копье был уверен, что обряд очищения, прерванный этим идиотом, его напарником, все же закончился благополучно, но теперь эта уверенность испарилась. В темных глубинах разума убийцы еще таилась частица личности этого упрямого стоика, частица его маскировочного облика, которую так и не удалось стереть. Он сосредоточился на ней, и ощущение тошнотворной морали надоедливого мертвеца вызвало у него головокружение. Она поднималась из глубины, словно желчь, рвалась к поверхности его мыслей, звучала непрекращающимся обвинением.

— Гиссос? — Барон Эврот пристально взглянул на него. — Ты в порядке, парень?

— Я...

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

— Нет. — Гиссос выплюнул это слово,

глаза у него заслезились, но в следующее мгновение он напрягся и снова овладел собой. — Нет, мой лорд, — продолжил он. — Я... Это кратковременный приступ слабости, ничего больше.

Он усилием воли подавил крики и судорожно втянул в себя воздух.

— Понимаю. — Барон подошел ближе и дружеским жестом положил руку ему на плечо. — Ты ведь ближе всех сошелся с псайкером. Нет ничего постыдного в том, что эта утрата так тебя огорчает.

— Благодарю, — произнес Копье, подыгрывая барону. — Это нелегко пережить. Не могу ли я с вашего разрешения немного отдохнуть?

Барон по-отечески кивнул:

— Отдыхай. Я хочу, чтобы к моменту встречи ты снова был полон сил.

— Да, мой лорд.

Копье поклонился и покинул зал. Убедившись, что его никто не видит, он с такой силой вонзил ногти в свою ладонь, что рассек податливую плоть; но крови в ране не было.

Руфин отыскал еще один пульт внутренней связи и послал сигнал тревоги по всем постам, но его ужас только усилился, когда ответ поступил лишь от одного служащего арсенала. Он приказал ему не отключать связь и дожидаться его прихода. Если удастся добраться до склада оружия раньше террористов, он откроет секретные замки и пустит в ход все то мощное оружие, использовать которое до сих пор ему не представлялось возможности. Там внизу хранятся автопушки, гранатометы и огнеметы... Он сожжет живьем этих мерзких лоялистов за то, что они осмелились его тронуть...

Спускаясь по внутренней лестнице, он взглянул лимоходом на западные платформы. Заключенные быстро заполняли вагоны монорельсовых поездов, двери закрывались, и составы отправлялись, как будто по собственной воле, унося пленников на свободу. Лишь самым первым узникам пришлось прокладывать себе путь через пикеты охранников, но теперь уже ничто не могло

остановить массового бегства. Руфину было все равно: пусть бегут хоть все, только бы ему успеть добраться до оружейного склада.

Он спустился на нижний уровень и обнаружил, что часовые отсутствуют. На их месте в свете мигающих ламп верхнего света остались только груды одежды да кучки мокрого пепла. Здесь было холодно и душно, и Руфин снова пустился бегом, стараясь ускользнуть от этого холода, трачной тенью проникавшего в его душу.

Еще один поворот, и он выскочил на пост охраны арсенала. Его встретили шестеро охранников, все побледневшие от страха. Завидев командира, они отчаянно стали махать ему руками, словно его преследовало чудовище, видимое только им одним.

— Что здесь произошло?! — закричал Руфин, изливая свой гнев на первого же встречного подчиненного. — Говори, пока я тебя не сгноил!

— Вопль, — последовал ответ. — Ох, сэр, вы никогда не слышали ничего подобного. Так, должно быть, кричат

только в преисподней.

Руфин вскипел от ярости и ударил солдата наотмашь.

— Приди в себя, идиот! Это же террористы!

В этот момент пол под ними взорвался, железные решетчатые плиты полетели в стороны, и из вентиляционного канала снизу поднялась громоздкая фигура. Руфин увидел ухмыляющийся зубастый череп из черненого серебра, а затем тяжелый пистолет. Одиночный выстрел из этого орудия отбросил одного из охранников с такой силой, что тот врезался в своего соседа, и оба отлетели к углу стены, где и остались лежать окровавленными грудами.

Темный силуэт стал расплываться в глазах Руфина, послышалось какое-то нечеловеческое рычание, и он попятился. Со стороны охранников загремели выстрелы, но они оказались бесполезными. Раздались звонкие отрывистые хлопки, одиночные выстрелы, глухой стук падающих тел, треск и взрывы. Что-то со свистом пронеслось в воздухе, и Руфин

ощутил сильный толчок в грудь.

Он упал на колени, прислонился к стене и ошеломленно моргнул. Из его тела, словно окровавленный кинжал, торчала бедренная кость, вырванная из еще не остывшего трупа. Руфина вырвало черной едкой жидкостью, и он понял, что умирает.

Человек с лицом черепа, еще дрожа от адреналина, шагнул к нему и сплюнул сквозь решетку шлема.

— Вот те на! — пророкотал он. — А я думал, что убил его!

Руфин услышал неодобрительное восклицание, и в поле зрения возникла еще одна фигура, более похожая на человека, чем вооруженный когтями убийца.

— Это командир базы. Он нам нужен, чтобы открыть арсенал.

— Вот как?! — воскликнул череполицый. — Неужели ты не можешь справиться при помощи своих штучек?

— Эверсор, у нас же не салонный вечер для твоего развлечения.

Он услышал чей-то вздох, а затем как будто заскрипела старая кожа.

Стекленеющий взгляд Руфина остановился на собственном отражении. Или это что-то другое? Отражение с ним заговорило!

— Назови свое имя, — сказало оно.

— Ты... ты же сам знаешь, — едва шевеля губами, выдохнул он. — Мы Гаэда Руфин.

— Да, конечно.

Теперь у него был еще и точно такой же голос.

Зеркальное отражение уплыло в сторону, к массивной двери в нише, запертой на железную защелку. За ней хранились запасы оружия. Руфин твердо помнил, что арсенал неприступен. Встроенный когитатор охраны должен узнать его лицо и голос и только тогда откроет замок.

Его лицо, его голос...

— Гаэда Руфин, — произнесло его отражение, и задвижка с лязгом отошла в сторону, открывая доступ в оружейный склад.

Руфин попытался понять, как это могло произойти, но так и не успел найти

ответ, прежде чем его сердце остановилось.

Встреча состоялась на боковой ветке монорельсовой дороги, рядом с огромными складами в нескольких километрах от столицы. После умелого вмешательства Тариила незамысловатые мозги, управляющие монорельсовой дорогой, стали беспрекословно подчиняться его командам, и поезда так часто меняли направление, что сбили с толку даже посланных следить за ними дронов-шпионов. Теперь, когда солнце уже скрылось за горными склонами, все составы собрались здесь и освободились от человеческого груза.

Келл издали наблюдал, как оборванные борцы сопротивления собирают освобожденных узников в группы, некоторых радостно обнимают, узнавая в них давно пропавших братьев по оружию, из других составляют партии, которые разойдутся в разных направлениях и постараются скрыться, чтобы благополучно пережить трудное время. Он видел, как вместе со

всеми хлопотали Бейя и Грол. Женщина хоть кивнула ему в знак благодарности, а мужчина лишь окинул на прощание долгим оценивающим взглядом.

Келл вполне понимал его позицию. Даже после того, как они выполнили их просьбу и вдобавок открыли для борцов за свободу главный склад оружия, Грол до сих пор не мог до конца им доверять.

И он прав, подсказал ему внутренний голос, который звучал в его мозгу точно так же, как голос сестры. Повстанцы были убеждены, что Келл и остальные представляют собой своего рода авангардный отряд, разведывательную группу из оперативников, которая должна подготовить план возвращения Дагонета под власть Императора. Но как и многое другое, что говорилось об отряде ассасинов, это было ложью.

От группы повстанцев отделился один из людей в плаще с капюшоном и что-то сказал Бейе, но выдала его реакция Грола. Мужчина резко дернул головой и заметно напрягся.

Келл встал навстречу подошедшему

мужчине, а тот сбросил с головы капюшон. Он оказался бритым наголо, мускулистым, стуглым и с весьма проницательным взглядом. На его шее под воротником виндикар заметил фрагменты сложной татуировки. Келл протянул руку.

— Капра, — произнес он.

— Келл, — ответил борец за свободу, и они пожали друг другу руки. — Я понимаю, что за все это, — он кивнул в сторону вагонов, — я должен благодарить Императора. И за вашу помощь тоже.

— Империум никогда не бросает в беде своих граждан, — ответил Келл. — Мы здесь, чтобы помочь вам выиграть эту войну.

По лицу Капры пробежала тень.

— Возможно, вы пришли слишком поздно. Мои люди очень устали, нас осталось немного, и силы на исходе. — Он говорил негромко и невыразительно. — Было бы лучше, если бы вы помогли нам отыскать безопасное убежище и помогли туда добраться, а мы в ответ поможем вам своими знаниями.

Келл продолжал смотреть прямо в

глаза лидеру повстанцев.

— Мы проделали все это за один день. Представь, что мы сумеем предпринять вместе в последующие дни.

Взгляд Капры остановился на остальных ассасинах, молчаливо поджидавших в стороне.

— Бейя права. Вы весьма внушительная группа. Возможно... возможно, с вашей помощью мы получим еще один шанс.

— Больше, чем шанс, — настойчиво сказал Келл. — Уверенность.

В конце концов выражение лица лидера изменилось; слабость и сомнения пропали из его взгляда, а вместо них в глазах вспыхнула новая сила. Новая цель. Он так сильно хотел стать их избавителем, что Келл почти физически ощущал его стремление.

Капра кивнул:

— Судьба Дагонета в наших руках, друг мой. И мы не отступим.

— Нет, — произнес Келл, как только Капра отправился к своим людям и обратился к ним с зажигательной речью.

Одного только повстанцы не узнают до тех пор, пока не станет слишком поздно: судьба Дагонета — всего лишь способ для достижения главной цели.

Для того чтобы архипредатель Хорус попал под прицел Эристида Келла.

Часть вторая
ПОТЕРИ

Глава 11
НЕВИДИМЫЙ ЖЕРТВА КЛЕТКИ

Пещеры таились в глубоких каньонах скалистого заповедного района, который жители Дагонета называли Разрез. С поверхности земли значение этого названия понять было трудно, но с высоты, глядя через линзы захваченных повстанцами авиационных дронов, все становилось ясно. Разрез представлял собой огромное ущелье, которое прорезало горный массив к востоку от столицы и по форме напоминало рану, нанесенную гигантским топором на поверхности земли. Здесь не было никаких дорог, кроме едва заметных звериных и охотничьих троп, петлявших по крутым склонам оврагов, где скрывались входы в обширный пещерный комплекс. Несколько тысяч лет назад пещеры стали первым пристанищем жителей Дагонета, где расположились

переселенцы с Терры, пока машины планетоформирующих технологий, к настоящему времени давно утраченных, изменяли поверхность нового мира. Теперь каменные залы снова заняли повстанцы, уверенные в своей безопасности, поскольку для захвата их позиций потребовалось бы стереть в порошок весь горный массив.

Дженникер Соалм, опустив на лицо капюшон, шагала по извилистому туннелю мимо высеченных в скале залов, мимо кольчужных занавесей, закрывавших боковые входы, и массивных металлических задвижек, которыми были перегорожены некоторые коридоры. Внутри пещер царил вечный сумрак, нарушаемый лишь бесцветным светом биолюминесцентных капсул, вмонтированных в каменные стены через равные промежутки. Навстречу ей попадались люди Капры — воины, штатские и даже дети.

Сквозь прорехи в перегородках и неплотно прикрытые двери она наблюдала за повседневной жизнью повстанцев. В одной из комнат за столом, заваленным

кипами карт, сидела Бейя и еще несколько человек; напротив располагался импровизированный арсенал, полный захваченного у СПО оружия; тощий кок поднял голову при ее приближении, не переставая помешивать огромной поварешкой густой суп; группа повстанцев собралась у горящей жаровни, а неподалеку играли двое ребятишек, вероятно даже не сознававшие трачности окружающей обстановки. Последнее не удивляло Соалм, поскольку у повстанцев Дагонета был не такой уж широкий выбор безопасных мест, где можно было бы затаиться.

Чуть дальше она увидела сбоку еще одну пещеру, приспособленную под полевой госпиталь, а рядом расположилась мастерская, и несколько человек согнулись над какими-то приспособлениями, из которых торчали оборванные провода. Проходя мимо, Соалм ощутила знакомый запах взрывчатых веществ.

За ее спиной заскрипела открываемая дверь, и Соалм остановилась, чтобы оглянуться. Вышедший человек равнодушно взглянул на нее, а за его

плечом она успела заметить привязанного к стулу солдата в окровавленной форме войск аристократов. Дверь тотчас закрылась, и Соалм отправилась дальше. Но сзади послышались шаги.

Соалм, обернувшись, увидела двух детей повстанцев, глядящих на нее широко раскрытыми от страха и любопытства глазами. Лица обоих носили следы пыли, а потрепанная бесформенная одежда была явно велика. Соалм даже не смогла определить, мальчики перед ней или девочки.

— Эй, — окликнул ее тот, что был повыше ростом. — Тебя ведь прислал Император, верно?

Она кивнула:

— В некотором смысле так.

Лица детей вспыхнули восторгом.

— А он такой же гигант, как и на пиктах?

Соалм не удержалась от улыбки:

— Даже еще больше.

Второй ребенок хотел что-то добавить, но в этот момент в туннеле появился взрослый мужчина и окинул их

строгим взглядом.

— Вам здесь бегать не разрешается, марш за уроки!

Дети припустили бегом и быстро скрылись за поворотом. Соалм взглянула на мужчину.

— Ты что-то ищешь? — настороженно спросил он.

— Просто гуляю, — призналась она. — Мне надо было... подумать.

Он заступил ей дорогу и показал рукой назад.

— Тебе лучше вернуться.

Человек говорил несколько неуверенно, словно не знал, имеет ли право ей указывать.

Карательный отряд занимал странное положение среди повстанцев. За несколько недель, прошедших с того дня, как они освободили узников городской тюрьмы, Соалм и ее товарищи добились, что называется, сдержанного одобрения, но не более того. По приказу Келла каждый из них применял свои способности и опыт убийств для пользы дела повстанцев. Технический талант Тариила был

востребован постоянно; Койн проявил немалые способности, обучая боевым приемам мужчин и женщин, которые совсем недавно были фермерами, учителями и торговцами. Йота и Гарантин порой отсутствовали по несколько дней, и свидетельствами их деятельности становились перехваченные донесения о разгромленных блокпостах и целых отрядах, истребленных убийцами-призраками. А что касается ее брата, то он держался от нее поодаль и большей частью работал вместе с Капрой, Бейей и Гролом, составляя планы борьбы.

Соалм тоже участвовала в общем деле, но с каждым днем это раздражало ее все больше и больше. Они помогали повстанцам добиваться успехов в борьбе не только здесь, но и по всей планете, где имелись ячейки сопротивления, однако все их действия основывались на лжи. Если бы карательный отряд не высадился на Дагонете, война давно бы закончилась. А они поддерживали ее, раздували огонь, который должен был уже угаснуть.

Члены круга Вененут в своей работе

предпочитали хирургическую точность, и в их лексиконе не существовало такого понятия, как сопутствующие потери. А здесь их присутствие стало причиной продолжения войны и нанесло местному населению не меньше вреда, чем пушки аристократов.

Мужчина снова взмахнул рукой.

— Возвращайся обратно, — повторил он.

Соалм, очнувшись от своих раздумий, поняла, что человек пытается что-то скрыть.

— Нет, — сказала она. — Думаю, мне еще рано возвращаться.

Прежде чем он успел отреагировать, Соалм протиснулась мимо и свернула в узкий проход, полого уходивший вниз. Мужчина протянул руку, намереваясь схватить ее за одежду, и тогда Соалм капнула дозу жидкости из набора диспенсеров, висевших у нее на запястье. Эффект проявился незамедлительно: мужчина побледнел и рухнул на пол, не в силах управлять внезапно отказавшими мускулами.

Коридор вывел ее в следующую пещеру, довольно широкую, но с низко нависающим потолком. В центре слабо освещенного помещения теплым оранжевым светом мерцала решетка обогревателя, вокруг стояло несколько стульев, лежали разномастные подушки и принесенные людьми коврики. Небольшая группа повстанцев расположилась здесь вокруг пожилой женщины, державшей в руке открытую книгу. У Соалм возникло ощущение, что она прервала какое-то действо.

При виде ассасина лицо пожилой женщины исказилось от страха, и это тотчас увидели ее слушатели — самые разнообразные представители лагеря повстанцев. Двое из них, бойцы сопротивления, вскочили на ноги и с угрожающим видом шагнули навстречу.

Соалм уже подняла руки, готовясь к защите, но в этот момент раздался окрик женщины:

— Нет! Остановитесь! Нельзя допускать насилия!

— Миледи... — попытался возразить

один из мужчин, но она жестом заставила его замолчать.

С видимым усилием женщина поднялась на ноги. В состарившемся лице Соалм заметила остатки былой красоты и неиссякаемое мужество. Она прошла между встревоженными людьми и остановилась перед незваной гостьей.

— Меня зовут... звали леди Астрид Синоп. И я тебя не боюсь.

Соалм склонила голову набок:

— А это неправда.

Аристократическое высокомерие Синоп тотчас исчезло.

— Нет... Да, вероятно, это так. — Она постаралась овладеть собой. — С тех пор как Бейя рассказала о вашем прибытии на Дагонет, я знала, что рано или поздно это произойдет. Я знала, что кто-то из вас нас отыщет.

— Кто-то из нас?

— Вы воины Императора, — продолжала женщина. — Капра сказал, что вы — инструменты его воли. Что ж, проходи. Делай то, что велит тебе долг.

— Я не понимаю... — заговорила

Соалм, но женщина ее не слушала.

— Я прошу лишь о милосердии к моим друзьям, собравшимся здесь. — Синоп подняла книгу в руке. — Это я привезла ее на Дагонет. Я принесла книгу сюда, в лагерь повстанцев, когда бежала от лживости своего бывшего клана. Если кто-то и должен понести наказание, то пусть это буду только я одна. — В ее глазах блеснули непролитые слезы. — Если я должна тебя умолять, я это сделаю. Прошу, не причиняй им зла из-за меня.

Никто больше не произнес ни слова, а Соалм прошла вперед и взяла книгу из дрожащих рук женщины. На открытой странице она прочла вслух слова: «Император защитит».

— Мы всего лишь ищем утешение в его имени, — едва слышным шепотом сказала Синоп. — Я знаю, что запрещено открыто говорить о Нем и Его божественности, но мы делаем это только в своем кругу, мы не проповедуем эти идеи и не ищем новых сторонников! — Она сложила руки перед грудью. — Нас совсем немного, мы принимаем только тех, кто

приходит по своей воле. Мы никому не причиняем вреда своей верой!

Соалм провела пальцами по плотной странице, плотно заполненной текстом.

— Так вы последователи Лектицио Дивинатус. Вы верите, что Императ — бог. Единственный бог.

Синоп кивнула:

— И я умру с этой верой, если это потребуется. Но обещай, что я буду единственной. Пожалуйста!

Наконец ей все стало ясно.

— Я пришла не ради того, чтобы вас обвинять, — сказала Соалм. — Я... Мы даже не знали, что вы здесь.

Происходящая сцена вдруг вызвала у нее легкое головокружение.

— Но вы были присланы с Терры... — заговорил один из мужчин.

— Не для этого.

Вененум снова посмотрела в глаза леди Синоп, подняла руку и сдвинула широкий браслет.

— До этого момента я и сама не до конца понимала, зачем мы здесь. — Соалм показала всем тонкую золотую цепочку

вокруг запястья и висящий на ней амулет в виде имперской аквилы. — Но теперь... Теперь у меня возникло предчувствие.

— Она одна из нас, — сказал мужчина. — Она верит.

Лицо Синоп вспыхнуло от радости.

— Дитя мое! — воскликнула она. — Он прислал тебя. Он прислал тебя к нам.

Соалм вернула ей книгу и кивнула.

В центральную пещеру, заставленную контейнерами и ящиками с оборудованием, вбежали несколько возбужденных и ликующих бойцов. Келл поднял голову и вместе с остальными приветствовал их возвращение улыбкой. От прибывших еще пахло порохом и дымом, и было видно, что все они сильно устали. Келл опытным взглядом окинул отряд и убедился, что вернулись все, лишь двое были легко ранены. Лидер группы, бывший пилот по имени Джедда, подошел к Капре, стоявшему у вокс-приемника, и заключил его в медвежьи объятия.

— Дело сделано? — спросил Капра.

— О, больше, чем просто сделано! —

Джедда энергично рассмеялся. Бойцы, разделяя настроение командира, последовали его примеру. — Тариил со своей информацией попал в точку! Мы подорвали опоры моста, и рухнул целый грузовой состав. Сотни солдат клановых войск, дюжина вездеходов и бронированных бэтээров, все осталось лежать на дне Краснокаменной реки!

— Это не шутки! — воскликнул один из присутствующих. — Аристократы сегодня узнали, почем фунт лиха!

Капра, обернувшись, кивнул Келлу:

— Передай своим людям мою благодарность. Еще месяц назад я не думал, что дойдет до этого, но мы и впрямь заставили их перейти к обороне. Ваша информация и помощь дали возможность повстанцам наносить координированные удары по всей планете. Аристократы теперь задумаются.

— Они ошиблись в том, что проявили излишнее высокомерие, — сказал Койн, присоединяясь к группе.

Люди расступились, освобождая ему дорогу. Они все еще испытывали

неловкость при виде неопределенного облика каллидуса.

— Они решили, что победа достигнута, и утратили бдительность. Никто из кланов не ожидал, что вы способны дать отпор, да еще нанося синхронные удары. Вы вывели их из равновесия.

— Мы поможем вам усилить давление, — пообещал Келл, обращаясь к лидеру сопротивления. — До сих пор вы только отыскивали трещины в их броне, а теперь мы будем расширять их, пока она не лопнет.

Джедда кивнул:

— Сегодня ночью мы не потеряли ни одного человека. Мы будем продолжать, и к нам присоединятся обыватели, которые до сих пор не решались вступить в борьбу. — Он усмехнулся Келлу. — При таких темпах ваша флотилия может прийти сюда и обнаружить, что все уже сделано!

— На это можно только надеяться, — сказал Койн, обменявшись взглядом с виндикаром.

— Капра! — В пещеру вбежала Бейя. —

Грол вернулся!

Вслед за ней, расстегивая на ходу плащ, с мрачным видом вошел борец за свободу. На одном плече у него висел вещевой мешок.

— Из столицы? — спросил Джедда. — Террик, мы сегодня устроили большой шум! Как там, было что-нибудь слышно в высоких башнях?

Каменное выражение лица Грола и отсутствие реакции умерило его ликование.

— Да, они об этом слышали, — сказал Грол.

Он бросил свой мешок на ящик, заменявший стол, и раздраженным жестом освободился от верхней одежды.

— Губернатор сделал заявление, которое транслировали по всем каналам. Они назвали это декларацией.

В помещении воцарилось молчание. Келл заметил, как все подтянулись к центру, чтобы не пропустить ни слова.

— Что ж, давай посмотрим, — произнес Капра.

Грол достал из мешка кассету —

серийное изделие, которое можно было встретить в каждом цивилизованном доме.

— Один из наших агентов записал это во время трансляции по общей сети. Обращение повторялось целый день, в начале каждого часа. — Джедда подошел, чтобы взять у него запись, но Грол отвел руку. — Может... ты захочешь просмотреть запись в менее многолюдном обществе?

Капра на мгновение задумался, но затем покачал головой:

— Нет. Если это транслировали в сети, то все граждане уже в курсе. И наши люди тоже должны знать.

Джедда взял кассету и вставил ее в голопроектор. Устройство зажужжало, и в воздухе появился призрачный образ мужчины в форменном мундире и украшенной шнуром фуражке. Он стоял перед невысокой трибуной, и Келл заметил на его груди эмблему в виде открытого глаза — символ Сынов Хоруса.

— Губернатор Никран, — с усмешкой произнес Джедда. — Интересно, где

записывалось это обращение? На лужайке перед его особняком?

— Тихо! — зашипел на него Грол. — Слушай.

Келл внимательно смотрел запись, пока губернатор рассыпался в похвалах и благодарностях по адресу марионеточных лидеров кланов. Он следил за выражением его лица и порой представлял, что смотрит на него через прицел своего «Экзитуса». Исходя из того, что он видел, Никран был вполне законченным перзавцем. Наконец губернатор дошел до самой важной части своего выступления.

— Граждане Дагонета, — сказал он, — я с величайшим прискорбием узнал о гибели множества наших отважных воинов Сил Планетарной Обороны в результате недавнего жестокого нападения повстанцев. Впоследствии выяснилось, что жертвами атаки стали еще и ни в чем не повинные гражданские лица...

— Черта с два, — не выдержал Джедда. — Мы воюем только против кланов!

— Я восхищен стойкостью наших

солдат и аплодирую их мужеству, — продолжал Никран. — Но я также прислушиваюсь к их командирам, когда они говорят, что скрытые враги представляют для нас опасность, с которой надо покончить раз и навсегда. И потому, чтобы не затягивать жестокую войну и не тратить попусту жизни граждан Дагонета, я обратился за помощью.

— Что бы это значило? — пробормотал один из людей Джедды.

Келл, ощущая на себе пристальный взгляд Койна, постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

Все, кто находился в пещере, притихли, внимательно прислушиваясь к словам Никрана.

— Много веков назад, когда Дагонет находился под властью пораженных скверной правителей-жрецов, мы столкнулись с подобной ситуацией. И тогда, как и сегодня, к нам на помощь пришел воин, гений войны, который и освободил нас от страха и трачного гнета. — Губернатор облизнул губы, а Келл

почувствовал, как указательный палец, которым он нажимал на курок, сводит от нетерпения. — Сограждане! Сегодня я получил известие из флотилии Сынов Хоруса. Они направляются к Дагонету, чтобы избавить нас от опасности, и с ними прибывает величайший из героев — Хорус Луперкаль. Не бойтесь. Возмездие Астартес будет быстрым и беспощадным, но вслед за ним к нам придет истинная свобода, свобода от удушающей власти далекого и равнодушного Императора.

Грол нажал кнопку на панели проектора, и изображение рассеялось.

— Вот так.

В пещере как будто образовался вакуум; заявление Никрана на какое-то время лишило всех присутствующих дара речи.

Первым заговорил Джедда.

— Астартес... — прошептал он, утратив весь свой недавний энтузиазм. — Они направляются к нам? — Он оглянулся на Капру. — Мы... мы не сможем противостоять космодесантникам. Одно дело — армия кланов, но элита Воителя...

— Мы даже не видели ничего подобного, — мрачно продолжил Грол. — Это генетически усиленные супервоины. Живые орудия. Ангелы смерти. Горстка таких солдат способна сокрушить целую армию...

— И что же нам теперь делать?! — сердито воскликнула Бейя. — Сразу сдаться? Или застрелиться, чтобы избавить их от хлопот?

— Они нас всех перебьют, — настаивал Грол. — Единственная надежда для нас — распустить отряды и затеряться среди гражданского населения либо покинуть этот мир до прибытия их флотилии. — Он взглянул на Келла. — Ведь наши избавители не смогут опередить Хоруса, верно?

— Карпа, он прав, — уныло согласился Джедда. — В войне против людей у нас есть шанс, но сражаться против богов войны...

— Это не боги, — резко бросил Келл, заставив их умолкнуть. — Их нельзя считать неуязвимыми. У них такая же красная кровь, как у любого из нас. И они

тоже могут умереть. — Он встретился взглядом с Гролом. — Даже Хорус.

Капра медленно кивнул:

— Келл прав. Астартес грозные противники, но и их можно победить. — Он в упор посмотрел на виндикара. — Скажи мне, что их можно победить.

— Я сам однажды убил космодесантника, — подтвердил Келл. Неопределенное выражение на лице Койна на мгновение дрогнуло, выдавая его удивление, но Келл не стал обращать на это внимания. — И я все еще жив.

— Капра... — вновь заговорил Грол, но предводитель повстанцев остановил его, подняв руку.

— Я должен все это обдумать, — сказал он. — Бейя, пойдем со мной.

Капра и женщина ушли, провожаемые взглядом виндикара. Грол, сердито взглянув на Келла, тоже вышел, а за ним последовал и Джедда со своими бойцами.

Келл положил на ладонь кассету и покачал, словно оценивая ее вес.

— Ты действительно уничтожил Астартес? — поинтересовался Койн.

— Не забывай о наших правилах, — ответил Келл, не оборачиваясь. — Круг не распространяется о своих целях.

Каллидус ухмыльнулся:

— Это не имеет значения. Даже если тебе это и удалось, это одна правда среди множества обманов. Как тебе этот Грол? Он умнее всех остальных в этой банде. Сыны Хоруса действительно истребят их всех, а заодно превратят этот мир в погребальный костер. Я видел, как воюют космодесантники.

Келл развернулся и шагнул ему навстречу.

— Сюда прибывает Воитель. Это единственное, что имеет значение.

— Да, конечно, — кивнул Койн. — И к тому времени, когда Капра и его люди это поймут, будет уже слишком поздно. — Он слегка наклонился вперед. — Но ответь мне на один вопрос, Келл. Неужели ты не испытываешь никаких угрызений совести? Неужели тебе не жаль всех этих людей?

Виндикар отвел взгляд:

— Империум оценит их жертву.

Помещение на борту «Чубара», принадлежащее оперативнику Гиссосу, как и ожидал Копье, оказалось предсказуемо скучным. Во всей каюте можно было заметить лишь редкие проявления индивидуальности — бар с несколькими бутылками отличного амасека, полку с пластифицированными бумажными книгами на самые различные темы да еще достаточно много посредственных карандашных набросков, по всей видимости выполненных самим хозяином каюты. Копье презрительно скривил губы, узнав о претензиях этого парня. Похоже, он воображал себя поэтом-воином: днем стоял на страже интересов клана Эврот, а по вечерам давал выход своим художественным наклонностям.

Однако истина оказалась не такой явной. Копье продолжал копаться в воспоминаниях, украденных из умирающего мозга Гиссоса, и постепенно обнаружил, что время от времени оперативнику приходилось напрягать все свои силы, чтобы улаживать неприятности с представителями власти в самых разных

мирах Таэбианского сектора. Члены экипажей и офицеры нередко нарушали законы на всех планетах, и именно Гиссосу приходилось подыскивать местных жителей, согласных взять вину на себя, или определять нужных людей, которым можно было дать взятку. Он подчищал грехи, совершаемые войд-бароном и членами его семейства, и в какой-то степени ненавидел себя за это.

Копье вывел на поверхность несколько пар глаз и с их помощью тщательно исследовал помещение на предмет приборов слежки. Ничего не обнаружив, он спрятал глаза и решил отдохнуть, позволив наружному облику немного расслабиться. Оболочка из плоти, закрывающая его тело, слегка утратила резкость очертаний; со стороны это выглядело так, словно в бинокле нарушалась фокусировка линз. Затем он ощутил слабый позыв своей демонической сущности. Она требовала свежей крови — но демоническая составляющая его существа всегда жаждала свежей крови. Копье позволил припрятанным останкам

Гиссоса частично просочиться из вспомогательного желудка, и все успокоилось.

Он сел за столик рядом с нишей, где стояла кровать. На поверхности были разложены полдюжины информационных планшетов, и каждый содержал определенные сведения, относящиеся к «Цубару». Здесь имелись планы каждой из палуб, протоколы безопасности, схемы трубопроводов, маршруты следования сервиторов и даже копия бортового журнала войд-барона. Длинные пальцы Копья стали перебирать планшеты, вытаскивали их по очереди из стопки, откладывали в сторону, затем возвращали на место. Постепенно возникала линия стратегии, и чем больше он на ней сосредоточивался, тем яснее понимал, что эту идею необходимо осуществить как можно скорее.

Корабль вольного торговца вышел из бурных просторов варпа поблизости от нейтронной звезды в Каскадной Линии, чтобы осмотреться и дать передышку двигателям перед тем, как отправиться к

месту сбора в туманности Стрелы. Они проведут здесь не больше одного дня, и, как только «Цубар» вновь переместится в Иттатериум, энергетические потоки от генератора поля Геллера могут помешать планам Копья проникнуть в личное хранилище барона Эврота. Эти потоки, к несчастью, оказывали побочное действие, вызывая угнетенное состояние демонической составляющей, вследствие чего терялись многие из его способностей. Значит, надо успеть до перехода в варп.

НЕТ

От неожиданного приступа боли Копье вздрогнул, и по его телу побежала рябь. Гулкий вопль пронзил его существо, словно луч лазера.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

— Заткнись! — крикнул он, вскочив из-за стола и тряхнув головой. — Заткнись!

Голос внутри снова попытался закричать, но он утихомирил его резким выдохом и усилием воли. На мгновение Копье ощутил его внутри себя — мерцающий огонек в непроницаемой темноте его духа. Крошечная частица

души Йозефа Сабрата, запертая в ловушке и неистовая.

Убийца упал на колени, наклонил голову и закрыл глаза. Он обратился внутрь себя, позволил мыслям спуститься в глубину разума. Это было похоже на поглощение океаном черного тягучего масла, но вместо того, чтобы сопротивляться, Копье дал темноте наполнить все свое существо, наслаждаясь ощущением погружения в пучину.

Он нырнул в бездну своей собственной расшатанной психики и стал искать нарушителя, человека, стараясь не пропустить окрашенные тени мыслей. Это оказалось нелегко: каждая жизнь, им разрушенная, а затем имитируемая, все еще сохранялась в глубинах его сознания смутным отзвуком. Но от каждой он избавлялся при помощи ритуала очищения, поэтому остатки ему ничуть не мешали, они были похожи на тени, оставленные на стене после взрыва ядерной бомбы. Однако частица Йозефа Сабрата до сих пор сохранилась. Эта сущность упрямо препятствовала уничтожению и не

позволяла Копью изгнать ее из себя.

А вот и сияние во мраке. Дух Копья рванулся к нему, обнажив клыки, готовясь разорвать в клочья. Убийца обнаружил, что его противник окутан воспоминаниями — о моменте непереносимой обжигающей боли. Он рассмеялся, когда понял, что Сабрат переживает миг, когда Копье пронзил ему сердце костяным клинком. На этот раз убийца взглянул на этот эпизод с точки зрения своей жертвы.

Боль оказалась ослепляющей — и знакомой. Некоторое время Копье сомневался, но быстро узнал это ощущение — именно это ощущение. Память Сабрата вызвала всплеск его собственных воспоминаний — воспоминаний из его прошлого.

Копье с запозданием понял, что частица человека ускользнула от его хватки, догадавшись скрыться в сходстве воспоминаний; и он слишком поздно понял, что погружается в собственное прошлое, которое превратило его в чудовище.

Обратно в клетку. Боль и клетка...

Голоса снаружи. Воины, закрытые броней с ног до головы, идут и разговаривают. Ангелы войны, повелители орудий, черные души и монстры.

Голоса.

— Это оно?

Из тона и манеры ясно, что это командир и господин. Но тоже подчиняется.

— Да, мой лорд, — отвечает раненый. — Это пария, если верить записям, оставленным Сестрами Безмолвия. Но я таких еще не видел. И они тоже не поняли, что это такое. Скорее всего, оно было обречено на уничтожение.

Господин, который будет его господином, подходит ближе. Он видит лицо, исполненное удивления и ненависти.

— Я чувствую, как от него несет колдовством. Почему это создание не погибло вместе с кораблем и остальным грузом?

— Имперские Черные Корабли очень прочны. Некоторым из них удалось пережить наш обстрел.

Пауза, во время которой он делает несколько коротких вдохов, стараясь не пропустить дальнейший разговор.

— Расскажи, что он сделал.

Вздох, тревожный и опасливый.

— Напал на меня. Оторвал палец. Откусил зубами.

Издевательский смех.

— И ты позволил ему остаться в живых?

— Я бы уничтожил его, мой лорд, но потом... Потом он убил кодиция. Брата Садрана.

Смех прекратился. И проявился гнев.

— Каким образом?

— Садран лишился уха. Оно было откушено и проглочено целиком. А потом колдун стоял и ждал смерти. Садран... — Раненый с трудом подыскивает слова для объяснений. — Садран обратил на него свой гнев, и это существо отразило удар.

— Отразило...

В голосе господина появился новый оттенок. Заинтересованность.

— Огонь, мой лорд. Садрана поглотил его собственный огонь.

Тени переместились в сумраке за пределами клетки.

— Я никогда не видел, чтобы парий был способен на нечто подобное...

Господин подходит ближе, и он впервые имеет возможность взглянуть на него по-настоящему.

— А ты какой-то особенный, верно?

— Это может быть врожденная случайность, — говорит раненый. — Или, возможно, побочный эффект экспериментов Адептус Телепатика.

Улыбка в сумраке становится отчетливее.

— А возможно, это новый шанс.

Он прижимается к прутьям клетки и решается прикоснуться к эфирным граням командира и господина.

— Нам следует его убить, — раздается второй голос.

— Я сам буду решать это.

Он прикасается к мыслям и впервые в жизни обнаруживает сущность еще более грачную, чем его собственная. Рожденная адом душа, погруженная во тьму, принадлежащая царству, которого он не в

состоянии понять.

— Эреб, мой лорд... — пытается возразить раненый, но взгляд повелителя заставляет его умолкнуть.

— Слушай мой приказ, брат-капитан, — говорит тот, у кого черное сердце. — Устрани все следы нашего пребывания здесь и позаботься, чтобы это судно затерялось в варпе. Я возьму то, за чем мы пришли, а заодно заберу нашего нового друга. — Тот, кого называют Эребом, опять улыбается. — Я думаю, он может принести нам пользу.

Второй воин уходит, а господин наклоняется ближе.

— У тебя есть имя? — спрашивает он.

Он уже так давно не разговаривает, что с трудом формирует звуки, но наконец произносит единственное слово:

— Копье.

Эреб кивает:

— Вот тебе первый урок, Копье. Я твой повелитель. — Затем он производит неуловимое движение, и в его руке появляется кинжал, который тотчас вонзается в грудь Копья, и возникает боль,

ослепляющая, обжигающая боль.

— Я твой господин, — повторяет Эреб. — И с этого момента ты будешь убивать только по моему приказу.

Копье отшатывается назад. И кивает, связывая себя присягой. Боль наполняет его, наполняет клетку.

Боль и клетка...

Мысли разлетелись, словно разбитое стекло, и Копье попытался рывком подняться, но его ноги ударили в стул и отбросили его в сторону. Он встал с пола и тихоходом заглянул в зеркало. Облик Гиссоса расплылся, словно необожженная глина. Копье поморщился, пытаясь сосредоточиться, но конфликт между воспоминаниями и физическим обликом оказался слишком сильным. Он тяжело дышал, а кожа на руках мгновенно стала багрово-красной.

— Оперативник? — Кто-то настойчиво стучал в дверь его каюты. — Я слышал крик. С тобой что-то случилось?

— Я в порядке! — закричал он в ответ. — Это... я просто упал с кровати.

Ничего не случилось.

— Ты уверен?

Теперь он узнал голос. Это был один из дежурных офицеров на палубе.

— Уходи! — бросил он.

— Слушаюсь, сэр, — после короткой паузы ответил офицер, и через секунду послышались удаляющиеся шаги.

Копье подошел к зеркалу и посмотрел, как восстанавливается лицо Гиссоса.

— Ты не сможешь меня остановить, — сказал он своему отражению. — Никто из вас не сможет. Никто.

В благодарность за оказываемую помощь повстанцы выделили членам карательного отряда отдельные помещения в одной из пещер в стороне от главного туннеля. Эти комнатки были размером едва ли больше, чем камеры в тюрьме, однако, были сухими и давали возможность уединиться, тогда как большинство борцов за свободу довольствовались общими спальнями.

Соалм не стала стучать и ждать приглашения за дверью комнаты брата.

Вместо этого она рывком распахнула проржавевшую дверь и ворвалась внутрь.

Он поднял голову от импровизированного стола, где, словно в учебном пособии, лежали отдельные части длинноствольной винтовки. По краю стола миниатюрными часовыми выстроились ряды пуль. Келл снял руку с висевшего на поясе пистолета и вернулся к своему занятию.

— Куда подевались твои манеры, Дженникер? — спросил он.

Она закрыла дверь и скрестила руки на груди.

— Значит, мы так и сделаем? — заговорила Соалм. — Мы в самом деле пожертвуем всеми этими людьми ради выполнения миссии?

— Ты только сейчас это поняла? А где ты была, когда я говорил о наших планах на борту «Ультио»? Или когда Вальдор прямо и откровенно сказал, какой будет наша цель?

— Ты манипулируешь Капрой и его людьми, — настаивала она.

— Верно, так мы и делаем, —

согласился ее брат. — И не притворяйся, что ты никогда не прибегала к этому методу, чтобы подобраться к цели. Ложь и обман, не так ли?

— Я никогда не причиняла вреда невиновным. Принцип Официо Ассасинорум в том и состоит, чтобы двигаться незаметно и не оставлять после себя никаких следов, кроме трупа намеченного объекта. А ты прорубаешь для нас дорогу, залитую кровью!

— Это уже далеко не Великий Крестовый Поход, дорогая сестренка. — Он отложил инструменты и пристально взглянул на Соалм. — Неужели ты настолько наивна, что этого не видишь? Мы не ослабляем защиту каких-нибудь дегенеративных пижонов в городе-улье и не уничтожаем опасного предводителя ксеносов. Мы попали на передний край гражданской войны. И правила ведения боев теперь сильно изменились.

Соалм на время умолкла. В последний раз она видела Эристида много лет назад, и произошедшие в нем изменения причиняли ей боль. Сейчас она замечала

только его худшие качества.

— Ты угрожаешь не только жизни каждого из повстанцев. Раздувая этот конфликт, ты обрекаешь на гибель множество невинных жителей, возможно, ставишь под сомнение выживание целой планеты и всего сектора.

— Ты хочешь спросить, стоит ли жизнь Хоруса Луперкаля таких жертв? Этот вопрос нужно задавать Вальдору и магистру ассасинов. Я только выполняю приказ. Наш долг — вот что имеет значение.

Эмоциональное потрясение было так велико, что она едва не всхлипнула.

— Эристид, как ты можешь быть таким равнодушным? Наша обязанность — защищать граждан Империума, а не разбрасываться их жизнями, считая пушечным мясом. — Соалм покачала головой. — Я тебя совсем не знаю...

Ее брат в гневе выскочил из-за стола:

— Ты не знаешь меня? Но ведь это не я отказался от своего имени! И не я забыл о правосудии!

— Так вот в чем ты себя убедил? —

Она отвела взгляд. — Много лет назад перед нами был выбор, Эристид: исчезнуть или отомстить. Но ты выбрал месть и обрек нас обоих на жизнь убийц.

Воспоминания неудержимым потоком увлекли ее в далекое прошлое. Тогда они оба были детьми, наследниками своего семейства. Они были последними отпрысками династии Келл, их владения были разрушены, а родители убиты в междоусобной войне аристократических кланов графства Такстед. Сироты попали в залы имперской школы, и их обоих тайно отобрали для обучения в рядах Официо Ассасинорум.

Брат и сестра проявляли многообещающие способности: Эристид, несмотря на свой юный возраст, оказался метким стрелком, а у Дженникер обнаружилась склонность к ботанике и химии. Они узнали, что лидеры кругов скоро примут окончательное решение, и тогда им придется расстаться и, возможно, больше никогда не встретиться. В холлах школы они составили план побега, чтобы не стать убийцами и

начать новую жизнь.

Но затем виндикары предложили Эристиду Келлу нечто такое, что пересилило стремление к свободе: возможность отомстить за родителей. А взамен они хотели только одного — клятвы в верности кругу. Одержимый ненавистью Келл охотно принял их условия. И Дженникер не оставалось ничего другого, как принять предложение Венену.

Несколько месяцев спустя она узнала, что вместо убийцы их отца и матери был уничтожен невиновный человек, и тогда поклялась, что больше никогда не будет носить имя Келл.

— Я надеялась, что ты изменился со дня нашей последней встречи, — сказала она. — И ты в самом деле изменился. Но не в лучшую сторону.

Лицо брата исказилось, словно он был готов взорваться от ярости, но он сдержался и отвел взгляд.

— Ты действительно совсем не знаешь меня. А теперь уходи.

— Как прикажешь, — холодно

ответила Соалм.

Глава 12
ЕДИНСТВЕННАЯ КАПЛЯ
ПОСЛАНЕЦ
ЗЕРКАЛЬНАЯ ПУСТЫНЯ

Часовые, охранявшие зал, где находилось личное хранилище войд-барона, позволили себе немного ослабить бдительность. Копье, стоя в темном коридоре вне поля их зрения, слышал, как они разговаривали всего в нескольких метрах от него. Новости и обрывки донесений, предупреждавших о передвижениях Адептус Астартес, постепенно распространялись по палубам «Цубара». Никто теперь не мог определить, были ли это корабли Легионов, все еще преданных Императору Человечества, или они следуют под знаменем Воителя. Кое-кто даже осмеливался предполагать, что все могущественные воины Астартес отвернулись от своего создателя и объявили священную войну, чтобы

присвоить себе все, что они за годы Великого Крестового Похода завоевали для Терры.

Копье не слишком разбирался в особенностях развернувшейся во Вселенной войны; по правде говоря, она почти ничего для него не значила. Ему было достаточно отрывочных сведений о галактическом конфликте. Противоборствующие стороны и доктрины его не интересовали. Он жаждал лишь одного — убивать. И его повелитель Эреб поручил ему убийство. Возможно, величайшее убийство в истории человечества.

Но до того, как оно произойдет, надо предпринять кое-какие шаги. Необходимо закончить приготовления. Копье позволил демонической составляющей проявиться отчетливее, и его маскирующая плоть подернулась рябью. Он сбросил корабельную униформу и отодвинулся глубже в тень. Из верхнего слоя эпидермиса тотчас высунулись тонкие, как волосы, щупальца и начали исследовать окружающий воздух и свет. Через несколько мгновений тело Копья стало влажным от густой

светочувствительной жидкости, цвет кожи начал меняться, пока не стал угольно-черным, а лицо скрылось под маской отслоившихся струпьев. Затем он беззвучно прыгнул на потолок.

Выделяемое масло позволило ему прилипнуть к гладкой поверхности, а затем и поползти по заранее намеченному маршруту, прямо над головами часовых, которые приглушенными голосами обсуждали угрозы, недоступные их пониманию.

Вход в реликварий преграждала хитроумно запрограммированная дверь, снабженная различными сенсорными и логическо-механическими системами, так чтобы открыть ее мог только сам Мерриксун Эврот или его ближайшие родственники. Но для Копья она не составляла преграды. Он слегка одернул свою демоническую сущность, поскольку в голове началось отвлекающее нытье: рядом находились часовые, и живущий в нем демон жаждал отведать их крови. После выговора все пошло по плану, и на его ладони появился дополнительный рот с

широкими губами. Копье поднес руку к биометрическому датчику дыхания, а тонкие щупальца тем временем проникли в мельчайшие щели по краям двери. Как только они добрались до механических замков, запоры один за другим стали открываться.

Образец дыхания войд-барона он получил без труда; для этого он всего лишь подошел ближе, и демоническая составляющая взяла из воздуха и сохранила молекулы выдыхаемого Эвротом воздуха и микроскопические частицы ДНК. Теперь образовавшийся на ладони рот выдохнул все это над сенсорным датчиком.

Раздался шорох хорошо смазанных шестеренок, и дверь открылась. Копье скользнул внутрь.

Солнце Дагонета повисло над самым краем гор, скоро наступит ночь. Дженникер Соалм стояла на плоском выступе скалы, служившем наблюдательным пунктом, и невидящим взглядом смотрела на желтоватые горы. Она знала, что миссия подошла к своей

завершающей стадии и карательному отряду для окончания операции остается в лучшем случае несколько часов.

Она видела, что это сознают и все остальные. Гарантин наконец отвлекся от истребления всех подряд клановых отрядов, попадавших в его поле зрения. Тариил, Койн и неприкаянная кулексус — все готовились, и ее брат...

Соалм точно знала, чем сейчас занят ее брат.

— Привет!

Голос заставил ее обернуться. Леди Синоп медленно и осторожно вышла из пещеры и направилась к ней.

— Мне сказали, что я могу найти тебя здесь.

— Миледи, — тихо произнесла Соалм.

Синоп улыбнулась:

— Ты не должна обращаться ко мне таким образом, дитя. Я теперь аристократка лишь по рождению. Люди позволили мне сохранить титул только в знак уважения, но, говоря по правде, кланы этого мира уничтожили все благородство, которым ты когда-то гордились.

— Но кто-то все же отверг призыв встать под знамя Хоруса.

Пожилая женщина кивнула:

— Да, но лишь немногие. И я думаю, они уже все мертвы. Или насильно приведены к согласию. — Она вздохнула. — Надеюсь, Он их простит.

Соалм посмотрела вдаль:

— Я не верю, что он склонен прощать. В конце концов, Император отрицает само понятие божественности.

Синоп опять кивнула:

— Это верно. Но лишь истинные божества поступают так, и это правильно. Те, кто считает себя богом, скорее всего, безумцы либо глупцы. Подняться на такую высоту можно лишь на крыльях веры. Божество должно вести и быть ведомым.

— Я бы и сама сейчас не отказалась, чтобы меня кто-нибудь вел, — призналась ассасин. — Я не знаю, куда повернуть.

— Вот как? — Аристократка нашла сглаженный ветрами камень и присела. — Если это не слишком бесцеремонно с моей стороны, могу я спросить, как ты нашла

дорогу к свету Лектицио Дивинатус?

Соалм вздохнула:

— После того как наши... мои родители погибли в междоусобной войне, я оказалась в одиночестве, под покровительством Империума. У меня не осталось ни одного близкого человека, кто мог бы обо мне позаботиться.

— Только Бог-Император.

Она кивнула:

— Вскоре я это поняла. Он был единственным, что осталось неизменным в моей жизни. Единственным, кто не осуждал... И не покидал. Я услышала рассказы об Имперском культе... И потом нашла близких мне по духу людей.

Голова Синоп качнулась.

— Да, так часто бывает. Подобное притягивается подобным, и это происходит по всей Галактике. Здесь, на Дагонете, многие не верят так, как верим мы — Капра, например, и большая часть его людей, но перед нами стоят общие цели. Но все-таки нас очень много, дитя мое. Ты найдешь нас под разными именами и в разных организациях. Он ведет нас к

величию и рассеивает туман всех ошибочных суеверий и фальшивых богов. Бог-Император прокладывает нам путь к единственной истине. Его истине.

— И все же нам приходится скрывать истину.

Пожилая аристократка вздохнула:

— Да, пока приходится. Временами вера может быть очень сильной, но в то же время она хрупкая и слабая. Это нежный цветок, о котором приходится заботиться и беречь, ожидая того дня, когда он расцветет во всей своей красе. — Она положила ладонь на руку Дженникер. — И этот день придет.

— Но не очень скоро.

Рука Синоп упала, и на некоторое время воцарилось молчание.

— Дитя мое, что ты хочешь мне рассказать?

Соалм обернулась и, прищурив глаза, посмотрела на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Я это узнала еще до того, как ты родилась, — сказала женщина. — Поверь, я знаю, когда кто-то пытается что-нибудь

скрыть. Тебя что-то пугает, но это не революция, бушующая на планете.

— Да. — Слова полились сами собой. — Я боюсь. Я боюсь, что своим приходом в этот мир мы можем все это уничтожить.

Она обвела рукой окружающие горы.

На губах леди Синоп мелькнула улыбка.

— Ах, моя дорогая. Неужели ты не понимаешь? Вы принесли на Дагонет надежду. А это драгоценный дар. И более хрупкий, чем вера.

— Нет. Я ничего не сделала. Я всего лишь... посланец.

В этот момент Соалм хотелось рассказать ей правду. Раскрыть истинный масштаб планов карательного отряда, объяснить причины, заставляющие их помогать Капре и его бойцам за свободу, и поведать свои самые глубокие и мрачные опасения: участвуя в этом деле, она ничем не отличается от своего озлобленного и бесчувственного брата.

Но она не смогла. В голове остались только холодная отповедь Эристида и его

равнодушные выкладки. Неужели жизнь всех этих людей ничто по сравнению с уничтожением Воителя — живого воплощения величайшей угрозы Империуму Человечества?

Синоп подошла ближе.

— Тогда послушай, чего боюсь я, — старая женщина не скрывала печали, — и ты поймешь, почему так важна эта борьба. На просторах Вселенной бушуют силы зла, моя дорогая.

— Воитель...

— Хорус Луперкаль — всего лишь действующая сила этой неудержимой анархии. Об этом свидетельствуют события, происходящие на каждой планете, куда падает тень амбиций Воителя. В глубоком мраке среди звезд зреет холодная ярость.

Негромкая спокойная речь женщины увлекла Соалм, и она слушала, не проронив ни слова.

— Ты и я, все человечество, и даже Бог-Император, — продолжала Синоп, — все мы испытываем на себе действие сил разрушения. И если наш повелитель —

настоящий бог, ты должны сознавать, что Он противопоставит ему нечто недосягаемое нашему пониманию... Но страшнее всего то, что произойдет, если ты позволим этой ненависти одержать победу над великим Императором. Во Вселенной воцарятся беспорядок и разгром, огонь...

— И хаос, — сказала Дженникер.

Будь у него такая возможность, Копье предпочел бы подождать, пока «Цубар» и сопровождающие его корабли не достигнут Солнечной системы, и только тогда предпринять попытку проникновения. Однако с каждым уходящим часом времени на маневр оставалось все меньше. И сейчас для операции возник самый подходящий момент. Как только они окажутся в пределах Солнечной системы, меры безопасности во флотилии Эврота будут усилены в десятки раз, и у оперативника Гиссоса не останется ни одной свободной минуты.

Кроме того, следовало учитывать еще одну особенность: его цель, как только

будет взята под прицел, обладает такой могущественной силой, что способностей Копья будет достаточно, чтобы произвести атаку с межпланетной дистанции. Он надеялся, что до этого не дойдет, — Копье испытывал величайшее наслаждение, когда смотрел в глаза своей жертве и видел ее понимание неминуемого конца. Лишиться этого коронного момента... Это было бы попросту несправедливо.

Убийца ступал по плиткам пола, которые в желатиновых линзах, выращенных для него поверх глаз демоническим естеством, светились зеленоватым блеском. Нормальное человеческое зрение не в силах было бы отыскать различия между отдельными квадратами на полу реликвария, и неудачливый нарушитель наверняка попал бы в зону антигравитации и оставался подвешенным в зале, пока не придут охранники с оружием наготове.

Он не стал обращать внимания на произведения искусства и предметы невообразимой ценности, расположенные в

отдельных нишах длинной галереи. Здесь же, в урнах высотой с ребенка, хранились останки всех баронов клана Эврот, начиная с самого первого. Погребальные сосуды были выполнены из алмазного волокна, тантала, панциря ксексетского кунтала и других бесценных и редких материалов. Портреты поколений лордов и леди клана висели на стенах и невидящими взглядами следили за извилистым путем Копья, тщательно обходившего камеры наблюдения и детекторы магнитных аномалий. Вокруг него мягко покачивались щупальца; анализируя температуру окружающего воздуха, они регулировали и нагрев его тела. Тепловые мониторы постоянно сканировали каждый квадратный сантиметр реликвария и обязательно отреагировали бы на тепло человеческого тела, но и они ничего не замечали. Все эти неутомимые и умные машины продолжали свидетельствовать о том, что зал пуст.

В дальнем конце галереи, заключенный в прозрачную стазис-камеру,

на пьедестале из платины и трамора, лежал «Патент на торговлю».

Завидев его, Копье замедлил шаги и облизнул губы под маской из струпьев. От этого движения маслянисто поблескивающая кожа на скулах натянулась и в хищной усмешке блеснули клыки.

Книга была изготовлена из настоящей бумаги, произведенной в последних естественных лесах Венеры, а чернила получены из желез юпитерианского ската-ножеклюва. Мастера Мерики переплели книгу в кожу гроакса, а обложка в лучах электрических свечей мерцала драгоценными камнями, собранными во всех колонизированных мирах Солнечной системы. Эта книга являлась физическим подтверждением права клана Эврот странствовать среди звезд. Они не только имели законные основания создавать флотилии кораблей и нанимать армии служащих и экипажей, не только управлять финансовыми ресурсами целых миров, но, согласно этому патенту, Мерриксун Эврот и его родственники

получали разрешение Императора распространять экономическую мощь Империума на все планеты Таэбианского сектора.

Убийца едва не рассмеялся от этой мысли. Можно подумать, что какое-то существо способно выделять сегменты Вселенной своим ставленникам, словно это участки земли или порции еды. Какая самонадеянность. Как глупо полагать, что кто-то имеет на это право. Такую власть невозможно дать; ее можно только взять после кровопролитной борьбы, мучений и неимоверного напряжения воли.

Внутри прозрачной камеры располагались сложные гравитационные устройства, и движением руки над рубиновым сенсором, закрепленным в раме, можно было листать страницы, не касаясь книги. Копье махнул рукой, и книга открылась, страницы, плотно заполненные текстом, стали переворачиваться одна за другой.

Он закончил просматривать книгу на странице, украшенной позолотой, пурпурными чернилами и серебряными

вставками. Слова высокого готика обрамляли тщательно прорисованную картину, где повторялся тот же сюжет, что и на нефритовом панно в зале аудиенций, — Император награждает первого из баронов Эврот. Но жадный взгляд Копья даже не заметил искусства художника, а остановился на влажно-алом мазке, оставленном на чистой завершающей странице книги.

Одна капля крови.

Он опустил руки на край футляра и позволил демонической сущности, сосредоточенной вокруг кончиков пальцев, просочиться в сварной шов, скрепляющий всю конструкцию. Пластичная плоть проникла в структуру вещества, и тяжелое бронированное стекло лопнуло и разломилось по линии сварки. Раздался резкий треск, но убийца успел заглушить его своими ладонями. Стекло выпало из рамы, и Копье подхватил его. Наконец он протянул дрожащую руку внутрь камеры.

Он вырвет страницу из старинной книги и вытащит из стазис-поля, сохранявшего ее в течение сотен лет. А

потом поднесет к губам, прильнет в поцелуе, словно нежный любовник, и выпьет кровь. Он...

Рука дотянулась до книги, но пальцы встретили лишь пустоту, словно массивный фолиант был сформирован из дыма. Очертания книги в стеклянном футляре на краткий миг дрогнули и расплылись, и тогда стало ясно, что это всего лишь призрачное изображение, воспроизводимое набором гололитических проекторов, искусно вмонтированных в раму.

Камера оказалась пустой, и на несколько мгновений такой же пустой стала голова Копья, сраженного сознанием, что его добычи здесь нет.

Но очень скоро пустота наполнилась убийственной яростью, и только сильнейшее напряжение воли удержало его от исступленного крика и полного разгрома всего реликвария.

После ухода леди Синоп Соалм снова осталась в одиночестве среди гор и ждала, пока темнота окутает ее целиком.

Ночное небо, так часто дарившее ей мгновения спокойствия одним своим видом, теперь лишь прикрывало угрозы, о которых говорила пожилая женщина. Соалм неожиданно ощутила холодное давление на сознание и невольно вздрогнула.

— Йота. — Обернувшись, она увидела стоявшую у выхода из пещеры кулексус. Глаза темнокожей девушки поблескивали во мраке. — Шпионишь за мной?

— Ага, — последовал ответ. — Тебе не стоит оставаться снаружи так долго. На орбите висят корабли и спутниковые системы кланов. Их приборы дальнего действия могут прозондировать этот район.

— Сколько времени ты за мной наблюдала?

— «Я не верю, что Он склонен прощать», — процитировала Йота, прикасаясь пальцами к торку-ограничителю на шее.

Соалм нахмурилась:

— Ты не имеешь права вмешиваться в личную жизнь!

Если это замечание и должно было

вызвать у Йоты чувство вины, она никак на него не отреагировала. Казалось, пария не обладала способностью принимать во внимание такие мелочи, как личная жизнь, такт или правила приличия.

— Что имела в виду эта женщина, когда говорила о «буйствующих силах зла»? — Йота качнула головой. — Эти слова не означали военную угрозу.

— Это довольно сложно, — сказала Соалм. — Честно говоря, я и сама еще не во всем разобралась.

— Но ты ценишь ее мнение. И слова, записанные в книге.

У Соалм кровь застыла в венах.

— В какой книге?

— В той, что осталась в одном из залов нижнего уровня. Там, где люди вместе с Синоп собираются вместе, чтобы поговорить об Императоре, которого считают богом. Ты тоже там была.

Соалм с угрожающим видом шагнула вперед:

— Ты следила за мной?

— Да. А потом, когда все разошлись, я кое-что прочла в этой книге. — Йота все

так же поглаживала пальцами свой торк. — Мне показалось, что там все очень запутано.

Соалм изучала выражение лица кулексус и лихорадочно размышляла. Если Йота обнаружила существование тайной часовни на базе повстанцев, последствия могут быть непредсказуемыми. Большинство борцов за свободу твердо придерживались официального антирелигиозного эдикта, признававшего незаконными любые церкви; и неизвестно, как поступит Эристид, если узнает, что она связана с Лектицио Дивинатус.

— Келл будет недоволен, — сказала Йота, будто прочитав ее мысли.

— Ты не скажешь ему об этом! — потребовала Соалм. — И ни о чем не будешь рассказывать!

Йота склонила голову набок:

— Он твой кровный родственник. Анимус спекулум распознает цвета ауры. Как только я увидела вас через визор своего шлема, я поняла, что ваши ауры связаны между собой. Но вы и это тоже держите в тайне.

Соалм безуспешно попыталась не выдать своего потрясения.

— И какие еще секреты тебе известны, пария?

Йота ответила уверенным взглядом:

— Я знаю, что ты сейчас прикидываешь, не лучше ли меня убить, чтобы заставить замолчать. Если сделаешь попытку, есть вероятность одержать победу. Но подобные действия тебе не по нраву. Вот твой брат — он бы не колебался на твоем месте.

— Я не Эристид, — заявила Соалм.

— Нет, конечно. — Лицо Йоты смягчилось. — А на что это похоже?

— Что?

— Иметь родственника. Брата. У меня не было ничего подобного. Я росла в замкнутой среде. В исследовательском центре. Ваш опыт мне интересен. Так на что это похоже?

Как ни странно, Соалм на мгновение ощутила жалость к кулексус.

— Это нелегко, — сказала она. — Йота, послушай меня. Прошу тебя, не говори никому об этой часовне.

— В противном случае ты попытаешься меня убить?

— А ты хочешь заставить меня?

Кулексус покачала головой:

— Нет.

Где? Где спрятан Патент?

Вопрос стучал в мозгу Копья и не утихал ни на мгновение. Он не мог расслабиться, не мог отвлечься, пока не найдет этот документ. Весь изощренный и тщательно разработанный план его господина зависит от одного этого пункта. Без него убийство Императора Человечества невозможно. Копье бесполезен, оружие разряжено, и лезвие меча затуплено. Само его существование без этого убийства не имеет смысла. Все смерти, все совершенные им убийства, начиная с удушения родных отца и матери, испепеления Несущего Слова, который пришел перерезать ему горло, глупцов с Йесты Веракрукс и пси-ведьмы, заканчивая смотрителями и тем человеком, лицо которого он сейчас носил, — все это были лишь ступени к величайшей

цели.

И теперь Мерриксун Эврот лишил его добычи. Смертельная ненависть по отношению к войд-барону была столь всепоглощающей, что Копье опасался встретиться с ним, чтобы не впасть в неистовство от одного его вида.

Копье впитал все, кроме самых незначительных воспоминаний Гиссоса, но оперативник даже не подозревал, что Патент на торговлю в реликварии барона всего лишь подделка. Во всем консорциуме «Эврот» не больше дюжины людей превосходили Гиссоса в вопросах секретности, и кому-то из них могло быть известно истинное местонахождение книги. Но как узнать наверняка? Он может убивать их одного за другим, но ничего не добьется, пока не впитает мысли их умирающего мозга. На такое рискованное предприятие он сейчас пойти не мог.

Об этом должен знать сам Эврот. Но убийство войд-барона здесь и сейчас, проблема избавления от тела и новое воплощение, когда он только что принял облик Гиссоса, — это было слишком

рискованно, чтобы рассчитывать на успех.

Нет. Необходимо отыскать иной путь, и как можно скорее.

— Гиссос? — Голос аристократа прозвучал резко и отрывисто. — Что ты здесь делаешь?

Эврот вышел в приемную своих личных покоев, где его ожидал оперативник.

— Мой лорд, — заговорил Копье, стараясь собраться с мыслями, — простите за вторжение, но мне необходимо срочно обсудить с вами кое-что.

Эврот, завязывая бархатный кушак дневного облачения, оглянулся через плечо. За полуоткрытой дверью можно было увидеть спальню и обнаженную женщину, дремлющую на смятых простынях.

— Мы заняты, — с недовольной гримасой сказал барон. — Приходи в аудиенц-зал после того, как мы войдем в варп, и тогда...

— Нет, сэр. — Копье добавил голосу Гиссоса металлический оттенок. — Мы не

можем откладывать разговор. Если мои догадки верны, нам, возможно, придется вернуться на Йесту Веракрукс.

Этого было достаточно, чтобы привлечь внимание барона. Эврот прищурился, но Копье успел заметить в его взгляде мелькнувший страх.

— Это еще почему?

— Я обдумывал свои действия и просматривал записи о йестианских убийствах. — Он поймал взгляд барона и начал излагать версию, придуманную в течение нескольких последних часов. Версию, которая, как он надеялся, заставит барона выдать нужную информацию. — Эти два смотрителя — Йозеф Сабрат и Дайг Сеган, — которые совершали ужасные убийства... В тот момент, когда я считал, что они меня убьют, прозвучало несколько слов, которые были мне непонятны.

— Продолжай.

Эврот жестом подозвал сервитора и взял у него стакан воды.

— Сэр, они говорили об ордере. — При этом слове барон заметно напрягся. — В

тот момент я решил, что они имеют в виду ордер на арест, но после некоторых раздумий понял, что они имели в виду что-то другое.

Он кивнул на висевшее на стене полотно, где художник-импрессионист изобразил нынешнего барона Эврота читающим книгу с Патентом на торговлю, словно это был какой-то научный эзотерический труд.

— Почему их мог заинтересовать Патент? — спросил Эврот.

— Это мне неизвестно. Но, сэр, это были не обычные убийства. Мы до сих пор не в состоянии определить, каким образом они уничтожили бедную Перриг... А их ужасные действия на местах преступлений во имя культа теогов...

— Это не имеет отношения к теогам, — с неожиданной резкостью заявил барон. Он тряхнул головой и прошелся по комнате. — Я всегда знал... — заговорил аристократ после недолгой паузы. — Я всегда знал, что Эрно Сигг тут ни при чем. И именно поэтому послал тебя, Гиссос. Чтобы ты установил истину.

Копье поклонился и придал украденному лицу выражение легкой печали.

— Надеюсь, я вас не разочаровал. И вы были правы, мой лорд. Эрно Сигг был лишь жертвой обмана.

— Эти отвратительные убийцы не принадлежали к теогам, — повторил барон, поворачиваясь в его сторону.

Его лицо утратило часть красок, и взгляд блуждал где-то далеко.

— Но верховный смотритель Телемах придерживается другого мнения, — продолжал настаивать Копье. — Могу я узнать, почему вы с ней не согласны?

Киллер заметил, как по лицу барона скользнула едва заметная тень. Тень скрываемой истины. Понимание пришло от поглощенной личности Гиссоса, его инстинктивного знания человеческой натуры и способности отыскать правду в словах лжеца. Копье сосредоточился. Барон был готов открыться, оставалось его лишь немного подтолкнуть. С самого начала войд-барону было известно об этой ситуации намного больше, чем он говорил,

и вот теперь эта информация должна выйти на свет.

— Я... я расскажу тебе... что я думаю, — сказал аристократ после того, как плотно прикрыл дверь спальни. — Эти терзавцы с Йесты Веракрукс не просто убийцы-маньяки, которые истязают жертву в силу своего безумия. Сейчас я уверен, что это агенты Хоруса Луперкаля, чтоб он сгнил. Они были частью замысла, который бросает тень на весь Таэбианский сектор, возможно, и на всю Галактику! — Он вздрогнул. — Всем нам известно о том, что происходит в павших мирах. — Его голос зазвучал более энергично. — Дискредитация теогов и имени нашего клана лишь часть этого злобного заговора.

Копье молчал, обдумывая слова барона. Теперь понятно, почему Эврот поспешил объявить дело закрытым и покинул Йесту Веракрукс так быстро, как только позволяли правила приличия. Участие в этом деле Эрно Сигга уже само по себе бросало тень на консорциум, но барон, вероятно, был уверен, что рано или поздно его имя будет упомянуто в связи с

еще более трачными обстоятельствами. Он боялся...

Копье, повинуясь неожиданному импульсу, сорвался с места у входа в приемную, где он стоял все это время, и вцепился в рукав одежды барона, едва не сбив его с ног.

— Во имя Терры, что ты себе позволяешь?! — закричал барон, изумленный внезапным нападением.

Но уже через мгновение, когда Копье приподнял широкий рукав и обнаружил на запястье тонкую золотую цепочку с брелоком в виде имперской аквилы, его гнев испарился. Убийца не удержался и допустил на лицо Гиссоса легкую усмешку.

— Так вы один из них.

Эврот резко стряхнул его руку и отошел назад, а в его лице проступило виноватое выражение.

— Убирайся. Ты уволен.

— Нет, я так не думаю, сэр. — Копье решительно посмотрел ему в глаза. — Я думаю, что объяснения еще впереди.

Несколько секунд барон колебался, не зная, то ли одернуть оперативника, то ли

вызвать личную охрану, дежурившую в коридоре. Но безошибочное чутье Гиссоса подсказывало Копью, что Эврот не сделает ни того ни другого. Инстинкт мертвеца его не подвел. Плечи аристократа бессильно опустились, и он рухнул в резное кресло, глядя прямо перед собой.

Копье ждал признания, которое, как он знал, обязательно последует. Люди вроде барона Эврота не имели ни желания, ни воли, чтобы по-настоящему вжиться в ложь, и в итоге только рады были возможности облегчить душу.

— Я не... — Он помолчал, подыскивая слова. — Люди, называющие себя теогали, появились после, понимаешь? Первыми пришли мы. Мы в безопасных отсеках своих кораблей привезли с собой послание с Терры и разнесли его по всему сектору. Каждый сын и каждая дочь семейства Эврот обязательно участвуют в Лектицио Дивинатус. Мы несем в себе божественность Императора.

Он произнес эти слова совершенно спокойно, без всякой высокопарности.

Копье вспомнил слова Дайга Сегана, сказанные перед самой смертью:

— Император защитит...

Эврот печально кивнул, но в лице войд-барона не было и следа истинной и слепой веры, которую в последние мгновения жизни продемонстрировал Дайг Сеган. Если аристократ и был приверженцем культа Бога-Императора, то не в силу своих убеждений, а лишь потому, что этого от него ожидали. Презрение Копья к этому человеку возрастало с каждой минутой, и его губы скривились в усмешке: барон не обладал смелостью даже иметь собственные убеждения.

— Это наша тайная обязанность, — продолжал Эврот. — Мы неустанно, но тайно распространяем слово о Его божественности. За долгие столетия наш клан в десятках миров вступал в группы вроде теогов. — Он отвел взгляд. — Но я никогда не... То есть я...

Копье смотрел и молча ждал. Как он и ожидал, Эврот не мог вынести молчания.

— Хорус разрушает все на своем пути. Раз за разом он лишает нас очередной доли власти, очередной сферы влияния. А теперь он затронул не только наши финансы, но и построенную моими предками сеть распространения Лектицио Дивинатус.

— Сеть тайного влияния, с помощью которой клан Эврот сотни лет управлял Саэбианским сектором.

Копье покачал головой. Людское самомнение поистине не имеет границ. Он не верил, что столь могущественное существо, как Воитель, может опуститься до козней по отношению к одному незначительному и корыстному торговцу. На самом же деле затяжной крах консорциума был всего лишь побочным эффектом продвижения Хоруса через сегмент Ультима.

Но ради собственных интересов можно позволить человеку считать себя жертвой межзвездного заговора, тогда как на самом деле этот пришедший в упадок клан является всего лишь способом достижения цели.

— С самого завершения Великого Крестового Похода вести дела становилось все труднее и труднее... — Эврот вздохнул. — Удача покинула нас. Я пытался это скрыть, но с каждым днем становится все хуже. Я надеялся, что по возвращении на Терру я мог бы попросить аудиенции у Сигиллита, и тогда...

— Где находится Патент на торговлю?

Копью надоели жалобы барона, и он сделал решительный ход.

Барон вздрогнул, словно от удара.

— Он... он в реликварии.

Ложь звучала по меньшей мере неубедительно.

— Сэр, я ваш старший оперативник службы безопасности, — заявил Копье. — Так что не считайте меня глупцом. Где настоящий Патент?

— Как ты узнал? — Барон вскочил на ноги и уронил стакан, разлетевшийся вдребезги. Механический слуга тотчас начал чистить ковер, но Эврот уже ничего не замечал. — Только три человека... — Он умолк и попытался успокоиться. — Когда...

тебе это стало известно?

Копье окинул его испытующим взглядом:

— Это не имеет значения. — После злополучного проникновения в реликварий убийца позаботился, чтобы там не осталось ни малейших его следов. — Значение имеет то, где сейчас находится оригинал Патента. Если вы не ошиблись насчет этих агентов Воителя, мы должны удостовериться, что документ в безопасности.

— Они искали его... — прошептал потрясенный этой мыслью барон.

Когда Эврот поднял голову и в его глазах проявился леденящий ужас, Копье понял, что этот человек в его власти.

— Я присягал служить клану Эврот во всех его начинаниях. А значит, это касается и вашей... сети. Но я не смогу этого сделать, если Патент будет утерян.

— Этого нельзя допустить. — Войд-барон с трудом сглотнул. — Он... он вне флотилии. Ты должен понять, у меня не было выбора. Возникли крупные

задолженности, которые нечем было погасить, и для дальнейшего функционирования консорциума потребовались определенные услуги...

— Где?

Копье хлестнул резким голосом Гиссоса, словно кнутом.

Барон сконфуженно отвернулся.

— Патента на торговлю касалась рука самого Бога-Императора Человечества, и в глазах последователей Лектицио Дивинатус это священная реликвия. В обмен на списание значительных долгов я передал Патент на хранение группе аристократов... на длительный срок.

— Какие аристократы? — потребовал Копье. — Где они?

— Они не отвечают на мои запросы. Боюсь, они могут быть мертвы или вынуждены скрываться. Если солдаты Хоруса их обнаружат, их всех убьют, а Патент будет уничтожен... — У барона задрожали губы. — Если только это уже не произошло. — Эврот поднял голову. — Патент находится на планете Дагонет.

Наконец. Ответ.

Некоторое время Копье раздумывал, не выйти ли ему из тела Гиссоса и не показаться ли барону в своей истинной сущности, чтобы тот понял, каким был глупцом, хотя бы за мгновение до того, как он разорвет его в клочья. Но вместо этого убийца погасил ярость и угрюмо кивнул:

— Тогда мне потребуется корабль. Самый быстрый катер.

— Ты не можешь лететь на Дагонет! — воскликнул Эврот. — Правительство планеты уже присягнуло Воителю! Прошел слух, что Сыны Хоруса в этот самый момент направляются туда... Это самоубийство! Я не допущу.

Копье заставил позаимствованную плоть поклониться и слегка улыбнуться.

— Клянусь, я верну Патент, мой лорд. Начиная с этого момента, вся моя жизнь будет посвящена этой цели.

После долгого молчания барон все же кивнул:

— Хорошо. И пусть Император тебя защитит.

— Мы можем только надеяться, — ответил Копье.

Глава 13
ВЕРА ИЛИ ДОЛГ
СВЯЗАННЫЕ
ПАТЕНТ

Виндикар объявил общий сбор, и Йота встретилась с Келлом и остальными членами карательного отряда в одном из нескольких складских помещений нижнего уровня, вдали от густонаселенных пещер. Комната пропахла прометием: бочки с жидким горючим стояли вдоль стен рядами до самого потолка, а система вентиляции работала с перебоями.

Келл предусмотрительно назначил время встречи, чтобы оно совпало с регулярным облетом района патрулями армии кланов. Каждый раз, когда это происходило, повстанцы замолкали, гасили огни и ждали, пока вертолеты не закончат осмотр горного массива и не повернут обратно к городу. А это означало, что Капра, Бейя, Грол и остальные были заняты, и ассасины могли

собраться незаметно, по крайней мере на какое-то время.

Взгляд виндикара обвел комнату, останавливаясь на каждом по очереди. Йота отметила, что на Соалм он посмотрел последний и уделил ей больше внимания, чем другим членам отряда. Ей стало интересно, понимает ли его сестра значение этого краткого момента. Йота рассматривала свой интерес к человеческим взаимоотношениям как продолжительный эксперимент, но ее ограниченные знания компенсировались способностью видеть все с недоступной остальным ясностью. При всей отчужденности между братом и сестрой, кулексус была уверена, что Келл привязан к Соалм гораздо сильнее, чем думает — или хочет думать — эта молодая женщина.

— Мы приступаем к заключительной стадии миссии, — заговорил Келл, не тратя времени на предисловие. — Агенты Бейи прислали из города сообщение о результатах наблюдений с внешнего периметра. В варпе возникли возмущения,

а это означает, что скоро откроется переход.

— Когда можно будет получить окончательный результат? — осведомился Койн.

Каллидус был похож на куклу ростом с обычного человека, с нечетко прописанным штрихами лицом и белой гладкой кожей.

— Мы не можем сидеть сложа руки и ждать подтверждения, — ответил Тариил, не поднимая головы от когитатора на запястье. — К тому времени, когда корабли выйдут на орбиту планеты, будет слишком поздно.

В горле Гарантина послышалось невнятное рычание, которое должно было означать согласие.

— Мы приступаем немедленно, — сказал Келл. — Лэнс-излучатель доставлен?

Он посмотрел на Тариила.

— Доставлен, — подтвердил инфоцит. — Грол предоставил транспорт из космопорта. Я лично присутствовал при сборке. Все готово.

— Но нам не удастся его испытать, не так ли? — Койн подался вперед. — Если он не сработает...

— Он будет работать, — заверил его Келл. — Все, что мы до сих пор делали, приближало нас к этому моменту, и теперь нет времени для сомнений.

— Я только хотел убедиться, — сказал призрак. — Поскольку мне придется быть ближе всех к цели, я считаю справедливым, что я больше остальных заинтересован в безотказной работе.

— Не беспокойся, — сказал эверсор. — Ты не успеешь даже испачкаться.

— У нас имеются запасные варианты. — Келл, игнорируя замечание эверсора, кивнул в сторону Йоты и Соалм. — Но сейчас сосредоточимся на главной схеме.

Он обернулся к Тариилу и замолчал.

Ванус сверился с показаниями таймера, висящего перед ним между двумя гололитическими экранами, и поднял голову.

— Патрули кланов могут вернуться в столицу в любой момент.

— И мы последуем за ними. — Келл протянул руку к висевшей на поясе маске. — Всем вам еще необходимо закончить последние приготовления. Я надеюсь, что вы быстро управитесь и покинете пещеры. До столицы будем добираться поодиночке и разными маршрутами, встретимся в космопорте. После заката я буду вас ждать на борту «Ультио».

Единственной, кто не двинулся с места после заключительного объявления Келла, была Соалм. Сжав губы в тонкую линию, он посмотрела на виндикара:

— А Капру проинформировали?

— Не глупи, — фыркнул эверсор, прежде чем Келл успел отреагировать. — Может, мы и перебили нескольких мятежников за время этой игры с повстанцами, но есть и другие, которые только и жаждут заполучить лакомый кусочек, прежде чем выдать это место. — Гарантин расправил свои когти. — Это всего лишь дилетанты, им нельзя доверять.

Соалм продолжала в упор смотреть на Келла.

— И что им делать после того, как миссия будет закончена?

Йота заметила краску, проступившую на щеках виндикара, но он сдержал свои эмоции.

— Капра человек находчивый. Он придумает, как быть дальше.

— Если у него есть хоть капля разума, — проворчал Койн, — он сбежит.

Соалм резко развернулась и первой выскочила из комнаты.

Дженникер добежала до отведенного ей Бейей помещения и вошла внутрь. То немногое оборудование, которое она привезла с собой, было на месте, искусно замаскированное под дамский дорожный саквояж. В этой унылой каморке, на армейской скатке, рядом с вещевым мешком, где хранились сухие пайки, он был явно не к месту. Вененум остановилась и стала осматривать его содержимое.

Внутри, в хитроумно вставленных модулях и потайных отделениях, хранились флаконы с порошками, плоские бутылочки с бесцветными жидкостями,

тонкие металлизированные трубочки с химическими компонентами, шприцы, капсулы и пластыри. Всего этого, если бы потребовалось, хватило для истребления жителей целого города.

Некоторое время она размышляла о том, как было бы просто поставить в систему водоснабжения повстанческого лагеря фильтр с таймером и зарядить его метазарином. Она могла бы подобрать нужную концентрацию и сделать все совершенно безболезненно. Люди просто уснули бы, чтобы никогда не проснуться. И были бы избавлены от жестоких мучений, уготованных судьбой, — расплаты, которая последует в любом случае, добьется карательный отряд успеха или нет. Она подумала о леди Синоп, о доверчивой Бейе и вечно подозрительном Гроле.

Кто-то мог бы сказать, что это милосердие. Воителя нельзя назвать великодушным завоевателем.

Соалм решительно тряхнула головой, прогоняя непрошеные мысли. На мгновение она ощутила ненависть к самой себе.

— Я не Эристид, — прошептала она в

пустоту.

Внезапный стук в покрытую ржавчиной дверь застал ее врасплох.

— Эй? — послышался снаружи голос, который, как она вспомнила, принадлежал одному из людей, встреченных в импровизированной часовне. — Ты у себя?

Она приоткрыла дверь:

— Что случилось?

Лицо мужчины выражало крайнее беспокойство.

— Они идут, — хрипло прошептал он.

Ей не потребовалось уточнять, кто такие «они». Если агенты Бейи докладывали Капре, логично было предположить, что и все остальные обитатели лагеря были в курсе происходящего.

— Я знаю.

Он вложил ей в руку какой-то предмет.

— Это передала тебе леди Синоп.

Дженникер увидела черненый корпус диктофона, портативного записывающего устройства, которое влюбленные или родственники часто дарили своим

близким в качестве сувенира. Устройство содержало в себе миниатюрную катушку памяти, рассчитанную на небольшое время записи, и гологенератор.

— Я подожду снаружи.

Мужчина закрыл за собой дверь, и Соалм снова осталась одна в своей комнате.

Она повертела в руках коробочку, нашла кнопку пуска и с замиранием сердца нажала ее.

Перед ней вспыхнуло зернистое изображение лица леди Синоп не больше ладони.

— Дитя мое, — заговорила аристократка с непривычной настойчивостью в голосе. — Прости, что не обратилась к тебе с этой просьбой лично, но обстоятельства вынудили меня покинуть пещеры. Человеку, который передаст тебе диктофон, можно смело доверять, и он приведет тебя ко мне. — Аристократка сделала паузу, и Соалм показалось, что за один миг она постарела на десять лет. — Нам нужна твоя помощь. Сначала я решила, что могла ошибиться,

но с каждым днем я все больше и больше убеждалась, что ты пришла к нам не зря. Он послал тебя, Дженникер. Ты сама сказала, что ты всего лишь «посланец»... И теперь я поняла, с каким посланием ты прибыла.

Изображение мигнуло, когда Синоп оглянулась через плечо на что-то, недоступное радиусу действия камеры. Затем она снова посмотрела в объектив, и ее взгляд загорелся решимостью.

— Я не была с тобой до конца откровенной. Место, где ты встретились, наша часовня... Это еще не все. У нас есть... Я полагаю, ты могла бы назвать это святилищем. Оно находится в пустыне, далеко от любопытствующих глаз. К тому времени, когда ты это получишь, я уже буду там. Дитя мое, я хочу, чтобы и ты туда пришла. Ты нужна нам. Ты нужна Ему. Не важно, какая миссия привела тебя на Дагонет, моя просьба намного важнее. — Соалм ощутила на себе пронизывающий взгляд пожилой женщины. — Не покидай нас, Дженникер. Я знаю, что ты веришь всем своим сердцем, и, как бы мне ни было

больно, я прошу тебя сделать выбор между верой и долгом. — Синоп отвела взгляд. — Если ты откажешься, Святую Терру зальют реки крови.

Голограмма растаяла, и Соалм увидела, как дрожат ее руки. Она не сводила глаз с диктофона и что было сил сжимала его пальцами, словно призывала волшебного духа, способного унести ее из этого места.

Речь леди Синоп, ее простые слова тронули ее сердце, и грудь раздирали противоречивые чувства. Она принесла присягу Официо Ассасинорум, она была агентом круга Вененум и получила Эпсилон-дан, и она была обязана выполнять приказы. Но в то же время она была Дженникер Соалм — Дженникер Келл — дочерью Империума Человечества и верной слугой Бога-Императора.

Какой путь выбрать, чтобы лучше послужить Ему? Какой путь будет полезнее для Его замыслов?

Как она ни старалась, Соалм не могла избавиться от впечатления, которое произвело на нее настойчивое

послание леди Синоп. Сдержанная сила благородной женщины наполнила всю комнату и охватила ее. Соалм знала: то, о чем ее просят, правильно — гораздо правильнее, чем кровавая миссия убийства, влекущая за собой еще больше смертей.

Церковь Лектицио Дивинатус на Дагонете нуждалась в ее помощи. Когда ей нужна была помощь отца и матери — а потом и Эристида, — их не оказалось рядом, и только слово Бога-Императора придавало ей силы. Теперь пора оплатить этот долг.

В конце концов она поняла, что не стоит даже гадать о том, как поступить.

Дверь со стуком распахнулась, и солдат-повстанец вздрогнул, увидев бледное лицо Соалм, стоявшей на пороге. Она уже забросила на плечо ремень, на котором висел изящный деревянный чемоданчик, а кобуру с бактганом пристегивала к поясу. Женщина подняла голову и взглянула на него из-под наброшенного капюшона.

— Синоп сказала, что ты отведешь

теня к ней.

Он с готовностью кивнул:

— Да, конечно. Сюда. Иди за мной. — Но через несколько шагов солдат остановился и нахмурился. — А остальные... твои друзья?

— Им незачем об этом знать, — ответила Соалм и жестом предложила ему продолжать путь.

Вскоре они оба исчезли за поворотом туннеля, ведущего на поверхность.

Из темноты их проводила взглядом Йота.

Варп тяготил Копье.

При необходимости пересекать полные воплей просторы Имматериума он старался делать это в состоянии стазиса, чтобы его тело погружалось в дремоту, а если это было невозможно, когда приходилось бодрствовать, надевая личину другой сущности, он готовился заранее, проводя долгие часы в ментальных ритуалах.

И тот и другой метод помогали успокоить демоническую составляющую. В

царстве реальности, на какой-нибудь из планет слой живой ткани толщиной в одну молекулу, соединенный с его родной плотью, не выходил из-под контроля. Вернее, порой он начинал причинять беспокойство, пытаясь захватить власть, но Копье умел его подчинить. Пока его кормили, пока удовлетворяли новыми убийствами и кровью, он повиновался.

Другое дело в пространстве варпа, где царили свои законы. Здесь, где от грохочущего безумия эфира его отделяли лишь несколько метров стали да прозрачная энергетическая паутина поля Геллера, демоническая оболочка доставляла немало хлопот. Копье мог лишь предположить, что демоническое начало в нем ощущало близость своих сородичей, почти разумных хищников, безмолвно преследующих каждый космический корабль.

Эврот предоставил в его распоряжение корабль под названием «Елена» — быстроходный катер консорциума, предназначенный для срочной доставки с одной планеты на другую

небольших и особо ценных грузов. Экипаж «Елены» считался одним из лучших во всей флотилии, но Копье едва ли обратил на это внимание. Он отдал капитану два приказа: доставить его на Дагонет с максимально возможной скоростью и не беспокоить во время перелета, если только не начнет разваливаться на части их судно.

Все члены экипажа знали, кто такой Гиссос. В некоторых кругах его считали сторожевым псом войд-барона, и теперь эта репутация сослужила Копью хорошую службу. Сложившееся мнение о нем отражалось на лице каждого, кого он встретил, прежде чем закрыться в роскошной каюте, предоставленной в его распоряжение. Среди обитых великолепным красным бархатом стен он почувствовал себя так, словно погрузился в озеро крови. Обстановка успокоила его, но не надолго.

Как только «Елена» оказалась в глубине варпа, демоническая сущность проснулась, и в его голове раздался вопль, похожий на крик смертельно раненного

зверя. Частица демона жаждала свободы, и на некоторое время Копье испытал то же самое желание.

Он отодвинул эту мысль в сторону, как будто задергивая занавес, но тот за что-то зацепился. Вслед за вероломной мыслью из глубины его психики поднялся мучительный зов.

Сабрат.

НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ

Копье в ярости подскочил к стоявшему у стены книжному шкафу и ударил в него головой, разбивая лицо в кровь. Удар и боль заставили останки личности упрямого смотрителя убраться прочь, но демоническая оболочка все еще бушевала и корчилась, комкала его одежду и выпускала щупальца из каждого сантиметра обнаженной кожи.

Она не собиралась ему подчиняться. Момент слабости, единственное мгновение, когда осколок мыслей мертвеца поднялся на поверхность, позволил демонической составляющей отвоевать крошечную долю контроля.

— Так не пойдет, — прошипел убийца

вслух, направляясь к отлично укомплектованному напитками бару.

Копье отыскал бутылку редкого умбранского бренди и взмахом руки отбил горлышко. Стоило ему полить густой ароматной жидкостью руки, как щупальца убрались под кожу. Затем Копье сорвал крышку с ящичка для сигар, стоявшего рядом на столике, и достал оттуда зажигательную свечку. От прикосновения большого пальца на ней вспыхнул огонек, и Копье поднес свечку к руке. Кожа мгновенно окуталась голубоватым пламенем, а он только сжал кулаки, позволяя боли впиться в его тело.

Огонь и боль.

За пределами корабля нет ничего, кроме огня. Внутри только боль.

Он стоит на палубе, прикованный железной цепью толщиной с руку взрослого человека, тяжелые двойные кольца прикреплены к обручу на его правой ноге. Он затянут так туго, что освободиться можно, только оторвав ногу до колена.

Но его внимание обращено не на

оковы. В зале, куда его приволокли солдаты господина, нет одной из стен. Вместо нее только пламя. Огненное безумие. Он знает, что от огненного ада его отделяет лишь тонкая диафрагма. Это ему непонятно, ученое колдовство не для него.

Он знает только то, что смотрит в самый варп и что варп тоже смотрит на него.

Он кричит и натягивает цепь. Руны и символы, начертанные повсюду на его обнаженной коже, вспыхивают, обжигают его холодным огнем, доставляют непрекращающиеся мучения. Чудовищные непостижимые слова, вытравленные на его теле, притягивают варп. Он снова кричит, и на этот раз господин отвечает ему.

— Бойся, — говорит ему Эреб. — Страх облегчит скрепление. Ему будет во что вцепиться зубами.

Он не понимает, откуда слышится голос. Как и всегда, с того момента, как открылась клетка, Эреб по своей воле может в любой момент посетить его

тысли. Иногда его повелитель приходит и оставляет что-то в голове — знания, способности, желания, — а иногда что-то забирает. Возможно, воспоминания. Трудно сказать наверняка.

У него возникают вопросы, но они застревают в горле, когда он видит нечто, появившееся из глубин варпа. Оно движется словно ртуть и так же излучает мерцание и опасность. Оно его видит.

Эреб предвосхищает его слова.

— Порождение варпа низшего типа, — поясняет господин. — Хищник. Опасен, но не слишком разумен. Скорее, в некотором роде хитер.

Оно приближается. Прозрачная энергетическая завеса дрожит и мерцает. Скоро она раздвинется. Всего на краткий миг. Достаточно, чтобы это впустить.

— Его можно приручить, — продолжает Несущий Слово. — Если только иметь достаточно сильную волю, чтобы не выпускать из-под контроля. У тебя есть воля, Копье?

— Да, господин...

Он не успевает договорить. Демон-хищник обнаруживает щель и просачивается сквозь нее прямо на палубу корабля. Он обволакивает Копье и пронзительно кричит, предвкушая легкую добычу.

В этот момент Эреб позволяет себе выразить удовольствие — демон, насколько это ему доступно, понимает, что как бы он ни старался отыскать место на теле Копья, не защищенное рунами и символами, ему это не удается. Он не в состоянии поглотить жертву.

Затем демон падает на палубу, извивается в агонии, стараясь вырваться на свободу, но и этого он не может, и в конце концов происходит слияние.

Задвижка, отделяющая зал от бездны, опускается, и Копье слышит удаляющийся голос своего повелителя:

— Тебе потребуется не один мучительный день, чтобы его подчинить. А если ты не справишься, вы оба умрете. Примененная к тебе магия необратима. Теперь ты связан. Это твоя шкура. И ты станешь управлять ею, как я управляю

тобой.

Отзвук голоса растаял, и остался лишь его вопль и вопль демона.

И огонь, и боль.

С ночной темнотой в космопорт приходит и холодная морось. Дождик неумолчно шуршит по разбитым в ходе войны подъездным путям и по посадочным площадкам. Вода через брешь в крыше стекала по изогнутым крыльям переднего модуля «Ультио» и постепенно заливала клочок сухого феррокрита под прижавшимся к земле кораблем. Он был похож на хищную птицу, готовую взмыть в небо, но все системы сейчас работали в пассивном режиме, чтобы не выдать его боеготовности изредка проходившим патрулям.

С начала мятежа космопорт оставался почти полностью заброшенным и до сих пор значился где-то в конце длинного списка кланового правительства на проведение восстановительных работ. Атаки повстанцев на силовые установки и системы связи сделали свое дело, хотя к

линиям снабжения Капра относился очень бережно, не желая обрекать на голод гражданское население. Он завоевал сердца и умы многих людей, и в конечном итоге это послужит ему на пользу.

Келл стоял у подножия трапа «Ультио» и глядел на дождь через смотровую щель боевой маски, предоставляя встроенным сенсорам делать свою работу, а сам снова задумался о повстанцах. Как они отреагируют, когда узнают, что все члены команды Келла исчезли? Подумают, что их предали? Возможно. В конце концов, так оно и есть. А когда миссия будет закончена, Капра будет знать, кто стоит за всем этим.

— Есть что-нибудь? — Сверху до него донесся голос Тариила. — Пилот-мозг доложил, что пассивные сенсоры недавно зарегистрировали отраженный импульс, но с тех пор больше ничего не было.

Келл даже не повернул головы.

— Доложи обстановку.

Тариил вздохнул:

— Гарантин отточил свои ножи до такой степени, что может рассекать

дождевые капли. Я слежу за сообщениями в общественных и армейских сетях, и я уже приготовил и загрузил свои инфофаги и устройства маскировки. Койн работает над обликом армейского командира, которого мы захватили. Как я понимаю, кулексус и вененум еще должны прийти?

— Твоя проницательность, как всегда, на высоте.

— Как долго мы еще можем ждать? — спросил инфоцит. — Близится время высадки.

— Они придут, — сказал Келл как раз в тот момент, когда за дверью ангара возникло какое-то движение.

— Я уже пришла, — сказала Йота, выходя из серой пелены дождя. Ее голос из-под шлема звучал необычайно гулко. Оказавшись под крышей, Йота сняла шлем и тряхнула головой, рассыпая по плечам тонкие косички. — Меня задержали.

— Что могло тебя задержать?! — возмутился Тариил. — Здесь никого нет.

— Это теперь нет, — мягко поправила его Йота.

— А где вененум? — напряженно

спросил Келл.

Взгляд Йоты переместился на его лицо.

— Твоя сестра не придет.

В глазах Келла сверкнуло изумление, а затем злость.

— Как?..

Тариил, защищаясь, поднял обе руки:

— Не смотри на меня. Я ничего не говорил.

Виндикар поморщился:

— Ладно, не важно. Объяснись. Что значит «не придет»?

— Дженникер взялась за дело, которое считает для себя более важным, чем наша миссия, — ответила ему кулексус.

— Я же дал ей приказ! — рявкнул Келл, разъяряясь все сильнее с каждой секундой.

— Да. Но она ему не подчинилась.

Келл схватил Йоту за одежду и уставился ей в лицо. Он ощутил волну исходящей от парии черной энергии, иссушающей душу, но был слишком разгневан, чтобы обращать на это внимание.

— Ты видела, как она уходила, да?

Видела и ничего не сделала, чтобы ее остановить?

Вспышка эмоций скользнула по лицу Йоты, но определить природу чувств было нелегко. Ее темные глаза превратились в черные омуты бездны.

— Не смей меня трогать.

У Келла защипало кожу, а рука замерзла, как будто попала в ледяную воду. Он непроизвольно отпустил кулексус, и пальцы тотчас свело болезненной судорогой.

— О чем ты только думала, девчонка? — сердито спросил он.

— Ты ей не хозяин, — негромко заметила Йота. — Ты сам отказался от участия в ее жизни.

Ее слова ошеломили Келла.

— Я... я говорю о миссии, — продолжил он, быстро справившись со своими чувствами. — А не о ней.

— Ты сам себя пытаешься в этом убедить.

Йота выпрямилась и прошла мимо него.

Келл обернулся. На верхней площадке

трапа к Тариилу присоединился Гарантин. Он покачивался взад и вперед, то сжимая, то разжимая огромные кулаки. Рядом с ними стоял мужчина средних лет в форменном плаще СПО и вертел в руке отравленный нож. Выражение его лица показалось Келлу неподходящим, но почему, он не смог бы сказать.

— Сколько еще? — зарычал эверсор. — Мне не терпится убить Астартес. Хочу попробовать, что это такое.

Его пальцы беспокойно дергали ремень маски-черепа, а зрачки в налитых кровью глазах сузились до черных точек.

Келл принял решение и шагнул вслед за кулексус.

— Йота, тебе известно, куда она отправилась?

— У меня есть подозрение, — последовал ответ.

— Отыщи Соалм и приведи ее обратно.

— Сейчас? — Лицо Тариила изумленно вытянулось. — У нас нет других дел?

— Сделай это, — настаивал Келл. — Если она в опасности, под удар может

быть поставлена вся наша миссия.

— Причина совсем другая, — заметила Йота, — но, если хочешь, можем сказать ей и так.

Виндикар указал рукой себе за спину, где заметно усилился дождь.

— Иди.

Затем он отвернулся. В груди Келла ожили чувства, которые он давно считал безвозвратно утраченными. Пустота. Раскаяние. Он прогнал их, пока эмоции не завладели всем его существом, и превратил в гнев. Зачем только она разбудила в нем эти чувства? Они была частью далекого прошлого, и он хотел, чтобы все так и оставалось. А теперь...

Йота кивнула ему и закрыла лицо шлемом. Не говоря больше ни слова, не оглядываясь, она убежала в темноту и пропала за пеленой дождя. Гарантин, громко топая от возмущения, спустился вниз.

— Снайпер, что ты творишь? — Он буквально выплевывал слова. — Эта отравительница с испугу бежит с поля боя, а ты еще усугубляешь дело, отсылая за

ней колдунью? Ты в своем уме?

— Неужели знаменитый Гарантин во всеуслышание признается, что ему не обойтись без помощи женщин? — спросил Койн голосом командира СПО. — Случаются же такие чудеса!

Разгневанный эверсор угрожающе навис над виндикаром.

— Ты не достоин руководить этим отрядом. Ты слабак! А теперь твое неумелое командование ставит под угрозу нас всех!

— Ты ничего не понимаешь! — огрызнулся Келл.

Палец со стальным когтем уперся ему в грудь.

— Келл, тебе известно, в чем недостаток твоего круга? Вы все боитесь забрызгаться кровью. Вы боитесь запаха крови, хотите, чтобы все было чисто и аккуратно, чтобы все совершалось на расстоянии. — Гарантин ткнул большим пальцем в сторону Койна. — Даже этот бесполый чудак и то лучше, чем ты!

— Великолепно, — пробормотал каллидус.

А эверсор продолжал, брызжа слюной сквозь обнаженные клыки:

— Наверное, Вальдор захотел посмеяться, когда поставил тебя во главе отряда! Или ты считаешь, что ты все слепцы и не замечаем, какими глазами ты смотришь на эту паршивую отравительницу?

В тот же миг пистолет Келла оказался у него в руке, а дуло уперлось в открытое горло Гарантина, прижимая напряженные мускулы и вздувшиеся вены.

— Келл! — закричал встревоженный Тариил. — Прекрати!

Эверсор рассмеялся:

— Давай, снайпер. Попробуй. В упор, глядя в глаза, это первый такой случай в твоей жизни. — Увенчанная когтями рука поднялась и передвинула дуло пистолета в мягкие ткани под челюстью. — Докажи, что у тебя есть характер! Сделай это!

Палец Келла на мгновение напрягся на курке, но убивать эверсора в упор было равносильно самоубийству. В числе генных модификаций Гарантина была и сверхнадежная система, спрятанная

глубоко в его теле, и в случае остановки сердца произошел бы взрыв биомассы, способный разнести все вокруг.

Келл не стал стрелять, а только со всех сил оттолкнул от себя эверсора.

— Если бы ты не был мне нужен, я прострелил бы тебе позвоночник и оставил истекать кровью, — проворчал он.

Эверсор ухмыльнулся:

— Ты сам повторил мой довод.

— Это бессмысленно, — вмешался Койн, сбегая по ступеням трапа. — Ни одна миссия никогда не идет точно по плану, и вы сами это прекрасно знаете. Мы можем выполнить задание и без женщин. Главная цель все еще в пределах досягаемости.

— Каллидус прав, — добавил Тариил, глядя на свой когитатор. — Я меняю схему. Векторы атаки сходятся. Мы можем действовать результативно и с двумя потерями.

— Если только больше никто не сбежит, — сказал Гарантин. — И ничего не изменится.

Келл поморщился.

— Мы зря тратим время, — сказал он,

отворачиваясь. — Запирайте «Ультио» и отправляйтесь на исходные позиции.

Мужчина сказал, что его зовут Трос, и больше почти не разговаривал. Через вырубленный в скалах сводчатый зал, где когда-то хранились топливные стержни для давно уничтоженных преобразователей атмосферы Дагонета, он вывел ее на поверхность к поджидавшему их скиммеру с антигравитационным двигателем.

По пути в пустыню гул двигателей сделал бы их разговор затруднительным, и ассасин решила сесть сзади, предоставив повстанцу вести машину.

Скиммер шел быстро. На головокружительной скорости они пронеслись по каньонам Разреза, а потом серая стена скал неожиданно уступила место пустыне цвета охры. На западе показались тучи, предвещавшие бурю, а скиммер все дальше и дальше уносился вглубь пустыни. Время от времени Соалм видела по сторонам остатки древних поселений; они относились к раннему периоду колонизации, когда пустыня была

цветущим и плодородным краем. Это было в зеленый период Дагонета, пока улучшенный людьми климат снова не изменился и зона благоприятных условий не сместилась на север. Вслед за хорошим климатом ушли и люди, оставив после себя только пустые оболочки бывших жилищ, которые теперь напоминали разрозненные надгробные памятники.

Наконец звук двигателя изменился, и вездеход сбросил скорость. Трос показал на что-то невдалеке, и Соалм мельком увидела силуэты палаток, низкие строения и юрты, расположившиеся на краю еще одного покинутого поселения. Когда скиммер, подняв тучу быстро оседающей пыли, опустился на песок, Соалм бросилась в глаза фреска с изображением имперского орла, сохранившаяся на светлой стене. Картина выглядела старой и изрядно подпорченной непогодой, но в то же самое время она сияла в свете уходящего дня, словно за многие десятилетия песчаные бури отполировали ее до ослепительного блеска.

На базе повстанцев, в импровизированной часовне, она встретила лишь горстку людей, и небольшое число поклонников Бога-Императора слегка разочаровало Соалм, но сейчас она поняла, что малая группа была лишь частью всего сообщества.

Последователи Лектицио Дивинатус собрались здесь.

Соалм вышла из скиммера и медленно пошла к импровизированным жилищам и частично восстановленным зданиям покинутого поселка. Даже с первого взгляда она видела, что здесь собралось несколько сотен человек. Взрослые и дети, молодые и старые, мужчины и женщины из всех слоев общества Дагонета. Почти все они носили самодельные накидки и капюшоны, закрывающие носы и рты от охристой пыли. Кое у кого она заметила оружие, но с ним обращались без напряженной нервозности, которая наблюдалась среди бойцов Капры. Один из мужчин с лазганом обернулся в ее сторону, и Соалм увидела на нем армейскую форму СПО, потрепанную, с

прорехами на тех местах, где раньше были военные значки, — сохранился лишь символ аквилы, который он с гордостью продемонстрировал.

Эти люди — беженцы — готовились к наступлению ночи, подтягивали веревки и расправляли полотнища палаток. В пустыне часто налетали сильные ураганы, и тогда частицы темной пыли проникали повсюду. Первые порывы ветра уже трепали полы ее одежды.

Вскоре ее догнал Трос и показал на здание странной формы с наклонной стеной и целым лесом антенн, торчавших из того места, где должна была быть крыша.

— Вон туда.

— Это все последователи леди Синоп? — спросила Соалм.

Мужчина весело усмехнулся:

— Только не говори так в ее присутствии. Она считает это дерзостью. — Трос покачал головой. — Мы не ее последователи, а Его. Миледи только помогает нам в пути.

— Ты был знаком с ней до мятежа?

— Я слышал о ней, — поправил он. — Мой отец однажды с ней встречался, когда она была еще молодой женщиной. Слышал ее речь на тайном собрании в Даскер Пойнт. Я никогда не думал, что представится возможность самому ее увидеть, однако... За эти годы миледи много сделала для нас.

— Твоя семья всегда придерживалась имперского культа, верно?

Трос кивнул:

— Только мы называем его по-другому. Мы называем себя теогами.

Они подошли к странному зданию, и только тогда Соалм поняла, что это вовсе не дом. На самом деле строение было небольшим кораблем, но большая часть его корпуса была укрыта потрескавшейся рыжеватой почвой. Неподалеку к небу поднимались тонкие проржавевшие фермы верфи. Давным-давно на этом месте проходило русло широкой реки.

Вдоль борта корабля тоже стояли палатки, и в каждой из них уже горели лампы.

— Все эти люди обитатели

Дагонета?

— И других миров торгового союза, — ответил он. — Некоторые прибыли сюда ради тайного паломничества, да так и застряли, когда кланы все перевернули.

— Паломничества? — повторила Соалм. — Почему?

Трос снова кивнул:

— Ты сама все увидишь.

Он открыл тяжелую задвижку люка, и Соалм шагнула внутрь.

Прежде старый корабль был предназначен для перевозки грузов и, вероятно, принадлежал какому-то филиалу колониальной администрации. Теперь от него осталась лишь выпотрошенная оболочка — изъеденные песками борта да проржавевшие рамы палуб. Внутри скелет корабля был переоборудован для иных целей, и там появились стены, сложенные без раствора из камней и стенок грузовых контейнеров. Дверь с глухим стуком закрылась за спиной Соалм и отсекла порывы ветра. Внутрь попадали лишь тонкие струйки

прохладного воздуха, проникавшие через проточенные песком отверстия.

— Дитя мое! — Навстречу ей со слезами на глазах вышла леди Синоп. — Ты пришла. Да благословит тебя Трон.

— Я... не могла не прийти, — ответила вененум. — Я должна была это сделать.

Синоп слабо улыбнулась:

— Я ни минуты не сомневалась, что ты откликнешься. И я понимаю, как многого я от тебя прошу. Я заставляю тебя идти на риск.

— Я выполняла миссию, в которую не верила, — призналась Соалм. — Ты попросила меня сделать что-то другое ради того, во что я верю. Сделать выбор оказалось несложно.

Женщина взяла ее за руку.

— Твои товарищи думают иначе. Они могут отречься от тебя.

— Возможно, — согласилась Соалм. — Но тех, кого я считала своей семьей, я лишилась очень давно. С тех пор я ощущала родство только с теми, кто верит в Бога-Императора, как верим мы.

— Теперь ты твоя семья, — сказала Синоп. — Все ты.

Соалт кивнула, признавая правоту слов пожилой дамы, и ее настроение улучшилось.

— Да, это так.

Но через мгновение радость рассеялась, и ее мысли обратились к содержанию послания. Соалт вынула диктофон и вернула его Синоп.

— Чем я могу вам помочь?

— Идем. — Синоп поманила ее в темную глубину корабля. — Там ты все поймешь.

В стоявшем на суше корабле, как и в лагере вокруг него, было немало людей, и на их лицах Соалт замечала одно и то же выражение: странную смесь страха и надежды. Она вдруг осознала, что эти чувства относятся к ней, и в груди зародилась тревога.

— Трос говорил, что у вас здесь беженцы со всего Дагонета. И с других планет тоже.

Синоп на ходу кивнула:

— Я надеюсь... Я молюсь, чтобы в

пустыне образовались и другие поселения беженцев. Было бы очень грустно признать, что здесь собрались все, кто остался в живых.

— Но даже здесь несколько сотен человек.

Женщина снова кивнула:

— Четыреста шестнадцать, если говорить точно. В основном это жители Дагонета, но есть и небольшое число выходцев из других миров Таэбианского сектора. — Она вздохнула. — Они пришли издалека и многим пожертвовали... И они уже никогда не вернутся домой.

— Помощь идет.

Соалм так часто повторяла эту ложь, что делала это почти автоматически.

Аристократка остановилась и окинула ее проницательным взглядом, перед которым не могла устоять никакая неискренность.

— Мы обе знаем, что это неправда. Бог-Император ведет войну, и сейчас важнее всего, важнее каждого из нас, Его дальнейшее существование. — Она жестом

обвела окружающее их пространство. — Если мы должны погибнуть ради того, чтобы Он спас Галактику, мы с радостью заплатим эту цену. Мы снова встретимся по правую руку от Него.

Спокойная уверенность Синоп захлестнула Соалм. Только через пару мгновений она снова обрела способность говорить.

— Как давно здесь существует общество... теогов?

— Оно возникло задолго до моего рождения, за много поколений до нас, — ответила женщина, продолжив путь. — Даже до начала Великого Крестового Похода. Говорят, что Его тайные почитатели появились еще в те времена, когда Бог-Император победоносно шествовал по неспокойной Земле. А когда Он отправился в космос, вместе с ним отправилась и наша вера. А затем появилась «Лектицио Дивинатус», и в ней наша вера оформилась окончательно. Это священное писание.

— А правда ли, что книга была написана одним из сыновей Бога-

Императора?

— Я не знаю, дитя. Зато все мы уверены, что это Имперская Истина. — Она опять улыбнулась. — С этим знанием я выросла. Мы и нам подобные долгое время жили изолированно; в лучшем случае нас игнорировали, в худшем — осуждали. Тех, кто верил, считали заблуждающимися глупцами.

Соалм оглянулась вокруг:

— Мне эти люди не кажутся глупцами.

— Правильно. Наши ряды стали разрастаться, и не только здесь. Группы верующих собираются по всей Галактике. Наша вера не знает границ, ей следуют и дети нижайших уровней ульев, и те, кто ходит по залам дворцов Терры. — Она задумалась и некоторое время молчала. — Тьма, распространяемая Воителем, многих привела в наши объятия. Во время мятежа мы наблюдали не только ужасы, но и чудеса. Я верю, что пришло время нашего испытания. Наше вероучение переживает величайший подъем, дитя мое. Придет день, когда все звезды

склонятся перед святой Террой и великим Богом-Императором.

— Но не скоро, — сказала Соалм с едва заметным оттенком горечи в голосе. — Не сегодня.

Синоп похлопала ее по руке:

— Не теряй веры. Мы стали частью большего, чем просто общество людей. Пока живет наша вера, будем жить и мы.

— А эти люди из других миров, — сказала Соалм. — Трос говорил, что они паломники. Мне это непонятно.

Синоп ничего не ответила. Они спустились по не раз ремонтированной лесенке на нижнюю палубу старого корабля и пошли дальше, осторожно пробираясь мимо сломанных балок и упавших опор. Внизу было душно и сильно пахло ржавчиной и высохшей землей. Пройдя несколько метров, они приблизились к отсеку с толстыми стенами, укрепленными листовой сталью и керамитом. Четверо мужчин, все вооруженные крупнокалиберными ружьями, охраняли единственный ведущий внутрь люк. Все четверо отличались тяжелым

взглядом и крепким телосложением, характерным для выходцев из миров с сильной гравитацией. Ассасин с первого взгляда узнала в них профессиональных солдат, за плечами которых имелся большой опыт опасной службы.

Леди Синоп вышла на освещенное место, и каждый из четверых охранников почтительно поклонился ей, сняв фуражку. Соалм отметила, что пожилая женщина подошла к каждому и поговорила с ними, как с добрыми друзьями. По сравнению с солдатами она казалась хрупкой, но было ясно, что крепкие мужчины, словно преданные сыновья, внимательно следят за каждым ее словом и жестом. Ее улыбка тотчас отразилась и на их лицах.

Синоп показала на Соалм:

— Джентльмены, это Дженникер.

— Она пришла одна? — спросил самый высокий из четверки, в руках которого тяжелый стаббер казался почти игрушкой.

Синоп кивнула.

— Вы самоотверженно служили теогам, — сказала она. — Теперь ваша служба подходит к концу. Дженникер

снимет эту тяжкую ношу с ваших плеч.

Высокий солдат сосредоточенно кивнул, а потом щелкнул пальцами, обернувшись к своему товарищу. Тот начал поворачивать массивное колесо в центре задвижки люка, и тяжелая дверца в грузовой отсек с громким скрипом отворилась.

Синоп шагнула внутрь, за ней осторожно последовала Соалм. Воздух внутри был теплым и до странности неподвижным, отчего у нее начало пощипывать кожу. Дверь за ними с треском закрылась.

— Дагонет обречен, — негромко и печально сказала пожилая женщина. — Смерть совсем рядом. Любовь Бога-Императора убережет наши души, но близкий конец плоти неминуем. Он не в силах нас спасти.

Соалм хотела бы что-нибудь возразить, опровергнуть ее слова, но в голову ничего не приходило.

— Он это знает. Вот почему в своей бесконечной мудрости Повелитель Человечества вместо себя прислал к нам

Дженникер Соалм.

— Нет, — выдавила вененум, задыхаясь. — Я оказалась здесь ради обмана! Чтобы погибнуть ради бессмысленной цели! Мне даже не дано узнать истину, за которую я иду на смерть!

Синоп подошла к Соалм и обняла ее.

— Ах, дитя мое! Ты заблуждаешься. Он прислал тебя к нам по той причине, что ты одна можешь сделать то, что нам не под силу. Бог-Император изменил твою судьбу, и наши пути пересеклись. Ты здесь ради того, чтобы сохранить самую большую драгоценность.

— Что ты имеешь в виду?

Синоп повернулась и шагнула к небольшому металлическому контейнеру. На поверхности имелось биосенсорное контрольное устройство для считывания данных анализа крови и секретных кодов. Соалм подошла ближе, чтобы рассмотреть контейнер. Она узнала эту модель. Такие контейнеры производились в одной из самых современных марсианских кузниц. Эти капсулы обеспечивали высшую

степень надежности и снабжались генераторами вспомогательных полей; они могли довольно долго сохранять содержимое в условиях открытого космоса и даже при вхождении в атмосферу. Здесь такой предмет казался явно неуместным.

Контейнер, выпустив облачко газа, открылся, и внутри Соалм заметила мерцание стазис-оболочки. Под эфемерной сферой замедленного времени виднелась великолепно украшенная книга, и с ее открытых страниц веяло могуществом истории.

— Смотри, — сказала Синоп, после того как низко поклонилась фолианту. — Смотри и узри прикосновение Его руки.

Взгляд Соалм затуманился от подступивших слез. Сияние золота, серебра и пурпура перед ее глазами освещало плотную и гладкую страницу. На ней в ангельском великолепии был изображен Бог-Император, склонившийся к коленопреклоненному человеку в одеянии вольного торговца. В руках купца была эта самая книга, а с ладони Повелителя на страницу падала мерцающая капля

багряной крови. Алая жидкость сверкала рубином безупречной чистоты; застывшая в далеком прошлом, она была такой же свежей и яркой, словно упала секунду назад.

— Кровь Императора, — прошептала она.

В безудержном благоговении Дженникер Соалм опустилась на колени и склонила голову перед «Патентом на торговлю» клана Эврот.

Глава 14
ПРИБЫТИЕ
ДАЙ МНЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА ТЕБЯ
ВЕРНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Рассвет уже близился, когда катер класса «Голубь» развернул крылья в темном холодном небе. Судно выполнило зигзагообразный поворот, пролетело над пустошью и приземлилось на единственной сохранившейся взлетно-посадочной полосе. Из-под шасси полетели искры и камешки, крылья изменили угол наклона, чтобы погасить инерцию, а затем вспомогательные двигатели затихли, и «Елена», вздрогнув, остановилась.

В темном порту Дагонета шаттл стал единственным источником освещения, и лучи бортовых огней упали на пятна обгоревшего и растрескавшегося феррокрита. Окрестности поблескивали каплями влаги, оставленными прошедшим

несколько часов назад дождем.

Навстречу вновь прибывшим из темных зданий космопорта никто не вышел. Если там и был кто-то, они не давали о себе знать, надеясь, что их никто не заметит.

Пилот и его помощник в рубке переглянулись. Следуя приказу оперативника, они до приземления не делали попыток установить связь с диспетчерской службой порта Дагонета, но оба полагали, что нарушение воздушного пространства привлечет внимание Сил Планетарной Обороны.

Ничего подобного не произошло. Когда «Елена» спустилась на орбиту, тоже не последовало никаких вызовов. В небе над Дагонетом было полно обломков, свидетельствующих о недавних военных действиях, и экипажу в рубке потребовалось все его искусство, чтобы уберечься от столкновения с массивными фрагментами, целыми модулями разгромленных космических станций или корпусами пробитых насквозь крейсеров, в которых еще догорали остатки плазмы. В

случае обнаружения любого неповрежденного судна оперативник неизменно давал приказ обойти его стороной.

«Елена» приблизилась к Дагонету, насколько это было возможно, а затем выпустила шаттл. Перед приземлением экипаж смог оценить масштаб разрушений. Районы, где, согласно карте, стояли города, превратились в дымящиеся кратеры, еще светившиеся после ядерной бомбардировки; остальные поселения просто выглядели покинутыми своими жителями. Даже здесь, в непосредственной близости от столицы, царила полная тишина, словно вся планета затаила дыхание.

— Ты же видел, насколько все разрушено, — сказал пилот своему коллеге, наблюдая, как тот переключается с одного вокс-канала на другой. — Весь этот пепел и пыль в атмосфере способны рассеять любые сигналы. А может, они просто отключили всю широковещательную связь на планете.

Второй пилот рассеянно кивнул:

— Передача информации по проводам куда надежнее. Они могли воспользоваться телеграфом.

Прежде чем его товарищ успел ответить, дверь позади открылась, и в проеме показался человек, называющий себя Гиссосом.

— Погасите огни, — приказал он. — Не стоит привлекать ненужного внимания.

— Есть, сэр.

Второй пилот выполнил приказ, и бортовые огни погасли.

Командир экипажа внимательно посмотрел на оперативника. О нем говорили как о строгом человеке, строгом, но справедливом, а не придирчивом, вроде тех начальников, с которыми он был знаком. Но подтвердить или опровергнуть описание пассажира он так и не смог. За все время перелета от флотилии Эврота до Дагонета Гиссос был замкнут и холоден, а в тех редких случаях, когда с кем-то разговаривал, держался очень напряженно.

— Как будете двигаться дальше, оперативник?

— Опустите грузовой трап, — последовал ответ.

И снова второй пилот коротко кивнул и выполнил приказ. Площадка грузового лифта медленно отделилась от днища корабля и опустилась к земле. На ней уже стоял заправленный и готовый к полету гравицикл.

— Вопрос, — произнес Гиссос, оборачиваясь и окидывая рубку внимательным взглядом. — На этом корабле имеется когитатор; он может самостоятельно вывести шаттл на орбиту?

— Может, — ответил пилот, не понимая, к чему такие подробности. — Но такой вариант не рекомендуется использовать. Только для экстренных случаев.

— Насколько экстренных?

— Ну, — протянул пилот, глядя в потолок, — если члены экипажа недееспособны или...

— Мертвы?

Руки Гиссоса взметнулись в стороны, пальцы сошлись вместе, образовав острие,

и одновременно пронзили мягкие ткани шеи у каждого из пилотов. Ни один из них не успел даже вскрикнуть, из разрушенной гортани вырвались только сдавленные булькающие звуки.

Из разорванных шей хлынула кровь, и Гиссос, недовольно поморщившись, отвернул головы, чтобы кровь не попала на одежду. Оба пилота умерли, глядя, как их кровь заливает приборные панели и щитки.

Некоторое время Копье стоял, погрузив руки в раны на шеях людей, и ощущал покалывание на кончиках пальцев, где сосредоточились крошечные рты демонической оболочки. Они с жадностью набросились на щедрое угощение. Демоническая составляющая выпила почти всю жидкость, а остальное стало медленно просачиваться сквозь решетки под креслами пилотов.

Наконец Копье убедился, что демоническая оболочка снова погрузилась в состояние покоя, зашел в соседнюю каюту, чтобы привести себя в порядок, и затем

спустился к грузовому трапу. Он не стал беспокоиться ни о дыхательной маске, ни об очках, а сразу сел в седло гравицикла. Маленькая приземистая машина, изготовленная из прочного сплава, была снабжена крыльями и стабилизаторами, позволявшими поворачивать под любым углом. Блок управления отреагировал на вес пассажира включением турбинного двигателя.

Копье наклонился вперед и посмотрел на прикрытый щитком дисплей с картой окрестного района. Цепочка меток тянулась от космопорта в пустыню по линии бывшего судоходного канала, давно превратившегося в занесенное пылью и песком сухое русло. Конечная цель, указанная войд-бароном, мерцала в самом конце линии голубым огоньком — древняя промежуточная пристань, заброшенная после изменения климата. Там, в целости и сохранности, находился Патент.

Убийца в предвкушении громко рассмеялся и нажал ручку газа, так что двигатель отозвался пронзительным воем.

Надо отдать должное инфоциту, он отыскал отличное укрытие. Тариил выбрал для него пустую водонапорную башню на крыше многоквартирного дома в полутора километрах от площади. И именно по этой причине Келл отверг этот вариант и отправился на поиски другого. Не потому, что он не доверял ванусу. Просто, если место, откуда он будет стрелять, известно двоим, риск возрастает в геометрической прогрессии. В случае ареста и пыток Тариил не сможет выдать того, о чем ему неизвестно.

Кроме того, в нем заговорила профессиональная гордость. Водонапорная башня была слишком очевидным местом для укрытия. Это слишком легко. И если так считал Келл, эти же мысли могли прийти в голову любому офицеру СПО, и на площади мгновенно появятся снайперы противника.

Виндикар отыскал свою позицию перед самым рассветом. Тоже многоквартирный блок, но гораздо дальше от траморной аллеи, окружавшей дворец

губернатора. Насколько смог определить Келл, в здание примерно посредине врезался подбитый истребитель. Верхние этажи башни почернели от вызванного взрывом пожара, и Келлу пришлось карабкаться вверх через завалы обломков, в которых попадались фрагменты крыльев и фюзеляжа. Наконец он добрался до хвостовой части, погребенной в лифтовой шахте, словно точно брошенный дротик в центре мишени.

В том месте, где произошло столкновение, отсутствовал кусок стены и перекрытий, словно часть дома была откушена гигантскими челюстями. Келл обогнул зияющую брешь, протянувшуюся вниз на пятьдесят или более этажей, и продолжил подъем. На поврежденных пламенем этажах пахло сгоревшим пластиком и плотью, зато толстый слой липкой гари, покрывавшей поверхности, был тусклым — идеальный фон для того, чтобы силуэт Келла стал еще более незаметным. Наилучшее место он отыскал в комнате, где прежде располагалась коммунальная прачечная, и

там между двумя обгоревшими стульями повесил хамеолиновую накидку. Этот барьер в сочетании с матовым облегающим комбинезоном делал стрелка почти невидимым.

Большим пальцем снайпер нажал кнопку на перчатке. Скрытый в его жилете импульсный передатчик послал сигнал, который длился не более пикосекунды. Через мгновение он принял подобный импульс, который зажег одну из иконок на визоре шлема. Таким образом Тариил известил его о том, что занял позицию где-то в башнях западного делового района. Затем сигналы готовности поступили от Койна и Гарантина.

Две иконки остались темными. В отсутствие Йоты они не могли рассчитывать на телепатическое прикрытие; если Сыны Хоруса решат прибегнуть к помощи псайкера, они об этом не узнают... Но прежде, насколько это было известно, Легион Воителя не использовал подобные приемы, и разведка Ассасинорума не сообщала о том, что что-

то изменилось к настоящему моменту. Конечно, это был риск, но Келл пошел на него сознательно.

А Соалм... Дженникер. Отравительница круга Вененум должна была организовать прикрытие для отхода карательного отряда. Взрыв нескольких отравляющих зарядов кратковременного действия вызвал бы панику среди населения города и наводнил дороги толпами перепуганных жителей, что помешало бы передвижениям Астартес. Но теперь придется обойтись без отвлекающего маневра — и по этому поводу Келл испытывал противоречивые чувства. Он почти радовался, зная, что ее здесь не будет, что ей ничего не угрожает, если что-то пойдет не так.

Эта мысль отозвалась в его груди сильным эхом, и неожиданный всплеск эмоций изумил Келла. Он вспомнил ее взгляд, когда она вошла в комнату в поместье круга Вененум — холодный и неприязненный. Точно такой же, как тогда, когда он сказал ей, что принимает предложение отомстить за гибель отца и

матери. Только в тот день в ее глазах было еще и сожаление. Вероятно, за прошедшие годы она утратила способность к состраданию.

А он, хотя и напрасно, как понял сейчас, надеялся, что она примет сделанный им выбор. Убийство родителей постоянно жгло его мысли раскаленным железом, вызывая жестокое желание отомстить, хотя в то время он еще даже не смог бы этого объяснить. Но сделанного нельзя было изменить, как нельзя было оставить такой поступок без ответа.

А потом, когда месть осуществилась, после всех смертей, которые для этого потребовались... Отец и мать были все так же мертвы, но он отомстил, а ценой стала привязанность единственного существа, к которому он был неравнодушен. Келл всегда был уверен, что поступил бы точно так же, если бы ему снова представился такой шанс. Но после того, как он посмотрел в глаза сестре, эта уверенность пошла прахом.

Поначалу было легко злиться на нее и обвинять в том, что она отвернулась от

него, что отказалась от родового имени. Но со временем гнев стал остывать и превращаться в нечто иное. Только сейчас Келл начал понимать, что гнев перегорел и осталось сожаление.

Подул легкий ветерок, и Келл постарался избавиться от непрошеных мыслей. Он сосредоточился на предстоящей миссии, еще раз осмотрел укрытие и на расстоянии вытянутой руки разложил все, что могло потребоваться. Затем он обошел прилегающие коридоры и лестницы и установил там по паре мин-ловушек, чтобы не опасаться нападения с тыла. Свой пистолет он положил так, чтобы в любой момент дотянуться до него.

И только тогда он снял с ремня длинноствольный «Экзитус». Один из преподавателей круга рассказал ему о японцах, нации неустрашимых воинов Древней Терры. Эти люди, обнажив меч, не убирали его в ножны до тех пор, пока лезвие не обагрится кровью. Основная мысль этой истории запала в душу Келла. Негоже закрывать такое великолепное

оружие, как его винтовка, пока она не отнимет чью-то жизнь.

Он уселся на выбранном месте и при помощи обычных упражнений и медитации попытался расслабиться и подготовиться физически, но это оказалось нелегко. В голову лезли мысли, не относящиеся к миссии или, вернее, с ней не связанные. Он нахмурился и стал работать с винтовкой — вводить координаты с привязкой к окружающим ориентирам и проверять линии прицеливания.

За время, проведенное в лагере повстанцев Капры, он выверил оружие, и теперь винтовка стала практически продолжением его тела.

Микроскопические сенсоры на стволе «Экзитуса» передавали информацию прямо в его шлем, обеспечивая детальные сведения обо всех изменениях в атмосфере и влиянии ветра. Для большей устойчивости он развернул опорную двуногу.

Келл положился на свою тренированность, чтобы определить наилучшую дистанцию, степень падения

пули на требуемом расстоянии, эффект Кориолиса, возможность отклонения из-за сохранившейся после дождя влажности воздуха и десятки других вероятностей. Затем осторожно активировал связь между своим импульсным передатчиком и лэнс-излучателем. Спустя мгновение на визоре загорелась новая иконка: лэнс-излучатель готов.

Он наклонился к прицелу. Изображение на дисплее стало резче и отчетливее. Линия прицеливания тянулась от многоквартирного дома поверх облотка памятника, через коридор, пробитый снарядом в здании административного учреждения, дальше и дальше, до открытого пространства, которое местные жители называли площадью Освобождения. Это именно здесь Хорус Луперкаль на заре Великого Крестового Похода убил жестокого короля-жреца, правление которого жители Дагонета вспоминали как один из самых мрачных периодов истории планеты. Здесь он произвел единственный выстрел и вселил такой ужас в приспешников тирана,

что они тотчас сложили оружие и сдались.

В поле зрения снайпера попал одинокий силуэт, слегка размытый из-за движения воздуха на расстоянии более километра. Мужчина средних лет в форме командира СПО. Как только он обернулся в сторону Келла, его губы задвигались, и устройство для чтения по губам автоматически передало на визор текст: «Он уже идет, Келл. Осталось недолго».

Виндикар едва заметно кивнул и использовал фигуру Койна для окончательной настройки прицела. Затем замаскированный каллидус прошел дальше и пропал из виду, и Келлу осталось только смотреть на пустую поверхность молочно-белого тратора.

Песчаная буря скрывала ее приближение лучше любого камуфляжа. Йота шла вперед, радуясь толчкам и рывкам, покачивающим ее тело, и шуршанию песчинок по металлической поверхности шлема, застревавших в пазах

крепления анимус спекулум.

Кулексус смотрела на окружающий мир через сапфировый глаз своего оружия и пульсирование жизни воспринимала как легкий холодок на периферии мозга. Люди попадали в сектор поражения, и она незаметно следила за ними, но каждый ощущал ее внимание, даже не сознавая этого. Прохожие непроизвольно вздрагивали и плотнее кутались в плащи, защищавшие от песчаной бури, а потом ускоряли шаг, стараясь быстрее попасть в светлое и теплое помещение, где они считали себя в безопасности. Они чувствовали ее, хотя воспринимали не как человека, а как нависшую над ними зловещую тень. Дети под ее тяжелым сверкающим взглядом сразу начинали плакать, но сами не могли понять почему. Когда она проходила мимо палаток, где спали люди, она слышала, как они бормочут и стонут; она шла через их сновидения темной грозовой тучей, затемняющей сознание, а потом исчезающей за горизонтом.

Душа парии — или ее отсутствие —

заставляла людей отворачиваться и отводить взгляды от тех сумрачных мест, где она проходила. Это облегчало ей задачу, и вскоре Йота вошла в святилище, никого при этом не потревожив. Она забралась на давно неиспользуемые подкрановые пути, поднялась в кабину, но остановилась только на покрытой ржавчиной стреле. Старые кабели под порывами ветра негромко пели нестройным хором.

Отсюда ей был прекрасно виден застрявший на суше корабль, который находился в центре поселения. Любые тропинки, какие только здесь имелись, расходились отсюда, и Йота уже заметила припаркованный скиммер, накрытый куском брезента. Последний раз она видела этот транспорт в убежище Капры. Она устроилась поудобнее и стала ждать.

Спустя некоторое время задвижка люка открылась, и Йота спустилась, насколько позволяла стрела, чтобы лучше видеть.

В поле зрения попали четверо

вооруженных мужчин, двое из которых несли небольшой металлический контейнер. Следом за ними показались вененут и пожилая аристократка, которая так странно говорила об Императоре. Сенсоры аусника в шлеме Йоты уловили разговор, так что она могла их слушать.

Соалм, протянув руку, погладила крышку контейнера, и, хотя ее голова была прикрыта капюшоном, Йота уловила в ее взгляде возбужденный блеск.

— У нас есть небольшой корабль, — говорила она. — Я возьму Патент на борт... Но потом...

Она повернула голову, и окончание фразы унесло ветром.

Пожилая женщина, аристократка Синоп, кивнула:

— Император защитит. Ты должна отыскать барона Эврота и вернуть книгу ему. — Она вздохнула. — Должна признать, он не самый преданный из наших последователей, но он найдет способ ускользнуть из Таэбианского сектора. Со временем придут другие верующие, и они возьмут на себя служение реликвии.

— А до того момента я буду ее охранять.

Соалм снова посмотрела на контейнер, и Йоте стало интересно, о чем они говорят. Содержимое металлического ящика явно имело ценность, не соответствующую внешнему виду поцарапанного и потертого контейнера. В голосе Соалм звучало почти благоговение.

Синоп дотронулась до руки своей спутницы:

— А как же твои товарищи?

Йота нахмурилась под ухмыляющейся серебряной маской своего шлема. Кулексус не могла отрицать, что не очень хорошо разбиралась в мотивах поведения людей, но когда речь шла о предательстве, она это прекрасно понимала. Сильным толчком ног она сбросила свое тело с проржавевшей стрелы, металл пронзительно скрипнул, а Йота, описав сальто назад, приземлилась точно перед четверкой солдат. У них имелось оружие, но ее излучатель уже был приставлен к виску Синоп. Она верно рассчитала, что пожилая женщина была самой ценной целью в этой группе.

Соалм приказала солдатам опустить оружие, а сама шагнула вперед.

— Ты следила за мной.

— Опять, — кивнув, подтвердила Йота. — Ты ставишь под угрозу нашу миссию на Дагонете. Это недопустимо.

Боковым зрением кулексус заметила, что Соалм сильно побледнела, и затем все ее внимание сосредоточилось на протовирусе.

— Возвращайся к Эристиду, — заявила отравительница. — Скажи ему, что я ушла. Или умерла. Мне все равно.

Йота слегка склонила голову набок.

— Он твой брат. — Она проигнорировала взгляд шокированной Соалм. — Это имеет значение для него.

— Я забираю «Ультио», — не сдавалась Соалм. — Вы, если хотите, можете остаться и принять участие в коллективном самоубийстве, но у меня другое призвание.

Ее взгляд на мгновение метнулся к контейнеру.

— Хорус приближается, — сказала Йота, заставив кого-то из солдат

изумленно ахнуть. — И мы нужны здесь. Шанс нанести удар по Воителю может больше никогда не представиться. Что такого ценного может быть в этой железной коробке, что ты отказываешься от миссии?

— Я не надеюсь, что ты поймешь, — ответила Соалм. — Ты пария, ты рождена без души. Тебе нечего отдать вере.

— Без души... — повторила Синоп, подавшись вперед. — Разве такое бывает?

— В этом контейнере содержится частица неоспоримой божественности Императора, — продолжала Соалм, сверкая глазами. — И я ценой своей жизни буду защищать ее от любых разрушительных сил! Йота, я верю всей своей душой и сердцем! И клянусь в этом именем живущего Бога-Императора Человечества!

— Твоя вера бессмысленна, — возразила Йота, утомленная нерациональными высказываниями. — Важно лишь то, что реально, а твои слова и твоя религия эфемерны.

— Ты так считаешь? — Синоп, подняв перед собой руку, бесстрашно шагнула

навстречу кулексус. — Ты никогда не встречала никого, кто был бы значительнее тебя? Никогда не задумывалась над смыслом своего существования? — Она осмелилась дотронуться до металлической маски-черепа. — Посмотри мне в глаза и скажи, что это так. Прошу тебя, дитя, дай мне на тебя посмотреть.

Где-то вдали раздался вой двигателя гравицикла, но Йота не обратила на это внимания. Вместо этого, повинуясь непонятно откуда взявшемуся импульсу, она подняла руку и нажала на застежку, позволяющую снять шлем с головы и откинуть на спину. Открыв лицо навстречу ветру и песку, она повернулось к Синоп.

— Вот и я. — В ее голове давно назрел вопрос. — Скажи, Соалм права? Ты можешь определить, есть у меня душа или нет?

Рука Синоп взметнулась ко рту.

— Я... я не знаю. Но я верю, что Бог-Император в своей бесконечной мудрости знает ответ.

Глаза Йоты угрожающе прищурились.

— Никакая вера не спасет тебя от смерти.

Корабль, окутанный грозным безмолвием, вышел из варпа.

Словно взлетевший дракон, он поднялся над краем самой большой из лун Дагонета и, рассекая вакуум, двинулся вперед, к охваченным войной небесам. Обломки и трупы, лишенные жизни карающим поцелуем космоса, отскакивали от отвесных обводов его носа, а в артиллерийских гнездах, навстречу проплывающему внизу миру, поворачивались орудийные батареи. Затем отошли в сторону массивные стальные пластины герметичных люков, открыв взлетно-посадочные палубы, где в пусковых установках замерли десантные «Грозовые птицы» и истребители класса «Ворон». Из люков в носовой части показались ракетные установки.

Те немногие корабли, что еще были на орбите, не осмеливались оставаться на той же высоте и уносились с предельной скоростью, какую только могли

обеспечить их двигатели. Оказавшись на безопасном расстоянии, они отправляли раболепные почтительные послания, в которых почти умоляли завоевателей принять заверения в преданности и сохранить им жизнь. Только одно судно не продемонстрировало должного почтения и страха — быстроходный катер с символикой вольного торговца на корпусе, чей экипаж, объятый ужасом, рвался в открытый космос.

Как человек, готовясь к трудовому дню, разминается и машет руками, так и боевой корабль выпустил короткий лучевой залп и уничтожил катер. И это было проделано неспешно, почти лимоходом.

Огромный корабль прошел между планетой и солнцем, отбрасывая на поверхность непроницаемую трачную тень. И когда с рассветом взоры людей обратились к небу, он угрожающей громадой неподвижно завис на геостационарной орбите над самой столицей.

Все имеющиеся на судне орудия были готовы к бою и нацелены на поверхность

планеты — комплекты торпед с боеголовками, способные одним залпом уничтожить целые континенты, силовые пушки, которые могли испарить океаны, кинетические орудия, своими снарядами разрушающие самые крепкие горы. И это была только боевая мощь самого корабля; на своем борту он нес целую флотилию вспомогательных судов — эскадрильи истребителей и бомбардировщиков, готовые в любой момент с воем ворваться в атмосферу планеты в струях ослепительно-белого пламени. Эти стремительные вестники смерти могли сровнять с землей города и истребить целые народы.

И наконец, на корабле имелась еще и армия. Многочисленные бригады генетически усовершенствованных воинов, сотни Адептус Астартес, одетых в силовую керамитовую броню, вооруженных болтерами и цепными мечами, силовыми клинками и огнеметами, переносными ракетными установками и автопушками. Толпы этих солдат собрались на палубах, готовые по первому слову высадиться на

планету в десантных капсулах, тогда как другие — меньшая, но не менее опасная часть — окружили своего верховного повелителя и командира в корабельном телепортарии.

Этот корабль продемонстрировал военную угрозу такой силы, с какой жители планеты не сталкивались ни разу за всю свою историю. И он был только первым. Остальная флотилия была на подходе.

Таким был визит, которого Дагонет удостоился от Сынов Хоруса, — кончик лезвия меча, выкованного из шока и трепета.

Далеко внизу, на белом траморе площади Освобождения, толпами жителей, только что осмелившихся выйти на улицы после вчерашнего затмения, овладело благоговейное молчание. Тишина распространялась волнами от центра площади и вскоре захлестнула весь город, включая магистрали с остановившимися машинами. Тишина просачивалась на дисплеи, установленные на каждом

перекрестке, транслировалась камерами наблюдения, парящими над дворцом губернатора, выплескивалась из потрескивающих громкоговорителей, подключенных к общественной сети.

Безмолвие плотно окутало весь мир, и планета, затаив дыхание, смотрела в небо, ожидая появления своего избавителя, которому уже принесла присягу верности. Своего бога войны.

У Соалм задрожали руки, но она не понимала, чем объясняется такая реакция. Душевное волнение, вызванное созерцанием Патента, бурлило и кипело в груди, как будто там разбушевался яростный ураган. Но было и еще что-то. Резкие слова Йоты об Эристиде застали ее врасплох и направили ее мысли в том направлении, о котором она хотела забыть. Она тряхнула головой; сейчас никак нельзя снова сбиться с пути. Связь, существовавшая между Дженникер и ее братом, была оборвана давным-давно, и бессмысленно пытаться ее восстановить. Соалм потянулась к внутренним потайным карманам под

дорожным плащом и нащупала кончики отравляющих шнуров. Она не знала, применит ли Йота силу, если она откажется выполнять приказы Ассасинорума. Соалм была уверена, что Бог-Император ее простит, но брат — никогда.

Напряженность момента нарушили два человека, появившиеся из-за пелены песчаной бури со стороны высохшего русла. В уверенно шагавшей враскачку фигуре она узнала Троса, а рядом с ним шел темнокожий человек. Ветер растрепал седые пряди волос, и они извивались вокруг его головы, словно светлые змеи. Незнакомец был без маски и защитных очков, но казалось, что секущие струи песка его ничуть не беспокоят.

Синоп шагнула им навстречу, и Соалм краем глаза заметила, как напряглась ее солдаты. Они не могли понять, в какую сторону направить оружие.

Из горла Йоты вырвался непонятный звук, рука поднялась к глазам, и Соалм показалось, что она заметила на ее лице

гримасу боли.

— Кто это? — спросила Синоп.

— Он вышел прямо из бури, — ответил Трос, напрягая голос, чтобы его все могли услышать. За узкими окнами и у входов в палатки уже показались лица людей, привлеченных громкими разговорами. — Это Гиссос. Его прислал войд-барон.

Темнокожий человек низко поклонился.

— А вы, наверное, леди Астрид Синоп, — звучным и уверенным голосом произнес он. — Мой господин будет рад услышать, что вы в добром здравии. Когда до нас дошли вести с Дагонета, мы опасались худшего.

— Тебя прислал... Эврот?

Синоп не могла скрыть своего удивления.

— За Патентом, — сказал Гиссос. Он поднял руку и разжал пальцы. На ладони лежало массивное кольцо из золота и изумрудов — печатка. — Он дал мне это, чтобы вы знали, что я исполняю его приказ.

Трос взял у него кольцо и передал

Синоп, а та в свою очередь прижала к печатке, надетой на палец. Соалм заметила вспышку света, и два кольца точно сошлись друг с другом.

— Все верно, — с оттенком сомнения произнесла аристократка, словно все еще не могла ему поверить.

Йота отвернулась и слегка покачнулась. Соалм взглянула в ее сторону, и до нее донесся судорожный вдох. Вененум ощутила странное потрескивание в воздухе, словно он был насыщен статическим электричеством, только почему-то холодным.

Гиссос развел руками:

— Вы позволите? Меня ждет транспорт, и время на исходе.

— А какой транспорт? — спросил Трос. — У нас здесь дети. Вы могли бы...

— Трос, — прервала его Синоп. — Мы не должны...

— Ну конечно, — быстро откликнулся Гиссос. — Только побыстрее. Патент представляет большую ценность, чем жизнь любого из нас.

Но что-то было не так.

— И ты здесь в такое время? — Соалм задала вопрос, едва он успел оформиться в ее мозгу. — Почему не прилетел вчера или неделю назад? Твое прибытие весьма своевременно.

Гиссос улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Кто способен постичь пути Бога-Императора? Я здесь, потому что Он так захотел. — В его глазах блеснул холод. — А кто ты? — Взгляд Гиссоса стал еще более жестким, когда он посмотрел мимо Соалм на стоявшую поодаль Йоту, дрожавшую всем телом. — Кто вы? — снова спросил он уже требовательным тоном.

Йота повернулась и издала такой жуткий вопль, что у Соалм заледенела кровь. Лицо кулексус пересекали струйки крови, сочившейся из уголков глаз. Стряхнув кровь, она вскинула закрепленный на предплечье игломет и прицелилась в Гиссоса. Второй рукой она сорвала с шеи ожерелье с устройством, которое регулировало ее пси-ауру.

В теплом предрассветном воздухе вдруг стала распространяться волна

неизвестно откуда взявшегося арктического холода. Все ощутили его удар, все покачнулись — все, кроме Гиссоса.

— Эта шлюха — пария! — воскликнул он, уже не скрывая ярости. — Значит, придется потрудиться.

У ног Соалм песок покрылся льдом, а затем она увидела, как лицо посланца раскрылось, словно механизм, собранный из плоти и крови. Внутри оказались только пылающие черные глаза и ряды зубов в открытой пасти.

Ярость вспыхнула с силой сверхновой звезды, и Копье позволил ей заполнить свое существо. Его мозг кипел от гнева и разочарования: в этой миссии с самого начала все шло не по плану. На каждой стадии его поджидало новое испытание, или, вернее, насмешка равнодушной Вселенной, бросавшей ему под ноги одно препятствие за другим.

Сначала прерванный ритуал очищения и его неспособность избавиться от последних обломков тошнотворной морали Сабрата; затем обнаружение

поддельного Патента и раскрытие смешного маленького секрета постыдного идолопоклонничества Эврота. И теперь, когда он наконец нашел его, на пути к цели толпятся эти набожные идиоты. Он знал, что подлинный Патент здесь, он ощущал его присутствие в ничем не примечательном железном ящике, и эти людишки еще пытаются помешать ему забрать добычу.

Копье хотел, чтобы все прошло без лишних сложностей. Приехать, взять то, что ему было нужно, и уйти, потратив как можно меньше времени и без излишнего кровопролития. Но, казалось, у судьбы другие планы. Кроме того, шкура демона изнывала от скуки. Убийство в шаттле было поспешным и необходимым. Демонической сущности хотелось развлечься.

В любом случае его к этому вынудили, и, если говорить откровенно, такой поворот событий не слишком огорчил Копье. Он был так увлечен поисками «Патента на торговлю» и его содержимого, что поначалу не обратил

внимания на трачное давление, ощущаемое уголком мозга. Лишь потом он сосредоточился на нем и все понял. Кто мог предположить, что на Дагонете отыщется такое отвратительное существо, как псы-парии? Или она принимает участие в охране книги? Не важно, он все равно ее убьет.

Незаметно для окружающих смертных аура ледяного негатива псайкера окутала неистово бурлящий эфемерный поток, который связывал демоническое существо — и Копье как его неизменную составляющую — с псионическим волнением варпа.

И тогда он понял, что эта встреча не была случайным совпадением. Эта девчонка создана людьми — выращена в резервуаре и модифицирована, чтобы стать пространственно-временным каналом, телепатическим вакуумом в человеческом облике. Парией. Ассасином.

Нуль-аура девчонки охватила его, и демонической оболочке не понравилось ее прикосновение. Она съежилась и стала покалывать его изнутри, заставляя

разделять страдания, вызванные ментальным ударом псайкера. Демоническое существо отказывалось сохранять облик Гиссоса, оно дрожало и извивалось, требуя освобождения. Почти безукоризненное воплощение Копья в оперативника Эврота стало расплываться и рассыпаться, и в конце концов, не в силах унять свой гнев, он решил не сопротивляться.

Поверхностный слой, изображавший человеческую плоть, сморщился и превратился в ярко-красные выпуклые узлы мышц и вибрирующую лоснящуюся плоть. Форма на его плечах и спине растянулась до предела, а затем не выдержала и расползлась. На плечах поднялись изогнутые шипы, а по всей длине рук появились костяные лезвия, острые, словно отточенные клинки. Выросшие когти проткнули подошвы ботинок и погрузились в песок, из угрожающе разверстой пасти блеснули клыки.

Он услышал вопли и крики окружающих, грохот выстрелов и стук бросаемых ножей. О, он прекрасно знал эту

музыку.

Копье позволил развеяться остаткам образа Гиссоса и решил воспользоваться живыми орудиями демонической сущности, что пришлось по нраву связанному с ним порождению варпа.

Первым он убил одного из солдат, того, кто держал в руках стаббер. Костяные лезвия, появившиеся на руке Копья, рассекли человека надвое и извергли потоки крови и внутренней жидкости из брюшной полости.

Глаза заволокло красной пеленой. Где-то рядом в хоре пронзительных женских голосов слышался крик парии, но он не беспокоился. Сейчас он доберется и до нее.

Справа вставало солнце, и Келл понял это, заметив холодное сияние, заливающее площадь. Он переключил шкалу прицела на меньшее увеличение и стал наблюдать, как линия теней отступает по траморным плитам. В утренних лучах поблескивали невидимые кристаллы — эффект, получившийся из-за примеси мельчайших частиц, принесенных из

далекой пустыни, где прошла песчаная буря. Показатель влажности окружающей среды начал снижаться, и внутренние устройства «Экзитуса» автоматически отреагировали на изменения и подогрели зарядную камеру на несколько долей градуса, чтобы единственная заряженная пуля в патроннике оставалась в идеальном предстартовом состоянии.

Шум толпы настиг его даже на высоте наблюдательного пункта. Сначала послышался ровный постоянный гул, и он напомнил ему о спокойных морских волнах Такстеда, размеренно набегавших на берега из черного ила и темных скал. Он поморщился под маской и прогнал эту мысль: сейчас не время отвлекаться на бессмысленные воспоминания.

Осторожно, чтобы ни на миллиметр не сдвинуть настройки, он перевел оружие в режим боевой обстановки. Индикаторные руны, идущие вертикально по краю прицельного дисплея, проинформировали его, что оружие готово. Теперь Келлу осталось только дождаться появления цели.

Он сдержал желание взглянуть на небо. Его противник вот-вот должен прибыть.

В километре к западу Тариил облизнул пересохшие губы и постучал по изогнутой клавиатуре на руке, удрученно отметив при этом, что ладони стали совершенно мокрыми. Его дыхание толчками вырывалось из груди, и он с трудом заставил себя успокоиться до такого состояния, чтобы не дергаться от излишка адреналина.

Он сделал глубокий вдох, ощущая привкус озона и пыли. Коридоры административной башни были усыпаны бумагами, вывалившимися из брошенных в спешке папок. После первых же выстрелов, означавших начало мятежа, бесчисленные ячейки рабочих мест быстро опустели. Здесь никого не было с тех пор, как аристократы вынудили губернатора порвать с Террой; мужчины и женщины, когда-то суетившиеся в этом здании, или вышли на улицы, чтобы приветствовать новую власть, или были убиты. Поначалу

казалось, что в безлюдных холлах и переходах слышится эхо их голосов, но со временем Тариил убедился, что башня была таким же пустым сосудом, как и многие из нововведений Империума на Дагонете. Выпотрошена и забыта в стремлении поскорее отречься от Императора и приветствовать его непокорного сына.

Тариил присел на корточки рядом с лэнс-излучателем и дотронулся пальцем до его цилиндрического кожуха. Занимаемая им площадь почти равнялась площади самого здания, и было нелегко собрать его здесь, не привлекая внимания. Но в конце концов все компоненты, привезенные в грузовом отсеке «Ультио», как и было обещано его создателями Механикум, благополучно заняли свое место. Теперь орудие было готово, и Тариил, касаясь его корпуса, ощущал легкую вибрацию генератора мощности, поддерживающего все устройства в рабочем состоянии. Убедившись, что с оружием все в порядке, Тариил пригнулся еще ниже и пробрался к дальним окнам,

выходящим на центр столицы и площадь Освобождения. Инфоцит двигался очень осторожно, опасаясь патрульных дронов и наземных наблюдателей из отрядов СПО.

Ему хватило нескольких мгновений, чтобы в десятый раз за последние десять минут проверить устойчивость и точность размещения сверхплотных сентаниево-артагласовых зеркал. Ему было непереносимо тяжело оставлять оружие без присмотра. Он уже установил сетку сигнализации на нижнем уровне, так что мог не беспокоиться о случайных прохожих, и теперь ему нечем было заняться, кроме как присматривать за «Лэнсом» и следить, чтобы оружие могло выполнить свою функцию. В крайнем случае, он мог взять на себя управление им, но надеялся, что до этого не дойдет. Тариил не хотел взваливать такую ответственность на свои плечи.

Каждый раз, проверив зеркала, он убеждал себя в том, что в процессе осмотра сбил настройки и необходимо снова все проверить. Он возвращался, и все повторялось сначала. Тариил крепко сжал

кулаки и прикусил нижнюю губу; его поведение граничило с паранойей.

Он заставил себя отвернуться от лэнс-излучателя и вернуться в пыльную комнату, которую выбрал для себя на время активной фазы операции. Ванус уселся и взглянул на гололитический дисплей своего когитатора. Появилась информация о готовности орудия к выстрелу. Все отлично.

А спустя минуту он снова вернулся к зеркалам и, проклиная себя, в очередной раз проверял их настройку.

Койн шагал по краю траторной площади, придерживаясь металлических барьеров заграждения, насколько позволяла безопасность. Призрак изучал лица людей по другую сторону барьера — взрослых и детей, молодых и старых, — а они все смотрели мимо человека в форме СПО, сосредоточив свое внимание на центре площади Освобождения, где из мозаичного глаза на все стороны света расходились цветные лучи. Сюжет мозаики перекликался с личным символом

Воителя, и каллидус задумался, не означает ли это, что Хорус всегда бодрствует.

Но подобные рассуждения выходили за рамки обычного преклонения перед примархом Адептус Астартес и граничили с идолопоклонством. Стоило только посчитать, сколько статуй и картин по всему городу прославляли Воителя; посвященных Императору предметов искусства было, конечно, больше, но не намного. А теперь все величественные памятники Императору Человечества были сбиты со своих пьедесталов. От одного из офицеров СПО Койн услышал, что отряды армии кланов, специализирующиеся на разрушении, по ночам прочесывали город, выполняя приказ о тотальном уничтожении объектов почитания Императора. Ассасин поморщился. В таком усердии просматривалось нечто... еретическое.

Даже здесь, рядом с площадью, образовалась груда серого щебня, которая совсем недавно была статуей верховного повелителя Койна, но бесцеремонное

движение бульдозера саперного отряда обратило ее в прах. Койн не мог не подойти, чтобы не взглянуть на обломки поближе. На вершине груды камней валялась уцелевшая часть лица статуи, и невидящие глаза были обращены к небу. Что предстанет перед ними сегодня?

Каллидус отвернулся и окинул оценивающим взглядом ряды взвинченных солдат СПО и пышно разодетых аристократов, стоявших на сверкающих, залитых солнцем ступенях большого дворца. Среди них присутствовал губернатор Никран; и он вместе со всеми жителями Дагонета тоже ждал начала надвигающейся бури. Между этой группой и ограждением даже невооруженным глазом просматривалось мерцание силового барьера — место ожидаемого прибытия со всех сторон было окружено стеной энергии. На тот случай, если бойцы сопротивления попытаются лишить жизни губернатора или кого-то из его приближенных, Никран приказал установить генераторы силового поля вокруг входа во дворец.

При этой мысли Койн усмехнулся. Подумать только, эти идиоты считают себя достойными целями! В масштабе галактического мятежа они представляют собой не более чем мелкие неприятности. Высокомерные глупцы и узколобые идиоты, которые добровольно оказывают содействие опасным бунтовщикам. Каллидус двинулся дальше и вскоре обнаружил укрытие, выбранное Тариилом, — у основания высокой триумфальной колонны. С этой точки отлично просматривается вся площадь, и Койн лично должен будет подтвердить факт убийства.

Военный оркестр вдруг огласил площадь ревом труб, и губернатор Никран шагнул вперед. Вокс-передатчик, закрепленный у него на шее, разнес его голос по всей площади.

— Слава освободителю! — выкрикнул он. — Слава Воителю! Слава Хорусу!

Собравшаяся толпа многоголосым эхом подхватила его слова.

Как только послышались крики,

заглушавшие скрежет металла, Гарантин сорвал крышку люка на башне службы безопасности. Прыгнув в люк, он попал на открытую галерею, где офицеры в форме СПО следили за информацией, поступающей на сенсорные экраны, и через дымчатые стекла окон наблюдали за обстановкой на площади. Их аусники охватывали весь город, сюда же сходились данные воздушных катер слежения, наземных патрулей, подразделений охраны правопорядка и даже с мониторов дорожного движения. Их целью было предотвращение каких бы то ни было угроз: выявление террористов, заложенных бомб, снайперов и любых нарушителей, которые могли попытаться сорвать планы губернатора на сегодняшний день. Если в пределах города раздастся хоть один выстрел, здесь должно быть о нем известно.

Но они не подозревали, что ассасин может оказаться так близко. Для начала Гарантин воспользовался своим комбинированным «Экзекутором», но из предосторожности применил только

игломет — болтерная стрельба вызвала бы общую тревогу раньше времени. И к тому моменту, когда первый офицер вытащил оружие из кобуры, две трети личного состава были уже мертвы или умирали. Они просто не способны были оказать сопротивление неистовому киллеру, чьи рефлексы подхлестывали впрыснутые в кровь боевые стимуляторы. По сравнению с ним все они двигались словно в замедленной съемке. А эверсор продолжал убивать ударами ладони, ломающими шеи, и жесткими, быстрыми, как пули, толчками. Он перебивал гортани, крушил грудные клетки и ломал позвоночники. А офицера СПО, который все же осмелился выстрелить в его сторону, он оставил напоследок и приберег для него свой коронный удар. Этого человека он убил ударом пальцев нейроперчатки, пронзив ему глаза до самого мозга.

Стряхнув с руки последнюю жертву, Гарантин хрипло рассмеялся и облизнул губы. В комнате воцарилась тишина, а толпа за окном продолжала призывать Сынов Хоруса.

И они явились.

В воздухе образовался ослепительный голубовато-белый сгусток энергии, который уже через мгновение превратился в сферу, ограниченную молниями. Эффект телепортации на миг до предела исказил законы физики, так что раздался пронзительный свист разрушающихся молекул воздуха. В следующую секунду всплеск света и звука рассеялся, и на месте сияющей сферы возникли пять ангелов смерти.

Адептус Астартес. Большинство собравшихся на площади людей никогда раньше их не видели, зная этих воинов только по статуям и пиктам в музеях и книгах по истории. Но в реальности впечатление оказалось гораздо более сильным.

Приветственные крики моментально стихли, сменившись изумленными возгласами, одновременно вырвавшимися из тысяч глоток. Много лет назад, когда Хорус пришел освободить Дагонет, его сопровождали Лунные Волки, Астартес

Шестнадцатого Легиона. Они стояли в безукоризненной сияющей лунно-белой броне, отделанной черными вставками, и именно этот образ запечатлелся в коллективной памяти обитателей планеты.

Но стоящие перед ними сейчас Астартес были в броне зловещего серо-стального цвета от шлемов до самых ботинок, а отделка сияла серебром. Всем, кто на них смотрел, они казались гигантскими угрожающими тенями. Их массивные доспехи, полукружья наплечников, пластины грудной брони, свирепое выражение красноглазых шлемов — все внушало благоговение и ужас. И у каждого из них отчетливо, как солнце на небе, сиял символ в виде открытого глаза — личный знак Хоруса Луперкаля.

Самый высокий из воинов, чья броня отличалась более изощренной отделкой, выступил вперед. С его брони свисали наградные цепи и лавровые венки, а плечи прикрывал доломан, изготовленный из металлов, добываемых на Хтоне. Эту мантию Воителя в знак преклонения

перед его могуществом и несокрушимой волей выковали для Хоруса его капитаны.

Он вытащил из кобуры болт-пистолет с золотым дулом, поднял его высоко над головой и произвел единственный выстрел, прозвучавший подобно удару грома. Тот же самый звук раздался на Дагонете в день освобождения. Пустая гильза еще не успела долететь до траморной плиты у его ног, а толпа снова разразилась криками.

Слава Хорусу!

Величественный воин убрал оружие, расстегнул крепления и снял шлем, чтобы мир мог увидеть его лицо.

Сомнений быть не может. Ошибки недопустимы. Такой шанс может больше никогда не представиться.

Перекрестье прицела остановилось на суровой маске шлема Астартес. Мерцание, вызванное большой дистанцией, стало незаметным. Теперь остались только оружие и цель. Он превратился в часть винтовки, в ее спусковой крючок. Последний фрагмент механизма.

Время замедлило свой бег. Через прицел Келл видел, как закрытые броней руки сжимают шлем по бокам, чтобы приподнять его над кольцом оплечья. Еще мгновение, и покажется открытая шея. Четкая цель.

А если он это сделает, что будет потом? Какие последствия вызовет устранение Хоруса Луперкаля? Как изменится будущее? Какие жизни будут спасены, а какие утрачены? Келл почти слышал скрежет зубцов поворачивающегося над ним колеса истории.

Он выстрелил.

Молот падает. Единственная пуля семьдесят пятого калибра, заряженная в патронник, изготовлена в мире-кузнице Шенлонг по особым требованиям круга Виндикар. Удар по капсюлю — и порох воспламеняется. Выделяющиеся газы толкают конический снаряд по охлажденному азотом стволу, разгоняя его до сверхзвуковой скорости. Звук взрыва поглощается глушителем и становится не громче кашля.

Как только снаряд покидает ствол, винтовка «Экзитус» посылает сигнал на лэнс-излучатель; эти два орудия действуют совершенно синхронно. Излучатель наращивает мощность для первого и последнего выстрела. После него произойдет автоматическое сожжение.

Пуля за несколько секунд преодолевает расстояние, по точно рассчитанной дуге опускаясь к величественной фигуре на площади. Скорость ветра учтена, она не повлияет на точность. А затем происходит вспышка — пуля ударяет в силовой барьер. Любой обычный снаряд в этот момент был бы уничтожен, но «Экзитус» выстрелил «Щитодробителем».

Разогнавшиеся фрагменты, насыщенные разрушающими квантами, повреждают структуру поля, и преграда падает. Но барьер подключен к циклической сети и восстанавливается менее чем за две десятые доли секунды.

Этого недостаточно. Силовой удар лэнса следует за «Щитодробителем» «Экзитуса», пока стена не восстановлена.

Лазерный излучатель однократного применения синхронизирован с винтовкой Келла и стреляет в тот же момент, когда стреляет снайпер. Поток излучения направлен точно на ту же точку, и ничто не может его остановить. Луч ударяет цель в шею, разлагает плоть на атомы, раскаляет жидкость до состояния кипения, сжигает кожу и испаряет кости.

В полной тишине раздается единственный звук падения обезглавленного тела, и кровь струей льется на белый мрамор и сверкающую мантию Воителя.

Глава 15
ЭКСТАЗ
ПОСЛЕДСТВИЯ
РАСПЛАТА

В таком убийстве было что-то опьяняющее.

Большая часть убийств, совершенных Копьем, обычно проходила тихо, без излишней суматохи. Только убийца и его жертва в одном танце, связывающем их крепче любых других уз, прочнее, чем любые родственные отношения. Человек никогда так не обнажает свою душу, как в момент, предшествующий смерти.

Кроме того, Копье никогда не убивал более трех человек зараз, поскольку в этом не было необходимости. А сейчас жажда крови кружила ему голову, и он удивлялся, почему не делал этого раньше. Буйная радость затопила все его существо, и это было великолепно.

Отказ от всех условностей тайной работы и от всех ухищрений был своего

рода освобождением. В этот момент он становился самим собой и каждому показывал свое истинное лицо; люди при виде его убегали, крича от страха.

Низкий гул песчаной бури не мог заглушить испуганных воплей, а он с громким хохотом догонял и убивал беглецов.

Он никогда еще не был настолько искренним. Даже будучи ребенком, он скрывался от людей, страшась самого себя. И потом, когда за ним пришли женщины в серебряной и золотой одежде, чтобы отвести на борт Черного Корабля, он затаился еще глубже. Даже люди с глазами из стекла и металла, которые исследовали его и проникали в глубины его аномального, не соответствующего никаким нормам разума, даже они не видели его настоящего лица.

Копье превратился в яростный вихрь из когтей и зубов, клинков и рогов, и демоническая оболочка затуманилась, поскольку менялась каждый раз, чтобы отнять жизнь у очередной жертвы новым, еще более жестоким способом. На его

обнаженном теле, куда бы ни попала кровь, открывались маленькие жадные рты и тотчас начинали поглощать горячую влагу.

Последний солдат успел в него выстрелить, и попадание крупнокалиберных снарядов в спину и ноги он ощутил всплесками обжигающей боли. Демоническая оболочка отреагировала хриплым воплем, поскольку на ее долю пришлась основная сила ударов, и снаряды не проникли в его истинную плоть. Копье, словно в танце, развернулся на месте. Остальные солдаты уже лежали в лужах собственной крови, и песок впитывал последние капли из разбитых голов и растерзанных сердец. Копье перепрыгнул через их трупы, не обращая внимания на ожог от снаряда, едва не угодившего ему в лицо. Он подошел почти вплотную, присел на одной ноге, а вторую поднял вверх. Острые когти описали широкую дугу, точно поразив цель. Удар пришелся в носовую полость; кости с сочным треском разлетелись на осколки, и зазубренные фрагменты впились в мозг.

Сколько человек он уничтожил? Убийца в буйном восторге уже потерял счет.

Потом он увидел колдунью, которая прятала лицо за шлемом в виде стального черепа, и этот вопрос больше его не интересовал. Тощая жилистая женщина швырнула в него залп иголок. Он уклонился от большей части, а остальные приняла на себя демоническая оболочка; шкура сморщилась и выплюнула тонкие снаряды на песок. Но это была лишь еще одна задержка. Он почувствовал пробежавшую в варпе рябь, чужеродный монстр накрыл его тело и задрожал, реагируя на ее соседство.

Враждебный свет собрался вокруг ауры ассасина, и заключенная внутри нее бездна всосала его через ткань защитного комбинезона. Ветер рядом с колдуньей утих, как будто она возвела вокруг себя сферу пустоты, куда не мог проникнуть даже звук. Конструкция из линз и шипов, установленная сбоку от стального ухмыляющегося черепа, начала потрескивать от избытка энергии, и воздух рядом с ней стал двигаться, как

будто по нему пробегали волны.

Черный поток негативной энергии сорвался с ее орудия, и Копье поднял руки в попытке его блокировать. Сгусток энергии ударил с колоссальной силой, и убийца закричал от невыносимой, никогда прежде не испытанной боли. Демоническая оболочка обуглилась в нескольких местах и покрылась пузырями, наполненными желтоватым гноем.

В тот же момент рассеялся его буйный восторг; это уже не игра. Девчонка-псайкер оказалась намного опаснее, чем он думал. Она не просто пария... В некоторой степени она похожа на него. Но если способности Копья были обусловлены его связанной с варпом душой, девчонку можно было назвать лишь бледной или незавершенной копией. Она могла достичь его уровня только при помощи своего шлема с оружием.

Копье почувствовал себя оскорбленным самой идеей, что кто-то при помощи механических приспособлений мог понадеяться сравняться с ним в умении убивать. Он прикончит девчонку хотя бы

только за ее притворство.

Демоническая оболочка требовала, чтобы он отступил и тем самым выиграл немного времени на исцеление; он проигнорировал ее нытье и поступил наоборот. Копье бросился на псайкера и сразу угодил в окружавший ее ореол леденящего душу холода. Его сила мгновенно пошла на убыль, а боль стала такой ослепительной, как будто из его тела вытягивали вены.

На миг Копье понял, что испытывают погибающие от его рук псайкеры; должно быть, так чувствовала себя Перриг, когда превращалась в пепел.

Он успел нанести удар, пока отлив не унес его еще дальше. Когти мерцающей дугой вспороли воздух и рассекли бронированную ткань и плоть девчонки у самого горла. Этого было мало, чтобы ее убить, но он хотя бы вскрыл вену.

Она зажала рану рукой, чтобы остановить кровотечение, но недостаточно быстро. Хлынула струя алой жидкости. Копье, открыв рот, поймал ее и снова захохотал, глядя, как

псайкер, задыхаясь, отступает назад.

Под шлемом Йоты кровь текла изо рта и шеи, капала из ушей и носа. Перед глазами все заволокло красным туманом из-за лопнувших кровеносных сосудов, и из глаз текли красные слезы.

Анимус спекулум накапливал энергию для второго удара. Йота допустила ошибку — в первый раз она ударила слишком рано, не позволив оружию достигнуть максимальной мощности. Ее основной промах заключался в том, что она недооценила возможности этой твари.

В ее системе классификации не было определения тому, с чем она столкнулась. В первый момент она решила, что это еще один ассасин, посланный против нее и остального карательного отряда в какой-то непонятной борьбе за власть. Она не могла понять логики подобного поступка, но между кругами ассасинов нередко возникали странные междоусобицы, вызванные мелкими оскорблениями и разногласиями. Такие вещи происходили тайно и, что более важно, без ущерба для

основных миссий Официо Ассасинорум.

Однако этот убийца выходил за рамки ее понимания. В этом она не сомневалась. Даже скользящий удар луча анимус спекулум должен был по меньшей мере его парализовать. Йота навела на него свой аура-сенсор, и полученные данные потрясли ее.

Невероятно, но его психическая составляющая менялась, она трансформировалась. Волнистый ореол потусторонних оттенков разливался от странной субстанции, покрывающей его тело, и внезапно Йота поняла, что смотрит в туманное зеркало самого варпа. Это существо содержало в себе не одну жизнь, а сразу две, и призрачные нити телепатической энергии соединяли их с низшей энергией варпа. Теперь понятно, как ему удалось выжить после выстрела анимус спекулум. Луч, смертельный для любого обитателя реального мира, в бескрайнем океане варпа был не сильнее капли воды. Этот убийца был связан с Иттатериумом недоступным ей способом, и ее удар он направил прямиком в варп, где

энергия луча рассеялась, не причинив вреда.

Переменчивая аура начала темнеть и стала угольно-черной. Такое Йота уже видела — это был образ ее собственного психического облика. Он изображал ее, и Йота вдруг ощутила, как ее собственная сила неудержимо притягивается этим переменчивым и изворотливым убийцей.

Он был похож на нее и одновременно другой. Хитроумные механизмы анимус спекулум всасывали пси-потенциалы и превращали их в смертельный разряд, а этот человек... это непредсказуемое нечто могло то же самое проделывать самостоятельно.

Это кровь помогла ему. Ее кровь, проглоченная, проанализированная, впитанная.

Йота закричала; впервые в жизни она по-настоящему закричала, познав непроницаемую глубину ужаса. В ее мозгу вспыхнули огни, и она выпустила их. Он рассмеялся, когда огни подкатились к нему и, отразившись, понеслись назад в пространстве и времени.

Рот Йоты наполнился пеплом, и ее крики смолкли.

Это мгновение растянулось на целую вечность. На площади Освобождения не было слышно ни единого звука, ни единого вздоха, как будто всю энергию и все чувства из атмосферы унесло в вакуум. Абсолютное неприятие произошедшего заставило замереть весь Дагонет.

В следующую секунду хрупкое оцепенение разбилось, словно стекло, и толпу охватил хаос, вызванный двумя бурными потоками горя и ярости. Люди устремились вперед, опрокидывая металлические барьеры, и волна медленно покатилась к неровной линии остолбеневших солдат оцепления. Кто-то из них обнажил оружие, другие, не сумев оправиться от шока, были поглощены накатившимся валом.

Койн, повинуясь непонятному для каллидуса импульсу, спрыгнул с цоколя колонны и пробежал к ряду потрескивающих генераторов защитного поля. Никто и не подумал его

останавливать. Потрясение здесь ощущалось так сильно, что висело в воздухе, словно дым.

Огромные Астартес уже образовали боевое кольцо вокруг тела своего командира и поводили дулами болтеров из стороны в сторону, отыскивая возможную цель. Койн не мог не восхищаться их дисциплинированностью. Обычные люди сразу впали бы в ярость — и каллидус не сомневался, что за этим дело не станет.

Один из них оттолкнул стоявшего на пути товарища и резким движением сдернул с головы шлем. Койн увидел, как на одно мгновение суровое лицо воина исказилось от неподдельного горя и боли — такие чувства можно было испытывать только к очень близкому человеку, к родному брату. Ассасин был так близко, что смог рассмотреть шрамы на его лице и значок брата-сержанта Тринадцатой роты.

Здесь что-то было не так. Согласно разведывательным данным о Сынах Хоруса, их примарх всегда путешествовал в сопровождении почетной стражи,

состоящей из офицеров. Их знали как братство Морниваль.

— Мертв, — донесся до него напряженный голос Астартес. — Убит трусами...

Койн подошел как можно ближе и встал рядом с двумя встревоженными майорами СПО, которые никак не могли решить, идти ли им к Никрану и остальным аристократам или остаться здесь и ждать приказов от Астартес.

Сержант нагнулся над телом и стал что-то делать, но Койн не мог видеть, что именно. Когда Астартес выпрямился, в его руке была латная рукавица. Но нет, это не рукавица. Это превосходно выполненное аутентическое устройство, механический заменитель потерянной в бою руки. Сержант снял ее с тела, чтобы оставить на память как реликвию.

Но Хорус не...

— Мой капитан! — горестно воскликнул сержант, поднимая болтер. — Мой капитан...

Сердце в груди Койна превратилось в холодный камень. Краем глаза он увидел,

что губернатор отделился от группы аристократов и двинулся по ступеням к тому месту, где стояли Астартес. Гвалт в толпе становился все громче, и Койну приходилось напрягать слух, чтобы разобрать, что говорит сержант в вокс-передатчик, вмонтированный в шейное кольцо бронекостюма.

— Это Корда, — кратко доложил он. — Местность не безопасна. Повторяю: не безопасна. Нас обстреляли. Брат-капитан Седирэ... убит.

Седирэ. Это имя капитана Тринадцатой роты было знакомо Койну. Но это невероятно. Воин, которого застрелил Келл, был одет в мантию, уникальную накидку, принадлежащую самому примарху...

— Хорус?! — кричал на бегу Никран сквозь сбегавшие по щекам слезы. — О, ради звезд, нет! Только не Воитель, пожалуйста!

— Приказ? — спросил Корда, игнорируя причитания аристократа.

Койн не мог слышать слов, переданных в наушник сержанта, но

напрягшаяся челюсть космодесантника безошибочно подсказала ему ответ. Каллидус тревожно вздрогнул и, развернувшись, стал торопливо спускаться вниз, к толпившимся на площади людям. Вслед ему донесся звонкий умоляющий голос Никрана, и Койн задержался на середине спуска. Губернатор с рыданиями разводил руками перед массивной серой фигурой Астартес. Слов уже было невозможно разобрать, но Никран явно о чем-то просил Корду или пытался оправдаться.

Едва заметным движением воин поднял свой болтер и выстрелил в губернатора в упор, разорвав снарядом его тело пополам. Воины Корды, как один, мгновенно последовали его примеру и, повернув оружие на аристократов, начали их истреблять.

Сержант Астартес, перекрывая грохот болтерной стрельбы, передал полученный приказ, и его слова пронзили объятую ужасом площадь словно кинжалом:

— Сжечь этот город!

Соалм брела по разгромленному лагерю, неся в одной руке бактган, а другой тащила металлический контейнер. Леди Синоп, ковыляя следом, держала вторую ручку ящика и изо всех сил старалась ей помочь. Все ее солдаты уже погибли.

Насыщенный пылью воздух стал еще тяжелее от грома выстрелов и боли, и, казалось, им нигде от этого не скрыться.

Соалм наткнулась на стену хижины как раз в тот момент, когда их настигла волна эфемерного ужаса. Воздух от псионического разряда стал густым и скользким — а потом она услышала оглушительные вопли Йоты, усиленные вокодером шлема кулексус.

— Святая Терра! — прошептала пожилая женщина.

Это мог быть только предсмертный крик Йоты — никакому другому голосу не удалось бы передать такую ужасную боль.

Соалм обернулась в ту сторону, откуда доносились звуки, и увидела страшную развязку. Из судорожно извивающегося тела Йоты, окутанного

ослепительным светом, вылетели последние тусклые искры энергии, а затем ее костюм сложился и упал на землю, а серебристо-стальной шлем покатился в сторону. Тело в одно мгновение рассыпалось, и из черного комбинезона вылетели густые клубы серого пепла. Шлем с маской черепа остановился, рассыпав по ветру более темный пепел.

— Дженникер!

Синоп, заметив несущуюся к ним тень, в отчаянии выкрикнула ее имя. Вененум почувствовала сильнейший удар и отлетела в сторону, выпустив ручку контейнера. Еще кувыркаясь, она сумела дважды выпустить залпы из бактгана и с радостью услышала хлопки и шипение вылетающей под давлением кислоты, поражающей плоть.

Убийца Йоты, освещенный сзади восходящим солнцем, выскочил из круговерти песчаных вихрей. Она еще только потянулась за токсичным шнуром, а он уже с размаху нанес следующий жестокий удар. Бактган вылетел из рук и пропал в песке. Сломанные ребра вызвали в

груди резкую боль, Соалм упала на землю, ее стошнило, и затем она обнаружила, что лежит в грязи, образовавшейся из пыли и крови. Когтистая лапа снова ударила ее, не давая приподняться, и сломала еще одну кость. Услышав хриплый хохот, вененум подняла голову. Извивающаяся тень уже нависла над ней, но потом откуда-то упала металлическая труба и ударила убийцу по спине, вызвав яростное шипение. Соалм, несмотря на ужасную боль, сумела немного отползти назад.

Лицо Синоп пылало праведным гневом, и она снова подняла железную трубу и нанесла удар, вкладывая все свои силы.

— За Бога-Императора! — вскричала она.

Но убийца не дал ей третьей попытки. Он перехватил падающую трубу, а другой рукой схватил старую женщину за тонкую птичью шею и приподнял над землей. Резким движением он проткнул ее тело концом трубы, потом оторвал голову и отвернулся.

Он подошел к контейнеру, лежавшему

там, где его выронила Соалм. С бессильным стоном она увидела, как темная эластичная плоть убийцы проникла внутрь через механизм замка и открыла его изнутри. Старинная книга выпала на песок, и на глазах Соалм стазис-оболочка негромко зашипела и рассеялась.

— Нет, — прохрипела она. — Ты не можешь... Ты не можешь ее взять...

Убийца, нагнувшись, поднял Патент и с беспечной торопливостью перелистал страницы, слизывая и разрывая бумагу.

— Нет? — произнес он, не поворачивая головы. — А кто мне помешает?

Он добрался до последней страницы и оглушительно расхохотался. Соалм, видя, как он вырывает слегка пожелтевший лист из бесценной реликвии, скорчилась от душевной боли. На мгновение ей показалось, что в утренних лучах на странице блеснула жидкость.

А потом, словно пробуя изысканное лакомство, убийца запрокинул голову и открыл рот. Челюсти разошлись отвратительными лепестками, на щеках, шее и лбу появилось множество маленьких

зубастых ртов, он поднес лист к лицу и слизнул кровь Бога-Императора.

После этого он начал вопить и реветь, и его плоть подверглась буйной трансформации, выбрасывая извивающиеся щупальца, раскрываясь зияющими ртами и принимая невообразимые формы. Его тело утратило всякий контроль, а красно-черная оболочка коробилась и пузырилась самым отвратительным образом.

Соалм, плача от боли и сознания неудачи, поползла к скиптеру Троса, надеясь убежать, пока экстаз убийцы не закончился.

Эхо выстрела еще не утихло, а Келл уже был на пути к выходу. Он накинул на плечи хамеолиновый плащ, а ремень «Экзитуса» набросил на одну руку. Таймеры взрывных устройств были установлены так, чтобы только дать ему время покинуть здание. Виндикар задержался, чтобы повесить еще одну крак-гранату у основания поддерживающей колонны в центре бывшей прачечной. Когда она взорвется, потолок должен обвалиться

и уничтожить все, что еще не было уничтожено в верхних этажах башни. Он не оставил после себя никаких следов, но осторожность никогда не помешает.

Келл спускался на нижний уровень и прислушивался к доносящемуся с улиц шуму. После убийства беспорядки захлестнут улицы со скоростью лесного пожара; пока хаос не распространился повсюду, членам карательного отряда необходимо покинуть границы города.

Он вышел на край треснувшей плиты перекрытия и выглянул наружу. Люди, казавшиеся сверху крошечными точками, разбегались по улицам. Келл оттолкнул в сторону кусок упавшей облицовки и достал снаряжение для спуска.

В этот момент в наушниках шлема раздалось потрескивание редко используемого основного канала вокса.

Келл замер. Эта частота была известна только членам отряда, и каждый из них понимал, что такой способ связи является крайним средством. Несмотря на сложное кодирование, вокс-канал, в отличие от импульсного передатчика,

можно было проследить, и тот факт, что кто-то из отряда решил им воспользоваться, означал, что дело плохо.

После треска сразу раздался голос Койна. Каждое его слово передавалось не только Келлу, но и Тариилу, и Гарантину.

— Миссия провалилась, — сообщил Койн, задыхаясь от бега. Кроме его дыхания, слышались треск болтерной стрельбы и пронзительные вопли. — Подтверждаю: миссия провалилась.

Келл недоверчиво тряхнул головой. Это невозможно. Последнее, что он видел на дисплее прицела, это мерцание радации, когда луч «Лэнса» прикончил цель. Хорус Луперкаль был мертв...

— Разбитое зеркало, — продолжал Койн. — Повторяю: разбитое зеркало.

Закодированная фраза произвела на Келла впечатление физического удара, так что он был вынужден прислониться к осыпающемуся обломку стены. Эти слова могли означать лишь одно — подмена, цель заменена подставным лицом.

В голове взорвался вихрь вопросов: как мог Хорус узнать о том, что они его

ждут? Была ли миссия обречена с самого начала, или их предали?

Но воин, которого Келл видел в перекрестье прицела, мог быть только Воителем! Только Хорус, освободитель Дагонета, одетый в свою мантию, мог повторить этот символичный выстрел в небо... Этого не может быть! Не может...

Сомнения и неуверенность на мгновение ослепили его, но быстро угасли. Теперь не время вспоминать произошедшие события. Сначала, что более важно, надо покинуть зону выстрела и перегруппироваться. Келл кивнул своим мыслям. Он решил, что сделает это. Он выведет свою команду из-под удара, а потом разработает новый курс. До тех пор, пока жив хоть один оперативник Официо Ассасинорум, миссия может быть выполнена.

А если в процессе выявится предатель... Он прогнал эту мысль. Надо действовать по порядку. Виндикар подключился к основному каналу.

— Сообщение принято, — передал он. — Пути эвакуации с этого момента

считаются рискованными. Направляйтесь к окраинам города и ждите контакта.

Келл пристегнул винтовку и закрепил на спине снаряжение для спуска.

— Соблюдать молчание, — приказал он напоследок и нажал кнопку деактивации вокса.

Близкий взрыв заставил его резко поднять голову, и сенсор маски зафиксировал на границе поля зрения термальное возмущение. По краю визора тотчас выстроились информационные иконки. Транспортное средство, скорее всего, было взорвано в процессе перестрелки. Он только успел удивиться, что нашлись глупцы, отвечающие на стрельбу Астартес, как над головой раздался гул двигателей. Келл сжался в укрытии под частично обвалившейся стеной и увидел, как вокруг башни, сверкая огнями реактивных двигателей, пролетел свинцово-серый самолет — «Грозовая птица» со значками Легиона Сынов Хоруса.

В первое мгновение он испугался, что Астартес уже обнаружили его позицию, но

«Грозовая птица», не задерживаясь, понеслась к центру города. Келл посмотрел вверх. В утреннем небе из-за высоких облаков показались хищные серые силуэты других кораблей, и за ними тянулись струи пара, оставшиеся после вхождения в атмосферу. Кого бы ни убил выстрел Келла, воины Воителя намеревались жестоко отомстить.

Убедившись, что «Грозовые птицы» далеко, Келл покинул убежище и подбежал к пробоине в стене. Он прыгнул вниз, и тело, подчиняясь законам притяжения, стало со свистом рассекать воздух. Несколько томительных секунд он смотрел, как улицы мчатся ему навстречу, потом сенсоры в спусковом комплекте развернули крыло-парашют, и плечи вздрогнули от сильного рывка. Полукруг радужной ткани замедлил его падение.

Келл спустился на охваченные ужасом и жестокостью улицы и стал искать выход.

Все палубы «Духа мщения» дрожали

от едва сдерживаемого гнева, и десантные катера один за другим с ревом вырывались из пусковых шлюзов. Длинной непрерывной цепочкой они удалялись от боевого корабля и словно огромные хищные птицы приземлялись на поверхность Дагонета, неся в себе неудержимую ярость.

Часть стоявших неподалеку кораблей космического подразделения СПО еще разворачивались в надежде спастись бегством, а другие, подчиняясь силе притяжения, уже падали на свой домашний мир, охваченные пламенем с носа до самой кормы. Артиллеристы «Духа мщения», воспользовавшись преимуществом мегалазера, били по кораблям, лишая их возможности двигаться, но не уничтожая. Крейсеры СПО сгорали в атмосфере на виду у всей планеты, эффектно демонстрируя начало расплаты.

«Дух мщения» и остальные корабли флотилии медленно занимали позиции на орбите Дагонета, постепенно приближаясь к стоянке, где их поджидал корабль Люка Седирэ «Танато». Большая часть штатных десантных катеров «Танато»

уже произвела высадку на поверхность, и воины Тринадцатой роты обрушили на город свою безудержную ярость. Привлекательный и беспощадный капитан пользовался любовью среди своих воинов, и в отместку за его гибель они намеревались пролить реки крови.

Огромные обзорные иллюминаторы Двора Луперкаля выходили на носовую часть корабля, и перед ними виднелась изогнутая линия поверхности Дагонета и одиноко стоявший на якоре «Танато». Малогарст, оставив Воителя у окна, пересек стратегиум, направляясь к выходу в коридор. На ходу он негромко отдавал распоряжения группе ротных слуг, которые следовали за ним повсюду, куда бы он ни направлялся. Советник передавал команды Хоруса своим подчиненным, а они, в свою очередь, разносили их по всей флотилии.

Из-за двери появилась тень.

— Советник, — послышалось оттуда.

— Первый капеллан, — отозвался Малогарст.

Его изувеченное, всегда хмурое лицо повернулось к Несущему Слово, и щелчок

скрюченных пальцев распустил оставшихся слуг.

— Ты хочешь поговорить со мной, Эреб? Мне докладывали, что ты занят своими... медитациями.

Эреб, казалось, не заметил насмешливого тона, каким был задан вопрос.

— Меня прервали.

— Что же?

Губы Несущего Слово слегка раздвинулись в улыбке.

— Голос из темноты.

Малогарст не успел потребовать более определенного ответа, как Эреб кивнул в сторону Хоруса, наблюдавшего за передвижениями своего флота.

Повелитель Легиона в полном боевом облачении, сверкающем золотом и бронзой, со звериными шкурами хищников, ниспадавшими с его плеч коротким плащом, выглядел величественно. По его скрытому в полумраке лицу изредка пробегали едва заметные блики от информационных дисплеев.

— Я хотел бы задать вопрос

Воителю, — сказал вошедший Астартес.

Малогарст не шелохнулся.

— Ты можешь спросить меня.

— Как пожелаешь. — Губы Эреба слегка скривились. — Мы неожиданно оказались на военном положении. Насколько я знаю, мы посетили этот мир, чтобы продемонстрировать свою мощь, и ничего больше.

— Разве ты не слышал? — Малогарст изобразил удивление, радуясь, что на этот раз он знает больше, чем Эреб. — Брату-капитану Седирэ выпала честь представлять Воителя на Дагонете. Но произошло несчастье. Покушение, как я полагаю. Седирэ убит.

Обычно беззаботное лицо Эреба на мгновение накрыла тень.

— Как это произошло?

— В свое время мы это узнаем. На данный момент известно, что заверения о безопасности Дагонета оказались ложью. То ли в результате намеренного обмана, то ли из-за некомпетентности правящих органов Дагонета, но Сын Хоруса лишился жизни. — Малогарст наклонил голову в

сторону Воителя. — Хорус потребовал возмездия.

— Значит, аристократы поплатятся жизнью?

— Для начала, — кивнул советник.

Эреб помолчал несколько секунд.

— А почему послали Седирэ?

— Ты ставишь под сомнение приказы Воителя?

— Я только хочу понять...

Эреб умолк, и Малогарст шагнул к Несущему Слово, направляясь к двери в коридор.

— Капеллан, не забывай, что уважаемый брат-капитан был только что хладнокровно убит. Награжденный многими знаками отличия, всеми уважаемый Астартес погиб, и его смерть будет оплакивать не только Тринадцатая рота, но и весь Легион.

Эреб слегка прищурился, не скрывая своих сомнений по поводу описания личности Седирэ. Хотя он, безусловно, был прекрасным воином, многие, и в том числе Несущий Слово, считали его обычным хвастуном. Но, как и в ряде других случаев,

капеллан предпочел оставить свое мнение при себе.

— Для Воителя было бы лучше, — продолжал Малогарст, — разобраться в этом деле, не вынося его за рамки Легиона. — Он кивнул сервитору, стоявшему в тени у дверей, и тот стал задвигать высокие створки. — Я уверен, ты одобришь это решение.

В какой-то момент могло показаться, что Эреб намерен возразить, но через секунду он кивнул.

— Конечно, — сказал Эреб. — Я преклоняюсь перед твоей мудростью, советник. Кому, как не тебе, знать о побуждениях Воителя?

Он коротко простился и снова исчез в сумраке коридора.

Они убивали все, что двигалось.

Сыны Хоруса начали со стрельбы по толпе на площади Освобождения. Первые же залпы вызвали панику, и люди топтали и давили друг друга, отчаянно пытаясь попасть на улицы, ведущие от губернаторского дворца.

Многие падали замертво на глазах у Койна, когда в его наушнике прозвучал приказ Келла выбираться из города.

Астартес медленными размеренными шагами шли по площади, держа болтеры у бедра и посылая снаряд за снарядом по бегущим людям. Реактивные болты без труда находили цель, и люди мгновенно погибали не только от разрывов, но и просто от силы удара. А осколки в густой толпе разрывали плоть и кости сразу нескольких жертв. И Койн, хотя и никогда не видел огнеметов, безошибочно узнал характерное шипение и потрескивание огня, а запах горелой плоти был ему знаком и ранее.

Паника стала причиной не меньшего количества смертей, чем выстрелы Астартес. Люди задыхались от животного ужаса и погибали под ногами своих собратьев, стремившихся прорваться к боковым улицам, расходившимся от площади. У некоторых беглецов страх перерастал в безумную ярость, и они в отчаянной попытке проложить себе дорогу применяли собственное оружие.

Койн вел себя в толпе так, как пловец мог бы держаться в бушующем море, и позволял потокам людей увлекать себя то в одну сторону, то в другую. Как только перед ними открылся широкий выход в одну из магистральных улиц, плотность потока уменьшилась и люди побежали. Но первые же беглецы угодили под беглый огонь из орудий «Грозовой птицы», кружившей между зданиями.

Каллидуса потоком отнесло к самому краю улицы, и он обнаружил проход через витрину магазина, разбитую еще в самом начале мятежа. На какое-то время Койн вырвался из стремительного потока беглецов и смог взглянуть на голографическую карту города. Любая из магистральных улиц могла бы вывести каллидуса на окраину города, но по каждой из них небольшими группами навстречу беглецам шли Астартес, хладнокровно истребляя и тех, кто пытался убежать, и тех, кто молил о пощаде.

Спустя несколько секунд Койн выглянул из разбитого окна и увидел, что основная масса людей уже миновала

магазин. По улице пробегали только отставшие, а позади них неторопливо, словно на утренней прогулке, шагал одинокий Астартес в серой керамитовой броне. Прицеливаясь на ходу, он отыскивал отдельные фигуры и сбивал их выстрелами.

Поведение Сынов Хоруса нельзя было назвать военной операцией, это было настоящее истребление.

— Это ваша вина!

Раздавшийся голос звенел от страха и ярости.

Койн развернулся и увидел перед собой мужчину в разорванной одежде и с еще сочившейся кровью раной на голове. Он стоял в противоположном углу разрушенного магазина, сверкал глазами и тыкал в сторону Койна дрожащим пальцем. Он явно имел в виду его форму. Серовато-коричневый мундир Сил Планетарной Обороны Дагонета сильно пострадал во время бегства, но все еще оставался частью маскировки, принятой Койном перед началом операции.

Человек пошатываясь пошел вперед,

разбрасывая ногами осколки стекла и ничуть не заботясь о производимом шуме.

— Это вы привели их сюда! — Он показал пальцем на улицу. — Это не Хорус! Я не знаю, кто это такие! Почему вы позволили им прийти сюда и убивать нас?

Койн сознавал, что мужчина не имеет ни малейшего представления о том, что происходит; вероятно, он не видел ни выстрела Келла, ни залпа лэнс-излучателя. Он видел только чудовищные смертоносные машины в броне цвета грозовых туч.

— Прекрати орать, — сказал Койн, расстегивая мундир и пытаясь сосредоточиться на внутриполостной кобуре. Он резко выдохнул и мысленно нащупал шов. Оружие было там, но мышцы ассасина были настолько напряжены, что он не мог расслабиться и открыть полость. — Веди себя тихо.

Снаружи возникло какое-то движение. На верхнем уровне здания кто-то был. Возможно, кто-то из стельчаков отряда Капры или обычный житель Дагонета, которому надоело убегать и прятаться,

швырнул вниз самодельную зажигалку, которая задела шлем Астартес и ударила в правое плечо. Сын Хоруса остановился и стал сбивать разлившееся по керамиту пламя ударами рукавицы. А затем Койн увидел, как Астартес, несмотря на многочисленные огоньки на броне, резко развернулся и поднял болтер.

Прогремел оглушительный выстрел, и болт сорвал с верхнего уровня фрагмент кирпичной кладки, а вслед за ним на землю, разбрызгивая кровь, тяжело упало тело стельчака.

— Им... им нужен ты! — закричал стоявший в магазине человек, вероятно не сознававший, что происходит снаружи. — Может, надо им тебя выдать?

— Нет. — Койн наконец нащупал пальцами рукоять пистолета, лежавшего в полости над желудком. — Я же тебе сказал...

Камни заскрежетали, рассыпаясь в песок, и воин вдруг показался в дверном проеме разрушенного магазина. Астартес пришлось разбить кусок стены, поскольку для обычного дверного проема он был

слишком велик. Бесстрастный визор шлема повернулся в их сторону, и воин шагнул вперед, забросив на плечо ремень болтера. Койн попятился, увидев, что Астартес, расшвыривая на ходу обломки стены, достает свой боевой нож. Этот клинок был чуть меньше короткого меча, и острое лезвие тускло поблескивало.

Каллидус даже не увидел движения, как вдруг получил в грудь жестокий удар рукоятью ножа. Койн услышал хруст костей и, отлетев на пару метров, тяжело рухнул на пол. В каком-то смысле он был даже доволен — маскировка ассасина не пострадала. Если бы Астартес знал, с кем имеет дело, незамедлительно последовал бы смертельный удар. Человек в углу магазина продолжал бессвязно кричать и махать руками. Сын Хоруса, вероятно, решил приберечь боезапас и подошел к нему, сбивая по пути шлемом потолочные светильники. Взмах боевого ножа заставил безумца умолкнуть; его отрезанная голова покатилась по полу, а брошенное тело еще какое-то время судорожно подергивалось.

Койн ухватился за свой пистолет, но сведенные мышцы отказывались выпустить оружие, а боль в сломанных ребрах лишила каллидуса возможности достичь необходимой в этот момент концентрации внимания.

Сын Хоруса перехватил нож за кончик лезвия и уже был готов к броску, но в следующее мгновение загремели выстрелы, и серебряные вспышки на грудной пластине и левом наплечнике брони Астартес отметили точки попадания снарядов.

Перед затуманенным взором Койна пронесся размытый силуэт человека, двигавшегося с непостижимой скоростью, а потом блеснула маска в виде черепа из оружейной стали.

Койн отполз назад и увидел, как Гарантин обогнул Астартес по крутой дуге, потом перекатился через упавший прилавок и прыгнул с упавшей колонны на стену. Во время движения его «Экзекутор» не умолкая выпускал малокалиберные болты, которые со звоном высекали искры из брони огромного Астартес.

Сын Хоруса выпустил из пальцев нож и поднял болтер, имевший более крупный калибр, чем оружие эверсора. Единственное прямое попадание на такой короткой дистанции, какую обеспечивали пределы помещения, было бы смертельным для Гарантина, но, для того чтобы его убить, Астартес следовало сначала попасть в своего противника.

Койн, застонав от боли, немного выдвинул пистолет из полости фальшивой плоти, не переставая наблюдать за тем, как двое воинов изо всех сил стараются прикончить друг друга. В замкнутом пространстве магазина от грохота стрельбы звенело в ушах, а воздух наполнился пороховым дымом и удушливой пылью от разбитой штукатурки. Потом рухнула еще одна колонна, и с верхнего этажа посыпались обломки камней и дерева. Каллидус слышал звериное рычание эверсора, который со скоростью молнии двигался взад и вперед, постоянно ускользая из поля зрения космодесантника, вынуждая его стрелять впустую. Все это время стимулирующие железы и

инжекторы насыщали кровь Гарантина целым букетом биохимических снадобий, которые позволяли ему двигаться со скоростью, недоступной даже для Астартес.

Оружие Койна, скользкое от внутренней слизи, наконец было исторгнуто мышцами и упало на пол. Схватив пистолет, каллидус произвел выстрел в направлении серо-стальной громады. Нейрошредер образовал вокруг Сына Хоруса плотное электромагнитное поле, и воин пошатнулся от удара, непроизвольно подняв руку к застежке шлема.

Гарантин с ревом устремился вперед, перепрыгнув через лежавшего у стены Койна.

— Я убил! — орал он, повторяя эти слова так быстро, что выходило «Яубиляубиляубил».

Эверсор превратился в яростный вихрь из когтей и пистолета. Он двигался так быстро, что за ним невозможно было уследить. Гарантин столкнулся с Астартес, выбив из брони сноп искр, и сбил

его с ног. Затем он стал стрелять из «Экзекутора» в упор, приставляя дуло к вмятинам от прошлых попаданий, а второй рукой в нейроперчатке отчаянно рвал шлем. Койн слышал, как Астартес, злобно ворча, сопротивлялся, но эверсор, словно ртуть, всякий раз ускользал от ударов.

Наконец броня треснула, Гарантин вцепился в открывшуюся плоть, и из раны брызнула струя темной крови. Астартес, чей болтер был уже разряжен, продолжал толкать и бить эверсора кулаками, но, если импульсы боли и достигали мозга Гарантина, смесь возбуждающих и болеутоляющих средств их мгновенно заглушала.

Астартес, испустив хриплый стон, упал на спину и затер. Гарантин с хриплым смехом схватил упавший боевой нож, приставил его к точке соединения пластин брони и надавил всем своим весом. Клинок пробил искрящие кабели, усиленные мышечные ткани и рассек кость.

Примерно через минуту Гарантин

рухнул на пол, еще дрожа от последствий действия химических возбудителей.

— Т-так... — прохрипел он, стараясь дышать ровнее. — Т-так вот что значит уб-бить одного из них... — Он широко усмехнулся под клыкастой маской. — Мне понравилось.

Каллидус поднялся:

— Надо уходить, пока здесь не появились его собратья.

— А ты... не собираешься поблагодарить меня за спасение жизни, оборотень?

Лежавший Астартес, движимый последним всплеском боевой ярости, внезапно рванулся вперед. Нейрошредер все еще был у Койна в руке, и ассасин выпустил в голову космодесантника полный залп. Разряд мгновенно уничтожил остатки нервных связей мозга, и наступила смерть.

Воин рухнул и больше не шевелился. Койн искоса взглянул на Гарантина:

— Спасибо.

Глава 16
КРУШЕНИЕ ВЫБОР ПРОЩЕНИЕ

Началась бомбардировка, и жители Дагонета решили, что наступил конец света.

Но они слишком плохо разбирались в положении вещей. С высокой орбиты по городу бил единственный корабль «Танато», и то он использовал далеко не всю мощь своих орудий. Люди на поверхности планеты не могли знать, что остальные корабли флотилии затерли вокруг своего собрата и внимательно наблюдали. Вот если бы все корабли Воителя обрушили на мир огонь всех своих орудий, тогда эти предположения были бы оправданны. Тогда могла расколоться сама планета, и целые континенты обратились бы в пыль. Возможно, это еще произойдет в недалеком будущем, но сейчас для «Танато» было вполне достаточно

инертных кинетических зарядов, которые с оглушительным воем пронзали атмосферу, а потом взрывались, грохоча словно гром, уничтожая силовые подстанции, военные объекты и дворцы знати. Тем, кто оставался на земле, это могло показаться сплошным и бессмысленным разрушением, а с точки зрения тех, кто был на орбите, это была искусная и хирургически точная военная операция.

Койн и Гарантин старались избегать главных магистралей, по которым толпы перепуганных жителей стремились покинуть город. После расстрела на площади прошло уже несколько часов, и люди, оцепеневшие от ужаса, уже не могли бежать. Теперь они просто брели, чаще всего молча. Некоторые толкали перед собой тележки, груженные собранным или украденным по пути скарбом, другие цеплялись за борта переполненных машин. Если они и говорили, то только шепотом, словно боялись, что Астартес способны услышать их с другого конца города.

Каллидус притаился в тени переулка напротив разбитой остановки монорельса и слушал, как люди говорят о Сынах Хоруса. Кто-то утверждал, что они организовали лагерь на площади Освобождения, и там приземляются десятки «Грозовых птиц», переправляющих на поверхность планеты все больше и больше Астартес. Другие клялись, что видели на улицах города бронированные машины и даже чудовищных боевых роботов — титанов.

Из всего, что стало известно каллидусу, Койн с уверенностью мог сказать только одно: Сыны Хоруса были намерены неукоснительно следовать переданному Кордой приказу и к закату столица Дагонета превратится в пылающий погребальный костер.

Ассасин взглянул наверх, где на фасаде здания станции криво висел массивный дисплей. Его поверхность пересекала трещина, но еще виден был искаженный помехами текст, гласивший, что городская железная дорога временно выведена из строя. Вокруг неподвижно

затерли люди. Койн с беспокойством осмотрел устройство. Вокруг всех публичных информационных экранов обычно имелась целая сеть пиктеров, а Каллидус, как и все ассасины, испытывал вполне понятное отвращение ко всем камерам наблюдения.

Информационная система словно уловила его мысли, и один из пиктов дернулся в своей рамке, а затем, немного поморгав, стал показывать вереницу беженцев. Ассасин поспешно отступил в тень, не уверенный, что камера не успела захватить и его изображение.

В нескольких метрах от него, в глубине переулка, Гарантин сидел на крышке мусорного бака, дрожал, отходя от действия усилителей рефлексов, и при помощи ремонтного набора штопал многочисленные раны, полученные в недавней схватке с Сыном Хоруса. Койн морщился каждый раз, когда до него доносился чавкающий звук кожного степлера, сшивающего края поврежденных тканей.

Гарантин поднял голову: один глаз у

него был сильно поврежден, и из него сочилась прозрачная жидкость. Эверсор усмехнулся, демонстрируя окровавленные зубы:

— Через мгновение я к тебе присоединюсь, чудик.

Койн проигнорировал оскорбление, избавился от рваных остатков мундира командира СПО и сменил его на украденный с упавшего манекена парчовый пиджак.

— Надеюсь, что ты не задержишься.

Каллидус скрылся за обломком стены и сбросил с себя маску офицера. Ему было нелегко в таких условиях, без соответствующих медитаций проводить перевоплощение, но обстоятельства требовали изменения облика. Вскоре он преобразился в молодого парня с копной тонких растрепанных волос.

— Ты хоть помнишь, как ты выглядишь на самом деле? — спросил эверсор, не пытаясь скрыть своего отвращения.

Койн искоса взглянул на него, обратив особое внимание на множество шрамов и

бесчисленные имплантанты как под кожей, так и поверх нее.

— А ты?

Гарантин хихикнул:

— Мы оба по-своему хороши. — Он вернулся к своим ранам. — Есть признаки новых Астартес?

Каллидус покачал головой:

— Но они появятся. Мне и раньше приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. Они маршируют через весь город, поднося факелы ко всему, что попадается на пути, и уничтожая каждого, кто осмеливается им противостоять.

— Пусть приходят, — проворчал эверсор, затягивая последнюю силовую повязку вокруг массивного бедра.

— В следующий раз их может быть больше одного.

— В этом можно не сомневаться. — Руки эверсора еще подергивались. — Девчонка-отравительница была права. Мы все здесь погибнем.

Это заявление вызвало напряженный взгляд каллидуса.

— Я не собираюсь расставаться с

жизнью в каком-то захолустном мире.

Гарантин усмехнулся:

— Можно подумать, у тебя есть выбор. — Он равномерно постучал пальцем по стене, изображая метроном. — Тук-тук. Обстоятельства против нас. Кто-то проболтался.

Койн промолчал. У него не было ни малейшего желания обсуждать эту тему, но подозрения Гарантина в том, что миссия с самого начала была обречена на провал, казались ему вполне правдоподобными. А учитывая еще и то, что произошло на площади, вывод напрашивался сам собой.

Резкий птичий крик отвлек Койна от невеселых раздумий. Подняв голову, он увидел, как с другого конца переулка в их сторону летит хищная птица. Эверсор почти неуловимым движением поднял свой «Экзекутор», охранный сенсор навел его на цель, потом раздался негромкий хлопок игломета, и птица, не закончив поворот, камнем упала на землю.

Койн подошел к неподвижному телу; он заметил нечто странное — блеск

солнечного луча на металлической поверхности.

— Ты что, голоден?

Гарантин, слегка прихрамывая, подошел ближе.

— Идиот. — Койн поднял труп птицы, насквозь пробитый тонким игольным дротиком. Пернатый хищник оказался напичканным множеством имплантантов, закрепленных на голове и перьях. — Это псибер-орел инфоцита. Он искал нас.

Койн снова посмотрел на уличный дисплей и транслируемые изображения.

— Может, это он и проболтался, — пробормотал эверсор. — А может, ты.

Картинка на экране мигнула и сменилась. Теперь он показывал вид улицы сверху, потом выстрелы в переулке, потом изображение стало беспорядочным и неразборчивым, и Койн вдруг догадался, что это запись видеосъемки с автозаписывающего пиктера псибер-орла.

Один из беженцев тоже обратил внимание на экран и остановился, чтобы просмотреть всю запись. Койн отбросил в сторону мертвую птицу и вышел на улицу.

Кадры на уличном экране тотчас сменились, и Каллидус увидел свое изображение.

Несколько мгновений ничего не происходило; если Койн не ошибся, если через эти линзы смотрит Тариил, он наверняка растерялся, поскольку лицо Койна сильно изменилось с тех пор, как они виделись в последний раз. Но затем из тени появился Гарантин, и все сомнения рассеялись.

Беженцы, увидев огромную фигуру неистового киллера, испуганно попятились, словно неожиданно обнаружили в своих рядах дикого зверя. Койн мог бы сказать, что они почти не ошиблись. А Гарантин злобно оскалился и сверкнул зубами.

С остановки монорельсового поезда донесся гудок сирены, и тяжелые металлические ворота, отделявшие платформу от улицы, вдруг задергались взад и вперед, а потом начали открываться. Изображение на экране вверху замигало, и на этот раз появился текст, оповещавший о готовности

станции к работе.

Койн улыбнулся:

— Похоже, у нас есть транспорт.

Каллидус сделал шаг вперед, но рука с когтями его остановила.

— Это может быть западня, — прошипел Гарантин.

Вдалеке со свистом пролетел еще один снаряд орбитальной бомбардировки, и земля под ногами вздрогнула от взрыва.

— Есть только один способ это проверить.

На платформе, приподнятой над уровнем улицы, стоял единственный состав. Сеть монорельсовых дорог бездействовала с самого начала мятежа против власти Терры. Ее отключил командующий клановыми войсками, добиваясь выполнения приказа об ограничении перемещения граждан, а потом поезда были вынуждены стоять из-за массового побега заключенных из тюрьмы, устроенной на центральном вокзале. Но некоторые ветки дороги до сих пор были подключены к стремительно

сокращавшейся энергетической сети столицы, а автономные системы, управлявшие движением поездов, не представляли особой сложности для специалиста такого уровня, как ванус.

Появился еще один псибер-орел; он уселся на бампер локомотива и пронзительно крикнул. Койн и Гарантин стремительно побежали на платформу. На середине лестницы каллидус оглянулся: самые отчаянные из группы беженцев уже направлялись вслед за ними.

— Быстрее! — крикнул Койн.

Он отыскал открытый вагон и вскочил в него. Состав оказался грузовым, и внутри вагон был разделен на стойла для перевозки скота. В воздухе стояла вонь от пота и навоза животных.

Как только Гарантин тоже оказался внутри, орел взмыл в небо, и поезд с оглушительным скрежетом рванулся вперед, так что из-под колес полетели искры. Появился запах озона, вагоны со стуком сдвинулись с места и понеслись мимо станции, набирая скорость.

Частый стук колес время от времени

прерывался глухими ударами переднего бампера, отбрасывающего с пути обломки разрушенных зданий. Койн, вытащив нейрошредер, прошел по всему вагону, затем рывком распахнул дверь и проверил следующий и еще два задних вагона. В последнем он обнаружил трупы гроксов. Огромные туши лежали там, где упали — на металлической решетке пола. Они все еще были пристегнуты к кольцам в стене и наверняка погибли от голода, когда после начала войны о них забыли, оставив без воды и корма в вонючем железном стойле.

Убедившись, что во всем составе, кроме них, никого нет, Койн прошел весь поезд в обратном направлении и нашел Гарантина в коротком моторном вагоне, где неумолчно трещал когитатор двигателя. Через разбитое ветровое окно просматривался путь, постепенно опускавшийся до уровня одного из главных проспектов, идущих параллельно радиальной магистрали.

— Если нам повезет, мы на этой колымаге сумеем выбраться из города, — сказал Койн, рассеянно рассматривая

резьбу на рукоятке нейрошредера.

Эверсор откинул на спину украшенный клыками шлем и периодически негромко ворчал, глядя вдаль, словно хищник, который ловил запахи встречного ветра.

— Нам не повезет, — откликнулся он. — Видишь?

Его палец с металлическим когтем показал прямо по курсу поезда.

Койн снял с пояса компактный монокуляр и поднес к глазам. Расплывчатое изображение дрожало и раскачивалось, но он не мог не увидеть серые глыбы фигур Астартес в броне класса «Максим», которые двигались наперерез поезду. Они тащили и складывали на рельсы остатки сгоревших машин, сооружая импровизированную баррикаду.

— Я же говорил, что это ловушка, — проворчал Гарантин. — Ванус привез нас прямо в руки Астартес!

Койн покачал головой:

— Если бы это было так, почему мы не сбавляем скорость?

Более того, состав все ускорял бег, и

на дисплее когитатора загорелись тревожные руны, предупреждавшие о превышении уровня безопасности.

Дорога пошла под уклон, и, когда состав стал спускаться на уровень земли перед следующей станцией, колеса угрожающе заскрежетали. А затем Сыны Хоруса, укрывшись за своим сооружением, открыли огонь по головному вагону, и болты с грохотом ударили в металлические стены.

Гарантин через разбитое окно, не целясь, выпустил длинную очередь, а потом вслед за Койном помчался по вагонам в хвост состава.

Снаряды пробивали стены вагонов насквозь, и в пыльном воздухе появлялись солнечные лучи, прорвавшиеся через пробоины. Поезд продолжал набирать скорость, и пол так раскачивался, что стало трудно держаться на ногах. Они успели добраться до последнего вагона, когда состав налетел на устроенный Астартес завал. Обломки грузовиков и вездеходов завертелись в воздухе и вылетели на проспект, сбив с ног двоих

Астартес. От удара металлическая рама вагона раскалилась, и ведущие колеса сорвались с оси. Потерявший сцепление с монорельсом состав изогнулся и накренился, вагоны слетели на трассу и по инерции промчались вперед, разбрасывая в стороны тучи асфальта и щебня.

Обоих ассасинов в последнем вагоне швырнуло на трупы гроксов, и основную силу удара поглотили мягкие вонючие туши. Наконец лишенный тяги состав остановился в облаке пыли и оранжевых искр.

Койн потерял сознание на несколько минут, показавшихся ему целой вечностью. А затем он очнулся и обнаружил, что его тянут вверх и проталкивают через пробитую крышу вагона. Призрак на дрожащих ногах сделал несколько шагов по шоссе, вдыхая запах горящего асфальта и раскаленного металла. Щурясь от яркого света, он нащупал свой нейрошредер. К счастью, оружие осталось при нем.

Подошел Гарантин, на ходу перезаряжая «Экзекутор».

— Я думаю, мы их огорчили! — крикнул он, показывая рукой за спину Койна.

Ассасин обернулся и увидел, что к ним по шоссе, стреляя с бедра, бегут закованные в броню гиганты. Болты с глухим стуком врезались в землю и сотрясали покореженный вагон. Койн достал нейрошредер и нерешительно остановился. Пистолет имел ограниченный радиус действия и был предназначен для ближнего боя. Каллидус отступил и укрылся за фрагментом грузового вагона. Возможно, удачный выстрел лишит жизни одного из Сынов Хоруса или даже двоих... Но им двоим противостоит целое тактическое отделение Астартес.

— Нам не повезло, — пробормотал ассасин, прикидывая вероятность того, что жизнь Койна из круга Каллидус действительно прервется в этом второстепенном мире.

Снаряд рикошетом отлетел от стены вагона, и Гарантин, покачнувшись, тоже спрятался в укрытие. Койн уловил

резкий столистый запах стимуляторов: на спине Гарантина появилась глубокая красно-черная царапина.

— Ты ранен.

— Правда?

Эверсор, казалось, полностью сосредоточился на замене бракованного заряда из патронника своего оружия. С вагона скатился металлический цилиндр и упал у их ног. Гарантин, ни секунды не медля, схватил крак-гранату и швырнул ее обратно. Койн видел, что из раны обильно вытекает густая кровь и каждое движение дается эверсору с трудом.

Но в следующий момент инжекторы сработали и погасили боль, а Гарантин издал низкое раскатистое рычание. Он обернулся, взглянув на Койна черными точками сузившихся зрачков.

— Что-то надвигается. Слышишь?

Койн только собрался ответить, как все звуки заглушил неожиданно возникший рев реактивных двигателей. Из промежутка между зданиями, обступившими одну сторону проспекта, вынырнул тупоносый флайер —

прямоугольный фюзеляж, подвешенный между двумя парами крыльев, которые заканчивались вертикальными трубами. Летательный аппарат был разрисован яркими белыми и зелеными полосами — цвета городской противопожарной службы. У открытой двери виднелся человек в черном комбинезоне и с длинноствольной винтовкой в руке. Из дула вырвался огонь, и на дороге взорвалась одна из машин.

Самолет стал снижаться, придерживаясь направления улицы, и тогда Койн дернул Гарантина за руку.

— Пора уходить! — крикнул каллидус.

Напряженные мускулы эверсора были твердыми, как мотки стальной проволоки, и все его тело дрожало от едва сдерживаемой энергии.

— Он сказал, что раньше уже убил одного из них, — бормотал Гарантин, не спуская глаз с приближающихся Астартес. — А теперь на его счету двое, если только ему можно верить.

Флайер кружил над ними, отыскивая место для приземления, но Сыны Хоруса своей стрельбой образовали барьер между

самолетом и беглецами.

— Гарантин! — снова закричал Койн. — Пора двигаться.

Яростный киллер вздрогнул и на какое-то время утратил способность двигаться.

— Ты мне не нравишься, — невнятно произнес он. — Тебе это известно?

— Это чувство взаимно! — закричал Койн, чтобы быть услышанным в реве двигателей.

Самолет парил менее чем в метре от дороги, и из рубки им отчаянно махал рукой Тариил.

— Хорошо. Я не желаю, чтобы ты мешал действию моих стимуляторов.

В следующее мгновение эверсор вприпрыжку бросился бежать, так что невозможно был уследить за его движениями. Он выскочил из укрытия и понесся прямо на ряды Астартес. За ним непрерывным шлейфом полетели латунные гильзы из комбинированного болтера.

Каллидус выругался и побежал в противоположном направлении, к

самолету. За полуоткрытой дверцей стоял Келл, и «Экзитус» периодически дергался в его руках, посылая в противников один бронебойный снаряд за другим.

Тариил, побледневший и потный, скорчился перед контрольной панелью. Скорее всего, он управлял пилотом-сервитором самолета через свой наручный когитатор.

— А где Гарантин?! — подняв голову, крикнул инфоцит.

— Он сделал свой выбор, — ответил Койн и рухнул на пол.

Эверсор, не переставая вопить, мчался навстречу мятежным Астартес и первого из них свалил залпом из «Экзекутора». Со вторым он столкнулся, и они оба покатились по земле, грохоча металлом и керамитом. Гарантин ощущал, как по его венам разливается бушующий поток энергии. Механически усовершенствованное сердце билось с такой частотой, что в ушах стоял ровный гул. Настройки в распределителях

стимуляторов нарушились еще при крушении поезда, и теперь они впрыскивали дозы психона и барража непосредственно во внутренние органы, а атомайзеры в его боевой маске выпускали прямо в ноздри полноценные дозы нейровозбудителей.

Он летел вперед на волне бешенства и черной безумной ярости, которая заставляла его вопить и хохотать, заглушая даже грохот стрельбы. В таком состоянии он был самым быстрым, самым опасным и самым довольным.

Это был самый долгий для Гарантина период бодрствования с тех пор, как его нашли в колонии с обгрызенными костями соседа в детских руках. Кости были заострены для следующего убийства. Он тосковал по бездумному блаженству стазис-установки. Он чувствовал себя потерянным без шепота гипнотических инструктажей. Этот способ существования час за часом, день за днем, который так легко давался остальным, для Гарантина был дьявольским наваждением. Он ненавидел понятия

бесконечных «вчера», «сегодня» и «завтра». Ему было близко только понятие «сейчас».

Каждую секунду бодрствования ему казалось, что ярость испаряется, а он становится мягким и слабым. Ему был необходим сон. Необходим, как воздух.

Но еще сильнее он нуждался в убийстве. Лучше, чем все боевые зелья, мощнее импульсов наслаждения, поступавших из серого вещества головного мозга; убийства — это лучшее из всего, что он знал.

Он колотил по шлему космодесантника и по линзам визора, разбивая в кровь пальцы под рукавицей. Разряженный «Экзекутор» превратился в дубинку, которой он неустанно размахивал и наносил удары.

Его самого тоже настигли удары, которые отозвались внутри опаляющим огнем и отбросили от жертвы на твердое покрытие дороги. Густая, насыщенная медикаментами кровь выплеснулась в рот и потекла из клыкастой пасти маски. Он не чувствовал боли. Только внутри образовался белый горячий шар, и с каждым

мгновением он становился все больше. Этот жар наполнил Гарантина таким восторгом, какого он еще никогда не знал. Скользящие удары болтеров и боевых ножей разрушали его имплантанты, и ниже правого колена уже остались одни лохмотья.

Но все его мускулы дрогнули, когда от признаков смерти пробудилась к жизни дремлющая искусственная железа, расположенная под грудной костью. Набухший шаровидный орган, реагируя на приближение конца, пустил в ход свой заряд, впрыснув вещество, от которого кровь Гарантина закипела и превратилась в кислоту. Все бесконтрольно смешивающиеся вещества образовали мощную ядовитую и взрывчатую смесь.

Мягкие ткани глаз эверсора мгновенно сварились, и он не мог увидеть финальной вспышки экзотермического взрыва, уничтожившего его тело без остатка.

Они петляли по улицам города на большой скорости, но на самой малой

высоте. Однако на окраинах столицы деятельность Астартес не была заметна. Вместо этого Сыны Хоруса позволили своему орбитальному контингенту бомбить обнесенные стенами поместья и парки, принадлежащие кланам. Город теперь окружало кольцо грязи, изрытой глубокими кратерами. В некоторых местах, где мощные взрывы слишком сильно раскалили землю, на дне воронок поблескивали стекловидные пластины.

Внизу процессии беженцев пробирались между кратерами, словно цепочки муравьев, обходящих следы безмятежного гиганта. Воздух вокруг маленького самолета казался густым от дыма пожарищ. Тариил говорил, что им повезло, поскольку Адептус Астартес не применили прикрытие с воздуха; уйти от истребителей на этом неуклюжем гражданском флайере им не удалось бы.

По приказу Келла инфоцит направил самолет в безлюдную местность, простиравшуюся за городскими стенами, и дальше, в песчаную пустыню. С каждой секундой они все больше и больше

удалялись от ангара космопорта, в котором был спрятан «Ультио».

Их никто не преследовал; в какой-то момент сенсор зафиксировал небольшой объект, двигающийся на высокой скорости, — возможно, гравицикл, — но он находился вдали от их маршрута и, казалось, не обратил на них никакого внимания.

В конце концов Койн нарушил молчание:

— Во имя Гадеса, куда мы летим?

— Искать остальных, — ответил виндикар.

— Женщин? — Койн все еще сохранял облик юнца, и выражение лица, с каким говорил каллидус, казалось слишком старым и слишком бессердечным для молодого человека. — А почему ты думаешь, что они не погибли, как погиб эверсор?

Келл поднял информационный планшет.

— Неужели ты думаешь, я позволил бы кулексус скрыться из виду, если бы не знал точно, где она находится?

— Прибор слежения? — Койн незамедлительно обернулся к инфоциту, который попытался спрятаться от его взгляда за голограммой автопилота флайера. — Еще одна из твоих штучек?

Тариил коротко кивнул:

— Совершенно безвредная метка, излучатель определенной частоты, больше ничего. Я заготовил их для каждого из нас.

Койн снова взглянул на Келла.

— Ты и на меня это повесил? — Его глаза угрожающе сузились. — Где она?

Келл холодно усмехнулся:

— А рационы на борту были вкусными, правда? — Не дожидаясь реакции каллидуса, он продолжил: — Койн, не будь таким обидчивым. Если бы я не предвидел разных случайностей, как бы мы вас нашли? Вы бы и сейчас болтались в городе, ожидая, пока вас не прикончат Астартес.

— Ты все предусмотрел, — проворчал призрак. — Кроме того, что наш объект знал о покушении!

Тариил поднял голову:

— Объект на площади...

— Не был Воителем! — резко оборвал

его Койн. — Я ассасин-палатин и совершил больше убийств, чем могу вспомнить, но я выживал при любых обстоятельствах и выполнял задания, поскольку у меня не было секретов. Ничего, что надо было скрывать. Никакой вероятности утечки информации. А мы с этой грандиозной и глупейшей схемой убийства примарха вынуждены убегать и прятаться. Почему? Кто проговорился, Келл? — Каллидус пересек небольшую кабину самолета и ткнул пальцем в грудь снайпера. — Кого в этом винить?

— У меня нет ответа на твой вопрос, — с неожиданной искренностью ответил Келл. — Но если среди нас был предатель, у него было предостаточно шансов остановить нас еще до выхода из Солнечной системы.

— Как мог Хорус предвидеть покушение? — спросил Койн. — Вместо себя он послал на смерть одного из своих офицеров. Откуда он узнал? Или прикажешь считать его колдуном?

Информационный планшет Келла подал звуковой сигнал, и вопрос остался без

ответа.

— Возвращается. Два километра на запад.

Тариил открыл панель гололитических изображений и кивнул:

— Вижу. Объект неподвижен. Ауспик флайера уловил массу металла и... противоречивые температурные показатели.

— Сажай самолет.

Внизу бушевали вихри песка, снижающие видимость почти до нуля.

— Песчаная буря и последствия орбитальной бомбардировки...

Ванус поднял голову, и при виде непреклонного выражения на лице Келла остальные доводы застряли у него в горле. Он вздохнул:

— Как скажешь.

Две крысы-соглядатаи Тариила нашли ее за штурвалом скиммера-вездехода, наполовину погребенного под песчаной дюной. Насколько мог определить инфоцит, она была ранена до того, как села в машину и попыталась скрыться в

пустыне, но в какой-то момент ослабела настолько, что скиммер вышел из-под контроля.

Келл, с выражением холодной ярости на лице, оттолкнул с дороги инфоцита и поднял Соалм на руки. Она сильно побледнела и была вся в кровоподтеках, но, к удивлению Тариила, еще жива.

Койн достал с заднего сиденья скиммера серебряный шлем с маской черепа, к которому сбоку были прикреплены линзы и причудливого образца антенна. Когда каллидус повернул его, чтобы заглянуть внутрь, из отверстия посыпался темный пепел, тотчас подхваченный завывающим ветром.

— Йота...

— Мертва. — Соалм пошевелилась при упоминании имени псайкера. — Оно убило ее.

Ее слабый голос прерывался от боли.

— Оно? — повторил Тариил, но Келл уже нес Соалм к самолету.

Койн последним поднялся на борт и с треском захлопнул дверцу. Призрак принес в самолет шлем Йоты и поставил его на

пол кабины. Он молча обвел каждого обвиняющим взглядом. Снаружи ветер бросал пригоршни песка в ветровое стекло и дергал самолет за крылья.

В другом углу кабины Келл разорвал медицинский пакет и высыпал его содержимое на металлический пол, затем стал наполнять шприц антибактериальным средством широкого спектра действия.

— Спроси ее, что произошло, — сказал Койн.

— Заткнись, — огрызнулся Келл. — Я собираюсь спасти ей жизнь, а не допрашивать!

— А вдруг ее намеренно заманили в пустыню, — продолжал каллидус. — Если нападение на Соалм и убийство Йоты было подстроено?

— Что могло ее убить? — изумленно выпалил Тариил. — В Красной Аллее я видел, на что она способна.

Койн протиснулся ближе к снайперу.

— Ради Трона, парень, спроси ее! Кем бы она ни была для тебя, мы должны знать!

Келл колебался. Но через секунду он решительно заменил шприц, взяв вместо антибактериального средства стимулятор.

— Ты прав.

— Это убьет ее! — воскликнул Тариил. — Она очень слаба.

— Нет, — ответил Келл, приставляя кончик шприца к бледной шее. — Она не слабая.

Он нажал кнопку, и ампула опустела.

Соалм глухо вскрикнула, потом ее спина выгнулась, и глаза широко распахнулись. В следующий момент она, тяжело дыша, опять упала на пол.

— Ты... — выдохнула она, отыскав взглядом стоявшего рядом Келла.

— Слушай меня, — заговорил виндикар, и на его лице снова возникло странное, не поддающееся определению выражение. — Гарантин мертв. Миссия провалилась. Хорус послал вместо себя подставное лицо. Теперь Астартес в отместку бомбят город.

Соалм пыталась осознать то, что услышала, и ее взгляд на мгновение

утратил четкость.

— Убийца, — прошептала она. — Ассасин... скрывается под личиной агента вольного торговца. — Она посмотрела вверх. — Я видела, что он сделал с Йотой. Остальных он просто убивал, а ее... И потом кровь... — Она зарыдала. — О, Бог-Император, кровь...

— Что это она говорит? — спросил Койн. — Идолопоклонство объявлено вне закона! Из всех...

— Тихо! — прервал его Тариил. Инфоцит наклонился вперед. — Соалм. Здесь работает еще один ассасин? Это он убил Йоту?

Она слабо кивнула:

— И меня пытался убить... Убил Синоп и всех, кто был в святилище. А потом книгу...

Она заплакала.

Келл, протянув руку, легонько сжал ее плечо.

— Я могу это показать, — сказал Тариил. Койн, обернувшись, увидел, что ванус держит в руках шлем Йоты. — Можно увидеть, что произошло, — пояснил

инфоцит. — Здесь имеется катушка памяти, вмонтированная в анимус спекулум. Производится запись миссии.

— Действуй, — сказал Келл, не поднимая головы.

Тариил, не теряя времени, при помощи механодендритов вскрыл панель в задней части шлема и блестящими проводками из латуни и меди соединил едва заметные порты с гнездами на голопроекторе своего когитатора.

В воздухе замелькали отрывочные картины разговора, но затем инфоцит взломал защиту и определил глубину слоя памяти. И началась последняя сцена.

Соалм отвернулась. Она не хотела видеть это во второй раз.

Койн увидел смерть Йоты ее глазами.

Он видел, как человек в форме служащего «Эврот» превратился в существо, которое называло себя Копьем; он видел непонятные данные его ауры, не похожей ни на одну из тех, с чем псайкеру приходилось сталкиваться раньше; и он

видел ужасную сцену, когда монстр пил ее кровь.

— Он пробовал ее, — прошептала Соалм. — Видите? Перед тем как убить.

— Зачем? — спросил Койн, подавляя приступы тошноты.

— Генетический захват, — сказал Тариил и задумчиво кивнул. — В сложных псионических ритуалах органический компонент требуется в качестве катализатора.

— Кровавый ритуал? — Койн искоса взглянул в его сторону. — Но это же примитивное суеверие.

— С определенной точки зрения может показаться и так.

Йота умерла еще раз, и аудиозапись воспроизвела ужас, прозвучавший в ее предсмертном крике. Тариил, вспыхнув от ярости, отвел взгляд. Эксцентричная и неприкаянная женщина-псайкер не заслуживала такой ужасной участи.

Запись закончилась, но еще долго никто не решался заговорить. Возмутительный облик демонического воплощения врезался в память каждого из

них, и все сидели молча, а ветер за стенами самолета как будто повторял предсмертный вопль Йоты.

— Колдовство, — наконец с бесстрастной решимостью произнес Келл. — Значит, слухи о зловещих планах Хоруса верны. Он заключил союз с силами за пределами реальности.

— Разрушительными силами... — пробормотала Соалм.

— Это не магия, — настаивал Тариил. — Называйте как хотите. Наука, вернее, темная наука. Как и сама Йота, это существо создано интеллектом, не связанным никакими узами морали.

— Что ты болтаешь? Что это Копье, это колдовское отродье похоже на нее? — Койн зловеще прищурил глаза. — Девчонку создавали в лаборатории и намеренно подвергли влиянию варпа...

— Я знаю, что оно... что он такое, — сказал Тариил, погасил голопроектор и выдернул провода из шлема. — Я слышал имя этого существа.

— Объясни, — потребовал Келл.

— Никто не должен повторять этих

слов. — Инфоцит вздохнул. — Ванусы знают обо всем. Наши хранилища заполнены информацией обо всех кругах. Таков наш способ достижения цели.

Койн кивнул:

— Вы всех шантажируете.

— Верно. И мы узнали, что круг Кулексус проводит эксперименты с целью улучшить психические способности. Объекты для опытов они берут у Сестер Безмолвия. Тех, кого не удается забрать официально, они просто похищают...

— Так Копье был одним из нас? — недоверчиво воскликнул Койн.

— Возможно. — Тариил кивнул и продолжил рассказ. — Был такой проект... Позже его аннулировал сам сир Кулексус... Назывался он «Черный Пария». Это живое оружие, способное отразить псионический удар и направить обратно без помощи анимус спекулум. Идеальный контрпсайкер.

— И что из этого получилось? — спросил Келл.

— Эти данные оказались недоступными. Космический корабль, который Кулексус использовали в качестве

базы для эксперимента, был направлен на Солнце. Так указано в приказе. Мне это известно, поскольку собирать информацию было поручено моему наставнику.

— Выходит, что Копье и есть Черный Парий? — Келл нахмурился. — И он не погиб, а оказался на службе у Воителя. — Он покачал головой. — Во что же мы впутались?

— Но зачем он здесь, на Дагонете? — не унимался Койн. — Чтобы убить Йоту? Расстроить наши планы против Хоруса?

Из груди Соалм вырвался судорожный вздох.

— Йота просто оказалась у него на пути. Как и остальные паломники и беженцы. Сопутствующие потери. Копью нужна была книга. Кровь.

— О чем ты толкуешь? — Келл взял ее за руку и повернул к себе. — Что ты имеешь в виду, Дженникер?

Она обо всем рассказала. Как только все осознали ситуацию, Тариилу стало плохо, он привалился к стене, тряс головой, а губы неслышно повторяли одно и то же: «Нет, нет, нет».

Койн недоверчиво фыркнул:

— Кровь Императора? Не может быть! Это безумие... Ассасин Хоруса вырывает страницу из старой книги и после этого хочет нанести удар самому могущественному человеческому существу из всех живущих? Да это просто смешно!

— Теперь он получил то, что хотел, — продолжала Соалм. — Синхронность с генной системой Бога-Императора. Копье превратился в бомбу, готовую взорваться в любой момент. — Она сморгнула набежавшие слезы. — Мы должны его остановить, пока он не покинул планету!

— Ты видела, что Копье сделал с Йотой. — Келл посмотрел на каллидуса. — Если это существо отражает психические силы, можешь себе представить, что будет, если он прорвется на Терру? Если он сумеет зайти так далеко, чтобы обратить свои способности против Императора?

— Катастрофа, — прохрипел Тариил. — То же, что произошло с Йотой, только усиленное в миллион раз.

Столкновение самых могущественных психических сил. — Инфоцит с трудом сглотнул. — Великий Трон... Он даже может... его убить.

Койн саркастически хмыкнул:

— Император Человечества пострадает от такого фантастического и эфемерного существа? Я не могу в это поверить. Да он смахнет это Копье, словно надоедливое насекомое. Нельзя доверять доводам этой женщины! Они вечно руководствуются не фактами, а архаичным фанатизмом!

— Меня ведет единственный Бог-Император... — настаивала Соалм.

Каллидус указал на нее пальцем:

— Видите? Она сама это признает! Она последовательница культа, запрещенного Советом Терры! — Никто не успел ему ответить, и призрак продолжил: — Мы должны выполнить свою миссию. У нас есть цель! Возможно, Хорус преднамеренно послал на смерть капитана Седирэ, возможно, мы сами поторопились раскрыть свои карты, но это не важно. Конечный результат все тот же: миссия

еще не закончена.

— Он спустится на поверхность Дагонета, — сказал Тариил. — Теперь у Воителя нет выбора. Этот мир должен понести наказание от его руки.

— Верно, — подхватил Койн. — У нас еще будет шанс его убить. Единственный шанс. Такой момент может больше никогда не повториться.

Соалм с трудом поднялась на ноги.

— Ты не понимаешь ни моих слов, ни моей веры, оборотень! — решительно заявила она. — Его божественность несомненна, и, отвергая ее, ты обманываешь сам себя. Только Он может спасти человечество от надвигающейся тьмы. И ты не можешь Его подвести! — Она вздрогнула, и Келл успел ее подхватить, не давая упасть на пол. — Я не могу отказаться от Него... Никогда.

— Если Соалм права, — заговорил Тариил, — если это и есть Черный Парий и он проглотил частицу крови Императора... Он будет стремиться как можно быстрее покинуть этот мир и добраться до Терры. А если у него имеется

корабль, способный пересечь варп, или, того хуже, флотилия Хоруса поджидает ассасина, его уже невозможно будет остановить. Копье необходимо уничтожить, пока он не выбрался с Дагонета!

— Или мы должны верить в могущество Императора и выполнять приказ, — вмешался Койн. — Ты считаешь его божеством, Соалм? Не могу с тобой согласиться, но я верю, что он достаточно силен, чтобы отразить любую атаку. Я верю, что он узнает о приближении этого Копья и поразит его с неба. — Мальчишеское лицо каллидуса сморщилось. — А вот Хорус... Воитель подобен змее, которая лишь на мгновение показывается из своего укрытия. Мы убьем его, пока он находится в этом мире, и навсегда покончим с этой угрозой.

— Думаешь, это будет так просто? — сердито возразила Соалм. — Многолюдный город отдан на растерзание солдатам из-за смерти одного только Астартес. А если погибнет Воитель, неужели ты думаешь, что мятежники падут на колени и будут

раскаиваться? Начнется анархия! Полный разгром и хаос!

— Миссией командую я. — Голос Келла прорезал воздух. — Только я могу здесь распоряжаться. — Он взглянул на Соалм. — Я больше не потерплю неповиновения. И решение буду принимать сам.

— Мы можем убить их обоих, — высказал предложение Тариил.

— Поднимай самолет в воздух! — приказал виндикар и потянулся за своей винтовкой.

Разношерстная группа людей собралась на стене, окружающей космопорт; среди них были и солдаты, и гражданские лица, но все держали в руках огнестрельное оружие, и в их аурах отчетливо просматривалась горячая струя страха. Увидев вылетающий из пустыни гравицикл, они, ничуть не колеблясь, обстреляли его. С самого рассвета их все пытались убить, и теперь люди не тратили время, чтобы узнать, кто друг, а кто враг. Теперь Дагонетом правили безумие и террор, и люди,

стремясь покинуть обреченный город, в панике бросались друг на друга.

Приземистый летательный аппарат был снабжен лазпушкой, установленной вдоль оси фюзеляжа, и, чтобы прицелиться, Копье поворачивал гравицикл из стороны в сторону и хлестал по зубцам стены желтым лучом лазера. От зарядов, мощности которых хватило бы на то, чтобы сбить самолет, люди взрывались фонтанами кипящей крови. Те, кто остался в живых после выстрелов, погибли, пытаясь убежать, когда Копье расчищал себе путь.

Вокруг головы убийцы уже развевались выдернутые сухожилия и обрывки плоти, щупальца демонической оболочки на лету поглощали насыщенный кровью воздух. Вскоре гравицикл миновал отрезок стены и пробежал по дорожке, ведущей к взлетной площадке, где стоял припаркованный шаттл.

Катер концерна «Эврот» остался нетронутым, но под носовой частью Копье заметил два трупа. Автономно работающие орудия, установленные под

фюзеляжем, засекли двух оппортунистов, которые намеревались воспользоваться подходящим случаем и сбежать. Небольшая пушка повернулась в сторону подъехавшего гравицикла, но выстрела не последовало: сенсоры, направленные в сторону Копья, не обнаружили ничего, кроме беспорядочных обрывков информации, которую примитивный машинный мозг не смог расшифровать.

Он выскочил из гравицикла и побежал к шаттлу. Копье испытывал крайнюю степень возбуждения; каждый нейрон в нем пел от бурлящей силы и радостного предвкушения. Малейшая частица проглоченной крови была для него слаще любого нектара. Его сознание играло, подобно крепкому горячему вину; у него была память плоти Йозефа Сабрата, послевкусие от старого вина, выпитого вместе с Дайгом Сеганом, и впечатление от его совершенства. Но капля этой крови затмевала все. Ему довелось испить из чаши существа, превосходящего всех своих сородичей, и даже малая капля делала его царем всех живых существ. И если это

лишь отголосок, что должен ощущать сам Император?

Запрокинув голову, Копье оглушительно расхохотался, глядя в затянутые тучами небеса. Теперь он стал заряженным оружием. Бесконечно опасным. Готовым совершить величайшее убийство в истории человечества.

Но ему необходимо подобраться ближе...

Под крылом шаттла он обнаружил небольшое транспортное средство цилиндрической формы на широких колесах — механизированный топливозаправщик, управляемый примитивным автоматом. Это устройство было одним из многих, составлявших систему обеспечения космопорта и заменяющих людей на работах по разгрузке, погрузке и заправке проходящих судов. Но, как это часто бывает, в возникшем на Дагонете хаосе никто и не подумал отключить систему, и роботы продолжали выполнять заложенные программы, не ведая, что вокруг рушатся здания и погибают их

хозяева.

Автоматон аккуратно подключился к шаттлу и заправил его свежим прометием. Копье, поддавшись неожиданным сомнениям, задержался на трапе, ведущем в рубку.

Над горящим городом вспыхивали красные огни и гремели раскаты грома, и пасть Копья растянулась в некотором подобии усмешки. По правде говоря, он не ожидал, что Сыны Хоруса так скоро придут за ним на Дагонет. Он надеялся, что получит еще день или два, но течения в варпе непредсказуемы. Он задумался, не собрал ли всех этих людей в одном месте некий высший разум. А если так, то с какой целью?

Копье тряхнул головой, отгоняя непрошеные мысли. Он так сосредоточился на необходимости скорее покинуть это место, что не учел возможности исчезновения его транспортного средства. Если здесь собралась флотилия Воителя, то катер «Елена», вероятно, либо захвачен, либо уничтожен.

— Я должен добраться до Терры... —

произнес он вслух.

Необходимость жгла его изнури, но в следующее мгновение он ощутил некоторое давление на свой разум. Мощное и зловещее присутствие. Копье вновь непроизвольно поднял голову.

Да. Там, наверху, его господин. Он смотрит на Дагонет и ищет его. В клубах туч убийца чувствовал темный пронизывающий взгляд Эреба. Господин ждет его. Смотрит и ждет, что он будет делать дальше, словно терпеливый учитель, наблюдающий за прилежным учеником.

Копье спрыгнул с трапа и вернулся к носу шаттла. Все встало на свои места. Получив кровь, он должен теперь только добраться до цели и совершить убийство. И Эреб прибыл, чтобы ему помочь; господин предоставит ему требуемый корабль. И это будет последнее, что он сделает в качестве наставника.

Под проливным почерневшим дождем убийца поднял одно из тел и подтащил его к основанию крыла шаттла. Копье не забыл ритуала связи, выжженного в его

памяти Эребом. На подготовку уйдет не слишком много времени. Он погрузил пальцы в глубокую рану на туловище человека и зачерпнул пригоршню загустевшей крови. Затем он без промедления начал рисовать на потрескавшемся феррокрите необходимые символы. Он тщательно накладывал мазки, изображая восьмиконечную звезду. Когда он закончит, рисунок будет виден Эребу, словно вспышка молнии в безлунную ночь. Господин посмотрит и прочитает послание. Он все поймет.

На мгновение ветер изменил направление и принес к ноздрям Копья запахи трупов и прометия; а еще он донес приближающийся гул турбин.

Вскинув голову, он мельком увидел падавший сквозь тучи бело-зеленый самолет и вспышку из открытой дверцы. Копье непроизвольно отшатнулся.

Пуля кинжалом рассекла демоническую оболочку лица, и из рваной раны на незаконченный рисунок, заливая символы, хлынула струя черной жидкости. Копье покачнулся. Промедли он хоть долю

секунды, и пуля угодила бы между бездонными черными провалами его глаз.

Он моментально напряг мышцы рук, щелкнув запястьями, поднял вверх ладони, и демоническая оболочка выбросила новые выросты. Длинные копья из заостренных костей взметнулись в воздух.

— Берегись! — крикнул Тариил, бросая самолет в крутой вираж, открывавший противнику днище.

Келл пошатнулся и на секунду потерял равновесие, не выпуская из рук винтовку. Койн, на удивление сильный для своего сложения, схватил его за плечо и удержал. Рядом, дрожа от холодного ветра из открытой двери, боролась за жизнь Соалм.

Осколки кости изрешетили корпус флайера и пробили металлический фюзеляж. Несколько фрагментов попало в грудь Келла и застряло в броне, заставив снайпера вздрогнуть. Самолет выправился, и в этот момент пронзительно вскрикнул Койн: на ткани его одежды повыше колена расплылось алое пятно. Келл постучал по

груди, вытряхивая костяные снаряды. Едва они упали на пол, как мгновенно изменили структуру и стали извиваться, словно слепые черви. Виндикар с отвращением растоптал их, а потом вскинул к плечу винтовку.

— Тариил! Разворачивайся!

Самолет заходил на цель с наветренной стороны, и его приближение маскировалось тучами и грохотом взрывов в столице. Теперь они сделали круг над шаттлом, на корпусе которого отчетливо виднелись опознавательные знаки концерна «Эврот». Картина, представшая перед взором Келла на дисплее прицела, выглядела пугающе. Снайперу приходилось сталкиваться с разными людьми, мутантами и даже с ксеносами. Копье был совсем другим. Даже с такого расстояния он излучал опасность разложения, и от одного взгляда на это существо возникала тошнота.

— Он поднимается в рубку! — крикнул Тариил. — Келл!

Силуэт бегущего убийцы дрожал перед глазами снайпера;

это существо распространяло вокруг себя мутную пелену, расходившуюся в стороны, словно горячий воздух в пустыне, и прицелиться стало еще труднее. Палец напрягся на курке. Патронник был заряжен высокоскоростным «Сплинтером» — при соприкосновении с органической тканью он расколется на миллионы микроскопических осколков-волосков из заряженной проволоки. Эти проволочки мгновенно начнут распространяться во все стороны и рвать плоть и кости, словно вихрь лезвий.

Этого будет достаточно, если он поразит объект. Но первый выстрел Келла оказался неудачным. Даже с движущегося самолета, несмотря на дождь и наполовину закрытый объект, он должен был попасть точно в цель.

Виндикар внезапно принял другое решение, одним быстрым движением открыл затвор винтовки, извлек неиспользованный «Сплинтер» и вставил на его место пулю с красным наконечником, вынутую из кармана на рукаве.

— Чего ты ждешь? — закричал Койн. — Убей его!

Патронник «Экзитуса» закрылся за пулей «Игнис», и Келл отвел винтовку от цели. Не обращая внимания на крики Койна, он навел прицел на топливозаправщик.

Зажигательный снаряд пробил корпус автомата и воспламенился. Кулак оранжевого пламени подбросил шаттл в воздух и поглотил его целиком. Взрывная волна влажного воздуха швырнула вниз флайер, и от жесткого приземления у самолета отвалилось шасси.

Келл вскочил на ноги, когда фрагменты корпуса посыпались с неба на взлетную площадку. В первое мгновение он видел только подпрыгивающие языки пламени, но затем что-то красное и дымящееся выбралось из-под обломков и побежало к зданию космопорта.

Виндикар зарычал и схватился за винтовку, но по весу оружия понял, что магазин пуст. Он выругался и вставил новую обойму, понимая, однако, что все напрасно. Когда Келл снова взглянул в

прицел, Копья уже не было.

— Он спрятался в укрытии, — сказал он, оборачиваясь. — Надо...

— Эристид?

Голос сестры заставил его запнуться на полуслове. Она лежала на полу, бледная до синевы. На ее губах выступила кровь, а когда Соалм шевельнула рукой, Келл заметил торчащее из груди костяное лезвие.

Он выпустил из рук винтовку, подбежал к ней и опустился на колени. Прежние чувства, сильные и давно похороненные, вновь возникли в его груди.

— Дженникер, нет...

— Ты убил его?

Он ощутил, как с его лица сбегают все краски.

— Еще нет.

— Ты должен. Но не из злости, понимаешь?

Привычная холодная ярость, которая всегда поддерживала его, затопила разум Келла. Это было то же самое обжигающее льдом чувство, которое управляло им с того самого дня в школе, когда женщина в

одежде виндикара сказала, что им известно имя человека, убившего его родителей. Это было неиссякаемое топливо, бездонный колодец темных эмоций, благодаря которому он стал превосходным снайпером.

Пальцы сестры дотронулись до его щеки.

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, не надо показывать мне такое лицо. Откажись от мести. Ей нет конца, Эристид. Она продолжается и продолжается, пока не поглотит тебя целиком. И ничего не останется.

Келл ощутил внутри себя зияющую пустоту.

— Уже ничего нет, — сказал он. — Ты все забрала с собой, когда ушла. Исчезла последняя связь. — Он посмотрел на свои руки. — Это все, что у меня осталось.

Дженникер качнула головой:

— Ты заблуждаешься. Я тоже ошибалась. Той ночью я позволила тебе уйти. Я должна была заставить тебя остаться. Мы могли бы прожить другую жизнь. А вместо этого мы обрекли себя.

Она уходила, и теперь он ясно это видел. Его охватил приступ непреодолимой паники. Его сестра умирала, а он ничем не мог ей помочь.

— Послушай, — сказала она. — Он видит. Бог-Император ждет меня.

— Я не...

— Ш-ш-ш. — Она приложила к его губам дрожащий палец. — Когда-нибудь. — Дженникер вложила что-то в его ладонь и загнула пальцы. — Спаси Его жизнь, Эристид. Он призовет меня по правую руку, и я увижу маму и папу. Я буду ждать тебя там. Мы будем тебя ждать.

— Дженникер...

Он пытался найти правильные слова. Попросить, чтобы она простила его и поняла. Но ее взгляд сказал ему все, что он хотел услышать. Он увидел в нем безграничную веру и ни тени сомнений.

Соалм с трудом вытащила из кармана тонкий отравляющий шнур.

— Сделай это, брат, — сказала она, с трудом превозмогая боль. — Но не ради мести. Ради Бога-Императора.

Прежде чем он успел ее остановить,

Дженникер прижала к ладони тонкое, как игла, оружие и проткнула кожу. Келл вскрикнул, а ее глаза закрылись, и тело в его руках обмякло.

Дождь барабанил по крыше, огонь пожара, шипя, угасал. Когда он снова вернулся к реальности, рядом с его винтовкой в руке стоял Койн.

— Виндикар, — сказал призрак. — Какие будут приказы?

Келл разжал пальцы и увидел на ладони фигурку орла, испещренную красными точками.

— Во имя Императора, — сказал он, поднимаясь на ноги и принимая оружие. — За мной.

Глава 17
СТОЛКНОВЕНИЕ ДУЭЛЬ КОНЕЦ

Келл невольно напрягся, увидев Койна, выходящего из ангара, где был спрятан «Ультио». Мальчишеское лицо и все остальное подобие человеческого облика, все исчезло. Каллидус отказался от маскировки и вернулся к истинной сущности своей личности. Фигуру, в которой в равной мере присутствовали и мужские, и женские признаки, облегал матовый черный комбинезон, такой же, как у самого Келла и Тариила, но с капюшоном, плотно прилегающим к голове. О выражении лица, если о нем вообще можно было судить, свидетельствовали только изумрудные овалы глаз маски. В них горела лишь холодная сосредоточенность, и ничего больше. Все это напомнило Келлу о деревянном манекене, лишенном всяческих

эмоций и самой жизни.

Койн склонил голову набок:

— Еще есть время все изменить.

Голос был таким же нейтральным и бесцветным, как и его внешность. Без необходимости соответствовать какому-то облику каллидус не считал нужным проявлять индивидуальность.

Келл проигнорировал его замечание и вставил в винтовку и пистолет полные обоймы, полученные из запасов корабля.

— Придерживайся плана, — сказал виндикар. — Мы все знаем, на что он способен. Нас осталось только трое.

— Ты же сам видел, — негромко заговорил Тариил. — Мы все видели... И на записи, и там... Это не человек.

Койн неохотно кивнул:

— И не ксенос. По крайней мере, не чужак.

— Он наша цель, и это самое главное, — заявил Келл.

Каллидус сердито нахмурился:

— Если бы ты побывал там, где был я, и видел то, что я видел, ты бы понял, что есть живые существа, которые не

относятся ни к одной категории. Существа, которые попирают законы логики и не подвластны рассудку. Ты когда-нибудь заглядывал в варп, виндикар? Те, кто живет там...

— Это не варп! — отрезал Келл. — Это реальный мир! И то, что живет здесь, ты можешь уничтожить пулей!

— Но вдруг ты не сможешь убить дьявола? — спросил Тариил, закутанный в длинный пуленепробиваемый плащ.

В тени у самых его ботинок прятались от дождя какие-то мелкие существа, похожие на грызунов.

— Я ранил его, — сказал виндикар. — Значит, ты его убьешь.

Тариил медленно кивнул. Над их головами раздался раскатистый рев, и в темных тучах мелькнуло что-то багрово-красное. Через несколько секунд взлетная площадка под ногами вздрогнула от взрыва, и раздался грохот падающих зданий. Город содрогался в предсмертной агонии, но Келл сомневался, что даже полное уничтожение столицы смягчит ярость Сынов Хоруса.

Тариил поднял голову.

— Вокс-связь будет неустойчивой, если вообще будет работать, — сказал он. — Радиоактивное излучение и ионизация атмосферы накрыли весь район.

Келл, уже на ходу, обернулся:

— Если кто-то из нас обнаружит цель, мы все об этом очень быстро узнаем.

Боль впилась в спину целым лесом игл.

Копье продолжал бежать, петляя между феррокритовыми кольцами, когда-то составлявшими контрольную вышку, а теперь раскатившимися по взлетно-посадочным площадкам и ремонтным зонам. Он чувствовал, как демоническая оболочка борется с фрагментами металла, застрявшими в его теле после взрыва шаттла. Железные осколки один за другим вытягивались из его плоти и выбрасывались наружу вместе со сгустками черной крови.

Его мучила боль от ожогов, и при каждом шаге она сдавливала грудь и пронизывала все тело. Ударная волна от

взрыва топливозаправщика сразу подбросила его вверх, и больше всего пострадал корпус шаттла, превратившийся в искореженные обломки. Теперь ему надо искать другой способ, чтобы выбраться с Дагонета. Другой способ подать сигнал господину.

Он стал двигаться медленнее, когда пришлось карабкаться на груду мусора, осыпавшегося с передней стены здания, и переползать через изогнутые металлические балки, заваленные осколками голубоватого стекла.

Наверху он остановился остановиться и посмотреть назад, в пелену проливного дождя. Обломки шаттла еще догорали, и мокрый феррокрит, словно темное зеркало, отражал дрожащие оранжевые языки. Подвижные челюсти Копья раздвинулись, раздалось глухое ворчание. Он позволил себе расслабиться: всецело поглощенный успехом в овладении Патентом, он без раздумий причислил девчонку-псайкера к компании теогов.

Ее появление здесь не было случайностью. Поначалу он принял ее за

одну из охранников, что-то вроде последней линии обороны, установленной фанатиками Эврота. Но теперь все стало ясно. Он столкнулся с ассасинами, с такими же убийцами, как и он сам, только с другими орудиями убийства.

Он не мог понять причину их появления на Дагонете, но потом перестал об этом думать. Если бы кто-то узнал о его цели на этой планете, если бы вооруженные силы высокомерного Императора действительно представляли степень угрозы их повелителю, этот мир мгновенно превратился бы в сгусток радиоактивного стекла, стоило ему только высадиться на поверхность.

Копье усмехнулся. Наверное, они надеются, что он испытывает страх, убегая от преследования. Ничего подобного. Более того, теперь он не сомневался в своей победе. Единственным, кто мог представлять для него серьезную опасность, была девчонка-колдунья, но он испепелил врага на огне ее собственных сил. После этого он уже не боялся ни пуль, ни клинков.

Убийца нырнул в высокое разбитое окно и, перевернувшись, приземлился на мозаичном полу терминала. В воздухе пахло пылью и смертью. Он осмотрелся и увидел остатки огромного информационного экрана, сбитого с креплений ударной волной от разорвавшегося в нескольких милях отсюда снаряда. На засыпанном мусором полу валялось несколько трупов, уже гниющих и растерзанных охотниками за падалью. Крупные стервятники смотрели на него из темных углов и беспокойно шевелились на своих насестах. Они почуяли его кровь, и этот запах их пугал.

Демоническая оболочка покрылась рябью, и Копье невольно вздохнул. Она ощущала приближение его врагов и предвкушала новое кровопролитие и новые убийства.

Копье бросился в темный коридор, чтобы подготовиться. Он не собирался обманывать ожидания своей демонической сущности.

После того как остальные скрылись в

темноте, Тариил ожидал приступа парализующего ужаса, но этого не произошло. Если говорить начистоту, он никогда не оставался в одиночестве. Инфоцит выбрал себе укрытие в разгромленном кабинете администратума на нижнем уровне главного терминала. В этой комнате прибывшие на Дагонет люди проходили собеседование с представителями властей, предоставлявших разрешение на посещение планеты. Вокруг Тариила суетились крысы-соглядатаи — они обыскивали все углы и отмечали проломы в стенах и выбитые двери. Два оставшихся псибер-орла наблюдали за главным залом и время от времени щелкали клювами на местных стервятников, когда те начинали проявлять излишнее любопытство.

Тариил уселся в позе лотоса между двумя обвалившимися стенами и при помощи наручного когитатора стал изучать схему здания. Это был лишь один из миллионов файлов, скопированных им из правительственного либрариума Дагонета за несколько прошедших недель и

записанных в личное хранилище памяти. Такое занятие было для него привычным: если инфоцит обнаруживал оставленную без присмотра информацию, он брал ее себе. Это нельзя было считать воровством, поскольку ничего не было украдено, и Тариил считал, что неохраняемые — или плохо охраняемые — сведения должны принадлежать ему. И всегда следовал этому правилу. Опыт свидетельствовал, что любая информация рано или поздно находила применение.

Торопливо проглядывая планы, он запустил обновление с учетом новых данных, полученных от крыс и орлов, и стал блокировать те зоны, которые подверглись особенно сильным разрушениям во время гражданской войны, нападений повстанцев или бомбардировки Астартес. Но введение новых сведений требовало слишком много пикосекунд. И проблемы с вокс-связью тоже создавали немалые трудности. Если ситуация еще немного ухудшится, ему, возможно, придется перейти к физическим методам получения информации.

А затем его постигло еще большее разочарование. Донесения от целого роя сетевых мушек, которых он выпустил сразу, как только вошел в здание, поступали крайне нерегулярно. Инфраструктура космопорта была настолько сильно повреждена, что все системы оповещения и видеонаблюдения бездействовали. Тариилу приходилось довольствоваться вторичными ощущениями.

Он затаил дыхание и стал прислушиваться к шуршанию радиоактивного дождя по осколкам стеклянной крыши и стуку просочившихся капель по каменной кладке. И вдруг Тариил совершенно отчетливо услышал, как по полу покатился камень, сдвинутый неосторожным шагом.

В ту же секунду прервалась связь с одной из крыс, дежуривших в коридоре, а остальные грызуны, демонстрируя повышенный уровень адреналина, попрятались по углам.

Инфоцит вскочил на ноги, даже не успев подумать. Умолкнувшая крыса

находилась всего в нескольких сотнях метров от того места, где он притаился.

«Я способен позаботиться о том, чтобы никакая опасность не подобралась ко мне слишком близко».

Эти слова, сказанные им когда-то Келлу, всплыли в памяти, и кожа стала липкой. Ванус проклял свое глупое высокомерие. Он нырнул в пролом стены и побежал так быстро, как только позволяла осторожность. Едва он покинул убежище, псибер-орлы в главном зале поднялись в воздух.

Тариил вздрогнул от попавшей на него струйки затхлой воды, постепенно просачивающейся с одного уровня на другой, до самого нижнего этажа. Он оглянулся по сторонам: это помещение было отведено под внутренний дворик, над головой тянулись балконы и галереи, некоторые еще с сохранившимися лепными украшениями. Глазами птиц он отметил точку между крепкими стенами и с тремя имеющимися маршрутами отступления. Поплотнее закутавшись в плащ, Тариил быстро и осторожно, как его

учили, стал пробираться к намеченному укрытию.

Уже на бегу он набрал код запуска импульсного передатчика и послал не менее десятка тестовых сигналов в свой собственный наушник, но в ответ раздавался только треск помех. Вот теперь, впервые в жизни, он почувствовал, что остался один, несмотря на сохранявшуюся связь с микропикторами, вмонтированными в головы птиц и грызунов. Миниатюрные изображения гололитическим туманом клубились над его запястьем.

Он уже почти пересек дворик, как вдруг из сумрака перед ним бесшумно возник Копье, приземлившийся на перевернутую каменную скамью. Красное лицо с серебряными клыками повернулось в его сторону, и на Тариила уставились черные бездонные глаза.

Он так испугался, что отпрыгнул назад, и все мускулы в теле свело мелкой дрожью.

— Это еще что? — пробормотал убийца.

Взгляд пустых непроницаемых глаз как будто пронзал Тариила насквозь. Но голос, почти человеческий, звучал озадаченно, словно это чудовище не знало, как поступить с бледным худощавым человеком, дрожавшим прямо перед ним.

И вот тогда на инфоцита обрушился свинцовый страх, едва не сбивший его с ног, а вместе с ним пришло понимание, пронзившее его мозг, словно пуля. Он подставил себя самым непоправимым образом, и не потому, что имел дело с сильным противником, а из-за ошибки новичка. Стук камня, пропавший сигнал — все это ничего не значило. Случайность. Совпадение. А инфоцит все же пустился бежать. Он совершил непростительный для любого вануса промах — неправильно оценил информацию.

Почему? Да потому, что позволил себя убедить в том, что сможет это сделать. Последние дни, проведенные в компании виндикара, каллидуса, эверсора и прочих, заставили его поверить, что он может так же хорошо действовать в полевых условиях, как и в тайном убежище

своего клана. Но фон Тариил обманывал себя. И как мог он, самый эрудированный член карательного отряда, так быстро поглупеть? Тариил проклинал себя. Что заставило его подумать, будто он готов к этой миссии? Как могли руководители и наставники круга подвергнуть его такому жестокому испытанию? Как могли они столь расточительно растратить его драгоценный талант?

Он себя обнаружил. Проявил свои слабости еще до начала боя. Копье издал какой-то горловой звук — вероятно, зарычал — и шагнул вперед.

Крысы-соглядатаи выпрыгнули из углов и бросились на краснокожего монстра, выставив когти и зубы, а сверху, звеня металлическими перьями, на убийцу спикировали два псибер-орла. Подручные животные уловили сигналы страха, исходящие от механодендритов Тариила, и отреагировали соответствующим образом.

Копье вскинул руки, отгоняя хищных птиц, и одна из крыс тотчас угодила под когтистую лапу. Остальные грызуны

карабкались вверх, пытаясь добраться до плоти убийцы, но пасть, открывшаяся на животе, проглотила еще одну помощницу. Последнюю сбил удар кулака.

Псибер-орлы продержались не намного дольше. Они кружились над рогатой головой Копья, били крыльями и титановыми клювами, рвали его острыми когтями. Хищники нанесли несколько кровоточащих ран, но не смогли устоять перед выброшенными вверх сухожилиями, которые поймали птиц и тотчас задушили.

Убийца швырнул трупы орлов на пол, и его любопытство уже сменилось гневом. Однако Тариил все же сумел воспользоваться этой задержкой. Он бросил в противника плоский цилиндр, вытащенный из внутреннего кармана, а сам отскочил назад, неуклюже приземлившись на опрокинутый стол. Загадочный убийца молниеносным движением поймал предмет, оказавшийся гранатой. Во время посещения «Ультио», когда они перевооружались, Тариил взял кое-что из ящика, предназначавшегося

Йоте.

Копье обнюхал снаряд, неожиданно вскрикнул и отскочил. От гранаты исходил запах умирающих звезд. Он с отвращением бросил цилиндр обратно, но недостаточно быстро.

Граната с глухим треском взорвалась, и весь внутренний дворик вдруг наполнился мерцанием серебристо-металлического снега.

Копье упал на колени и завопил.

Его психика раскололась; слои рассудка слетали один за другим, счищаемые невероятно острым лезвием, и истекали кроваво-красными мыслями. Мучительная боль могла сравниться только с теми страданиями, которым господин подвергал Копье каждый раз, когда тот осмеливался возражать, сомневаться или допускал ошибку.

В воздухе разлетелись мельчайшие частицы, и они причиняли ему муки, которых он не мог себе представить. Псионические колебания исходили от каждой пылинки, вылетевшей из

блестящего цилиндра, и раздирали его острыми лезвиями. Челюсти Копья непроизвольно раздвинулись, и из груди вырвался булькающий звук, наполненный болью. Его нервы воспламенились незаметными обычному зрению огнями. В невидимых царствах Имматериума вызванный ударом шок оборвал мириады нитей, связывающих убийцу с его эфирной тенью. Демоническая оболочка разрывалась на части и терзала его истинную плоть в попытке вырваться на свободу и сбежать в варп.

Копье, дрожа, рухнул на пол, и, к счастью, эффект пошел на убыль, но медленно, слишком медленно. Он видел человека, этого бледного червя, который попался ему под руку. Долговязый детина пялился на него из своего укрытия.

Копье жаждал проглотить его живьем. Его переполняло желание нанести ответный удар тому, кто причинил такую жестокую боль. Он хотел рвать и рвать его тело, пока от этого глупца не останутся одни лохмотья...

нет

Слово прозвучало звоном далекого колокольчика, но пробилось сквозь бушующий ураган боли. Сначала тихо, потом все громче и громче, и еще настойчивее, чем прежде.

нет нет Нет Нет НЕТ НЕТ НЕТ

— Пошел прочь!

Копье прокричал эти слова что было сил; амальгама его когда-то человеческой плоти неистово взбунтовалась против обволакивающей ее оболочки демонического симбионта. Кожа восстала против кожи, повсюду возникали трещины, вздутия и прорехи. На разбитый пол из самообразовывающихся ран выплескивалась черная жидкость. Копье с размаху ударился головой об обломки кладки и услышал, как хрустнули кости. Реальная, физическая боль после невероятных мучений обволакивающего облака казалась освежающим дуновением. Она ослабила хватку призрачных голосов, пока они еще не до конца сформировались.

НЕТ НЕТ НЕТ

— Н-н-н-н-е-е-е-ет! — взревел Копье, настолько изтученный своими

страданиями, что уже не мог им противостоять.

Бледнолицый человек подходил ближе. У него было то, что могло стать оружием.

Тариил разжал пальцы, и из рукавицы поднялся излучающий конус импульсного генератора, вокруг миниатюрного устройства запорхали голубые искры. Он так сильно дрожал, что был вынужден взяться за запястье второй рукой, чтобы направить излучатель на извивающееся и истекающее черной кровью существо, которое лежало на камнях и страшно вопило.

Гранаты с пси-дезинтеграторами были только экспериментальными образцами. Он и не ожидал, что заряд сработает. В лучшем случае Тариил надеялся убежать, воспользовавшись взрывом, если вспышка ослепит чудовищного ассасина Хоруса, чтобы он успел скрыться.

А вышло так, что это существо лежит и орет, словно душа, которую

тащат в преисподнюю. Убийца рвал себя когтями, выдирая целые пласты плоти. Тариил был так захвачен этим зрелищем, что никак не мог ни на что решиться.

Из торса и живота чудовища появлялись и исчезали лица. Красная шкура выворачивалась наизнанку и образовывала мужской силуэт, который возникал снова и снова. Он что-то едва слышно кричал ему, но срывающиеся с губ слова звучали слишком неразборчиво. Однако можно было понять выражение лиц. Все появляющиеся лица его о чем-то умоляли.

Сквозь треск помех в его наушнике внезапно прорвался бесстрастный ровный голос Келла.

— Не связывайся с ним, ванус, — услышал он. — Мы идем к тебе...

Потом вдали, в городе, снова произошел взрыв ядерной боеголовки, и связь прервалась.

Судороги, сотрясавшие убийцу, начали утихать, и Тариил подошел так близко, как только осмелился. Генератор, набравший полную мощность, ровно гудел,

а он все еще колебался, и в мозгу бился один и тот же вопрос: нападать или убегать? Убегать или нападать?

Лица исчезли, закрытые ярко-красной плотью, и вдруг на него опять уставились черные дьявольские глаза.

Тариил нажал кнопку залпового разряда электромагнитного излучателя, но было уже слишком поздно. Копье выставил перед собой развернутые веером когти и сорвался с места со скоростью бушевавшей в нем ненависти. Изогнутые костяные лезвия ударили в ванусa, прорвали гибкую облегающую броню, мышцы и кости до самых внутренностей. Потом руки разошлись, и грудная клетка Тариила оказалась выпотрошенной на мокрый каменный пол.

Запах кровавой бойни, оставшийся после убийства Тариила, Койн почувствовал сразу, как только поднялся на монтажные леса, установленные в главном зале. Каллидус резко остановился и раздраженно сплюнул: то, что осталось от инфоцита, уже упало с когтей убийцы

и лежало у ног краснокожего существа.

Койн увидел, как по всему телу чудовища появилось множество ртов, и они жадно лакали и слизывали дымящуюся кровь с останков вануса. В голове каллидуса взвился яростный вихрь осуждающих мыслей. Тариил с самого начала был не самой подходящей кандидатурой для этой миссии. Если бы командовать назначили Койна, что было бы более разумно, каллидус позаботился бы о том, чтобы Тариил и шагу не ступил за пределы «Ультио». У таких людей, как инфоцит, просто нет инстинктов, необходимых для полевой работы. Не зря же Официо Ассасинорум держит их на секретных базах. И сегодняшний случай — лишнее тому подтверждение. Все это вина виндикара: вся миссия разваливается, и все рушится вокруг них.

Но отступать уже поздно. Убийца, называющий себя Копьем, смотрел вверх, почуяв присутствие каллидуса, и теперь у Койна не было выбора.

Резкий поворот запястья, и рукоять помнящего меча оказалась в его правой

руке. Держа в левой руке нейрошредер, ассасин спрыгнул с мостков и послал разрушительный залп энергии в сторону Копья.

Краснокожий монстр обогнул расходящийся конус нейрозаряда и отступил назад, петляя и переворачиваясь с невероятной ловкостью, отчего его тело стремительно мелькало то в пятнах тени, то в водянисто-сером свете солнца.

Койн повернулся на лету и легко приземлился, успев изменить мышечную массу ног, чтобы полнее погасить инерцию при ударе. Коаны[14] учителей преображения, усвоенные в классах круга, мгновенно всплыли в памяти, и каллидус усилием воли изменил скорость выделения полиморфинов из ряда имплантированных желез. Химические препараты сделали кости и плоть текучими, словно жир, а манипулировать ими Койн умел отлично. Ассасин добился укрепления связок и мускулов, а потом бросился в атаку.

Копье вырастил из выступов на предплечьях огромные широкие ножи из

зубной эмали, и в тот же момент они просвистели рядом с головой Койна. Бросок помнящего меча сверху вниз рассек плечо Копья, но рана затянулась почти так же быстро, как и открылась. Последовал еще один нейрозалп. Койн находился слишком близко, чтобы прицелиться правильно, и ему пришлось отскочить, подавив желание схватиться с врагом врукопашную.

Копье открыл рот и выплюнул в воздух струю черных хрящей. Едва ударившись о капюшон Койна, снаряды изменились, превратившись в мелких пауков, которые тотчас начали прогрызать своими острыми мандибулами пуленепробиваемую ткань. Каллидус, не дожидаясь, пока они доберутся до его мягких тканей, возмущенно фыркнул и, сорвав с головы капюшон, бросил его в сторону.

В осколке упавшего стекла ассасин увидел отражение знакомого лица-на-котором-не-было-лица. Оно уже не было таким безликим, как прежде: внешний вид Койна вибрировал и менялся по собственному усмотрению. Каллидус

испытывал ярость, и его лицо приобрело определенные черты. Теперь в нем проглядывалось нечто общее с покрытой шрамами физиономией Гарантина.

Койну это сходство пришлось не по нраву, но Копье уже вновь бросился в атаку. Его клинки-зубы продолжали расти и по краям приобрели коричневатый оттенок. Каллидус не стал ждать, пока Копье подойдет ближе. Он поднял нейрошредер и нажал пусковую кнопку. Луч энергии сорвался с фокусирующего кристалла расходящимся потоком, который ударил в Копье и заставил его отшатнуться.

Этим оружием каллидус поразил немало целей. В своем роде это был излучатель ужаса. Его выстрел не лишал жизни, пистолет действовал как разрушитель интеллекта, уничтожая связи между нейронами головного мозга, но зато мысли и память он сокрушал с жестокостью урагана в лесу.

Против другого противника он бы сработал, но перед Койном был сплав, образованный из мутанта-человека и хищника царства безумия. Его интеллект,

если можно употребить это слово, представлял собой невиданное в реальном мире переплетение инстинктов и покорности.

Копье стряхнул с себя вспышки энергии, а заодно во все стороны, словно остатки аблятивной брони, полетели лоскуты кожи и хлопья плоти. Из-под клыков устехающейся пасти потекли струйки слюны и гноя. А следующим взмахом своих клинков убийца начисто отсек ствол нейрошредера.

Раздался скрежет металла, брызги оранжевой жидкости разлетелись широким веером, а оружие так сильно дернулось, что вылетело из руки Койна и упало в темноту под рухнувшими рекламными щитами. Каллидус отскочил назад и схватил уже готовый к бою второй полнящий меч.

Убийца и ассасин начали поединок клинков. Тонкие, в одну молекулу, лезвия Койна при каждом ударе высекали из органических мечей крупные желтые искры и острые осколки. Но мечи Копья не становились от этого менее острыми, и

вскоре Койн в этом убедился — на его комбинезоне появились прорехи. А там, где лезвие достигло плоти, рана долго не затягивалась. Зубная эмаль выделяла маслянистую жидкость, которая препятствовала свертыванию крови.

Копье нарастил мускулы, так что они топорщились под его красной шкурой, и стал теснить Койна все дальше и дальше назад, к разрушенным стенам атриума.

Подвижные контуры лица каллидуса изменялись с каждым нанесенным или отраженным ударом. Его руки мелькали в вихре выпадов, но Копье продолжал наступление, вынуждая ассасина защищаться. Внешний облик Койна постоянно менялся, демонстрируя старые и новые лица, и все они были искажены яростью и досадой.

Копье расхохотался, разбрызгивая из похожей на ковш пасти струи слюны, и в этот момент Койну удалось провести выпад обоими клинками сразу. Копье едва успел отразить удар — движение было слишком неожиданным и агрессивным, так что кончики лезвий достали до

потемневших костей черепа. Из раны выползли тонкие, словно волосы, червяки, а чуть ниже открылся молочно-мутный глаз, истекающий ихором. Смех Копья сменился болезненным воплем.

С этим существом было что-то не так. Хотя Койн и не обладал способностями Йоты и ее сородичей по кругу Кулексус, он инстинктивно чувствовал, что Копью не место в этом мире. Это хаотичное создание из сплава человека и хищника варпа противоречило логике самим фактом своего существования. Как будто заноза в коже Вселенной.

Койн снова решился прибегнуть к коанам, изменил плотность костей и выровнял мускулы для прыжка на недоступную простому смертному высоту. Каллидус взвился в воздух, перевернулся в полете и исчез из поля зрения Копья за обвалившейся стеной.

Киллер взбежал на груду обломков и последовал за своим противником в атриум. Высокий огромный зал, занимавший почти весь первый уровень

терминала, был по колено засыпан мусором, а в лужах просочившейся дождевой воды кое-где плавали трупы. Койн уже принимал боевую стойку, двигаясь медленнее, чем ему хотелось бы, но преобразование мускулов на ходу требовало немало сил. И ни одна из мантр со страниц «Либер Сабдитус» круга Кулексус ничего не стоила против меча в руке такого противника, с которым ему пришлось сразиться.

Когда Копье заговорил, Койн понял, что финальный момент близок. В шипящем голосе убийцы слышалась злоба змеи, которая разворачивается и раздувает капюшон перед тем, как нанести удар.

— Я убиваю и убиваю, а вам все нет конца, — выпалил Копье. — Вы мне не противники, вы просто ступеньки на моем пути. Дорожные вехи.

— Какое чудовище тебя породило? — Койн высказал вслух вертевшийся в голове вопрос и снова изменил лицо. — Ты же просто случайное совпадение факторов. Животное. Оружие.

— Как и ты? — Мечи Копья, покрытые слизью, тускло блеснули. — Как и та темнокожая девка, которую я убил силой мысли? А что ты совершил на своем пути, безликий? — Он обрушил на каллидуса жестокий и грубый выпад, но Койн уклонился и, разбрызгивая лужу, отступил в тень. — Ни одна из твоих жертв ничего не значит. Но то убийство, которое совершу я, изменит баланс Галактики.

— Тебя остановят!

Койн выкрикнул слова с неожиданно вскипевшей яростью.

— А ты этого не узнаешь.

Копье щелкнул пальцами и послал в каллидуса россыпь костяных осколков. Койн, вместо того чтобы отшатнуться, рванулся навстречу острым снарядам и отбил их взмахами помнящего меча, а затем, не замедляя движения, бросился на убийцу, целясь в единственную уязвимую точку в его теле.

А Копье оставил эту брешь в обороне с единственной целью — заманить противника и воспользовался его выпадом с

нескрываемым удовольствием. Из его постоянно двигающейся кожи выскочили еще два лезвия, похожие на клыки, и блокировали выпад каллидуса.

Изменчивое лицо Койна потемнело от ужаса, а потом и от боли. Копье скрестил свои руки-мечи наподобие гильотины и одним движением отсек изящные тонкие руки каллидуса у самых запястий.

Болевой шок отбросил Койна назад, а на Копье брызнули струи его крови. Но убийца схватил свою жертву, не дав упасть в мутную затхлую лужу.

— Мы с тобой похожи, — сказал он каллидусу. — Под кожей мы все одинаковые.

Койн был на волосок от смерти. Копье поднял руку и запустил острые как иглы когти в трепещущую кожу лица ассасина, а потом одним жестоким рывком сорвал ее, обнажив окровавленную плоть. Тело Койна забилось в судорогах от мучительной боли, и убийца грубо оттолкнул его от себя.

Каллидус отлетел в сторону и упал на валявшийся траморный шпиль,

проткнувший его защитный костюм. Его тело, пронзенное острым наконечником, содрогалось и истекало кровью, медленно умирая.

— Видишь? — Копье адресовал вопрос лоскуту кожи, висевшему в его руке. — В некотором роде мы одинаковые.

Убийца запрокинул голову и проглотил свою добычу. Теперь с этим делом покончено, и от бесполезных пехотинцев Императора он отделался. Теперь Копье может снова заняться передачей сигнала своему господину. Он оглянулся в поисках широкой и ровной площадки, где мог бы начертить необходимые символы.

нет

— Замолчи! — прошипел Копье.

Демоническая оболочка заволновалась. Что-то коснулось ее поверхности. Слабое дыхание энергии, укол ультрафиолета. Копье повернулся, пытаясь проследить...

Пуля вошла в голову убийцы через бездонный черный провал правого глаза, и мощный кинетический удар сбил Копье с

ног, швырнув в заваленную мусором лужу. Пуля мгновенно разлетелась на тысячи мелких острых осколков, которые рикошетом отскакивали от внутренней поверхности черепа и рвали на своем пути серое вещество мозга.

Безликий пожертвовал своей жизнью, чтобы заманить его в атриум, под выстрел снайпера.

В краткие мгновения до того, как его поглотила тьма, пришло понимание. Здесь был еще один враг. В своей самонадеянности он пропустил третьего противника. Или, возможно, это была заслуга Сабрата, который в критический момент сумел затуманить его сознание.

С убийцей было покончено.

Келл опустил винтовку и перестал придерживать хамеолиновый плащ. Эхо выстрела, который был едва ли громче женского вздоха, еще не утихло среди балок атриума. Сидевшие неподалеку хищные птицы взвились в воздух и хрипло покрикивали друг на друга.

Виндикар повесил винтовку на плечо

и вдруг понял, что у него дрожат руки. Он посмотрел на свои закрытые перчатками пальцы, и они показались ему чужими, словно принадлежали кому-то другому. Они были столь густо покрыты кровью, и столь многие пали жертвой их движений. Одно легкое нажатие пальца на курок, такое незначительное и почти незаметное, но оно обладало могущественной разрушительной силой.

Он старался не заглядывать в этот потаенный уголок своей души, в этот бездонный колодец раскаяния и гнева, который образовался в тот день, когда он уничтожил убийцу своих родителей. Он старался, но ничего не вышло, и Келл сдался.

Это было его первое убийство.

Мужчина в транзитном аэронефе, скользящем поверх холмов и огибающем горные вершины каньонов Такстеда. Эристид Келл залег в высокой траве за восемь дней до назначенного момента. В такой же высокой траве, в какой они с Дженникер играли детьми в прятки и в

погоню за чудовищами. Он ждал под солнцем, напоминавшим о величии отца, и ждал под луной, светлой, как улыбка матери.

А когда аэронеф показался из-за склона горы, он выстрелил, но никого не убил. Не с первого раза. Окно каюты преломляло лучи, и прицел оказался неточным. Он должен был знать об этом и сделать поправку. Урок был усвоен.

Но вместо холодной и непоколебимой решимости он поддался ярости. Келл разрядил в аэронеф весь магазин патронов и убил всех, кто там находился. Он уничтожил всех свидетелей своей ошибки, уничтожил цель и всех попутчиков. Мужчин, женщин и детей.

Он отомстил.

Он снова вернулся в это место. Жизнь, взятая взамен отнятой у его семьи жизни, — и снова не нашел в своем поступке никакой радости. Только горький привкус пепла и ярости, который ничуть не уменьшился.

Келл сердито дернул за кольцо

крепления и по натянутому тросу спустился из своего укрытия на залитый дождем первый уровень терминала. Плащ захлопал за спиной широкими крыльями. Виндикар сразу направился к телу существа по имени Копье, но одну руку опустил к висящей на поясе кобуре. Жестоко истерзанное тело Койна он удостоил только беглого взгляда; несмотря на постоянное оспаривание лидерства Келла, каллидус выполнил последний приказ и погиб при исполнении долга. Он позаботится, чтобы круги узнали о своих потерях — Йоты, Тариила и остальных, и на лице Плачущей Королевы в Усыпальнице Павших будут высечены новые слезы.

Жестокий убийца, раскинув руки и ноги, лежал в луже, образовавшейся после дождей. Вокруг тела ржаво-красным ореолом на серой поверхности расходились бесформенные разводы.

Келл внимательно осмотрел труп и едва удержался, чтобы не вытащить нож и не искромсать багровую плоть в припадке безумной ярости. Пуля «Град» своим

взрывом проломила череп изнутри, и он окончательно утратил человеческие пропорции. Трещины в костях были видны сквозь разорванную кожу и ткани лица. Голова выглядела теперь как посмертная терракотовая маска, разбитая и собранная неумелыми руками.

Келл не стал снимать с плеча винтовку, а вытащил пистолет «Экзитус», скользнул пальцами по клейму на казенной части и поднял тяжелое оружие. Он не оставит от этого существа никаких следов.

Ботинок Келла попал в разноцветную воду и потревожил поверхность. Движение привлекло его внимание: ржавое пятно в луже уже не увеличивалось, а уменьшалось.

Раны на теле убийцы собирали кровь.

Виндикар развернулся, держа палец на спусковом крючке.

Нога Копья с треском поднялась под неестественным углом и словно молотом ударила в грудь Келла. Виндикар покачнулся, а краснокожее чудовище вскочило и бросилось на него. Копье двигался уже не с той ловкостью и

точностью, какую снайпер наблюдал через прицел винтовки, но этот недостаток в полной мере восполнялся его скоростью и агрессивностью. Убийца вихрем налетел на снайпера, выбил из его руки пистолет, и от ударов зубчатых кулаков затрещали кости.

У виндикара все внутри перевернулось, когда он увидел, как движется кожа Копья. Как будто его плоть под воздействием необузданной энергии перемешивала внутри все кости и органы. Из пробитого глаза монстра вытекал мозг, смешанный с темной кровью, а из раскрытой пасти и ноздрей вылетали сгустки отмерших тканей. Снайпер попытался блокировать удар, но второй кулак в этот момент достиг цели, и плечо вылетело из сустава. Келл заорал от боли.

Он не удержался на ногах и упал в лужу крови рядом с обломком мрамора, на котором все еще висело тело Койна. Копье устремился за ним. Благодаря впитываемой подошвами крови его тело с каждым шагом раздувалось и становилось

плотнее.

На пузырящейся поверхности его тела вдруг проявилось лицо. Потом еще одно, и еще, и все они пытались пробиться сквозь душившую их мембрану и вырваться на свободу. Копье пошатнулся и остановился. А потом стал рвать себя когтистыми лапами, сдирая наросты и оставляя сочащиеся гноем раны.

Все лица безмолвно молили Келла.

«Останови его!» — вопили они.

Демоническая оболочка спасла жизнь Копья, если только это можно было назвать жизнью. Она настолько тесно укоренилась в его существе, что даже уничтожения мозжечка оказалось недостаточно, чтобы окончательно его убить. Заместительная плоть варп-хищника ослабила силу взрыва внутри черепа, насколько это было возможно, а потом собрала оставшиеся фрагменты в некоторое подобие первоначальной формы.

Но демоническая оболочка была существом примитивным и бесхитростным. Она не приняла во

внимание такие мелочи, как управление и интеллект, а сохранила лишь инстинкт и животную ярость. Убийца обладал сознанием в достаточной мере, чтобы помнить, что был убит и возвратился к жизни, но его разум уже не подлежал восстановлению, и те немногие барьеры самоконтроля, которые имелись раньше, безвозвратно рассыпались.

А без них клетки украденных воспоминаний открылись.

Бесформенная масса раздробленной личности обрушилась на его поврежденную психику с силой падающей кометы, и его смяло под ее натиском.

Мысли убийцы внезапно переполнились ощущениями, фрагментами чувств и осколками личности.

— Иван и другие мальчики играют с мячом и обручами...

...повсюду запах эстуфагемийского вина. Теплый успокаивающий аромат, приторный и очень сладкий...

— Рения соглашается на давно сделанное им предложение заключить

брачный контракт, и он греется в лучах ее улыбки...

...блестящие комки внутренних органов и каких-то белесых фрагментов, пропитанных жидкостью...

— Я тебя ненавижу!

...выстрел, убивший насильника из Голубой Башни, произведен из его оружия...

...я знаю об этих слухах. Рассказы людей, знакомые которых знают обитателей других миров, в других системах...

— Нет...

...укол вины...

...я довольно долго отсутствовал...

И это было все, что осталось от психики Йозефа Сабрата, — неукомплектованная головоломка личности, движимой единственным качеством, которое отличало этого человека и которое Копье уничтожил.

Все это время он выжидал. Терпеливый и сообразительный Йозеф. Погребенный в глубине темной души Копья, он боролся, чтобы не исчезнуть окончательно. Выжидал подходящего

момента, выжидал шанс нанести удар своему убийце.

Осколок призрака мертвого смотрителя жаждал справедливости. Он хотел отомстить за каждую жертву, которая числилась на кровавом счету убийцы.

Каждая душа, погубленная и ограбленная Копьем, каждый призрак, которого он использовал в качестве маскировки, все они оставили привкус особого страха. Страха потерять себя, который был хуже физической смерти.

И теперь, когда Копье зацепил краешек своих истерзанных мыслей и заглянул в психическую бездну, этот страх поселился и в нем.

А когда Копье заговорил, он услышал голос Йозефа Сабрата.

— Останови его!

С лица Копья вдруг пропали клыки и рога, и больше не было бездонных черных провалов вместо глаз. На Келла смотрел обычный человек, испытывающий печаль и боль, словно он выгладывал из самой глубокой тюрьмы в мире.

От этого горестного выражения и слишком человеческого взгляда у Келла перехватило дыхание. Он видел это много раз, видел издалека, когда смерть предъявляла свои права. Внезапное бессознательное понимание в глазах цели. Боль и истина.

Он рванулся вперед, стараясь не обращать внимания на всплески боли в сломанных ребрах, и на ходу бросая в тело Копья узкие кинжалы, спрятанные в ножнах на запястье.

Чудовище закричало, а он проскочил мимо него, поскользнулся в жидкой грязи, прокатился по плиточному полу и сумел дотянуться до рукоятки упавшего пистолета.

Убийца уже приближался; его тело со всех сторон обросло фестонами лезвий и когтей, человеческое лицо исчезло, заслоненное шипами и клыками. Он с грохотом расшвыривал попадавший под ноги мусор и расплескивал лужи.

Келл поднял оружие и выстрелил. Пистолет дернулся от струи выброшенного воздуха, и пуля «Игнис»

мгновенно преодолела дистанцию между стрелком и его целью.

Снаряд попал в мягкие ткани плеча и взорвался клубком ослепительно-белого пламени. Оболочка пули была заполнена фосфороно-термической смесью. При ударе она воспламенялась с выделением тепла в миллион градусов, и пламя горело даже при отсутствии кислорода.

Копье испустил пронзительный вопль и задрожал так, словно его тело готово было разорваться на части. Келл прицелился и выстрелил во второй раз, затем в третий и в четвертый. Пули отбросили убийцу назад, и раскаленные волны воздуха мгновенно превратили содержимое луж в пар. Белое пламя распространилось по всему телу Копья и жадно пожирало его нечеловеческую плоть.

Келл не останавливался. Он опустошил всю обойму, а потом смотрел, как его враг из воющего пылающего факела превращается в кипящую черную массу обгоревшей плоти. Убийца качался, вопли из его разинутой опаленной пасти становились все пронзительнее, а потом

воздух содрогнулся от неестественно сильного хлопка. Келл увидел, как из умирающего тела Копья вырвался эфемерный кроваво-красный сгусток, и раздался чудовищный злобный вой. Он даже не успел понять, что это было, как все рассеялось, и тогда дымящиеся останки убийцы упали на пол. Над ним внезапно поднялось облачко с сильным запахом серы, и Келл закашлялся, сплевывая желчь и кровь. Демоническая сущность исчезла.

Морщась от боли, Келл смотрел, как почерневший и растрескавшийся скелет Копья шкворчит, словно сало на сковородке.

К своему удивлению, он обнаружил, что на поверхности мутной лужи что-то плавает — крошечные блестящие точки, словно крупинки золота. Освобожденные после смерти Копья, они высыпались из его тела. Но стоило ему протянуть руку, как они блеснули в последний раз и исчезли.

— Не ради мести, — произнес он вслух. — Ради Императора.

Виндикар еще долго сидел там, прислушиваясь к стуку дождевых капель и

далеким раскатам взрывов, уничтожающих столицу. Вспышки и грохот становились все ближе, как и блуждающие по поверхности лучи резкого света, падавшего с неба. Город и все, кто в нем оставался, пали жертвами ярости Сынов Хоруса; скоро они повернут оружие в сторону космопорта, в пустыню, во все районы Дагонета, где еще теплилась жизнь.

Мятежники Воителя не остановятся на этом мире и на следующем тоже. Они будут прорубать себе дорогу через всю Вселенную, пока не доберутся до Терры.

Этого не должно произойти. Война Келла — его миссия — еще не закончена.

Опираясь на свою длинноствольную винтовку, он подобрал все, что было необходимо, а затем снайпер из круга Виндикар покинул развалины главного терминала и медленно побрел по треснувшей взлетной полосе.

Вдали он увидел, как вспыхнули бортовые огни «Ультио», отреагировавшего на его приближение.

Глава 18
Я ЕСТЬ ОРУЖИЕ К СВЕТУ ВОЗМЕЗДИЕ

Небольшой катер поднимался сквозь слои туч, пересекая зоны турбулентности, образованные в атмосфере взрывами орбитальной бомбардировки.

Внизу, на поверхности Дагонета, лазерный луч метался взад и вперед, пронзая землю. Смертоносные ливни энергии и баллистических снарядов уже стерли границы столичного города и взрыли землю, как обдирочный нож вспарывает мягкую плоть.

Расцвеченное пожарами небо скрывало стреловидный корабль, а он метался из стороны в сторону, обходя каскады горящей плазмы. Ни один человек не смог бы совершать такие маневры, но рулевой «Ультио» был меньше чем человек и больше чем просто корабль. Он вел судно через потоки бурлящего огня, как птица

преодолевала бы термальные течения. Его руками были стабилизаторы курса, ногами — огнедышащие трубы реактивных двигателей, а кровь заменяло топливо, перекачиваемое рокочущими моторами.

Единственный пассажир «Ультио», пристегнутый ремнями к компенсирующему креслу в передней части тесной рубки, смотрел на волны раскаленного воздуха через невидимый пузырь войд-щитов и круглый иллюминатор фонаря кабины.

Келл тихонько бормотал в компактный микрофон вокса, который передавал слова в считывающее устройство, негромко гудевшее в ручке кресла. Виндикар уже уделил внимание своим ранам, но поток слов затруднял дыхание. Пилот изменил поле силы тяжести в рубке, чтобы уменьшить перегрузки при вертикальном взлете, но Келл все же ощущал повышенное давление. Однако он был благодарен и за мелкие уступки — если бы не дополнительная защита, при ускорении корабля он мог

потерять сознание и рисковал проткнуть легкие каким-нибудь из осколков сломанных ребер.

Необходимость говорить тоже доставляла трудности, но он считал себя обязанным составить рапорт. Умные машины «Ультио» уже сейчас загружали и кодировали содержимое кассеты из шлема Йоты и страницы чрезвычайно небрежного дневника, который Тариил составлял в своем когитаторе. По завершении этого процесса скомпилированный набор данных будет импульсным сигналом передан на модуль двигателей корабля, который до сих пор остается на орбите, в укрытии заброшенной космической станции.

Но Келл решил, что обязан дополнить информацию своим голосовым посланием. Он руководил миссией. И окончательное решение всегда оставалось за ним. Он не собирался снимать с себя ответственность за сделанный выбор.

Наконец он закончил диктовку и опустил голову. Нажатием кнопки на панели считывающего устройства он включил обратную перемотку, чтобы

убедиться, что финальное послание записано.

«Мое имя Эристид Келл, — услышал он свой голос. — Я полномочный ассасин круга Виндикар, ранг Эпсилон. И я нарушил приказ».

Он кивнул и выключил запись, а затем снял микрофон. Собственный голос показался Келлу странным и незнакомым. И вся эта запись была скорее не рапортом, а исповедью.

Исповедь. Общепринятое значение этого слова заставило его опустить взгляд, где под обшлагом перчатки он спрятал золотую фигурку орла, данную ему Дженникер. Он попытался сосредоточиться, чтобы подобрать определение охватившим его чувствам, но так и не смог ничего отыскать.

Келл нажал другую кнопку и отослал свое голосовое донесение к остальному пакету информации. Снаружи раскаленное небо сменило голубой цвет на пурпурный, а потом на черный. «Ультио» уже вышел за пределы атмосферы и продолжал подниматься.

Каждый вдох оставлял во рту привкус грязи и металла. В горле собрались сгустки мокроты, и он, морщась от отвращения, проглотил их. Его ноздри ловили запах не чьей-нибудь, а его собственной крови, и хотя болеутоляющее средство, которое он вколол себе в шею, неплохо помогало, к настоящему моменту его действие уже ослабело.

Индикаторная руна на контрольной панели загорелась зеленым светом: «Ультио» принял сигнал прямой видимости от модуля двигателей. Там наверху, на заваленной обломками орбите, модуль потихоньку наращивает мощность субсветовых и варп-двигателей. Спустя несколько мгновений астропат и навигатор выйдут из состояния бездействия. Спускаемому модулю «Ультио» остается только преодолеть разделяющую их дистанцию, пришвартоваться к основной секции, и корабль будет готов к прыжку через Имматериум.

Келл наклонился вперед и выглянул в иллюминатор. Единственным

недостатком этого, в общем-то, простого плана было присутствие флотилии военных кораблей между катером и модулем двигателей.

Армада преграждала ему путь. Космические корабли размером с целые города рассекали пространство острыми, словно ножи, носами, горы превращенного в оружие металла громоздились на палубах, поблескивали сталью и золотом. И на каждом орудии горел открытый глаз, злобно смотрящий в темноту.

В центре флотилии стояло настоящее чудовище. Контуры самого грозного судна Келл узнал сразу. Величественная, необъятная боевая баржа, окруженная тучами кораблей эскорта. «Дух мщения», флагманский корабль Хоруса Луперкаля.

— Пилот, — заговорил он охрипшим от боли голосом, — выводи нас на пересечение с курсом флагманского корабля. Всю доступную мощность направь на маскировку ауры.

Некоторое время от киборг-капитана доносились лишь потрескивание и

жужжание.

— Увеличение плотности маскировки ауры приведет к потере мощности войд-щитов, — послышался затем механический голос.

Келл перевел взгляд на видимую часть почти человеческого лица на командном возвышении.

— Если они нас не увидят, они не станут стрелять.

— Они станут стрелять, — последовал бесстрастный ответ. — Вектор поражения свидетельствует о высокой степени опасности для «Ультио». Угроза исходит от множества вражеских орудий.

— Выполняй приказ! — крикнул Келл и тотчас поморщился от боли в груди. — И включи связь с навигатором.

— Выполняю.

Виндикару показалось, что в этом единственном слове он уловил оттенок обиды, но катер повернул, направив нос на «Дух мщения». Сенсоры уже зарегистрировали первые нерешительные запросы от дозорных кораблей флотилии

Хоруса. Они сканировали все пространство вокруг армады, но еще не были уверены, что их сенсоры дальнего радиуса действия что-то уловили. Система маскировки ауры «Ультио» на много поколений превосходила технологии, принятые в Имперском флоте, и катер сможет пересечь периметр флотилии раньше, чем дозорные корабли сумеют определить, что показывают их приборы.

На контрольной панели загорелась еще одна руна — открылся вокс-канал между катером и модулем двигателей. Келл торопливо заговорил, опасаясь, что долгие переговоры сведут на нет усилия по маскировке ауры.

— Говорит Келл. Оставайтесь на месте, пока не получите импульсное закодированное донесение. Передать только в «Омнис Октал». — Он судорожно вздохнул. — Новый приказ заменяет все предыдущие инструкции. Протокол «Пердитус»[15]. Отправление немедленно. Повторяю: переходите к протоколу «Пердитус».

Прошло несколько неимоверно долгих секунд, пока из решетки динамика не послышался шелестящий шепот навигатора.

— Это будет нелегко, — сказал он. — Но попытка будет предпринята.

Келл уже потянулся к кнопке отключения связи, как навигатор заговорил снова:

— Удачи тебе, ассасин.

Руна связи погасла, и Келл опустил руку.

За стеклом иллюминатора лучи лазера пронзали небо вокруг катера, а впереди росла громада боевой баржи, вытесняя собой темноту космоса.

Орудия ближнего боя на корпусе модуля двигателей пробили тонкую, как бумага, металлическую оболочку, скрывавшую кормовую секцию корабля, и толчок взрыва отделил «Ультио» от каркаса космической станции. В недрах двигателей зажглись миниатюрные термоядерные солнца, и судно рванулось вперед, быстро разгоняясь в сверкании войд-

щитов и выбросов перемещенной энергии. В мгновение ока корабль достиг четверти скорости света.

Дозорные корабли на самой окраине флотилии — фрегаты и эсминцы бывшего Имперского Флота, укомплектованные только экипажами, состоящими из людей, заметили удаляющийся корабль и открыли огонь. Большинство кораблей, принадлежавших Дагонету, за последние несколько часов было уничтожено, а оставшиеся суда либо сбрасывали на поверхность планеты, либо резали лазерными лучами на части. Однако прицелиться в странное судно, появившееся на их голоскопах, оказалось делом нелегким. Орудия никак не могли захватить объект в сетку прицела. Сканирование постоянно давало противоречивые данные: мощность корабля намного превосходила обычную для судов такого размера; в какой-то момент оно казалось автоматически управляемым аппаратом, а потом появлялись признаки присутствия людей. И что самое странное, чем дальше корабль уходил из

тени планеты, направляясь к варп-переходу, тем отчетливее становилось на его бортах мерцание Иттатериума.

Сторожевые корабли покинули строй и пустились в погоню, преследуя неопознанное судно по всей плоскости эклиптики Дагонета. Но они никогда не сумеют его догнать.

Оставшиеся одни на лишенном командования корабле, навигатор и астропат общались между собой непривычным для людей их специальностей способом: при помощи слов.

И их обоих беспокоила одна и та же проблема: протокол «Пердитус». В этом слове скрывалась закодированная цепочка команд, известных им обоим и не допускавших двусмысленного толкования. Они должны незамедлительно покинуть область проведения операции и следовать по заранее установленному маршруту, включающему в себя несколько варп-переходов. Они не имеют права останавливаться, пока не увидят свет Солнца. Миссия закончена, операция прервана.

На пороге критического момента, когда впереди уже появились первые отблески ворот варпа, космос вокруг корабля осветился взрывами снарядов.

Эреб выбрался из кабинки лифта и растолкал толпу прислужников, ожидавших распоряжений на командной палубе. Из носа у него продолжала течь кровь, и несколько капель попало на бороду, заставив его поморщиться и провести рукой по лицу. К счастью, шок психического удара ослабевал, но в какой-то момент ему казалось, что рассудок не выдержит.

Он медитировал в своих покоях на борту корабля и при помощи гадания на пепле и предсказаний мамбилы[16] пытался найти ответ. Линии восьмиконечного символа путались, и он никак не мог отыскать их конечных точек. С самого момента прибытия в систему Дагонет Эреба не покидало ощущение, что что-то неладно.

Его тщательно разработанные

планы, работа, проводимая по указанию Великих, обычно таких понятных для него, все это было осквернено тенью, источник которой он никак не мог обнаружить. Это раздражало его, но, с другой стороны, не стоило такого беспокойства. В конце концов, это всего лишь мелкий элемент грандиозной схемы. Эта планета и производимые на ней действия не что иное, как мелкий отвлекающий маневр, уводящий внимание от спектакля на главной сцене.

И тем не менее Хорус Луперкаль снова и снова совершал подобные поступки. Да, он, безусловно, следовал руководству Эреба, но делал это не так быстро, как в самом начале. Взгляд Воителя порой демонстративно блуждал по сторонам. Время от времени Несущий Слово задумывался, не прислушивается ли лидер мятежников к каким-то другим голосам?

Но не стоит расстраиваться. Этого следовало ожидать. Хорус — примарх, и им невозможно командовать. Первый капеллан не уставал напоминать себе об этом.

«Хорусу надо позволить оставаться Хорусом, — говорил он себе. — И когда придет время... он будет готов».

И все-таки: остановка на Дагонете, смешение линий. От этого никуда не деться. Мало того, ситуация ухудшилась. Во время медитации Эреб зондировал эгосферу летящей под ним планеты, но вопль и выброс страха нарушили деликатный процесс. Он только и успел, что отыскать знакомый след.

Пария. Его Копье. Возможно, его уже и нет в этом мире, возможно, это лишь давно оставленный след, но он определенно существует. В первый момент Эреб был готов смириться с этим, но прошло несколько часов, а он никак не мог отвлечься и постоянно возвращался к пси-метке, словно к свежему шраму.

Зачем Копью потребовалось посещать Дагонет? Какая весомая причина могла заставить убийцу свернуть с пути, проложенного для него Эребом? И еще более тревожный вопрос: почему Хорусу вздумалось именно здесь продемонстрировать свои силы? Несущий

Слово был твердо убежден, что совпадение существует только в слаборазвитых умах людей, которым не под силу рассмотреть суровую правду истинного сплетения судеб во Вселенной.

Его мучило сознание, что ответ находится там, внизу, и ему лишь надо до него добраться.

Все эти мелочи оставили его совершенно неподготовленным к тому, что произошло. К черной волне внезапного псионического взрыва. И это случилось в его каюте, когда он мысленно углубился в темноту и позволил бездне говорить с ним.

Ошибка. Энергетический выброс в момент смерти его доверенного ассасина взметнулся с поверхности планеты, и убегающий демон, скрываясь в безопасности Имматериума, пролетел мимо него.

Несущий Слово почувствовал, что Копье умер, а вместе с ним умерло и мощное оружие. Призрачное оружие, направленное в голову ничего не подозревающего Императора, развалилось, не успев даже выстрелить.

Ярость заставила Эреба покинуть покои и погнала по коридорам. Его план, его нить грандиозного маршрута оборвалась, и он готов был поклясться преисподней, что узнает причину провала. Он спустится на Дагонет и, если потребуется, просеет сквозь пальцы весь пепел. Он должен узнать причину.

Несущий Слово постарался успокоиться и вошел в помещение Двора Луперкаля, не дожидаясь приглашения. Малогарст шагнул навстречу, намереваясь его остановить, но в этот момент Воитель отвернулся от огромного окна и жестом подозвал Эреба к себе. Первый капеллан только тогда осознал, что вокруг завывают сигналы тревоги, а за бронированным окном, выполненным в форме глаза, мечутся лазерные лучи, пронизывающие пространство перед носом флагмана.

Хорус кивнул ему. В свете смертоносных лучей его суровое лицо казалось высеченным из камня. Воитель, как и всегда, выглядел величественно в полном боевом облачении, а Эреб в спешке

пришел в стратегиум в простой черной одежде и на мгновение ощутил свою незначительность перед возвышающимся над ним примархом.

Но его лицо не выдало ни тени этого чувства. Он, не дрогнув, прогнал непрошеное ощущение. Эреб был непревзойденным мастером обмана и никогда не переставал совершенствоваться.

— Мой лорд, — заговорил он, — если Воитель не против, я хотел бы изложить свою просьбу. Разрешение на посещение...

— Поверхности планеты? — Хорус отвел взгляд. — Мы вскоре посетим Дагонет, друг мой. Необходимо там кое-что сделать.

Эреб сохранил бесстрастное выражение лица, но это стоило ему немалых усилий.

— Конечно. Но может быть, я бы мог спуститься до начала торжественной церемонии и... сгладить некоторые шероховатости?

— Вскоре, — повторил Хорус.

Его голос звучал совершенно спокойно,

но капеллан понял, что решение окончательное.

С информационным планшетом в руке к ним, прихрамывая, подошел Малогарст. Огибая Эреба, он бросил в его сторону косой взгляд.

— Донесение дозорных, — заговорил Малогарст. — Преследуемая цель движется слишком быстро. Они открыли огонь, но попадание маловероятно.

Губы Воителя сжались в тонкую линию.

— Пусть уходят. А как насчет второй, призрачной цели?

Он показал на освещаемый лазерами иллюминатор.

— Неясно. — Советник пренебрежительно фыркнул. — Артиллеристы со сторожевых кораблей рапортуют о ложных сигналах и множественных отражениях. Они пытаются прицелиться, но ничего не видят. — Эреб заметил, как потемнело и без того мрачное лицо советника. — Боевой экран убран, мой лорд, как ты и приказывал.

Хорус кивнул:

— Если он осмелится подойти так близко, я должен посмотреть ему в глаза.

Несущий Слово вслед за Воителем выглянул в иллюминатор.

Информационный планшет в искалеченных пальцах Малогарста издал мелодичный звон, совершенно не соответствующий срочности очередного сообщения.

— Сенсоры... что-то уловили, — доложил советник. — Объект быстро приближается. Встречный курс! Но орудия не могут найти...

— Маскировка ауры, — сказал Эреб, вглядываясь в бушующий за бортом ураган. — Но эта технология недоступна на Дагонете.

— Верно. — Хорус беспечно улыбнулся. — Вы его видите?

Воитель встал у окна и прижал ладони к серому стеклу.

В вихрях энергии за окном, среди сходившихся и расходившихся лучей, прочесывающих небо в поисках невидимого нарушителя, капеллан на мгновение

заметил нечто вроде масляного пятна на воде. Просто впечатление о хищном силуэте судна, заслонявшем собой свет далеких звезд.

— Вон он! — показал он направление.

Малогарст тотчас схватился за свой вокс-передатчик:

— Цель определена. Приказываю уничтожить!

Артиллерийские расчеты откорректировали прицелы. Но корабль был уже близко, гораздо ближе, чем его иллюзорный призрак. Эреб непроизвольно отступил на шаг от окна.

На лице Хоруса появилась улыбка, и Несущий Слово уловил слова, произнесенные самым низким рокочущим голосом.

— Убей меня, — сказал Воитель. — Если посмеешь.

«Ультио» был объят пламенем.

Пилот уже фактически погиб, когда короткое замыкание, вызванное попаданием снаряда в правое крыло, выжгло способность к высшей психической деятельности, однако центральная зона

мозга киборга еще сохранилась, и потому корабль метался, уворачиваясь от снарядов, хотя вокруг, казалось, разверзлось само небо.

Корабль лишился фрагментов фюзеляжа, и за ним тянулся длинный шлейф обломков и горящей плазмы. Палуба непрерывно дрожала, а рубка уже наполнилась дымом. Куда бы ни обратился взгляд Келла, он повсюду натыкался на красные тревожные руны. Автономные системы уже перешли к действиям в обстановке непоправимых повреждений, и в полу открылся люк, ведущий к миниатюрной спасательной капсуле. Голубоватый свет, струившийся из люка, на мгновение привлек внимание виндикара. Он еще жив, и на бедре висит пистолет «Экзитус». Надо только сделать шаг...

Но куда? Даже если он переживет следующие десять секунд, где он может скрыться? Ради чего беспокоиться о своей жизни? В опустевшей душе Эристида Келла осталось одно — долг.

Навстречу ему, освещенные артиллерийскими залпами и красными

лучами лазеров, вздымались арки командной башни «Духа мщения». На ее вершине виднелся единственный немигающий глаз из серого и янтарного стекла, окаймленный золотом.

А внутри этого глаза темнела фигура. Келл был уверен, что это огромный силуэт полубога, следящего за его приближением. И когда орудия наконец обнаружили его, виндикар взялся за рычаг ручного регулирования мощности и передвинул его вплоть до самой красной черты.

Келл снова поднял голову, и в памяти всплыла первая из заученных им мантр созерцания. Три слова, элементарный коан, как нельзя больше подходивший к данному моменту.

Продолжая падение на цель, Келл произнес эти слова вслух:

— Я есть оружие.

Утреннее солнце поднималось в туманном небе над похожими на горы башнями Императорского Дворца, но его свет не сразу мог проникнуть во все

закоулки великого города-крепости. Во многих районах еще царила ночь, и их население только начинало просыпаться для нового дня, а кое-кто бодрствовал из-за проблем, которые никогда не дремали.

В роскошно убранных переходах было еще тихо и торжественно, но в Убежище не было никаких намеков на украшения.

Сир Эверсор первым поднялся над столом из розового дерева и с такой силой хлопнул по крышке, что подпрыгнули хрустальные кубки с водой. Костяная маска не могла скрыть ни его сверкающего взгляда, ни его ярости.

— Провал! — бросил он, источая яд. — Я вас предупреждал. Я с самого начала говорил, что этот идиотский план никуда не годится!

— И теперь мы упустили единственный шанс убить Воителя, — пробормотал сир Ванус синтезированным голосом, безжизненным и невозмутимым, как у машины.

Глава круга Эверсор, не в силах усидеть на месте, порывисто вскочил со своего места и обогнул восьмиугольный

стол. Все остальные сиры и сиреccы молча смотрели, как он остановился перед массивной, закутанной в плащ фигурой, все время остававшейся в тени.

— Не надо было тебя слушать, кустодий! — сердито рыкнул он. — Все твои замыслы только стоили нам еще больше жизней.

Магистр ассасинов, сидевший во главе стола, резко поднял голову, и его серебряная маска сверкнула в лучах ламп. Вокруг него не было видно ничего, кроме темноты, и со стороны могло показаться, будто этот человек парит в бесконечной бездне.

— Да, — бросил сир Эверсор. — Я знаю, кто он. Не кто иной, как Константин Вальдор!

При этих словах человек отпустил полы плаща, и перед собравшимися предстал капитан-генерал Кустодес.

— Как угодно, — произнес он. — Я не боюсь показать вам свое лицо.

— Я так и думала, — вступила в разговор сиресса Вененум. Ее лицо закрывала зеленая с золотом фарфоровая

маска, выражавшая легкую насмешку. — Только кустодий с такой готовностью отправляет на смерть чужих подопечных, лишь бы не пострадали его подчиненные.

Вальдор обернулся в ее сторону и холодно улыбнулся:

— Если это и так, значит, мы с вами похожи, миледи.

— Эверсор, — спокойным тоном окликнул магистр, — вернись на свое место и прояви немного сдержанности, если только это возможно.

Безликая серебряная маска кривым зеркалом отразила усмехающееся костяное лицо.

— Сдержанность?! — воскликнул сир Виндикар, чья личность скрывалась под обычной маской снайпера. — При всем моем уважении, мой лорд, я уверен, все согласятся, что гнев сира Эверсора полностью оправдан.

— Хорус послал на смерть вместо себя другого человека. — Сир Эверсор сел в свое кресло, и в его голосе появился оттенок горечи. — Должно быть, его предупредили. Или это просто дьявольская

удача.

— Это или что-то другое... — мрачно подхватила сиресса Вененум.

— Миссия провалена, — вклинилась из-под своей шелковой маски сиресса Каллидус. — И так было уже не раз. Нам с самого начала было известно, что эта цель отличается от всех остальных.

Сидящий напротив сир Кулексус, скрытый стальной маской, выражающей задумчивость, подался вперед.

— И этого достаточно, чтобы все объяснить? — Его свистящий голос разнесся по всей комнате. — Еще шесть наших лучших оперативников пропали, предположительно мертвы, и ради чего? Ради того, чтобы ты могли расслабиться в уверенности, что усвоили очередной урок ценой их жизней? — Выражение маски не изменилось, но тени вокруг как будто стали длиннее и глубже. — Оперативник Йота многое значила для моего круга. Она была редкой личностью, и на нее было потрачено много усилий и времени. Ее утрата не пройдет бесследно.

— Всегда приходится платить, —

вставил Вальдор.

— Но только не тебе, — съязвила Вененум. — Мы лишились своих лучших агентов и самого передового оружия, а Хорус Луперкаль продолжает жить.

— Возможно, его нельзя убить! — воскликнул сир Эверсор.

Прежде чем командир Кустодес успел ему ответить, магистр ассасинов жестом прервал разговор.

— Сир Ванус, не пора ли покончить с пустой болтовней и вместо этого обсудить, что нам достоверно известно о провале операции?

Ванус кивнул, и его мерцающая стекловидная маска мгновенно изменила оттенок.

— Конечно.

Он нажал на определенную секцию розовато-красного дерева, и из стола беззвучно поднялась панель с рядами бронзовых кнопок. После набора необходимой комбинации включился спрятанный внизу голопроектор, и над головами собравшихся зажглись голубоватые прямоугольники. На дисплеях

появились тактические звездные карты, фрагменты донесений разведки и записи систем дальнего наблюдения.

— Новости из Таэбианского сектора поступают крайне нерегулярно. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что большая часть, если не все основные миры торгового союза вышли из-под контроля имперского правительства.

На звездной карте шарики, обозначавшие планеты, быстро сменили голубой цвет на красный, что означало причастность к мятежу.

— Весь этот район охвачен анархией. У нас есть веские доказательства того, что Таллат, Боуман, Дагонет, Таэбия Прима и Йеста Веракрукс разорвали все связи с Террой и перешли на сторону Воителя и его бунтовщиков.

За столом послышался свистящий голос сира Кулексуса:

— Они пали не столько под ударами оружия, сколько из-за своего страха.

— Достоверно известны два факта, — продолжал Ванус. — Первый: Люк Седирэ, капитан Тринадцатой роты Сынов

Хоруса, заметная фигура в войске мятежников, был уничтожен. Предположительно выстрелом снайпера. — Он посмотрел на сира Виндикара, но тот промолчал. — Второй: Хорус Луперкаль жив.

— Смерть Седирэ — это важное достижение, — промолвил магистр. — Но он не заменит Воителя.

— Мой круг уже занялся получением информации из Таэбианского сектора, — сообщил сир Ванус. — Инфоциты работают над корректировкой материалов для публичной и секретной сети информации, чтобы разъяснить позицию Империума в данной ситуации.

— Оклеиваете новые трещины обоями лжи? Ты это хотел сказать? — прервала его сиресса Каллидус.

Мерцающая маска Вануса приобрела голубой оттенок.

— Мы обязаны спасти то, что осталось, миледи. Я уверен...

— Уверен? — Шелковая маска резко повернулась. — В чем ты уверен? У нас ничего нет! Мы ничего не сделали, только

протянули мятежникам руку!

Настроение в комнате изменилось, и снова разочарование и ярость грозили выйти из-под контроля. Магистр ассасинов вторично поднял руку, но не успел он заговорить, как в комнате раздался звон тревожного сигнала.

— Что это?! — воскликнул сир Виндикар. — Что это значит?

— Убежище... — Магистр вскочил на ноги. — Убежище подвергается опасности...

Внезапно его посеребренное лицо повернулось к одной из секций стены из красного дерева, как будто он хотел что-то за ней увидеть.

А в следующее мгновение старое дерево и закаленный металл оглушительно треснули, и потайная дверца распахнулась настежь. За ней в сумраке лабиринта виднелись три фигуры. Две были в янтарно-золотой броне, отделанной белыми и черными штрихами, и их лица выражали суровую решимость. Это были ветераны Седьмого Легиона Астартес в полном боевом облачении, но их присутствие затмевал воин,

возвышающийся над своими спутниками на целую голову.

В Убежище вступил Рогал Дорн, и в свете люмосфер блеснула его боевая броня. Он обвел комнату взглядом, выражение которого можно было принять за брезгливость. Взгляд примарха заметно задержался на Вальдоре, перешел на магистра и наконец на темноту в дальнем углу помещения.

Ошеломленное молчание, воцарившееся с появлением примарха, первой осмелилась нарушить сиресса Вененум:

— Лорд Астартес, это рабочий кабинет...

Примарх жестом приказал ей замолчать, даже не удостоив взглядом. Он прошел к столу розового дерева и скрестил руки на широченной груди.

— Вот ты где, — сказал он, обращаясь к Вальдору. — Как я и говорил, кустодий, наш разговор не закончен.

— Вы не должны были сюда приходить, лорд Дорн, — ответил тот.

— И ты тоже, — отрезал примарх

таким тоном, который мог раскрошить камень. — Но ты привел сюда нас обоих. В это пристанище... уловок и ухищрений.

Последние слова он как будто выплюнул, настолько они были ему неприятны.

— Это место не в вашей власти, Астартес.

Голос магистра был изменен и приглушен, но все отчетливо услышали в нем нотки вызова.

— В настоящий момент — в моей. — Дорн обратил свой жесткий взгляд на зеркальную маску. — Господин Малькадор.

По комнате прошелестели удивленные вздохи, и все сиры и сирессы повернулись к магистру.

— Я знал, — прошипел Кулексус. — Я всегда знал, что это Сигиллит.

— Сегодня день откровений, — пробормотал сир Ванус.

— Я еще только начал, — пророкотал Дорн.

Малькадор, вздохнув, поднял руку и снял маску. Он нахмурился, и в воздухе пронесся вихрь сдерживаемого

телепатического раздражения.

— Отлично, друг мой. Вы раскрыли тайну.

— Не совсем, — возразил Дорн. — Я сделал обоснованное предположение. А ты его подтвердил.

Малькадор нахмурился:

— Значит, победа за Имперскими Кулаками. Но у меня еще много секретов.

Воин повернулся.

— Но на сегодня достаточно, — сказал он, окидывая взглядом всех членов Официо. — Маски прочь! Все! Я не стану разговаривать с теми, кто не решается открыть свое лицо. Ваши голоса не имеют никакого веса, пока вы не наберетесь храбрости, чтобы прибавить к ним свои имена. Покажите лица!

Проскальзывающая в его словах угроза даже не нуждалась в прямом подтверждении.

После требования Дорна возникло недолгое оцепенение, а потом послышался шорох. Сир Виндикар отреагировал первым: он снял маску с таким видом, будто давно мечтал от нее избавиться.

Потом сир Эверсор сердито бросил на стол устехающуюся костяную маску, сиресса Каллидус позволила шелку соскользнуть с изящной головы, и наконец Ванус и Вененум последовали примеру остальных. Сир Кулексус сдался последним, он обеими руками снял свой сияющий шлем, словно это был изысканный металлический цветок.

Ассасины впервые посмотрели на открытые лица друг друга, испытывая смешанные чувства: гнев, узнавание, изумление.

— Так-то лучше, — проворчал Дорн.

— Ты лишил нас главного оружия, Астартес, — выразила общее мнение сиресса Каллидус, отбрасывая прядь рыжих волос с бледного лица. — Теперь ты доволен?

Примарх оглянулся назад.

— Брат-капитан Эфрид, — окликнул он одного из своих спутников.

Стоявший у двери Астартес шагнул вперед и протянул командиру продолговатый предмет, а примарх, в свою очередь, положил его на стол и

подтолкнул к Ванусу.

— Это информационный планшет, — пояснил он. — Мои воины на окраине Облака Оорта перехватили космический корабль, пытавшийся войти в Солнечную систему, — продолжил Дорн. — При идентификации оказалось, что это обычный танкер «Галлис Файе». Я думаю, это название может показаться вам знакомым.

— А экипаж? — прервал его сир Эверсор.

— Никого, о ком стоило бы упоминать, — ответил ему капитан Эфрид.

Дорн показал на планшет:

— Здесь находится содержимое капсулы, извлеченной из хранилища памяти корабля. Журнал миссии. Голосовое послание и видеопикты. — Он взглянул на Вальдора и Малькадора. — То, о чем здесь говорится, вызывает тревогу.

Сигиллит кивнул сиру Ванусу:

— Включи устройство.

При помощи тонких металлических волосков Ванус подсоединил планшет к

открытой в столе панели, и голографические дисплеи замерцали, меняя изображение.

Параллельно видеопиктам шло вокспослание, и в комнате раздался мужской голос, охрипший от боли.

«Мое имя Эристид Келл, я полномочный ассасин круга Виндикар, ранг Эпсилон. И я нарушил приказ».

Вальдор вместе со всеми молча слушал сначала послание Келла, затем отрывочные записи из дневника инфоцита. А когда сир Ванус дошел до видеопиктов, содержащих запись последних моментов жизни Йоты, он с безмолвным отвращением смотрел на мерзкое существо, называемое Черным Парией. Сир Кулексус, глядя на этот ужас, склонил голову и беззвучно заплакал.

Им были представлены все материалы: анализ военной ситуации на Дагонете и план раздуть огонь затухающей гражданской войны; отказ Дженникер Соалм от участия в операции ради ее личной миссии; уничтожение

Седирэ вместо Хоруса и жестокое возмездие, которое за этим последовало; и напоследок сведения об ужасных способностях существа, называвшего себя Копьем, и о выборе, который был вынужден сделать командир карательного отряда.

Когда присутствующие ознакомились со всеми представленными материалами, Сигиллит велел сиру Ванусу прекратить воспроизведение. Вальдор обвел взглядом лица руководителей кругов. Каждый из них по-своему переживал то, что узнал из содержимого планшета.

Сир Эверсор в негодовании повернулся к Кулексусу:

— Это отвратительное чудовище... неужели это ваше создание? Кузен, во имя Терры, скажи, что это не так!

— Я сам отдал приказ! — твердо заявил псайкер. — Оно было уничтожено!

— Вероятно, не было, — сквозь зубы бросил Дорн.

— Но теперь оно мертво? — спросил сир Ванус. — Должно быть...

Взгляд Дорна сверкнул гневом.

— У вас слишком узкий взгляд на мир.

И ваше плетя всегда отличалось этим. Неужели вы не понимаете, что вы наделали? Из вашей попытки хирургически точного устранения Хоруса ничего не получилось! — Его голос разнесся по комнате грохотом бурного прибоя. — Смерть Седирэ стоила жизни населению целой планеты! Сыны Хоруса обрушили на этот мир свою ярость только из-за ваших ассасинов. — Он покачал головой. — Если бы движение сопротивления на Дагонете угасло само собой, если бы эту войну не раздували намеренно и жестоко, Хорус прошел бы мимо. А после того как я и мои братья разбили бы мятежников, Дагонет вернулся бы в лоно Империума. Теперь же его разорение приведет к падению всех ключевых миров этого сектора. Теперь мятежники получат надежный оплот, и, чтобы выбить их оттуда, проливать кровь придется моим братьям! — Он показал пальцем на каждого из собравшихся. — Вот чего вы добились. И ваши усилия всегда приводят к подобным результатам.

Вальдор больше не мог молчать и

выступил вперед.

— На Дагонете произошла трагедия, и никто этого не отрицает, — заговорил он. — И Хорус снова избежал нашего возмездия, это верно. Но нельзя забывать о высшей цели, лорд Дорн. Келл и его группа предпочли позаботиться о сохранении жизни вашего отца, на время оставив преследование вашего заблудшего брата. Это ужасное создание — Копье — уничтожено, и тем самым устранена страшная угроза Императору. Я назвал бы это победой.

— Вот как? — Ярость Дорна настолько возросла, что вокруг него начал потрескивать воздух. — Я уверен, мой отец способен сам себя защитить! И о какой победе, в какой войне ты говоришь, капитан-генерал? — Взмахом руки он обвел комнату. — В войне, которая ведется из тайного укрытия, людьми в масках? Когда в жертву сомнительной тактике приносятся невинные жизни? В закулисных междоусобных конфликтах, питаемых секретами и ложью?

На мгновение Вальдору показалось,

что примарх Имперских Кулаков разобьет стол, чтобы добраться до него, но ярость Дорна улеглась, как приливная волна, уходящая обратно в океан. Впрочем, Вальдор отлично изучил примарха и знал, что свой гнев он обращает внутрь, чтобы превратить в холодную непоколебимую решимость.

— Эта война, — продолжал Дорн, искоса взглянув в сторону Малькадора, — ведется не ради материальных ценностей, миров или сердец людей. Мы сражаемся за идеалы. Под угрозой оказались наивысшие принципы Империума. Такие ценности, как достоинство, благородство, честь и верность. Как может понять значение этих слов убийца, закрывающий свое лицо?

Вальдор поймал на себе взгляд Малькадора, и его напряжение стало рассеиваться. Он сразу ощутил уверенность и твердо ответил на взгляд примарха Имперских Кулаков.

— Никто из сидящих в этой комнате не знаком с войной так близко, как вы, мой лорд, — заговорил он. — И вам, как никому другому, должно быть известно, что война

не может быть чистой и красивой. А войны, подобной этой, еще не было в истории человечества. Мы сражаемся ради будущего! Представьте себе, что могло произойти, если бы на Дагонете не было Келла и его группы? Если бы этот Копье присоединился к мятежникам?

— Он бы попытался довести свою миссию до конца, — вступил в разговор сир Кулексус. — Добраться до Терры, попасть в сферу действия могущества Императора и применить свой... талант убийцы.

— Ему бы никогда не удалось зайти так далеко! — заявил сир Ванус. — Мы бы наверняка обнаружили и уничтожили его. Сигиллит или сам Император обязательно ощутили бы приближение этого существа и сокрушили бы его!

— Ты в этом уверен? — не отступал Вальдор. — У Хоруса много союзников, и некоторые из них находятся ближе, чем нам хотелось бы в этом признаться. Если бы этот Копье смог попасть на Терру и нанести удар... даже не смертельный, а только ранить... — Он умолк, внезапно пораженный прочностью своих

собственных предположений. — Подобная психическая атака могла вызвать непредсказуемые последствия.

Дорн ничего не ответил. На краткий миг могло показаться, что перед мысленным взором примарха мелькают те же кошмары, что и в голове кустодия. Верховный повелитель, смертельно раненный опасным врагом, еще дышит, а Императорский Дворец вокруг него уже превращается в пылающий ад.

Вальдор снова решился заговорить:

— Ваш брат сокрушит нас, лорд Дорн. Он выиграет эту войну, если мы не будем отвечать ему ударом на каждый удар. Мы не можем, не должны пасовать перед сложным выбором и трудными решениями! Хорус Луперкаль не будет колебаться...

— Я не Хорус! — прорычал Дорн, и кустодий покачнулся, как от удара. — И я буду...

— Хватит.

Единственное слово, словно заключенная в кристалл молния, поражающая все вокруг, лишило их дара

речи своей непреодолимой и неизмеримой мощью.

Рогал Дорн повернулся на звук голоса, тогда как все — мужчины, женщины и Астартес, — собравшиеся в комнате, инстинктивно узнали говорившего и опустились на колени. Сигиллит задержался дольше других, но, окинув примарха Имперских Кулаков непроницаемым взглядом, тоже продемонстрировал свою преданность.

С губ Дорна сорвался вопрос:

— Отец?

Темнота, которая огромным занавесом скрывала дальний угол комнаты, стала рассеиваться, и когда неестественный сумрак растаял, стали отчетливо видны пол и стены. Странно, он смотрел прямо в эту точку, но ничего не видел. Этот угол был у всех на виду, и у него тоже, но даже он не заметил ничего странного.

А теперь из темноты появился свет. Величественная фигура без всяких усилий господствовала над всеми окружающими, а на патрицианском лице бушевала такая

тощная буря эмоций, что даже могучий примарх Имперских Кулаков на секунду затер.

Император Человечества не носил ни брони, ни украшений, а лишь простое одеяние из серой ткани, прошитой тонкими золотыми и алыми нитями шелка, но, несмотря на это, представлял собой царственное зрелище.

Возможно, он слышал их разговор от начала до конца, но казалось невероятным и противоестественным, что существо настолько великое и облеченное властью могло присутствовать в комнате среди людей, Астартес и величайшего псайкера и все-таки оставаться незамеченным.

Но перед ними предстал сам Император, и это был исчерпывающий ответ на все вопросы.

Отец шагнул ему навстречу, и Рогал Дорн опустил голову и наконец последовал примеру остальных, преклонив колени перед Повелителем Человечества.

Император не произнес ни слова. Он пересек Убежище и подошел к высокому окну, закрытому парусиновой портьерой,

словно бельмом. Резким движением могучей руки отец Дорна скомкал ткань в кулаке и рванул в сторону. Ткань сорвалась с карниза и упала на пол. А Император продолжал обход, сдергивая занавеси, пока комната не наполнилась золотистым сиянием гималайского рассвета.

Дорн осмелился поднять голову. Золотые лучи, словно обнимая, прильнули к его отцу. На мгновение свет показался ему сверкающей броней, но потом примарх моргнул, и видение рассеялось.

— Больше никаких теней, — заговорил Император. Его голос звучал мягко и доброжелательно. Проходя мимо Дорна, он положил руку ему на плечо, затем тем же жестом приветствовал Вальдора. — Никаких покровов.

Он жестом приказал всем подняться, и они повиновались, но рядом с могущественной фигурой все равно чувствовали себя стоящими на коленях. Аура Императора наполняла все пространство, господствуя над остальными ощущениями.

Дорн удостоился кивка, второй кивок

был предназначен Вальдору.

— Мой благородный сын. Мой верный защитник. Я слышал ваши слова и знаю, что вы оба были правы. Нельзя забывать о том, кто мы и к чему мы стремимся. Но нельзя забывать и о том, что нам противостоит могущественный враг и тьма бросила нам вызов.

В глубине глаз отца Дорн уловил чувство, непостижимое для всех остальных. Впечатление было столь мимолетным и неустойчивым, что он едва успел его отметить. Он увидел такую глубокую и неизбывную печаль, что сердце сжалось от сострадания, какое только сын может испытывать по отношению к отцу.

А Император, подняв руку, показал на заглядывающий в комнату рассвет.

— Пришло время вывести вас на свет. Официо Ассасинорум слишком долго был тоим секретным клинком, известной всем тайной, о которой никто не осмеливался говорить. Такое оружие, никому не подвластное, не может существовать вечно. Чтобы им управлять, его надо

видеть. Ни в одном нанесенном ударе, ни в одном принятом решении, ни в одном предпринятом действии не должно быть никаких сомнений... иначе мы ничего не добьемся. — Его взгляд остановился на Дорне, и Император слегка кивнул. — И в предстоящей войне я должен быть уверен в каждом оружии, которое имеется в арсенале Империума.

— Во имя тебя, отец, — кивнул в ответ примарх. — Во имя Императора.

Дагонет был почти мертв, а поверхность планеты превратилась в мозаику горящих городов, вспененных океанов и остекленевших пустынь. Но Сыны Хоруса все же проявили сдержанность: если бы они захотели, Дагонет могла постигнуть судьба многих других миров, не желавших принять власть Хоруса. Тогда залпы циклонических торпед ударили бы по ключевым точкам тектонического пояса и превратили бы планету в шар оплавленной земли.

Но Дагонету была уготована иная

судьба. Он еще пригодится Хорусу на его пути к победе.

Эреб поднялся на вал и заглянул в кратер, образовавшийся на месте столицы. Противоположный край гигантской чаши из мутного стекла и расплавленных скал скрывал ядовитый туман, но Несущий Слово видел достаточно, чтобы оценить общий масштаб. Со всех концов планеты сюда приходили транспортные суда, свозившие всех, кто остался в живых. Он смотрел, как низко пролетавшие «Грозовые птицы» открывали подфюзеляжные люки грузовых отсеков и сбрасывали людей, словно ненужный мусор, прямо в толпы уже собранных внизу обитателей планеты. Людей распределяли вдоль пересекающихся линий, перечеркивающих дно кратера. По всему многокилометровому периметру через равные промежутки стояли воины Астартес, и одно только их присутствие удерживало людей от попыток выбраться наверх и бежать. Тех, кто все же осмеливался на неповиновение, отбрасывали назад выстрелы из болтеров. Такая же участь постигала строптивцев,

выходящих за пределы начертанного в пыли восьмиугольника.

Из толпы пойманных людей — они даже не заслуживали названия пленников — доносились стоны и испуганные вздохи, которые овевали Несущего Слово ласковыми волнами. Было бы отлично остаться здесь и погрузиться в океан темных эмоций, переливающихся через край гигантской ямы, но ему еще предстояло кое-что сделать.

Он услышал, как кто-то ступает по обломкам, образующим край кратера, и обернулся навстречу приближавшемуся Астартес. Вокруг него при каждом шаге вверх поднимались тонкие струйки пара — перегретая земля все еще отдавала жар бомбардировки.

— Первый капеллан. — Деврам Корда старательно отсалютовал. — Ты хотел, чтобы я доложил тебе обо всем, что касается твоего... оперативника. Мы обнаружили интересующие тебя останки.

Эреб нахмурился:

— Копье?

Корда кивнул и что-то бросил ему.

Эреб поймал находку. На первый взгляд это был просто почерневший и обгоревший череп, но при более тщательном осмотре обнаружилась трещина, пересекающая челюстную кость, что указывало на воздействие иных сил, чем просто пламя. Он поднял череп и заглянул в черные глазные провалы. Вокруг них еще мерцали призраки энергии, и Эребу вдруг неожиданно представились крошечные осколки золотого листа, уносимые ветром в небытие.

— Рядом находились остальные фрагменты трупа, — заметил Корда. — В том же самом месте, в развалинах космопорта были найдены тела других людей. Вероятно, это агенты Императора.

Сопутствующие потери Эреба не интересовали, и он отмахнулся от дальнейших объяснений Корды.

— Пусть гниют. Неудачники мне не нужны.

И он бросил череп в пыль.

— Что это было, Несущий Слово? — Корда подошел ближе, и его тон стал

более настойчивым. — Что это за существо? Ты что-то затеял в этом захолустном мире и из-за этого был убит мой капитан?

— Я к этому не причастен, — ответил Эреб. — Ищи причины где-нибудь в другом месте. — Едва эти слова сорвались с его губ, что-то сдавило его грудь — всплыл давно похороненный вопрос. Эреб отмахнулся от него, не давая оформиться, и прищурил глаза на Корду. — Копье был оружием. Неудавшимся экспериментом, и ничего больше.

— Это пахнет колдовством, — проворчал Астартес.

Эреб холодно усмехнулся:

— Не забивай себе голову подобными вещами, брат-сержант. Это существо было одной из стрел моего колчана.

— Меня начинают тревожить твои игры и загадки, — сказал Корда. Он взмахнул рукой, обводя окрестности. — А какой цели служит все это?

Вопрос воина задел Несущего Слово, но он постарался не показать виду.

— Это часть нашего замысла, Корда.

Величайшего замысла. Мы продвигаемся шаг за шагом, наращиваем свою мощь и собираем силы для путешествия на Терру. Скоро... — Он посмотрел вверх. — Скоро звезды займут нужное положение.

— Прости его, брат-сержант, — раздался еще один голос, и из тумана вынырнула фигура воина в броне. — Подопечный моего брата Лоргара излишне многословен.

Хорус, сокрушая тяжелыми керамитовыми ботинками обломки скал, поднялся на гребень. Корда низко поклонился, и Эреб последовал его примеру. Позади Хоруса, негромко переговариваясь и не глядя на своего примарха, шли двое торнивальцев.

— Ты свободен, брат-сержант, — сказал Корде Хорус. — Мне необходимо услышать мнение первого капеллана об одном деле.

Корда снова отдал честь и на этот раз ударил себя кулаком по грудной броне от всей души. Эребу показалось, что в глазах воина мелькнул страх, заменивший обычное уважение к примарху. Возможно,

он опасался последствий в случае хоть малейшего неповиновения.

Корда торопливо зашагал прочь, а Эреб ощутил на себе пристальный, пронизывающий взгляд Воителя.

— Что от меня нужно? — спросил он самым легкомысленным тоном.

Взгляд Хоруса опустился к лежавшему в пыли обугленному черепу.

— В процессе этого конфликта ты больше не будешь применять подобную тактику.

Первым побуждением Несущего Слово было изобразить неведение, но он отказался от этой мысли, еще не успев открыть рот. Совершенно неожиданно он подумал о Люке Седирэ. Откровенный и прямой Седирэ, чьи возражения против приказов Воителя, хоть и были уже давно привычными, после возвращения с Исстваана стали более резкими и непримиримыми. Кое-кто говорил, что он займет вакантное место в Морнивале и что его критика необходима такому могущественному лидеру, как Хорус. В конце концов, какая еще причина могла

заставить Воителя удостоить Седирэ чести надеть его мантию?

Между ними возник непривычный холодок, и Эреб кивнул:

— Как прикажешь, мой лорд.

Возможно ли это? Мысли Несущего Слово лихорадочно заметались. Или Хорус Луперкаль заранее знал, что к нему подбираются тайные убийцы, подосланные Императором? Но для этого ему нужно было иметь глаза и уши на Терре... Эреб не сомневался, что союзники Воителя пробрались в самое сердце владений его отца, но в сам Императорский Дворец? Он страстно желал получить ответ на этот вопрос.

Хорус повернулся и направился обратно к склону, тогда Эреб набрал в грудь воздуха и снова заговорил:

— Могу я попросить объяснить этот приказ?

Воитель остановился и оглянулся через плечо. Его твердый и решительный ответ не допускал возражений.

— Ассасины — это оружие слабых, Эреб. Испуганных. Они не в состоянии

погасить конфликт, а лишь затягивают его. — Он помолчал, ненадолго погрузившись в размышления. — Эта война закончится только тогда, когда я взгляну в глаза своему отцу. И тогда он познает истину и поймет, что я прав. И после этого осознания мы воссоединимся.

Эреб ощутил вибрации темных сил.

— А если Император не поймет?

Взгляд Хоруса стал ледяным.

— Тогда я — я лично — убью его.

Примарх кивком подозвал сопровождающих его офицеров и пошел своим путем. По его команде ряды телта-бомб, заложенных под сотнями тысяч выживших людей, взорвались, и Эреб услышал вопли принесенных в жертву.

---

notes

Примечания

1

Нонн Панополитанский, также Нонн из Панополя, Нонн из Хмима (др. — греч. Νόννος, лат. Nonnus; V в. н. э.) — древнегреческий эпический поэт, выходец из египетского города Панополь.

2

Тромплей (фр. trompe-l'il, «обман зрения») — технический прием в искусстве, целью которого является создание оптической иллюзии того, что изображенный объект находится в трехмерном пространстве, в то время как в действительности нарисован в двухмерной плоскости.

Валетудинарий (ист., лат. valetudo, valetudinis — здоровье) — лечебное заведение в древнеримском государстве в I в. до н. э.

Мортиарий — морг.

Эрг — территория, покрытая песчаными дюнами.

Торк — кельтское ожерелье.

Тонфа — традиционное холодное оружие ударно-раздробляющего действия жителей острова Окинава. Тонфа — прообраз современной полицейской дубинки с поперечной рукоятью.

Animus (лат.) — дух, мысль, сознание; speculum (лат.) — зеркало.

Психон --- гипотетическая сверхлегкая частица, поглощаемая атомно-молекулярными структурами мозга, обеспечивая при этом непосредственное получение информации в мозг, минуя органы чувств.

Ultio (лат.) — мщение, кара.

Первые астероиды этого типа были обнаружены у Юпитера. Эти астероиды названы по именам персонажей Троянской войны, описанных в «Илиаде», и отличаются тем, что делят орбиту с другой планетой.

Большое красное пятно (БКП) — атмосферное образование на Юпитере, самая заметная деталь на диске планеты, наблюдаемая уже почти 350 лет.

Борстал — британская система наказания несовершеннолетних преступников.

Коан — явление, специфическое для дзен-буддизма (в особенности для школы Риндзай). Цель коана — придать определенный психологический импульс ученику для возможности достижения просветления или понимания сути учения.

Perditus (лат.) — безнадежный, погибший.

Мамбила или мамбилла — небольшая народность, распространенная в некоторых районах Нигерии и Камеруна.